

ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВ
ИМЕНИ СОТИМА УЛУГЗОДА

на правах рукописи

ТУРСУНОВ ФАЁЗДЖОН МЕЛИБОЕВИЧ

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ
ЛЕКСИКИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ И ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТАХ
(на материале английского и таджикского языков)**

10.02.20

Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук,
профессор Джабборова М.Т.

Душанбе – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОСТИ.....	15
1.1. О феномене переводимости/непереводимости в лингвистической теории перевода.....	16
1.2. Язык в контексте культуры, коммуникации и социальной жизни.....	37
1.3. Понятие эквивалентности в теории перевода.....	47
1.4. Лингвистическое обоснование природы безэквивалентной лексики, разряды безэквивалентной лексики.....	63
1.5. Реалии - специфическая составляющая безэквивалентной лексики.....	79
ГЛАВА II. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	97
2.1. Сопоставительная характеристика реалий в английском и таджикском языках.....	97
2.1.1. Сравнительно-типологический анализ этнографических слов-реалий.....	98
2.1.2. Общественно-политическая лексика с национально-культурным компонентом значения.....	125
2.1.3. Сопоставительная характеристика ономастических реалий.....	131
2.2. Сравнительный анализ терминов.....	133
2.3. Сравнительная характеристика семантических лакун.....	144
2.4. Безэквивалентные фразеологические единицы в сравниваемых языках.....	152
2.5. Структурные экзотизмы как разряд безэквивалентной лексики.....	157
2.6. Сокращения как разряд безэквивалентной лексики в рассматриваемых языках.....	161
2.7. Звукоподражательные слова как разряд безэквивалентной лексики в рассматриваемых языках.....	165

2.8. Междометия как разряд безэквивалентной лексики в рассматриваемых языках.....	168
2.9. Отражение безэквивалентной лексики в англо-таджикских двуязычных словарях.....	172
ГЛАВА III. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ И КРИТЕРИИ АДЕКВАТНОСТИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ (на материале художественной и публицистической литературы английского и таджикского языков с привлечением материалов русского языка).....	
3.1. Приёмы и методы, обеспечивающие адекватность и точность передачи безэквивалентной лексики.....	183
3.2. Значение и роль опосредованного перевода	193
3.3. Способы передачи реалий.....	198
3.4. Способы передачи имён собственных.....	210
3.5. Способы передачи обращений.....	220
3.6. Способы передачи сложных слов.....	227
3.7. Способы передачи фразеологических единиц.....	236
3.8. Способы передачи пословиц и поговорок.....	260
3.9. Способы передачи безэквивалентных грамматических единиц.....	272
3.10. Отражение таджикской безэквивалентной лексики в западных средствах массовой информации.....	284
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	291
Список сокращений и условных обозначений	303
Список литературы	304
Список источников практических примеров.....	330
Приложение 1. Примеры переводов английской безэквивалентной лексики на таджикский язык из двух вариантов переводов одного и того же художественного произведения.....	333
Приложение 2. Примеры переводов английской безэквивалентной лексики на таджикский язык с привлечением материалов русских переводов английских художественных произведений.....	350

ВВЕДЕНИЕ

Таджикский и английский языки, генетически имеющие родственные отношения, больше всего нуждаются в последовательном сопоставительном исследовании, так как это даёт возможность всесторонне проследить общность и различие этих языков в современном их состоянии. Более того, именно сейчас, когда Республика Таджикистан устанавливает прямые всесторонние связи с другими странами мира, в том числе англоговорящими, и нуждается в переводчиках разных языков, особенно английского языка, обращение особого внимания на специальные исследования в целях развития данной науки – требование времени. В аспекте сказанного вопрос о безэквивалентной лексике стоит особняком, ибо когда речь идёт об эквивалентных языковых единицах, сопоставительное изучение рассматриваемых языков и решение ряда переводческих задач происходит относительно гладко. Вместе с тем, основные трудности в данном направлении возникают именно в связи с “безэквивалентностью” отдельных языковых единиц английского и таджикского языков, специальному исследованию которых посвящается настоящая диссертационная работа. Уже существуют многочисленные примеры специального изучения данной проблематики в русском и зарубежном языкознании начиная с середины XX века, однако с точки зрения англо-таджикских межъязыковых отношений данный вопрос специальному исследованию ещё не подвергался.

Переводческий аспект на стыке исследований типологических особенностей языков является важным научным направлением и характеризуется повышенным интересом анализа и интерпретации лексических и грамматических единиц в целях выявления изоморфных и алломорфных черт в системе исследования сопоставляемых языков.

Исследования в области теории перевода и сопоставительного, типологического и сравнительно-исторического языкознания настолько взаимосвязаны, что без обращения к переводу трудно представить успешные

исследования в области типологии, компаративистики и сопоставительной лингвистики.

Уместно здесь также упомянуть, что перевод обоснованно может рассматриваться как прикладная лингвистическая дисциплина, связанная с выявлением проблем несоответствия между лексическими и грамматическими системами различных языков.

Проблема сопоставления языков на материалах переводческой литературы занимает центральное место в современной лингвистической науке, где сложным также представляется вопрос отражения языком своеобразных понятий в области культуры, быта и социальной среды отдельно взятого сообщества людей.

Следуя этим закономерностям, многие ученые-лингвисты и исследователи в области теории перевода и сопоставительного языкознания проводят свои исследования в рамках так называемого системного подхода, где рассматриваются данные вопросы как с учетом сопоставительного анализа, так и с учетом концепций и постулатов теории перевода.

Актуальность избранной темы состоит из следующих моментов:

1. Современные социально-экономические и политические условия обуславливают комплексное развитие всех аспектов таджикского языка в свете новых языковых связей. Исследование безэквивалентной лексики вообще – задача не новая, однако в предлагаемой диссертации впервые подвергается специальному изучению английская безэквивалентная лексика с позиции восприятия носителя таджикского языка.

2. В настоящее время степень активности языковых контактов английского и таджикского языков не вызывает сомнений. С появлением реальных возможностей для прямого социально-экономического, политического и культурно-образовательного взаимодействия Таджикистана с англоговорящим миром и с присутствием и функционированием множества международных политических, экономических и общественных институтов в республике данный вопрос приобретает особую актуальность.

3. Вопрос о реалиях, как особого разряда безэквивалентной лексики, является объектом исследования вот уже более полвека и всё ещё вызывает интерес в силу своей важности и актуальности.

4. Проблемы передачи безэквивалентной лексики не выходят из поля зрения языковедов современности. Развивая традиционные мнения о важности сохранения различных аспектов безэквивалентной лексики при переводе, каждый ученый указывает на аспекты, которые описывают данный процесс с какой-либо актуальной точки зрения.

5. Как лингвистическое явление, безэквивалентная лексика становится объектом исследования учёных разных областей науки о языке, и, несомненно, сохраняет свою актуальность. Это обусловлено появлением новых подходов к исследованию языковых единиц в связи с значимостью их прагматического значения, а также усилением интереса к лингвокультурологической проблематике, и, к изучению «человеческого компонента» в языке.

Так, современный подход к сопоставительному изучению и решению важнейших вопросов теории и практики перевода приобретает особую актуальность в современных условиях, когда носители английского и таджикского языков имеют возможность непосредственного общения в самых различных отраслях жизни и профессиональной деятельности.

Степень разработанности темы. Начиная с 50-х годов прошлого столетия вопросы безэквивалентной лексики рассматривались такими учёными, как Г.В. Шатков, А.В. Федоров, Г.В.Чернов, Л.Н.Соболев, Я.И. Рецкер, И.И. Ревзин, Г.Д. Томахин и другие. Проблемы истории переводоведения с учетом вопросов эквивалентности и безэквивалентности подробно подвергаются анализу и интерпретации в книге В. С. Виноградова «Введение в переводоведение» [49, с. 5], где он указывает на основные источники и научные труды ученых-лингвистов о переводе и теории перевода. Данная работа является в определенной степени обобщающим трудом всех проделанных в области перевода научных работ, а также различных источников, относящихся к данной

отрасли. Автор подвергает всестороннему анализу труды таких известных ученых, как Л.А. Черняховская, Т.В. Чернов, С.И. Влахов, С.П. Флорин, В.Н. Комиссаров, В.П. Рагойша, А. Попович, Р.К. Миньяр-Белоручев, Н. Любимов, А.В. Федоров, Л.Л. Нелюбин, Э.Д. Львовская, В.Н. Крупнов. На основании идей и концепций этих и других ученых в современной лингвистике, в принципе, определены основные атрибутивные особенности безэквивалентной лексики. Вопросами безэквивалентной лексики также непосредственно занимались Л.С. Бархударов, М.Г. Комлев, В.Г. Гак, Е. М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А.Е. Супрунов, В.П. Берков, Л.И. Зубкова, А.Д. Швейцер, Г. Туроверов, Л. И. Хайнце, А.О. Иванов, Т. Юдит, Г. Г. Панова, в трудах которых приведены ценные идеи как концептуального, так и фактологического характера.

В зарубежной научной литературе относительно теоретических проблем безэквивалентной лексики мы встречаем работы таких ученых, как Peter Newmark, Douglas Robinson, Mildred L. Larson, E. Nida и других.

В таджикском языкознании вопросами сопоставительных исследований занимались такие учёные, как И.Б. Мошеев, М.Б. Шахобова, М.Н. Абдуллоева, М.Т. Джабборова, П. Джамшедов, Х.Маджидов, Б. Камолиддинов и другие. Освещение теоретических вопросов безэквивалентной лексики, хотя и косвенно, мы наблюдаем в работе таких таджикских профессиональных учёных-переводчиков, как Э.Муллокандов, Х.Ахрори, Шокир Мухтор и другие. Вопросы русской безэквивалентной лексики рассматривались Ашмариной Л.В., Маджидовой Н.Х. и других в связи с сопоставительным изучением, а также и методикой преподавания русского языка в национальной аудитории. В последнее время выполнено немало исследовательских работ по сопоставительному изучению различных разделов английского и таджикского языков, однако в них вопросы сопоставительного изучения и перевода английской безэквивалентной лексики с позиции носителя таджикского языка специальным образом не рассматривались.

Цель настоящего диссертационного исследования заключается в проведении комплексного анализа английской безэквивалентной лексики в

сопоставлении с таджикским языком и эффективности способов её передачи в рамках рассматриваемых языков.

Поставленная цель обусловила решение следующих **задач**:

1) определить основные концепции исследований безэквивалентной лексики в современной лингвистике, выявить её главные особенности;

2) описать место и роль безэквивалентной лексики в английском языке с позиции носителя таджикского языка;

3) охарактеризовать тематические группы и разряды безэквивалентной лексики в английском и таджикском языках;

4) раскрыть природу языковых реалий как особого разряда безэквивалентной лексики;

5) проследить эффективность способов достижения адекватности при передаче английской безэквивалентной лексики на таджикский язык и обратно на материале художественного текста.

Научная новизна. В настоящей диссертационной работе впервые рассматриваются теоретические и практические вопросы английской безэквивалентной лексики с позиции восприятия таджикского читателя и слушателя. На основании проведенного сопоставительного анализа в ней также показаны на конкретных примерах пути правильной передачи английской безэквивалентной лексики на таджикский язык и обратно, выработаны единые научные критерии адекватного перевода.

В работе также уделяется особое внимание изучению английской безэквивалентной лексики в лингвокультурологическом аспекте; описывается культурный компонент значения английской безэквивалентной лексики по отношению к таджикскому языку; в сопоставительном плане выявляются и исследуются общее и частное в языковой картине мира народов, говорящих на рассматриваемых языках.

Впервые в таджикском языкознании объектом сопоставительного исследования и описания способов перевода становится столь богатая культурным и национально-специфическим содержанием английская безэквивалентная лексика,

объединяющая в себе широкий круг лексики особого пласта, требующего нестандартных подходов для осмысления и перевода на таджикский язык и выходящего за рамки традиционного описания различных его аспектов.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что она положит основу для дальнейшего развития сопоставительного изучения данной категории лексики в английском и таджикском языках. Результаты настоящей работы могут быть использованы при разработке частной теории перевода с английского языка на таджикский язык и обратно, а также в решении проблем переводческой эквивалентности, учитывая выявленные в ходе анализа расхождения в формальных и семантических системах сопоставляемых языков.

Практическая ценность работы заключается в том, что полученные результаты могут быть применены в практике преподавания английского языка, в которой проблема понимания и передачи безэквивалентной лексики – национально-культурных реалий, семантических лакун, структурных экзотизмов и других единиц данной категории - остаётся весьма сложной. Также представляется возможным использование собранного лингвистического материала при разработке и проведении лекционных и семинарских занятий по сопоставительному языкознанию и теории перевода. Собранный и проанализированный обширный практический материал может быть применен при выполнении устного и письменного переводов в рамках сопоставляемых языков и составлении учебных и страноведческих словарей.

Методологию и методов исследования диссертационной работы составляют исследования отечественных и зарубежных учёных-лингвистов, посвященных безэквивалентной лексике.

Решению поставленных в исследовании задач в наибольшей степени отвечают, как нам представляется, методы сопоставительного (контрастивного) языкознания. Среди них особое внимание уделяется методам наблюдения, сравнительно-сопоставительному анализу таджикского и английского языков в сфере проявления безэквивалентной лексики, её

структурному и функциональному анализу, семантической характеристике, приёмам субституции. Каждый из них привлекался, прежде всего, в рамках синхронного исследования. В необходимых случаях также использовался метод семного анализа, контекстологический анализ и элементы статистического анализа.

В работе были также применены приёмы лингвистического анализа предложений с целью наиболее полного раскрытия функционального аспекта безэквивалентной лексики английского для эффективного сравнения её с таджикским языком и выявления способов её адекватной передачи в рассматриваемых языках.

Теоретической базой настоящего исследования послужили работы зарубежных (Peter Newmark, Douglas Robinson, Mildred L. Larson, E. Nida) и отечественных лингвистов по безэквивалентной лексике (Г.В. Шатков, Г.В.Чернов, Л.Н.Соболев, Я.И. Рецкер, И.И. Ревзин, Г.Д. Томахин и другие), по лингвокультурологии (Е.М. Верещагин, В.Н. Костомаров, С.Г. Тер-Минасова и др.), по сопоставительному языкознанию (А.И. Смирницкий, В.Д. Аракин, В.Г. Гак, В.Н. Ярцева, И.Г. Кошева, В.Н. Комиссаров и др.), теории и практики перевода безэквивалентной лексики (А.В. Фёдоров, Р.К. Миньяр-Белоручев, С. Влахов и С. Флорин, А.О Иванов, А.К. Гатилова и др.), по таджикскому языку (И.Б. Мошеев, М.Б. Шаъובה, М.Н. Абдуллоева, М.Т. Джабборова, П. Джамшедов, Х.Маджидов, Б. Камолиддинов и др.).

Исследование видов безэквивалентной лексики в соответствии с классификацией, предложенной А.О. Ивановым, которая, на наш взгляд, считается на данный момент наиболее комплексной классификацией, куда справедливо и вполне обоснованно включены группы лексических единиц, ранее не охваченных в других классификациях. В ней, в частности, безэквивалентная лексика представлена в комплексных группах - референциально-безэквивалентная лексика (термины, авторские неологизмы, семантические лакуны, слова широкой семантики, сложные слова); прагматически-безэквивалентная лексика (сокращения, междометия, звукоподражания и др.) и альтернативно-

безэквивалентная лексика (имена собственные, обращения, реалии, фразеологизмы). Данная классификация использована в несколько адаптированной форме, исходя из особенностей практического материала нашего исследования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Безэквивалентная лексика как нестандартный феномен в межъязыковой коммуникации всё ещё сохраняет свою актуальность и требует к себе особого подхода в условиях новых развивающихся языковых контактов.

2. Безэквивалентная лексика – понятие условное и подразумевает отсутствие эквивалентов в традиционном нашем понимании, а для решения проблем перевода переводоведение располагает особыми способами её передачи на другой язык.

3. Классификация безэквивалентной лексики также носит условный характер и может быть уточнена при исследовании единиц конкретной пары языков.

4. Английский язык обладает широким кругом безэквивалентной лексики, который нуждается в последовательном, систематическом изучении с точки зрения сравнительного языкознания и теории и практики перевода.

5. Знание национально-культурного фона слова, в данном случае английского, способствует успешной реализации коммуникативной функции языка.

6. В современное время перевод направления английский-таджикский-английский представляет собой очень сложный процесс, в котором особое место уделяется переводу безэквивалентной лексики сопоставляемых языков.

7. На специальных факультетах высших учебных заведений Республики Таджикистан организована массовая подготовка переводчиков английского языка. В связи с этим возникает необходимость в укреплении теоретической базы подготовки специалистов в данной области.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования представлены в виде докладов на традиционных научных и научно-практических конференциях учёных Таджикского государственного

института языков имени Сотима Улугзода (2013 г., 2014 г., 2015 г.), г. Душанбе, Международной научно-практической конференции «Пространство русского языка в межкультурных связях России и Кыргызстана», 2014 г., г. Ош Кыргызской Республики. Опубликовано статей в периодических изданиях, в том числе 16 статей в ведущих журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ, одна монография, в которой излагаются важнейшие положения данной диссертационной работы. Всего по теме опубликовано 33 статьи, 5 учебно-методических пособий.

Объектом исследования диссертации является английская безэквивалентная лексика в сопоставительном её изучении с позиции носителя таджикского языка. Понятия эквивалентности/ безэквивалентности языковых единиц, переводимости/непереводимости, анализ тематических видов и разрядов, достижение адекватности при переводе безэквивалентной лексики составляют предмет исследования данной работы. Класс безэквивалентной лексики английского языка очень обширен и требует систематического подхода к решению задач, связанных с осмыслением и правильным использованием и переводом данного сложного пласта лексики.

Материал исследования. В качестве основных источников материала исследования выступают английские и таджикские толковые словари (печатные и электронные), словари-справочники, англо-таджикские и таджикско-английские двуязычные словари, произведения английских и таджикских писателей XX столетия, а также их переводы. Для наиболее полного описания особенностей передачи лексических и фразеологических единиц в рассматриваемых языках привлечены также материалы русских переводов отдельных художественных произведений, выбранных для анализа с учетом того факта, что перевод большинства английских и таджикских произведений осуществлен посредством русских их вариантов перевода. Для исследования различных аспектов безэквивалентной лексики в современном её состоянии широко использованы также материалы из англоязычных

средств массовой информации, в том числе The New York Times, The Washington Post, The Guardian другие.

Объём и структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы, списка источников практических примеров и двух приложений.

Во введении даётся обоснование актуальности выбранной темы, конкретизируются предмет, цель и задачи исследования, научная новизна, доказываемая теоретическая значимость и практическая ценность работы, представляются основные положения, выносимые на защиту, определяются материал и методы исследования.

В главе I «Теоретические аспекты языковой безэквивалентности» приводится обзор теоретических материалов о феномене переводимости и непереводимости в лингвистике, о культурном компоненте безэквивалентной лексики, о безэквивалентности в теории перевода и о реалиях.

В главе II «Сопоставительный анализ безэквивалентной лексики в английском и таджикском лингвокультурном пространстве» проводится анализ реалий, терминов, семантических лакун, фразеологических единиц, структурных экзотизмов, сокращений, звукоподражательных слов и междометий в английском и таджикском языках. Здесь также охарактеризованы способы отражения английской безэквивалентной лексики в словарях.

В главе III «Функциональный аспект и критерии адекватности при передаче безэквивалентной лексики (на материале художественной и публицистической литературы английского и таджикского языков с привлечением материалов русского языка)» речь идёт о приёмах и методах достижения адекватности при переводе безэквивалентной лексики, об особенностях опосредованного перевода, о переводе реалий, имён собственных, обращений, сложных слов, фразеологических единиц, пословиц и поговорок и безэквивалентных грамматических единиц, а также об отражении таджикской безэквивалентной лексики в западных средствах массовой информации.

В заключении приводятся логические выводы, полученные в ходе работы над темой и определяются задачи на исследования в будущем.

В Приложении 1 даются примеры переводов английской безэквивалентной лексики на таджикский язык из двух вариантов переводов одного и того же художественного произведения.

В приложении 2 даются примеры переводов английской безэквивалентной лексики на таджикский язык с привлечением материалов русских переводов английских художественных произведений.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

В теории коммуникации и истории социальных взаимоотношений человеческий язык всегда остается ведущим и главным средством трансформации и сохранения информации, а также основным способом коммуникативных процессов. Человеческий язык также является средством образования новых сообщений, новой информации, которые могут трансформироваться, опять-таки, посредством этого же языка. Следовательно, разнообразие языка, как национальных языков, так и языков разных народов, также можно считать несравнимой возможностью человеческого языка. Таким образом, преобразование определенного объема сообщений, которое происходит посредством перевода с одного языка на другой, является особым атрибутом нашего языка. В данной главе диссертационного исследования была предпринята попытка охарактеризовать особенности и проблемы перевода с одного языка на другой, а также рассмотреть отдельную группу вопросов, касающихся аспектов переводимости и непереводимости определенных культурных атрибутов и социальных реалий, которые мы объединяем под общим названием - безэквивалентная лексика.

В языковой теории человеческий язык, и особенно человеческая речь, рассматривается как особый социальный навык и социальный феномен, как социальная коммуникативная универсалия, сущность которой весьма тонко отметил известный мыслитель Средневековья Носир Хусрав. По его словам, «когда мы видим ребенка, сразу осознаем, что он есть существо говорящее, независимо от того, на каком языке он умеет говорить – на персидском, на арабском или на греческом» [286, с. 136-137]. Вместе с тем, каждый отдельно взятый язык, наряду с тем, что представляет некую социальную универсальность, в себе еще содержит неповторимые культурные особенности и социальные реалии своих носителей, которые при передаче с одного языка на другой непременно требуют особого профессионального подхода. Такие вопросы в

течение длительного времени остаются актуальными, как в теории перевода, так и в типологическом, сравнительно-историческом и сопоставительном языкознании.

Определенные нормы и ценности отдельно взятой национальной общности, которые отсутствуют или существенно отличаются в другой культурной среде или национальной общности, относятся к национальному, так называемому социокультурному лексическому фону отдельного народа и находят свое отражение в их языке. Следовательно, представляется весьма важным и необходимым условием изучение лексики отдельного народа в целях всестороннего, глубокого и более полного понимания и освоения оригинала языкового материала, так как при отсутствии такого подхода, воспроизведение содержания культурных ценностей, социальных норм другого народа посредством перевода становится невозможным и неадекватным.

Лексика как отдельная и значительная система в любом языке образует такую среду, что каждому слову и соответственно каждому понятию отводится определенное место, которое очерчено определенными отношениями к другим словам и понятиям данного языка. Поэтому характер очертания конкретных частей реального мира, их классификации и передачи в другом языке полностью зависит от того, имеются ли в той языковой и лингвокультурной среде соответствующее понятие и, соответственно, в том языке соответствующие наименования и лексические единицы.

В данной главе в отдельности рассматриваются теоретические особенности переводимости и непереводимости языкового материала, подвергается анализу современная теоретическая база по вопросам безэквивалентной лексики, а также языковых реалий как специфической составляющей безэквивалентной лексики.

1.1. О феномене переводимости/непереводимости в лингвистической теории перевода

В настоящее время трудно представить человеческое общество без взаимоотношений социально-экономического, политического и культурного характера и соответственно представляется нелогичным в этом ракурсе

игнорировать роль человеческого языка. В процессе таких взаимоотношений, несомненно, велика функция языка в качестве средства передачи, сохранения и приема информации, и в определенном плане язык выступает в роли основного моста подобных взаимоотношений. Невозможно представить язык, который когда-либо не выступал бы в роли средства трансформации сообщений из другого языка, в результате чего происходит взаимовлияние и взаимообогащение этих же языков. Исходя из этого, можно прийти к выводу, что нет монолитных языков, которые рано или поздно обречены на изоляцию и постепенное исчезновение, а в каждом языке можно проследить влияние другого языка.

Следует здесь особо отметить, что на современном этапе развития лингвистической науки переводческий аспект на стыке исследований типологических особенностей языков является важным научным направлением и характеризуется повышенным интересом анализа и интерпретации лексических и грамматических единиц в целях выявления изоморфных и алломорфных черт в системе исследования сопоставляемых языков.

Исследования в области теории перевода и сопоставительного, типологического и сравнительно-исторического языкознания настолько взаимосвязаны, что без обращения к переводу трудно представить успешные исследования в области типологии, компаративистики и сопоставительной лингвистики. Говоря о сущности сопоставительных исследований в современной лингвистике, английские ученые отмечают, что «прежде всего необходимо установить, что некоторые явления двух или более языков эквивалентны по значению и таким образом проще переводят друг друга. Только после определения таких особенностей мы устанавливаем их сходство и различия» [236, с. 7].

Использование успешного опыта качественного перевода как эталон и показатель результатов сопоставительных исследований можно обнаружить во многих исследованиях в области сопоставительного, типологического и сравнительно-исторического языкознания. По мнению Ю.Н. Пинягина, «некоторые из исследователей, отрицая необходимость перевода при

межъязыковых сопоставлениях, тем не менее, вынуждены обращаться к нему на определенных этапах исследования» [141, с. 6].

Многие ученые-лингвисты и исследователи в области теории перевода и сопоставительного языкознания проводят свои исследования в рамках так называемого системного подхода, где рассматриваются данные вопросы как с учетом сопоставительного, так и с учетом концепций и постулатов теории перевода. Эффективность данного подхода заключается в том, что переводческие аспекты сопоставительного изучения языковых единиц на материале разных языков способствуют решению основных проблем сопоставительного исследования в определении случаев алломорфизма и изоморфизма как в лексике, так и в грамматике. Следовательно, «на определенном этапе сопоставительное исследование не может обойтись без данных перевода, потому что наличие соответствий в парах языковых систем еще не означает, что при функционировании в тексте эти соответствия сохраняются, поскольку материал в статике имеет несколько иные свойства, чем в динамике» [Там же].

Анализ и исследование вопросов переводимости и непереводимости выявляют определенные стороны языкового материала, к которым можно отнести индивидуальность текста и эквивалентность переводимого текста. При переводе эквивалентность учитывает не только семантику текста, но и прагматические особенности данного языкового материала. Эквивалентность при переводе следует понимать, как соотношение между структурно-содержательными и коннотативными средствами оригинала и перевода» [118, с. 20].

Поэтому вопросы переводимости и непереводимости охватывают более широкий круг теории перевода. Проблемы эквивалентности и безэквивалентности также представляют очень важную сторону такого дихотомного вопроса как переводимость и непереводимость. Иногда слово при переводе имеет свой эквивалент в переводимом языке, но временами переводчик предпочитает оставить данное слово в своем первом оригинальном варианте. Например, в современном таджикском литературном языке слово «лупа» является заимствованным словом. Оно, употребляясь в своей оригинальной форме, давно

уже адаптировалось, хотя в таджикском языке мы можем обнаружить классический эквивалент данного термина «оинаи жарфбин», который вполне может заменить его. Данный термин-словосочетание встречается в трудах многих ученых раннего средневековья, в том числе в трактате известного лингвиста, поэта и философа Носира Хусрава [286, с. 135-138]. Здесь возникает вопрос о продуктивности и непродуктивности, а также адаптированности и апробированности данного слова в современном литературном языке. С другой стороны, вопросы продуктивного применения определенной лексической единицы рассматриваются также и с других точек зрения, таких как история литературного языка, лексикология, морфология и т.д..

В этом плане, несомненно, проблемы переводимости и непереводимости представляют феноменологические особенности самого процесса перевода и переводческой деятельности. Здесь необходимо отметить, что любая языковая единица, обозначающая понятия и явления реального, и для всех людей общего мира переводима с одного языка на другой. Но основной вопрос заключается в том, как перевести и как передать на другой язык, как трансформировать данное языковое означаемое с учетом всех или почти всех лексико-семантических, стилистико-содержательных и в целом языково-понятийных особенностей. При этом в процессе перевода зачастую можно проследить ряд субъективных факторов, когда в содержании текста посредством лексико-семантических и стилистических средств проявляются особенности миропознания и мироощущения самого переводчика. В таких случаях при необходимости можно определить степень осведомленности переводчика о культуре, социальных, моральных и духовных нормах и ценностях той среды, в которой сотворен оригинальный переводимый источник.

Общеизвестно, что основная цель перевода заключается в передаче национального колорита переводимого текста, а именно в «передаче национального своеобразия подлинника, его особой окраски, связанной с национальной средой, где он создан, что относится к числу тех основных проблем

теории перевода, от которых зависит и ответ на вопрос о переводимости» [199, с. 152].

Переводчику необходимо соблюдать именно принципы и правила адекватной передачи национального колорита, так как в противном случае перевод может превратиться в нечто такое, чуть ли не собственное описание переводчика о какой-то общей или неопределенной среде. В связи с этим, стоит вспомнить то, что об этом говорят известные теоретики и практики в области перевода С. Влахов и С.Флорин: «Предположим, переводчик, работая над произведением из индийской жизни, решает пользоваться исключительно средствами своего языка, не допуская в текст иноязычных реалий, и педантично заменяет пагоду "храмом", сари – «платьем» или «национальным костюмом», дхоби – «мужчиной-прачкой» и т.д. в том же духе. В результате такого вытравливания национальной окраски из произведения исчезнет то, что специфично для Индии: местом действия можно будет считать любую, а по существу никакую - аморфную, бесцветную, безымянную страну. Такой «метод» приводит к утрате колорита, о которой уже неоднократно говорилось и которая серьезно портит любой перевод» [52, с. 116].

Именно поэтому при переводе текста с другого языка особо важным требованием является, прежде всего, правильная и адекватная передача основного содержания и значения текста оригинала и в этом плане при необходимости можно изменить структуру или объем переводимого материала. Таким образом, главной целью при переводе является не передача или трансформация формы или структуры, а передача концепции, значения и коммуникативной цели. В переводческих текстах часто можно наблюдать такие погрешности, когда переводчик пытается передавать содержание текста с одного языка на другой на основании своих субъективных взглядов и возможностей миропознания. В таком случае возникают некие разновидности искажений переводимого содержания, которые принято называть аналоцизмами и анахронизмами. Говоря о таких явлениях, необходимо отметить, что речь идет об искажении образов подлинника в результате замены национальных и исторических реалий не свойственными ему

реалиями, иными словами - о введении в текст перевода аналоцизмов и анахронизмов реалий, не совместимых с местной и временной обстановкой оригинального произведения. Данному вопросу в переводческой практике обсуждается весьма активно, так как подобное явление считается достаточно типичным для переводов художественной литературы, которое не соответствует усилиям теоретиков. Суть проблемы заключается в том, что иногда переводчик при переводе текста с индийского языка пытается использовать средства своего языка и старается не допускать в текст перевода иноязычные реалии и заменяет, например, индийское слово «сари» на платье или «национальный костюм», а «дхоби» на «мужчину-прачку». В результате такой контаминации национального колорита из текста стирается то, что специфично для Индии, а вместо того образуется по существу аморфная, бесцветная и безымянная среда. Подобный подход, несомненно, приводит к утрате национального колорита, а такой перевод можно считать неадекватным.

В этом плане также учитываются ошибки с точки зрения временной и пространственной зависимостей. Эти причины связаны, скорее всего, с некоторыми факторами как лингвистического, так и экстралингвистического характера, и основной фактор появления таких погрешностей, по мнению С. Влахова и С.Флорина, заключается, прежде всего, в навыках, опыте и уровне миропознания переводчика. Далее ученые утверждают, что «причины этих погрешностей против национального и исторического колорита связаны с личностью переводчика (или автора также) – недостаточной его сосредоточенностью, незнанием реальных фактов» [Там же, с. 123]. Тем не менее, следует помнить и о типологических особенностях как исходного языка, так и языка, на который переводится текст или какая-либо другая информационная единица. В последние годы со стороны ученых проводятся специальные научные исследования в области типологического, сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания, направленные на решение вопросов теории перевода, и к числу таких новых исследований можно отнести диссертационное исследование А.Л. Семенова, в которой автор рассматривает актуальные

проблемы теории перевода посредством сопоставительного анализа и с применением методов контрастивной лингвистики, и можно сказать, что данная работа представляет новый методологический подход в решении проблем теории перевода [165].

В самом процессе перевода многие проблемы связаны с его основной целью, и часто ставится вопрос, для чего нужен перевод, в каких целях и почему нужно переводить? Ответ однозначен и заключается он в необходимости взаимосвязи и взаимопроникновения культур, взаимоотношений народов и сообществ, в интересе к познанию общечеловеческих ценностей как морального, так и материального характера. Без этого невозможно представить человеческое общество, и все это превратилось в традицию из самых древних времен. Конечно, если цель заключается в извлечении относительно ограниченной информации в определенных целях рабочего и процедурного характера, то можно перевести основное содержание текста или часть текста в соответствии с этими же ограниченными целями. Но когда переводной текст будет представлен широкому кругу читателей, здесь возникает необходимость полноценного перевода с учетом всех языковых и социально-культурных особенностей того языка, с которого переводится текст. Перевод, несомненно, является важным средством межкультурной коммуникации и без этого невозможно общение между людьми разных сообществ и стран. С другой стороны, изучение истории народов также требует необходимого переосмысления устаревшей информации или текста, принадлежащего к вымершим языкам посредством перевода, иначе трудно представить полноценное историческое познание, как в пространственном, так и во временном плане.

О проблемах переводимости и непереводимости при переводе текста с одного языка на другой представлен достаточно большой объем материалов научно-теоретического характера в форме научных статей, монографий, руководств и пособий. Вместе с тем, не всегда удаётся полноценно рассмотреть отдельно взятые вопросы перевода в свете переводимости и непереводимости. Как уже доказано, перевод, прежде всего, есть трансформация сообщения с

одного языка на другой и в этом случае важную роль играют вопросы эквивалентности, о которых очень известный лингвист в области теории перевода А.О. Иванов говорит следующее: «Если выделить самую важную проблему теории перевода, то такой можно, назвать проблему эквивалентности. Она занимает центральное место во всей проблематике перевода» [75, с. 5]. Таким образом, можно полагать, что степень переводимости и непереводимости определяется именно степенью эквивалентности и безэквивалентности, соответственно элементы эквивалентности и безэквивалентности тесно связаны с вопросами переводимости и непереводимости, и именно эквивалентность определяет степень переводимости и доступности переведенного текста на другой язык.

С другой стороны, решение вопросов и проблем переводимости тесно связано и сильно переплетено с вопросами понятийных категорий и их языкового обозначения. Данная проблема в современной науке решается на стыке теоретического языкознания, логики и философии, так как охватывает вопросы антологии языка и когнитивные аспекты философии, а также понятийные сферы логики.

Современная наука утверждает, что понятийные категории являются понятиями универсального характера, однако их обозначение и реализация посредством различных языков тесно связаны с возможностями и функциональными аспектами отдельного языка. Здесь следует отметить тот факт, что переводу может и подвергаться, и поддаваться любое языковое обозначение с любого языка на любой язык. «Поэтому естественно предположить, что две системы – логика и язык – не только имеют точки пересечения, но и в определенной мере взаимозависимы в плане определения категориальных соответствий. Соответствия эти, однако, не должны пониматься прямолинейно. Основные единицы языка – слово и предложение не прямо эквивалентны единицам логики. Организация и функционирования этих единиц предполагает сложный механизм взаимодействия разноплановых категорий, иерархию которых еще надлежит выявить» [194, с. 6]. В принципе, все понятийные категории

существовали и в доязыковом периоде в виде представлений эмпирического характера, которых в современной науке можно рассмотреть как общепhilософские категории пространства и времени, непрерывности и дискретности, как логические категории причины, следствия, необходимости, случайности, как гносеологические категории содержания и формы, сущности и явления, а также как аксеологические категории добра и зла.

По ходу становления и развития человеческого языка данные понятия были отражены в его языке посредством человеческого сознания. Обоснованно отмечая это, О.В. Турова считает, что «в результате язык как определенным образом организованная система обладает неоднотипными категориями. Одни из них могут быть формально фиксированными, т.е. иметь строго закрепленные за ним маркеры. По сути – это любая морфологическая категория: числа, времени, степени сравнения, и т.д.» [Там же, с.107].

Таким образом, универсальность мыслительных и познавательных категорий указывает на тот факт, что в человеческом языке всегда можно находить возможности перевода и трансформации сообщения с одного языка на другой. Следует отметить, что о проблемах осуществления полноценного перевода еще отмечали известные представители эпохи Ренессанса. Так, испанский писатель М. де Сервантес в своем произведении «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» пишет: «Однако ж со всем тем я держусь того мнения, что перевод с одного языка на другой, если только это не перевод с языка греческого или же с латинского, каковые суть цари всех языков, – это все равно что фламандский ковер с изнанки: фигуры, правда, видны, но обилие нитей делает их менее явственными, и нет той гладкости, и нет тех красок, которыми мы любуемся на лицевой стороне, да и потом, чтобы переводить с языков легких, не надобно ни выдумки, ни красот слога, как не нужны они ни переписчику, ни копиисту. Я не хочу этим сказать, что заниматься переводами непохвально; есть занятия куда ниже этого, и, однако ж, мы ими не гнушаемся, хоть и приносят они нам гораздо меньше пользы» [168, с. 135].

В последующие века с развитием переводческой деятельности некоторые учёные также считали, что невозможно осуществить полноценный и вполне соответствующий перевод, и, следовательно, перевод в лингвистике представляет собой некую неразрешимую задачу. Известный языковед Вильгельм фон Гумбольдт в своем письме Августу Шлегелю пишет следующее: «Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только труднодостижимо, но и просто невозможно» [224, с. 400].

Такое принципиальное утверждение опирается на философский постулат ученого, согласно которому каждый национальный язык может выразить «дух» своего собственного народа, и поэтому этот «дух» несводим к какому-либо другому народу и другому языку. Таким образом, каждая личность и каждый индивид со своим языком содержит в себя неповторимую и уникальную «картину мира», которая определяет возможности мировосприятия и миропознания говорящих на этом же языке. Данный постулат в последующие годы развивается в так называемой теории «принципа лингвистического релятивизма» Сэпира-Уорфа [263, с. 213], который в своей концепции отождествляет язык и мышление. В соответствии с данной концепцией, особенности языка определяют особенности мышления говорящих на данном языке людей, а в итоге содержание речи как продукт мышления на одном языке не может быть передано равнозначно средствами другого языка. Ф.М. Березин дает следующую интерпретацию данной концепции, согласно которой в языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого. Язык в его многообразнейших применениях можно понять только тогда, когда будут рассмотрены «различия в организме», его отношения, ибо в отношениях понятий, составляющих язык, и проявляется весь его гений. Под организмом Гумбольдт, например, понимает язык как целостность, как систему, как организацию [31, с. 50].

Таким образом, представленное выше воззрение указывает на концепцию непереводаемости с одного языка на другой.

С другой стороны, группа известных ученых-философов эпохи просвещения, такие как Рене Декарт, Лейбниц и т.п., сопоставляя язык и культуру, представляют свои принципы абсолютной переводаемости. По их мнению, все языки являются вариацией некоего общего универсального языка (*lingua universalis*) [65, с. 45; 113, с. 91; 179, с. 9-11], и для того чтобы перевести с одного языка на другой, важна общность понятий и умозаключений.

Основанием такой концепции переводаемости является тот факт, что для всех говорящих на разных языках народов реальная действительность общая и единая. Поэтому действительная реальность в разных языках отражается с определенными изменениями, иногда даже некоторые явления абсолютно одинаковы или близки. Следовательно, любое описание реальности на том или ином языке можно перефразировать и трансформировать средствами другого языка.

Современные ученые-лингвисты считают, что как принцип полной непереводаемости, так и принцип полной переводаемости ускользают за рамки реальной оценки «взаимопереводаемости» или «относительной переводаемости» языков, так как в обеих концепциях можно проследить отсутствие определенной гибкости и динамичности. Следует отметить, что каждый язык является своеобразным, гибким, неповторимым средством и понятием с особенностями постепенного развития и изменения, и наряду с этим развивается и изменяется каждая культура. Динамично развивается и социальная жизнь, меняется склад ума и мышление, что, несомненно, отражается на языке и культуре. Помимо этого, в современном мире многие социальные явления происходят под влиянием глобальных процессов, что и создаёт условия взаимовлияния и взаимопроникновения культур и общественных норм и ценностей. Следовательно, увеличение и развитие контактов между разными народами, несомненно, способствует всестороннему познанию друг друга разными

народами, и, в свою очередь, все это способствует «выравниванию» менталитета людей разных национальностей.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что переводимость является важным фактором взаимообогащения языков и обогащения разных культур. В настоящее время, как показывает опыт, переводимость представляет процесс относительной трансформации языкового материала с одного языка на другой. Несмотря на то, что многие другие понятийные категории в логике, философии и других науках были разработаны именно на основе концепций и материалов человеческого языка, тем не менее в настоящее время все эти научные направления развиваются по своему отдельно взятому курсу. В противном случае данные научные направления могут иметь вид изоморфности, как об этом еще давно писал Фердинанд де Соссюр, «в психологическом отношении наше мышление, если отвлечься от выражения его словами, представляет собою аморфную, нерасчлененную массу. Философы и лингвисты всегда сходились в том, что без помощи знаков мы не могли бы с достаточной ясностью и постоянством отличать одно понятие от другого. Взятое само по себе мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено. Предустановленных понятий нет, равным образом как нет никаких различий до появления языка» [178, с. 144].

По поводу важности языковых концепций и языковых материалов и в целом о значимости языка в становлении и развитии научных категорий и различного рода таксономий, а также фактов и концепций в трудах многих ученых-лингвистов содержатся немало ценных идей. «Важно лишь иметь в виду, что логические и языковые категории, претерпевшие определенные изменения с момента их разграничения (каждая теория развивается своим путем), не однозначны, что система логики и языка не изоморфны и однопорядковым категориям логики могут соответствовать разнопорядковые категории языка, причем их поуровневая отнесенность зависит от типологической специфики языка. Например, логическая категория определенности соотносима с концептуальным уровнем в русском языке (есть понятие, но нет формализованной

морфологической категории) и с формальным уровнем в английском, немецком, французском. Понятийные категории представляются универсальными сущностями» [194, с. 110].

Поэтому при переводе языкового материала наряду с тем, что мы изучаем, распознаем, постигаем культуру, быт и уклад социальной жизни отдельного народа, очень важно и необходимо учитывать особенности типологического строя языка. Относительно данной проблематики уместно отмечает Н.А. Кобрин, которая считает, что: «несмотря на четкую референтную отнесенность, соотношение языковых форм и понятийных категорий далеко не однозначно. Точнее эта соотнесенность очень сильно зависит от типа языка. В языках синтетических понятийная категория и форма выражения часто соотнесены по типу закрепления: одно понятие – одна или несколько форм. Особенно это четко в системе классов слов – слова данного класса имеют четкие признаки их принадлежности к нему. В языках изолирующего типа соотношение иное: несколько понятий – одна языковая форма (так называемая полистатутность)» [82, с. 43].

Современные процессы глобализации, взаимоотношения представителей различных культур и цивилизаций, взаимоотношения представителей разных языков как необходимая закономерность создают такие условия, которые способствуют взаимовлиянию языков и культур. В настоящее время, общаясь даже в среде своего родного языка, мы не можем обходиться без применения терминов и лексики, заимствованных из других языков. Кроме того, определенная категория заимствованной лексики и терминов представляет собой динамичный пласт всеобщей лексики. Развитие такого рода языковых явлений способствует процессу соответствующего и рационального перевода и надлежащей переводимости.

Проникновение слов из одного языка в другой, безусловно, можно рассматривать как потребность народа в назывании вещей, предметов, различных объектов и явлений, существовавших у других народов. Данный способ заимствования слов и понятий с одного языка на другой поможет лучше понимать

и воспроизводить понятия, значения духовного и материального богатства одного народа другим. Проникновение языковых единиц, особенно лексических, из одного языка в другой всегда вызывает в последнем появление различных языковых отношений, а иногда новых правил и закономерностей, которые, в свою очередь, становятся причиной различных трансформаций в языке и его развития. Наряду с этим, заимствованные реалии и безэквивалентная лексика из другого языка постепенно начинают соответствовать фонетическим законам того языка, который принимает эти лексические единицы.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что «теорию непереводаемости опровергла живая переводческая практика, превосходные работы плеяды талантливых переводчиков, и доказывать ее несостоятельность значило бы ломиться в открытую дверь» [52, с. 3].

В своем диссертационном исследовании Азар Джахангири, рассматривая вопросы лингвокультурологических основ безэквивалентной лексики русского языка в сопоставлении с персидским языком отмечает, что «язык воспринимается нами как часть духовной культуры, элемент национальной культуры. Эти две стороны, неразрывно связанные друг с другом, немислимы друг без друга, так как всё, что создано человеком, может быть обозначено языком, продукты же культуры появляются лишь благодаря способности человека использовать язык во всех его функциях. Следовательно, язык и культуру обязательно надо рассматривать в тесной связи с человеком и его деятельностью в реальном мире. В основе взаимоотношения людей разных культур как раз и лежат национальный язык и культура. Учитывая прагматичную направленность, свойственную в настоящее время всем гуманитарным наукам, философы и лингвисты предлагают несколько моделей человека-идеала, такие как «Homo sapiens» - человек грамотный, современный и «Homo agens» - человек деятельный. Мы считаем, что при рассмотрении соотношения языка и культуры модели «человека грамотного» и «человека деятельного» в качестве идеала недостаточны, так как они не гарантируют главного - нравственного отношения к миру. А «Homo moralis» - человек моральный, духовный, человек с совестью, который различает добро и

зло, и формирует для себя нравственные предписания восполняет эту недостаточность» [67, с. 36]. Таким образом, вопрос человека-идеала рассматривается в неразрывной связи с культурой в качестве индивидуально освоенных духовных ценностей.

Необходимо отметить, что до настоящего времени не решены все вопросы переводимости и непереводимости, которые еще глубже проникают во все слои языковой конструкции. Проблемы непереводимости можно особенно проследить на уровне лексики, когда определенная лексическая единица обозначает конкретное понятие или атрибут конкретной языковой и культурной среды, но когда интерпретация данного безэквивалентного слова поднимается на уровень словосочетания или иногда до уровня предложения и текста, то все слова данной категории подвергаются переводу и трансформации с одного языка на другой. Н.А. Иванова об этом пишет так: «Поскольку перевод осуществляется не на уровне отдельных единиц, а на уровне текста, передача релевантных для данного контекста компонентов значения безэквивалентных лексических единиц исходного языка остается возможной хотя, вероятно, не всегда в полном объеме» [76, с. 51].

Поскольку проблема переводимости и непереводимости тесно связана с такими языковыми явлениями и понятиями, как эквивалентность, безэквивалентность и языковые реалии, то следует отметить, что именно эти языковые явления считаются важнейшими элементами и условиями данной проблемы. В связи с этим известный ученый-теоретик в области перевода, один из первооткрывателей данной науки А.Ф. Титлер еще в 1790 году, выделяя три главных принципа перевода и переводческой деятельности говорил следующее: «The 3 general rules of Translation: 1. That the translation should give a complete transcript of the ideas of the original work. 2. That the style and manner of writing should be of the same character with that of the original. 3. That the translation should have all the ease of original composition» [261, с. 16]. Таким образом, ученый конкретизирует основные принципы перевода следующими пунктами: 1. Перевод должен полностью передавать все идеи оригинала. 2. Манера и стиль изложения

перевода должны соответствовать тексту оригинала. 3. Чтение переведенного текста должно быть таким легким, как и чтение оригинала.

Если остановиться на проблеме перевода, исходя из становления и развития данного научного направления, которое в итоге стало основой и для типологических исследований в современной лингвистической науке, то можно сказать, что переводом, естественно, люди занимались с самых древнейших времен, начиная с того времени, когда человечество создало письмо. На основе исторических документов можно сделать такой вывод, что еще в период Сасанидских правителей наши предки занимались переводом источников из различных языков в Гундишапурской Академии, объединившей философов, языковедов, переводчиков из разных стран и владений Сасанидской империи. Переводились книги как научного, философского, так и художественного содержания, были составлены словари и даже новый алфавит для сбора и записи авестийских текстов, которые сохранялись в устах дастуров и жрецов зороастрийской религии.

Согдийский язык, будучи языком международного общения на обширной территории, охватывающей современную Центральную Азию, Китай и Монголию, оставил ценные источники переводной литературы как на согдийский, так и из согдийского на другие языки. Примерами этого могут служить согдийские буддийские, согдийские манихейские, согдийские несторианские тексты.

В последующие века на персидский язык также было переведено множество книг и источников из разных языков. Наиболее значимым доказательством подобного подхода можно назвать перевод священного Корана на персидский язык, экземпляр которого в настоящее время хранится в Иране. В последнее время ученые принялись за исследование данного переводного текста. Таким образом, «сегодня в наследство мы имеем язык, на который с начала зарождения Ислама переведены тексты и толкования священной книги «Коран». Эти переводы и толкования считаются наилучшими образцами стилистики нашего языка. Даже самый древнейший перевод Корана осуществлен по рукописи,

известной под названием Курьони Кудс, и написанной в VIII-веке на одном из диалектов таджикского языка. Позднее, одно из первых толкований священного Корана - «Тафсири Табари» также переведено на таджикский язык. Эти аргументы и сотни других являются свидетельством места и статуса литературного таджикского языка.

Наш язык, несомненно, связывает нас с древним и культурно- историческим периодом наших предков. Традиция перевода книг из разных языков в истории персидско-таджикской литературы и науки стала обогащаться трудами других ученых-филологов и лингвистов Средневековья. Распространение персидско-таджикского языка на обширной территории Азии от Египта до Индии способствовало развитию переводческой деятельности и переводоведческой науки. Исследованием особенностей различных языков и их сопоставлением и сравнением начали заниматься ученые-филологи в разных краях ареала распространения персидско-таджикского языка, было написано и распространено огромное количество различного типа и тематики словарей. Большинство ранних толковых словарей имеют лексико-грамматические описания и комментарии, включающие грамматические и лексические сведения. Например, в словарях, составленных в период с XV по XIX вв., таких как «Фарханги Джахонгири», «Фарханги Рашиди», «Бурхони котеъ», «Бахори Аджам», «Гиёс-ул-лугот», «Тухфат-ул-ахбоб», рассматривались и разъяснялись различные лингвистические проблемы, в том числе вопросы обозначения понятий и значений в разных языках, особенно арабском, персидском и тюркских языках [125].

В основном массовому переводу подвергались ценные и значимые источники философского, научного и художественного содержания, и особенно труды древнегреческих философов, поэтов и ученых и первым основным источником по переводу древнегреческой литературы, по нашим сведениям, считается книга «Antologia Graecae», которая издавалась в течение нескольких веков, начиная со второй половины XV века, и одно из первых изданий относится к 1474 году [261, с. 437].

Как полагает А.Ф.Титлер, первым источником переводоведческого характера в английской научной литературе и в английской филологической науке можно считать работу В.Д. Роскоммона (Roscommon, Wentworth Dillion), которая была написана и издана во второй половине XVII века под названием «An Essay on Translated verse». В некоторых источниках считают А.Ф. Титлера первым исследователем в английской переводоведческой науке, хотя он сам, говорит о трудах своего предшественника В.Д. Роскоммона [Там же, с. 77]. К этому времени, кроме переводов священной книги – Библии, также были переведены труды древнегреческих мыслителей, таких как Овидий, Вергилий, и других их современников. Можно сказать, что и тогда уже возникали проблемы удачного, соответствующего или несоответствующего перевода текстов оригинала с других языков на английский язык.

Таким образом, английский ученый А.Ф. Титлер опираясь на идеи В.Д. Роскоммона считает, что перевести труды других поэтов и писателей на высоком качественном уровне может только тот, кто является осведомленным и достаточно рассудительным и хорошо знающим как язык текста оригинала, так и язык, на котором делается перевод [Там же, с. 78].

Начиная со второй половины XX века, ученые-лингвисты начали рассматривать проблемы переводимости и непереводимости в рамках анализа и интерпретации особенностей языковых контактов как важный фактор взаимного влияния различных языков. Здесь следует отметить труды американского ученого лингвиста У. Вейнриха (Uriel Weinreich), итоги которых были опубликованы в 1953 году в книге ученого «Languages in contacts. Findings and Problems».

Таким образом, проблемы переводимости и непереводимости постепенно выходят за рамки теоретической лингвистики и начинают рассматриваться с учетом социально-культурных и психолингвистических особенностей человеческой речи.

В своей книге ученый рассматривает механизмы и структуры языковых интерференций и при этом определяет межъязыковые идентификации выражений, другие единицы содержания и значений [262, с. 7]. По мнению автора,

сопоставление двух или более языков показывает, что если соответствие основного содержания или значения слова совпадает со словом-инвариантом в другом языке в соответствии с конкретным значением или обозначением конкретного понятия, то иногда семантемы или синонимические, или полисемические ряды этих же слов не всегда могут соотноситься друг с другом, так как часто в таких случаях возникают интерференции различного характера. Например, если сопоставить английские слова «foot» и «leg» с русским словом «нога», то эти слова не во всех случаях своей семантизации совпадают друг с другом, когда используем русское слово «ножка», то естественно подразумеваем ножки шкафа, которые могут передаваться на английский язык посредством других слов, а не семантемы слова «нога» [Там же, с. 8].

Само понятие «перевод» тесно связано с концепцией переводимости. Постепенно, опровергая традиционное утверждение об отсутствии языковых возможностей в полной переводимости иноязычного текста, современная наука достигла значимых успехов на стадии языковых соответствий. В настоящее время основной целью перевода является не дословная трансформация текста оригинала, а образование целостности содержания и формы переводимого текста в переводимом языке.

Известный ученый в области теории перевода В.С. Виноградов считает, что основным и важным в переводе является «передача смысловой информации текста. Все остальные ее виды и характеристики, функциональные, стилистические (эмоциональные), стилевые, социальные и т. п. не могут быть переданы без воспроизведения смысловой информации, так как все остальное содержание компонентов сообщения наслаивается на смысловую информацию, извлекается из нее, подсказывается ею, трансформируется в образные ассоциации» [49, с. 19].

Некоторые ученые считают, что основной причиной «непереводимых понятий и слов на другой язык» является разнообразие духовных культур и ценностей, которые образуют в каждом языке своеобразные неповторимые понятия и знаки. Об этом отмечает Л.К. Латышев, по мнению которого

возникновение лексической безэквивалентности происходит по двум причинам: «первая причина состоит в том, что определенное явление, достаточно хорошо известное носителям исходного языка и отраженное в их лексической системе, не известно или очень малоизвестно носителям переводящего языка, и поэтому естественно не отражено в их лексической системе... Вторая причина безэквивалентности состоит в несколько отличном видении мира разными народами. В частности, это проявляется в том, что носители переводимого языка не всегда фиксируют в понятиях и значениях лексических единиц то, что фиксируют носители исходного языка» [107, с. 93].

В настоящее время познание атрибутивных особенностей перевода как специального вида речи рассматривается в связи с функциями межкультурного характера с точки зрения различных наук, в том числе лингвокультурологии, социолингвистики и психолингвистики. Большинство отечественных и зарубежных языковедов считает, что в языке и речи очень ярко прослеживается психологический аспект человеческой жизнедеятельности. Язык, несомненно, выступает как выражение осознанных духовных и психологических состояний, изменений и отношений, которые артикулируются посредством звуков. По мнению многих ученых, перевод считается видом речевой деятельности и при этом имеет определенные этапы реализации психологической природы. «Отвлекаясь от абстрактных моделей перевода, отметим, что процесс перевода - равно как и весь процесс порождения речи в сознании человека - по-прежнему остается загадкой загадок. Однако совершенно очевидно, что в практике перевода действительно выделяются два этапа работы. Один из них связан с осмыслением текста на иностранном языке, а другой - с воспроизведением его на родной язык. Еще раз подчеркнем, что было бы ошибочным считать, что первый этап состоит лишь из аналитической работы мозга, а второй опирается только на синтез. На самом деле познавательная и созидательная деятельность мозга на каждом из этапов не мыслима без анализа и синтеза» [49, с. 29].

Безусловно, диалектическое единство познавательной и созидательной функции человеческого мозга с процессами анализа и синтеза как эффективное

средство познания, прослеживается при осмыслении иностранного текста, и в последовательном воспроизведении данного языкового материала на языке перевода.

Во второй половине XX века наметился несколько иной подход к вопросам перевода и переводоведения. Н.К. Гарбовский отмечает: «В 60-е гг. под влиянием идей структурной лингвистики, а также в связи с проникновением в лингвистику идей кибернетики в научный обиход входит понятие лингвистической модели. Исследователи перевода, откликнувшись на нововведение, приступили к созданию самых разнообразных моделей перевода. И если в лингвистике термин «модель» начинает приобретать то же содержание, что и термин «теория», то и в науке о переводе термины «модель перевода» и «теория перевода» становятся синонимами. Каждая из этих моделей представляла собой как бы отдельную теорию перевода, опиравшуюся на положения и использовавшую методы тех или иных направлений лингвистической науки» [57, с. 181].

Таким образом, в основу трансформационной модели перевода легла порождающая грамматика, естественно семантические теории образовали семантические модели, коммуникативная лингвистика породила коммуникативную модель в переводе. Данное положение было вполне логичным, так как теория перевода, с самого начала будучи прикладной отраслью языкознания, смогла опираться на достижения фундаментальной лингвистики.

Представителями различных школ и направлений лингвистики и психолингвистики проделаны определенные попытки описания процесса перевода. В результате выдвинуты определенные концептуальные модели построения данного процесса, среди которых такие модели, как ситуативная, информативная, семантическая, коммуникативная, трансформационная. Как отмечает В.Н. Комиссаров, «реальный процесс перевода осуществляется в мозгу переводчика и недоступен для непосредственного наблюдения и исследования. Поэтому изучение процесса перевода производится косвенным путем при помощи разработки различных теоретических моделей, с большей или меньшей приближенностью

описывающих процесс перевода в целом или какую-либо его сторону. Моделью перевода называется условное описание ряда мыслительных операций, выполняя которые переводчик может осуществить перевод всего оригинала или некоторой его части. В лингвистической теории перевода модели перевода представляют процесс перевода в виде ряда мыслительных операций над языковыми или речевыми единицами, т.е. в виде лингвистических операций, выбор которых обуславливается языковыми особенностями оригинала и соответствующими явлениями в языке перевода» [87, с. 158].

Поэтому решение проблем непереводимости тесно связано с процессом смыслового воспроизведения информации, качество которого зависит от уровня мышления, знания языка и культуры переводящего человека.

1.2. Язык в контексте культуры, коммуникации и социальной жизни

Вопросы взаимоотношения языка и культуры настолько переплетены, что при рассмотрении и выявлении некоторых проблем трудно определить границы между этими двумя направлениями науки. Особенно, если рассмотреть такую триангуляцию, как язык – культура – мышление, трудно найти ответ на вопрос следующего содержания: «какая из этих отраслей человеческой жизни возникла первой». Этот ответ, скорее всего, однозначен: все эти три направления развивались одновременно и комплексно, взаимодействуя друг с другом. Нельзя представить, что сначала возник и развивался язык, а в последующем способствовал развитию культуры и коммуникации. Формирование первобытного общества также является первейшим элементом культуры, так как без определенной культуры людям не удалось бы собраться и по необходимости создавать свои первые сообщества. И наоборот, культура не предшествует языку и мышлению и, в свою очередь, процесс мышления также в отдельности от языка и культуры не смог бы сам возникнуть и развиваться. Скорее всего, начало данной триангуляции можно рассмотреть как общий стебель из общего корня, который на последующих этапах разветвлялся и развивался в отдельности, и каждая ветвь в свою очередь приобрела постепенно свою отдельную конструкцию

и функциональные особенности. Общие взаимосвязи и общие особенности взаимодействия данной триангуляции невозможно игнорировать и в настоящее время.

Наряду с этим, объективный окружающий нас мир существует беспредельно и независимо от нашего сознания и нашей воли. Интересно еще то, что все, что нас окружает, не может пройти и существовать абсолютно бесследно, мимо нашего сознания. Мир находит свое отражение в нашем сознании в абстрактной форме, благодаря чему возникает картина мира, которая выражается и, опять-таки, находит свою вторичную материализацию посредством нашего языка. «Языковая картина мира являет собой материализованное представление о постигаемой данности, закрепленное и реализованное через языковые формы. Вернее, логической основой языковой картины мира выступает концептуальная картина мира, или интегративное образование на базе отражения и знания, субстратом которого служат некие идеальные сущности высокого уровня абстракции и значительной степени обобщенности, не всегда связываемые напрямую с вербальным кодом, в которых сконцентрирована информация об объектах осваиваемой реальности» [72, с. 11].

Несомненно, осознанная нами реальность существует вне нашего сознания и независимо от него, действительность нами определяется как беспредельная и непреходящая целостность, которая имеет свою проекцию в нашем сознании. Действительно, вопросы выявления языкового сознания другого народа и другой национальности с позиции другого языка представляют своеобразные и достаточно сложные процессы изучения и исследования. Изучение специфики языкового сознания представителей различных национальностей проводится в современной науке с учетом необходимости выявления его онтологии, рассмотрения его в контрастивном, сопоставительном ракурсах, а также и на основе междисциплинарного подхода. В таких случаях языковое сознание определенной нации или этноса подвергается изучению на основе данных других различных наук, а не одного языкознания.

Рассматриваемые вопросы, хотя имеют давнюю историю, еще не раскрыты полностью и не рассмотрены всесторонне. Однозначно, определенная закономерность заключается в том, что с помощью чисто языковедческой методологии их решить невозможно. В этом плане интересно рассуждает Л.В. Сахарный, который отмечает, что лингвистика раннего периода, «изучая язык человека, оказывается лингвистикой без человека» [162, с. 32].

Очевиден тот факт, что особенности языкового сознания и языка невозможно исследовать с помощью только одной лингвистики и это, прежде всего, связано с тем, что язык, будучи средством общения и коммуникации, рассматривается как социальное поведение. С другой стороны, язык станет доступным, если содержательная сторона языка будет связана с сознанием и мышлением человека. Поэтому язык невозможно рассматривать отдельно от мыслительных процессов и психического состояния человека. В современной науке языковое сознание рассматривается как когнитивное и психолингвистическое явление, а личность есть продукт социальных взаимоотношений людей. «Человек социален, ему достаточно сложно существовать вне общества, но, чтобы полноценно жить в нем, он должен освоить его нормы, ценности и законы. Через самоидентификацию определяется отношение человека к самому себе и обществу, с представителями которого он контактирует. В процессе социализации человек познает нормы и ценности своей культуры, что влияет на его дальнейшую социокультурную самоидентификацию. Исследование проблем самоидентификации и идентификации начинается с изучения взаимодействия человека и общества, человека и отдельных социальных групп» [136, с. 10]. Таким образом, на стыке вопросов языкового сознания, языковой картины мира, идентификации и самоидентификации личности проводятся исследования, которые опираются на методологических базах, как лингвистики, так и других наук гуманитарного направления. Достижения в этом направлении становятся важными и ценными, особенно для когнитивной лингвистики, социолингвистики, психолингвистики, а также для сопоставительного, сравнительно-исторического, типологического языкознания и при рассмотрении актуальных вопросов теории перевода.

Вопросы социальной идентичности в настоящее время изучаются на стыке таких наук как социология, лингвистика, психология, педагогика, этнология и наряду с этим для анализа и интерпретации привлекается методологический и терминологический аппарат этих отраслей науки.

В течение прошлого столетия проблемы идентификации и идентичности подвергались анализу и интерпретации многими учеными на базе гуманистического, психоаналитического, феноменологического подходов. Наряду с этим данные исследования проводятся в рамках бихевиоризма, символического интеракционализма, теории социальной идентичности, конструкционизма. Проблемы, связанные с определением идентичности, в том числе национальной идентичности, культурной идентичности, а также социальной идентичности, рассматриваются с учетом языковых особенностей личности или определенного сообщества, и предоставляет для лингвистики, особенно для прикладного языкознания, весьма ценные и полезные идеи.

Современные исследования по вопросам идентичности акцентируют на поиск интегративных компонентов когнитивной модели, которые выступают в качестве регуляторов мышления и поведения в определенных условиях, среди которых язык выступает как важное когнитивное средство. Встречаем весьма лаконичное мнение относительно данной когнитивной модели в следующей формулировке: «Я знаю, кто я и какое место занимаю в социальной структуре, поэтому я могу действовать и думать соответствующим образом» [77, с. 40]. Интересным также представляется тот факт, что в последние годы прослеживается стремление к изучению мобилизационного потенциала идентификации, и при этом особое внимание уделяется этнической и национальной идентификации, где особое место уделяется вопросам языка и языковых особенностей.

Профессор Гарварда У. Джеймс в конце двадцатого века занимался вопросами осмысления личности своей самоидентичности и при этом отмечал, что личность может осознать себя в двух плоскостях: в плоскости своей личности, где человек ощущает самоидентичность, и вторая плоскость является социальной

плоскостью, в которой присутствует разнообразие социальных «Я» личностей. В совокупности именно эти две плоскости формируют полноценное и целостное «Я» личности [Там же, с. 6]. Как в формировании, так и в развитии такой идентичности, а также при выявлении особенностей определенной идентичности, несомненно, важную роль играет «языковая картина мира» во взаимосвязи с проблемами перевода, а также взаимовлияние и взаимодействие разных языков.

Проблемы языковой картины мира нельзя рассматривать в отрыве от этих вопросов, и вышеприведенные концепции не могут рассматриваться так всесторонне без определенных прояснений в вопросах языка и языковой картины мира. Таким образом, «языковая картина мира народа, носителя языка, - это единство содержания общечеловеческого, обусловленного общими онтологическими и логическими понятийными основами человеческого мировосприятия, мироовладения, и национально-специфического, определяемого способами духовного освоения действительности данным лингвокультурным коллективом, результатами его духовной активности. Иными словами, языковая картина мира формируется с одной стороны, языковыми средствами, отражающими языковые и прочие универсалии, а с другой, языковыми средствами, обнаруживающими особенности мироосвоения, мирозерцания, мирооценки того или иного этноса» [72, с. 12].

Языковое сознание каждой личности является частью языкового сознания того национального или этнического сообщества, в котором проживает человек. Наряду с этим, мы не можем отрицать влияние других культур на языковое сознание каждой личности, и это зависит от того, насколько данная личность находилась под влиянием другого культурного, этнического и национального сообщества. «Язык, с одной стороны, и духовная и материальная культура, с другой - оказываются соотносительными и неразрывно связанными. При этом первый является национальной формой выражения и воплощения второй... Следует подчеркнуть методологически важную мысль: язык как устойчивая система аккумулирует изменения норм культуры не сразу, не сиюминутно, а тщательно «фильтруя» нововведения, испытывая их «на прочность», прежде чем

отложить в арсенал своих ценностей. В этом нельзя не видеть одного из объективных критериев прочности закрепления того или иного факта, явления как феномена культуры» [67, с. 30].

Здесь необходимо отметить, что, будучи частью языкового сознания своего этнического или национального сообщества, человек говорящий является неотъемлемой частью всей общечеловеческой цивилизации. Как отмечает Н.Б. Мечковская, «по-видимому, успех человеческого пути эволюции обеспечило именно это обстоятельство: то, что и в коммуникативной, и в познавательной деятельности используется один и тот же инструмент – язык» [122, с. 234].

В результате коммуникации в межкультурной и межнациональной среде или диалога культур, несомненно, происходят определенные изменения в языковом сознании людей. Если с одной стороны культурные и национальные сообщества стремятся сохранить свою целостность и идентичность, то с другой стороны такие различные факторы, как глобализация, экономические контакты, урбанизация, оказывают эффективные воздействия, в результате чего происходят определенные интеграционные процессы в культурной среде различных народов. При этом происходят культурные инновации и определенные сдвиги в этническом и национальном самосознании людей, формируются межкультурные и межнациональные универсалии.

Известный ученый З. Фрейд, затрагивая проблему взаимосвязи социальной и личностной самоидентификации человека, считает, что механизм идентификации определяет связь личностей в определенной социальной группе. Ученый отмечает множественность идентификации: «каждый индивид обладает частицей многочисленных душ масс, души своей расы, своего круга, своего вероисповедания, гражданского состояния и т.п. и, преодолевая их, может подняться до некоторого уровня независимости и оригинальности» [309].

Интересным фактом также является еще то, что иногда люди, общаясь на одном и том же языке, сталкиваются с проблемами понимания и межличностного общения, так как, владея одним и тем же языком, не всегда люди могут понять друг друга правильно, и основной причиной этого чаще всего является

расхождение культур. Интересные рассуждения по этому поводу можно обнаружить в книге С. Г. Тер-Минасова «Язык и межкультурная коммуникация» [187, с. 8].

Таким образом, преградой при общении и межкультурной коммуникации разных народов может выступать не только языковой барьер, но и другие трудности могут также усложнять данный процесс. Здесь мы можем привести известный и распространенный в таджикской классической литературе рассказ о том, как перс, араб и турок хотели купить какой-либо фрукт и при этом все трое хотели приобрести виноград. Однако, не понимая друг друга и не зная языки друг друга, начали ругаться между собой. Перс кричал: «Ангур!», араб кричал: «Инаб!», турок кричал: «Узум!». В этот момент рядом проходил человек, знающий персидский, арабский и тюркский языки и разрешил их ссору, объясняя им, что все они хотят один и тот же фрукт.

Зачастую такими препятствиями может быть незнание общающимися социального и культурного опыта друг друга, а также особенностей языкового сознания и менталитета собеседника, как представителя отдельного этноса.

В современной теории перевода выделяются три направления. К первому направлению можно отнести лингвистическое направление, когда проводится исследование самого процесса перевода, анализ и интерпретация гипотетических моделей перевода, сопоставление текстов оригинала и переведенных вариантов с целью выявления лексических, грамматических, структурных и семантических, а также стилистических соответствий. Наряду с этим лингвистика дает описание переводческих приёмов с целью адекватной и соответствующей передачи содержания оригинала, разрабатывает критерии эквивалентности и адекватности перевода с одного языка на другой. Следует отметить, что лингвистике принадлежит большая часть разработанных теорий, которые имеют прикладную значимость.

Другое научное направление в теории перевода и переводоведения – это литературоведческое направление, в рамках которого перевод и переведенные тексты рассматриваются на основе эстетической эквивалентности оригиналу.

Данное направление делает акцент на роль языка перевода в обогащении и развитии духовной и ценностной культуры, выявляет соответствия переведенного материала нравственным, моральным потребностям и социальным нормам соответствующего периода или исторической эпохи.

Другое направление, сравнительно новое и современное – это машинное (прикладное, инженерное) направление перевода, которое разрабатывает основы автоматического и цифрового перевода языкового материала с одного языка на другой. Можно сказать, что машинное направление перевода разрабатывает основные концепции и постулаты по моделированию автоматического перевода текста и в настоящее время в теории коммуникации и в информационных технологиях продвигается быстрыми темпами и имеет прикладную значимость.

Следует отметить, что машинное направление перевода является в настоящее время весьма важным и актуальным научным направлением, которое имеет особый прикладной характер и представляет отдельное научное направление.

Несмотря на всё это, попытки изучения языковых аспектов человеческого сознания, как своеобразного феномена мышления в рамках лингвистической науки, не увенчались значимым успехом. Сложность данного подхода заключалась в том, что, по мнению представителей лингвистической относительности, познание возможно только в рамках языкового отражения реальности и при этом не различают язык и сознание как отдельные явления.

Представители психолингвистики считают, что изучение языкового сознания невозможно в форме психической деятельности. Следовательно, все внимание было сконцентрировано на природу языкового сознания, которое можно изучать только в совокупности «язык, сознание, речь, мышление». По мнению А.Леонтьева, при этом необходимо учитывать следующие соотношения: 1) «язык - сознание» (лингвокогнитивная подсистема), 2) «язык – мышление, речь – мышление» (лингвокоммуникативная подсистема) [108, с. 33]. При этом для определения особенностей языкового сознания также ученым представлена деятельностная парадигма исследования данного вопроса. Данный подход, по нашему мнению, открывает ряд возможностей в решении определенного круга

вопросов, которые связаны с изучением языкового сознания. Таким образом, исследование языкового сознания проводится посредством изучения речемыслительной деятельности, которая зафиксирована знаками.

Общеизвестно, что в формировании языкового сознания важную роль играют такие компоненты социальной жизни, как культура, менталитет, моральные нормы и убеждения. Соответственно, принадлежность к той или иной культуре формирует менталитет определенного сообщества, и каждая национальная культура имеет своеобразные культурные значения, которые фиксируются и закрепляются в языке. При этом язык становится важным кладом моральных норм, убеждений и норм поведения в отдельной социальной среде. Именно поэтому представители отдельно взятой нации или определенного социального сообщества имеют общие личностные черты характера, определенный тип мышления, своеобразные модели поведения, которыми отличаются от представителей той или иной нации. Об этом уместно отмечает И.Н. Пьянзина: «Поскольку каждый носитель языка является одновременно носителем культуры, языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры» [146, с. 90].

В целом, проблемы соотношения языка, речи и сознания человека могут быть решены только с учетом определенных особенностей совместного функционирования языка и сознания в процессе речемыслительной деятельности. При этом необходимо выявлять атрибутивные особенности сознания как основное познавательное средство своей культуры, а также чужой культуры, с которой человек сталкивается по мере необходимости. Как отмечают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в своей книге «Язык и культура», «язык, как средство общения между людьми, координирует их совместную деятельность знаковым способом в процессе речевого взаимодействия людей, в ходе которого осуществляется согласование коммуникативных деятельностей на основе ресурсов языковой системы. Язык участвует не только в передаче мысли о чем-то уже познанном, но и в формировании новой мысли о новом познаваемом явлении, процессе, предмете» [43, с. 15].

Общение, как генетически, так и функционально, зависит от человеческой деятельности и именно поэтому понимается как вид и компонент деятельности. Сравнительно совершенным и наряду с этим сложным видом человеческого общения считается речевое общение. Общение происходит в целях изменения направлений в смысловом поле слушателя и при этом все эти изменения происходят под влиянием определенных языковых значений. Наряду с этим, общение также может выступать в роли важного средства внесения изменений в языковую картину мира. Следует отметить, что язык также является показателем влияния внешних факторов на языковое сознание членов отдельно взятого общества, народа и национальности. Язык, будучи средством влияния на другой язык и на другую культуру, также является зеркалом всех социальных и исторических процессов межкультурного характера. Это связано с тем, что национальная специфика языка и культуры каждого этноса непосредственно влияет на формирование специфического способа восприятия и представления мира для того же этноса или социального сообщества. Своеобразное различие образов в сознании представителей различных языков и культур является основной причиной непонимания в межкультурных, межъязыковых контактах. При этом межкультурное общение понимается как непосредственное воздействие и общение носителей разных языков и культур в рамках несовпадающих национальных норм поведения и мышления.

Анализ и интерпретация вопросов социальной, этнической и национальной идентичности показывает, что современное общество посредством формировавшихся систем материальных и духовных ценностей закладывает в личность человека свои определенные нормы социального характера. В этом процессе важную роль играют именно ценности символического интеракционизма, теории социальной идентичности и конструктивизма. По мнению Д.В. Осипова, «в социальной, этнической и национальной идентичности отражена двойственная природа человека, который стремится как социальное существо принадлежать к части общества, этноса, нации, но в то же время желает быть уникальным. Таким образом, мы выделяем две плоскости в идентичности:

личностную и социальную составляющих. Социальная составляющая идентичности достаточно подробно описана в работах по социальной и национальной идентичности, а личностная составляющая описывается в рамках теории социальной идентичности. С этой позиции личностная составляющая идентичности - восприятие человеком самого себя как уникальной и независимой личности - включается как одна из двух составляющих в социальную, этническую и национальную идентичности» [136, с. 29].

Роль языка в таких процессах формирования личности и социальной идентичности представляется весьма важной и значимой, так как язык является и показателем, и средством материализации идей о формировании личности и идентичности. Несомненно, язык является одним из основных феноменальных явлений в жизни человека и социума. Язык представляет собой особые навыки и способности оперировать образами, понятиями, явлениями и предметами, а также их признаками, понятиями, образами социальных и культурных связей, природных явлений и именно такая многогранность языка сделала его предметом исследования и изучения многих наук современности.

Так, национально-психологические особенности проявляются не только в действиях каждой конкретной личности, но и оказывают определяющее влияние на социальное поведение представителей той или иной нации. Действительно, роль языковой картины мира высока и важна в развитии как языка, так и межкультурного взаимодействия, хотя временами возникают определенные трудности в данном направлении, связанные, прежде всего, с вопросами перевода и представления одной культуры перед другой. Решение подобных вопросов вполне может разрешить существующие проблемы безэквивалентной лексики, а также способствовать разрешению других вопросов языковых взаимосвязей.

1.3. Понятие эквивалентности в теории перевода

Общеизвестно, что перевод является одним из первых и древних видов интеллектуальной деятельности человека в силу того, что он выполняет определенную социальную функцию, способствуя успешному общению между

разными людьми. Постепенное развитие средств общения, и особенно возникновение письма, представило человечеству обширный доступ к культурным и социальным ценностям и достижениям разных народов, способствовало взаимодействию и взаимообогащению языков и культур. Поскольку перевод с практической точки зрения применялся на всех этапах общественной жизни и на всех уровнях социальной жизни, то у людей возникала временами необходимость прибегать к переводу. Из истории иранских языков, в том числе таджикского языка, можно привести примеры из практики перевода со времен Мидийских и Ахеменидских царей, в эпоху которых тексты составлялись на языках нескольких народов этой империи и, прежде всего, на древнеперсидском, эламском, аккадском языках. Примером этому могут служить клинописные надписи Дария на Бехисутуне, которые были написаны на трех языках – древнеперсидском, аккадском и эламском. Естественно, невозможно представить процесс составления текста одного и того же содержания на трех языках без практики перевода и переводческой деятельности. Интересным представляется также и тот факт, что система письма была общей на основе клинописных знаков и, несомненно, данная система письма в свою очередь способствовала межъязыковой и межкультурной коммуникации разных народов Ахеменидской империи.

Социальная значимость и поступательное расширение масштабов переводческой деятельности в настоящее время еще больше привлекает внимание ученых-лингвистов, а также исследователей других отраслей. Современное состояние теории и практики перевода показывает, что практика и прикладная сторона перевода, как и раньше, опережает теорию данной отрасли. Это, несомненно, связано с тем, что в современных условиях общественной жизни всё больше и больше расширяются международные, межкультурные связи и наряду с этим возрастает значимость межкультурной коммуникации. Именно поэтому анализ и исследование вопросов теории перевода, сопоставительного, типологического и сравнительно-исторического языкознания, которые направлены на решение проблем взаимоотношений народов и обществ, как

никогда становятся актуальными. В теории перевода весьма значимыми и важными вопросами остаются вопросы эквивалентности и безэквивалентности.

Как отмечалось выше, проблемы эквивалентности и безэквивалентности составляют ключевую основу проблем переводимости и непереводимости языкового материала. Здесь необходимо остановиться на языковых особенностях этих дихотомных понятий, вокруг которых во многих лингвистических исследованиях проводятся достаточно бурные дебаты и дискуссии. Данные понятия впервые были введены в научный обиход советскими учеными лингвистами Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым, которые их характеризуют следующим образом: «Слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т.е. к культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре Б, а также слова, не имеющие перевода на другой язык одним словом, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [43, с. 53].

Вопросы эквивалентности, безэквивалентности и способы их решения рассматривались также в трудах английских ученых, начиная со второй половины XX века. Английский ученый Теодор Сайвори в своей книге отмечает: «trouble of a different kind arise from gaps in languages which cannot be filled in translating, because for a word that may be quite familiar in one language there is no equivalent in another» [255, с. 14].

По его мнению, причинами возникновения таких сложностей и разнообразий является специфичность образа жизни народов, своеобразное развитие культурной, социально-экономической жизни различных сообществ и разных носителей языков.

Вначале обратимся к проблемам эквивалентности в языке, так как безэквивалентная лексика более подробно будет рассмотрена в следующем разделе. Большой вклад в исследование эквивалентности внесли такие российские ученые, как А.В. Федоров, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцар, Я.И. Рецкер, В.Г. Гак, Л.С. Бархурдаров, иностранные лингвисты как Дж. Кэтфорд, Ю. Найда, Ж.

Мунен. На современном этапе развития данного научного направления также можно назвать имена многих ученых, которые внесли значимый вклад в решение проблем эквивалентности при переводе. В связи с тем, что эквивалентность в определенных случаях представляет разнородное значение, Ю. Найда выявляет две разновидности данного понятия: формальная эквивалентность и динамическая эквивалентность [251, с. 12]. Можно привести и другие подходы к данной двуплановости эквивалентности.

Относительно термина «эквивалентность» учеными даны различные научные коннотации и разъяснения. Следовательно, кроме слова «эквивалентность», также можно встретить и некоторые другие варианты слов в качестве равнозначных, таких как конгруэнтность [258, с. 137], равносильность [90, с. 599] и отношения типа равенства [204, с. 686].

Если обратить внимание на отдельные аспекты значения данных слов и терминов, то можно выявить определенные различия, и, как уже принято большинством ученых, для обозначения исследуемого явления в лингвистике, точнее переводоведении, всё же больше подходит термин «эквивалентность». Основные проблемы терминологического обозначения данного явления и понятия подробно и более детально рассмотрены в трудах А.О. Иванова, где он так рассуждает: «Определение перевода как замены текстового материала на одном языке эквивалентным текстовым материалом на другом языке, мы должны понимать под эквивалентностью перевода не простое, а функциональное тождество сообщений на двух различных языках для соответствующих языковых коллективов» [75, с. 10].

Теоретическое осмысление лексических соответствий в разных языках впервые было осуществлено Я. И. Рецкером еще в 1950 году. Хотя вопросы межъязыковых лексических соответствий не были абсолютно новой концепцией, но заслуга Я. И. Рецкера заключалась в том, что он на основе принципиальных гипотез обратил внимание на закономерный характер этих соответствий, чем определил важность и значимость теории о различных типах и видах межъязыковых соответствий в теории перевода. Кроме того, ученым сделана

попытка дать определение степени лексико-семантического соотношения сравниваемых языковых единиц. Рассматривая проблемы возможных соответствий между лексическими единицами языка оригинала и языка перевода, он выделяет три основные категории таких соответствий: а) эквиваленты; б) аналоги; в) адекватные замены [155, с. 156]. По данной классификации, «эквивалентом следует считать постоянное равнозначное соответствие, которое для определенного времени и места уже не зависит от контекста. Аналог является результатом перевода по аналогии посредством выбора одного из нескольких возможных синонимов. При этом автор выявляет отличительные особенности эквивалента и аналога, тем, что эквивалент всегда один, аналогов может быть несколько и с помощью аналогов, в частности, переводятся фразеологизмы, пословицы и поговорки. К третьей категории межъязыковых соответствий автор относит адекватную замену, которая применяется в целях точной передачи мысли, переводчику необходимо оторваться от буквы подлинного текста, от словарных и фразовых соответствий и искать способы решения переводческой задачи, исходя из целого содержания, идейной направленности и стиля подлинника автора [Там же].

Основная цель выявления и применения эквивалентных компонентов в языках при переводе заключается, прежде всего, в необходимости адекватной, правильной и соответствующей передачи содержания письменного или устного текста с одного языка на другой. При этом адекватность и эквивалентность переводимых материалов должны прослеживаться как в структурном, так и в содержательном плане. Следовательно, эквивалентность (адекватность) означает наиболее полное и идентичное сохранение содержания и структуры текста оригинала в тексте с учетом жанрового и стилистического своеобразия текста подлинника, оригинала.

Касаясь понятия эквивалентности, Я. И. Рецкер считает, что в процессе перевода выстраиваются три категории соответствий: 1) эквиваленты, установившиеся в силу тождества обозначаемого, а также отложившиеся в традиции языковых контактов; 2) варианты и контекстуальные соответствия и

3) все виды переводческих трансформаций. Между первой - эквивалентной - категорией и двумя остальными есть принципиальное различие. Эквивалентные соответствия относятся к сфере языка, тогда как две последние - к сфере речи. Далее он выделяет среди эквивалентов такие парные подгруппы, как полные и частичные эквиваленты, абсолютные и относительные эквиваленты. По его мнению, лексические трансформации можно делить на семь разных способов: конкретизация, дифференциация, смысловое развитие, генерализация значений, антонимический перевод, целостное преобразование и компенсация потерянного значения в процессе перевода. Данная классификация Я.И. Рецкера не утратила своего научного и прикладного значения и по сей день.

Несколько позже вопросы эквивалентности подробно рассматриваются в трудах английского ученого Т. Сайвори, считающего, что “In this task is much harder than that of the original author. If the letter seeks a word with which to express a thought or describe an experience, he has available many words in his own language and can without much difficulty or delay choose the one of that suits him best and pleases him most. The translator of the word that is chosen has to decide on the nearest equivalent taking into consideration the probable thoughts of the author, the probable feeling of the author’s readers and of his own readers, and of the period in history in which author lived” [255, с. 25].

Таким образом, в процессе передачи информации с одного языка на другой при каждой паузе необходим выбор и внимание со стороны переводчика. «Such a choice depends in large part on the personality of the translator and that it is essentially an aesthetic cannot be denied. A fair conclusion from these ideas is that the translator’s work may be analyzed into the answering of three questions. Faced with the passages in its original language he must ask himself:

1. What does the author say?
2. What does he mean?
3. How does he say it?

4. This method of analysis may be applied to the paragraph, to the sentence, or even to phrase; and it is instructive to follow its working in a simple case» [Там же, с. 26].

Следовательно, в настоящее время в переводоведении часто встречаются такие сходные понятия, как эквивалентность, тождественность и адекватность. В этом плане термин «эквивалентность» является как равнозначное и равноценное чему-либо, «адекватность» означает вполне равное, а «тождество» - нечто обладающее, которое имеет полное совпадение. Следует отметить, что слова адекватность, полноценность, тождественность, а также аналогичность входят в семантическое поле, где ключевым представляется термин «эквивалентность», и можно сказать, что в определенных случаях возникает возможность дублирования друг друга этими словами. В настоящее время в научных источниках термин эквивалентность означает сохранение оптимального равенства и соответствия содержательной, семантической, смысловой, стилистической, а также функционально-коммуникативной идентичности, которые содержатся в тексте переводимого оригинала. Достаточно подробная информация относительно интерпретации эквивалентности содержится в работе В.С. Виноградова, который считает, что «Следует особо подчеркнуть, что эквивалентность оригинала и перевода – это, прежде всего общность понимания содержащейся в тексте информации, включая и ту, которая воздействует не только на разум, но и на чувства реципиента и которая не только эксплицитно выражена в тексте, но и имплицитно отнесена к подтексту. Эквивалентность перевода зависит также от ситуации порождения текста оригинала и его воспроизведения в языке перевода. Такая трактовка эквивалентности отражает полноту и многоуровневость этого понятия, связанного с семантическими, структурными, функциональными, коммуникативными, прагматическими, жанровыми характеристиками» [49, с. 9].

Основной целью исследования эквивалентности и безэквивалентности является выявление путей и способов удачного, адекватного и правильного перевода. В этом плане главным вопросом остается выявление и определение потенциальной или эффективной эквивалентности, которая указывает на

максимальную общность и универсальность содержания разноязычных текстов. Как отмечает В.Н. Комиссаров, «пределом переводческой эквивалентности является максимально возможная (лингвистическая) степень сохранения содержания оригинала при переводе, но в каждом отдельном переводе смысловая близость к оригиналу в разной степени и разными способами приближается к максимальной» [86, с. 51].

Степень различия и общности систем ИЯ и ПЯ в разной степени определяют возможности и качество сохранения содержания оригинала при переводе. Именно поэтому эквивалентность основывается на соответственном сохранении или утрате определенных элементов и качестве смысла оригинального источника.

Как известно, текст, как наиболее сложная и сложенная языковая единица, выполняет определенную коммуникативную функцию, выступает как средство сообщения конкретных фактов, сведений, выражения чувств и эмоций, установления контакта между адресатом и адресантом, образования у адресата определенной реакции. Наличие подобной цели в процессе коммуникации указывает на общий характер трансформирующей информации, а также ее языкового оформления.

В зависимости от той части передающего содержания, которая способствует обеспечению эквивалентности, в лингвистике определены уровни (типы) эквивалентности. Здесь необходимо отметить, что на каждом уровне эквивалентности основной целью перевода остается обеспечение межъязыковой коммуникации. По определению В.Н. Комиссарова, такие уровни эквивалентности можно разделить на три типа. К первому типу эквивалентности переводов относятся такие правила перевода, где акцент при переводе делается на сохранение только той части содержания оригинала, которая составляет цель коммуникации. Во втором типе эквивалентности общая часть содержания оригинала и перевода не только передает одинаковую цель коммуникации, но и отражает одну и ту же внеязыковую ситуацию. Особенности третьего типа эквивалентности, по мнению ученого, заключаются в следующих случаях: 1) отсутствие параллелизма лексического состава и синтаксической структуры; 2) невозможность связать

структуры оригинала и перевода отношениями синтаксической трансформации; 3) сохранение в переводе цели коммуникации и идентификации той же ситуации, что и в оригинале; 4) сохранение в переводе общих понятий, с помощью которых осуществляется описание ситуации в оригинале, т.е. сохранение той части содержания исходного текста, которую мы назвали «способом описания ситуации» [Там же, с. 53].

В определенных переводах иногда цель коммуникации заключается в правильной передаче значения языковой единицы в переносном смысле и в данном контексте переведенное значение языковой единицы составляет центральную часть содержания переводимого языкового материала. В таких случаях коммуникативная действенность становится достижимым за счет качества художественного изображения отношений между людьми. Следующая цель коммуникации заключается в том, что правильное выражение чувств и эмоций говорящего определяет степень развития или прогрессии данного процесса. Другую особенность эквивалентности можно обнаружить в стремлении переводчика всеми средствами всегда сохранить правила перевода и адекватно передать эту же информацию.

Эквивалентность проявляется достаточно ярко, когда основная часть содержания текста оригинала и переводного варианта передает одинаковую коммуникативную цель и одновременно отражают общую контекстуальную ситуацию. Здесь необходимо отметить, что идентификация ситуации и языкового контекста указывает на общность или соответствующие особенности взаимосвязи языка и мышления, общность логической структуры высказывания языка оригинала и языка перевода. «Различие между идентификацией ситуации и способом ее описания отражает своеобразие отношений между языком, мышлением и описываемой реальностью. Понятно, что в содержании высказывания присутствуют не сами ситуации и их признаки, а лишь их мыслительные образы, передаваемые в виде каких-то сведений или информации, т.е. в виде какого-то сообщения. Характер отражения избираемых признаков и внутренняя организация информации о них составляют своего рода логическую

структуру сообщения» [87, с. 5]. Соответственно, тождественность описываемой ситуации в разных языках также определяет способы построения сообщения и особенности изложения текста. Ситуация может быть описана и переведена идентично, когда существуют общие языковые средства, а структурные и типологические особенности, лексико-семантические и синтаксические уровни также имеют определенные схожести. Поэтому можно сказать, что идентификация ситуации является отражением в содержании высказывания о реальной ситуации посредством возможных способов и средств ее описания.

«The forms of mutual interference that are in contact are stated interns of descriptive linguistics. Even the causes of specific interference phenomena can in most causes, be determined by linguistic methods: if the phonic or grammatical systems of two languages are compared and their differences delineated, one ordinarily has a list of a potential forms of interference in the given contact situation. Lexical borrowing, too, can often be explained by investigating the points on which a given vocabulary is inadequate in the cultural environment in which contact occurs» [262, с. 3].

Таким образом, в лингвистической науке, начиная со второй половины XX века, были представлены достаточно ценные и весьма значимые теоретические взгляды, и среди них следует особо отметить теорию закономерных соответствий Я.И. Рецкера, который делит эти соответствия на уровне лексики на следующие три категории: а) эквиваленты; б) вариантные и контекстуальные соответствия; в) все виды переводческих трансформаций [155, с. 92]. По нашему мнению, выявление таких переводоведческих категорий на уровне лексики представляет определенную сложность, так как слово, в зависимости от контекста, может приобрести неповторимые и новые значения. Поэтому ученый во втором пункте ведёт речь о вариантах и контекстуальных соответствиях тех же лексических единиц. Следовательно, представляется более рациональным подойти к данной классификации с точки зрения языковых особенностей контекста, а также морфологических, синтаксических и стилистических закономерностей переводимого текста, с учетом условий применения слова и его стилистических особенностей.

В современной лингвистике основные концепции относительно вопросов адекватного перевода строятся на принципах функционального тождества текстов оригинала и перевода. В свою очередь, функциональное тождество основывается на так называемой отдельно выделяемой языковой единице, которая представляет взаимореферентивную эквивалентность. Ещё во второй половине XX века основной постулат адекватного перевода в современном языкознании был представлен А.В. Федоровым. По его мнению, «полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [200, с. 127].

Опираясь на различные концепции и постулаты ученых-лингвистов, А.О. Иванов проводит комплексную классификацию различных моделей эквивалентности в следующем порядке:

1. Теория адекватного перевода.
2. Теория закономерных соответствий.
3. Ситуативные модели эквивалентности.
4. Динамические модели эквивалентности.
5. Коммуникативные модели эквивалентности.
6. Ограничения частных моделей эквивалентности.
7. Теория уровней эквивалентности [75, с. 10-18].

Данная классификация представляется достаточно рациональной и значимой в научно-практическом плане, на основе которой можно определить различные подходы и теории относительно проблем эквивалентности и адекватности в теории перевода. Исходя из проведенной классификации, ученый делает определенные научные выводы, считая эквивалентность как максимально возможный уровень тождественности переводного текста и текста оригинала. Он отмечает, что «верхним, максимально возможным порогом эквивалентности будет эквивалентность на уровне простых языковых знаков при автоматически подразумеваемой эквивалентности на всех остальных более низких уровнях (высказывания, сообщения, описания ситуации и цели коммуникации). В этом случае мы можем говорить об эквивалентном переводе. Во всех остальных

случаях для того, чтобы можно было считать полученный текст адекватным переводом, необходима эквивалентность более чем на одном нижнем уровне – уровне цели коммуникации, при сохранении ранговой иерархии функций текста оригинала» [Там же, с. 22].

Если немного остановиться на вопросе об интерпретации самого слова «эквивалент» и «эквивалентность», то и здесь всё ещё можно обнаружить не до конца рассмотренные аспекты и открытые вопросы. Также по мнению А.О. Иванова, «под эквивалентом в переводе следует понимать функциональное соответствие в языке перевода, передающее на аналогичном уровне плана выражения (слова, словосочетания) все релевантные в пределах данного контекста компоненты значения или одного из вариантов значения исходной единицы исходного языка» [Там же, с. 30].

Если говорить о контексте, то в определенных случаях контекст становится средой формирования вариантов и вариативности переводимого слова из другого языкового материала. Вопрос заключается в том, насколько контекст может повлиять на процесс отдаленности слова от основного своего значения и на появление нового варианта значения, и насколько адекватно выполняет значимую и рационально эффективную функцию семантического, структурного и стилистического характера. Нет сомнений в том, что вариативный эквивалент всегда зависит от контекста, а вне контекста превалирует основное значение слова. Наряду с этим мы всегда замечаем варианты перевода во всех случаях и во всех стилях языкового оформления и эти варианты временами не так сильно отличаются друг от друга. Поэтому в определенных случаях появляются разные варианты перевода в рамках одного и того же языка. В качестве примера здесь можно упомянуть варианты перевода «Воспоминания» С. Айни на русский язык, осуществлённые такими видными учеными-иранистами и известными переводчиками, как А.З. Розенфельд и С.П. Бородин.

Несомненно, в плане основной идеи, основного содержания и стилистических особенностей сохраняются определенные константы и их невозможно изменить, но в тексте мы можем выявить также и много

своеобразных вариантов перевода с учётом стиля работы каждого отдельно взятого переводчика. К категориям языковых единиц, которые чаще могут подвергаться вариантным изменениям, можно отнести определенную группу слов, словосочетаний и структуры предложений. Естественно, изменить какие-то факты, доводы, хронологические данные, в целом данные фактологического характера, не вправе ни один переводчик. Вместе с тем, вполне возможно изменить и приводить свои варианты, когда переводчик имеет возможность применить синонимы конкретного слова с эквивалентным значением в тексте ИЯ и ПЯ. В таких случаях переводчику необходимо сохранять основное содержание и целостность как текста, так и контекста, ибо, как отмечает А.О. Иванов, «вариантный эквивалент больше зависит от контекста, чем постоянный, так как его использование каждый раз предполагает выбор одного из нескольких возможных вариантов в соответствии с указаниями контекста» [Там же].

Другим наиболее важным аспектом проблемы эквивалентности является то, как привести в соответствие друг с другом эти эквиваленты при переводе, при трансформации текста с одного языка на другой, как свести оптимальные и самые близкие соответствия или эквиваленты текста оригинала и переводимого языка. Достижение оптимальной и качественной, адекватной эквивалентности на различных языковых уровнях при переводе остается главным вопросом теории перевода, а также других научных направлений лингвистики, в том числе сопоставительного, типологического и сравнительно-исторического языкознания.

Другой сравнительно значимый вопрос заключается в определении способов и путей достижения качественного, оптимального и желаемого, соответствующего перевода и терминологическое обозначение этих способов и средств. Здесь лишь можем остановиться на вопросе об обозначении понятия качественного перевода, и на том, как можно обозначить качественный перевод. Можно ли сказать качественный перевод – это выявление и правильное применение всех соответствующих эквивалентов? Сопоставляя термины «эквивалентный» и «адекватный» в отношении качества перевода, А.О. Иванов считает, что «перевод эквивалентный и перевод адекватный как две различные

степени функциональной тождественности в переводе. При этом под адекватным переводом следует понимать такой перевод, в котором достигнута лингвистически возможная степень функциональной тождественности оригиналу, необходимая и достаточная с точки зрения языка перевода, но не обязательно полная с точки зрения исходного языка. Адекватность перевода достигается за счет различных трансформаций исходного текста, обеспечивающих сохранение ранговой иерархии функций текста оригинала и эквивалентность (функциональную тождественность) текстов оригинала и перевода более чем на одном минимальном уровне – уровне цели коммуникации» [Там же, с. 76].

В логическом словаре значение слова «эквивалентность» приводится в следующем содержании: «эквивалентность – или равнозначность - общее название отношений, являющихся рефлексивными, симметричными и транзитивными. Таковы, например, отношения равночисленности, подобия, изоморфизма и др. В логике эквивалентность - сложное высказывание «р, если и только если q», образованное из высказываний р и q и разлагающееся на две импликации: «Если р, то q» и «Если q, то р». Например, «Треугольник является равносторонним, если и только если он является равноугольным». Термином «эквивалентность» обозначается и связка «если и только если», с помощью которой из двух высказываний образуется данное сложное высказывание» [172]. Синонимами данного термина являются такие слова, как отношение, равенство, равнозначность, равносильность, равноценность [4].

В Философском энциклопедическом словаре эквивалентность рассматривается в следующем порядке: «эквивалентность - родовое наименование всевозможных отношений типа равенства, типа рефлексивных и симметричных, транзитивных, бинарных отношений. Примеры: эквивалентность как совпадение по смыслу, значению, содержанию, выразительным и дедуктивным возможностям между понятиями, концепциями, научными теориями или формализующими их формальными системами; конгруэнтность или подобие геометрия, фигур; изоморфизм; равномощность множеств» [204].

В толковом переводоведческом словаре о значении и функции термина «эквивалентность» приводится следующая информация: «Эквивалентность 1. Смысловая общность приравниваемых друг к другу единиц. 2. Охватывает отношения, как между отдельными знаками, так и между текстами. Эквивалентность знака о вещи не означает эквивалентность текстов, и, наоборот, эквивалентность текстов вовсе не подразумевает эквивалентность всех их сегментов. При этом эквивалентность текстов выходит за пределы их языковых манифестаций и включает также культурную эквивалентность. 3. Термины «эквивалентность» и «эквивалентный» имеют ввиду отношения между исходными конечными текстами, которые выполняют сходные коммуникативные функции в разных культурах. В отличие от адекватности эквивалентность больше всего ориентирована на результат. 4. Эквивалентность - это особый случай адекватности: адекватность при функциональной константе исходного и конечного текстов» [190].

Общеизвестно, что слово эквивалентность исходит из слова «эквивалент», которое является слитным латинским словом и состоит из «*aequus* – равный + *valens (valentis)* – имеющий силу, значение, цену, поэтому можно сказать, что в качестве термина данное слово вполне соответствует обозначающему понятию.

В трудах ученых-лингвистов также подвергаются анализу и интерпретации вопросы уровней эквивалентности, которые рассматриваются в зависимости от функциональных уровней языка, таких как уровень лексики, уровень синтаксиса, уровень текста и уровень речи и коммуникации. В этом плане важными и значимыми являются вопросы эквивалентности на уровне слова, которые, в свою очередь, рассматриваются в зависимости от контекстуального сплетения и функционального применения в языковой среде.

На наш взгляд, основополагающее определение термину «эквивалентность» даёт В.С.Виноградов. Он пишет так: «Под эквивалентностью, в теории перевода следует понимать сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе. Следует особо подчеркнуть,

что эквивалентность оригинала и перевода – это, прежде всего, общность понимания содержащейся в тексте информации, включая и ту, которая воздействует не только на разум, но и на чувства реципиента и которая не только эксплицитно выражена в тексте, но и имплицитно отнесена к подтексту. Эквивалентность перевода зависит также от ситуации порождения текста оригинала и его воспроизведения в языке перевода» [49, с. 10].

Далее, определяя две формы материализации перевода, такие как устный и письменный, В.С. Виноградов рассматривает проблемы эквивалентности при переводе письменной формы текстов. По его мнению, во всех переводах данной формы ярко прослеживается эквивалентность, которая не может быть абсолютной - она всегда или почти всегда остается относительной. Ученый, перечисляя виды переводимых текстов, рассматривает степени эквивалентности и причины возможности адекватного перевода в этих разновидных текстах, к которым, как он полагает, можно отнести официально-деловые тексты, ориентированные на передачу содержания, и будучи по форме стереотипными, подчиняются определенным правилам риторики и стилистики, и в них чаще применяются языковые штампы. К другим группам текстов можно отнести общественно-информативные, научные, художественные и религиозные тексты, в каждом из которых существуют определенные факторы влияния на формирование и применение эквивалентной лексики. Как отмечает В.С. Виноградов «эти факторы приводят к различиям в текстах оригинала и перевода и относительной эквивалентности текста на языке перевода» [Там же, с. 13].

Здесь следует отметить, что все указанные разъяснения и параметры при переводе сохраняются, хотя их реализация будет зависеть ещё и от способов и условий перевода, позиции и цели переводчика, а также качества содержания текста. Наряду со всеми названными условиями и факторами не можем исключить своеобразные особенности восприятия переводчика, так как абсолютная неповторимость восприятия писателя, переводчика и читателя все-таки опровергает теорию абсолютной эквивалентности.

1.4. Лингвистическое обоснование природы безэквивалентной лексики, разряды безэквивалентной лексики

Основные проблемы безэквивалентной лексики заключаются в том, что каждый язык является средством отображения определенных культурных и национальных ценностей отдельно взятого народа, имеющего своеобразные характерные черты культуры, склада мышления и социальной жизни. Другое важное отличительное свойство отдельно взятого национального языка заключается в неповторимой грамматической конструкции и типологической особенности этого же языка, что и отличает его от любого другого языка, как близкородственного, так и языка, относящегося к другой семье или группе языков. Отсутствие же таких отличительных черт грамматического и типологического характера между языками приводит к тому, что они могут быть отнесены к диалектам одного и того же языка. Современная лингвистика, исходя из вышеприведенной концепции, изучает и исследует разные языки с целью выявления их схожих и отличительных особенностей. «Среди нескольких видов межъязыковых лексических сопоставлений, главенствующее положение занимают сопоставления лингвистические; они лежат в основе переводческих сопоставлений. Вместе с тем нельзя не заметить принципиальных различий между сопоставлениями лингвистическими и переводческими. Лингвисты сравнивают слова как сложные системы значений со всеми их лексико-семантическими вариантами, устанавливают и описывают не только отношения между словами двух и более языков, но и между совокупностями слов, лексическими полями, определяют межъязыковые лексические закономерности на основе сравнения лексических систем в их современной статике и исторической динамике... Теоретики перевода обычно ведут сравнение разноязычных слов в конкретных контекстах оригинала и перевода, и потому материалом для переводческих сопоставлений служат слова, как правило, в одном лексическом значении со всеми сопровождающими его оттенками и обертонами» [49, с. 39].

Таким образом, безэквивалентной лексикой называются те лексические единицы языка оригинала, которые не имеют лексического соответствия или эквивалента в языке перевода. Другими словами, к безэквивалентной лексике можно отнести лексические единицы языка оригинала, обозначающие понятия и процессы, обстоятельства, которые не имеют своих аналогов в лексической системе переводимого языка.

Поскольку проблемы безэквивалентной лексики рассматриваются в следующей главе диссертационного исследования, мы считаем целесообразным в данном разделе провести обзор общей лингвистической характеристики данного вопроса.

Проблемы истории переводоведения с учетом вопросов эквивалентности и безэквивалентности подробно подвергаются анализу и интерпретации в монографии В. С. Виноградова «Введение в переводоведение» [Там же, с. 5], где он указывает на основные источники и научные труды ученых-лингвистов о переводе и теории перевода. В принципе данная работа является в определенной степени обобщающим трудом всех проделанных в области перевода научных работ, а также различных источников, относящихся к данной отрасли. Автор подвергает всестороннему анализу труды таких известных ученых, как Л.А. Черняховская, Т.В. Чернов, С.И. Влахов, С.П. Флорин, В.Н. Комиссаров, В.П. Рагойша, А. Попович, Р.К. Миньяр-Белоручев, Н. Любимов, А.В. Федоров, Л.Л. Нелюбин, Э.Д. Львовская, В.Н. Крупнов. На основании идей и концепций этих и других ученых в современной лингвистике, в принципе, определены основные атрибутивные особенности безэквивалентной лексики. Вопросами безэквивалентной лексики непосредственно занимались В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, С. Влахов, С. Флорин, Л.С. Бархударов, А.В. Федоров, М.Г. Комлев, В.Г. Гак, Ю. Найда, Е. М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А.Е. Супрунов, В.П. Берков, Л.И. Зубкова, Т.Д. Томахин, А.Д. Швейцер, Г. В. Чернов, Г. Туроверов, Л. И. Хайнце, А.О. Иванов, Т. Юдит, Г. Г. Панова, в трудах которых приведены ценные идеи как концептуального, так и фактологического характера.

Таким образом, безэквивалентной лексикой можно назвать те лексические единицы языка оригинала или переводимого языка, которые не могут иметь никаких переводных заменителей как по содержанию, так и по структуре, хотя они слова поддаются описанию и разъяснению в другом языке. Если даже это происходит не сразу, тем не менее, постепенно они могут находить некие варианты определенной соответствующей передачи на другой язык. Об этом очень интересную идею можем привести из работ известного лингвиста А.В. Федорова, которая гласит так: «Отсутствие точных и постоянных лексических соответствий тому или иному термину отнюдь не означает 1) ни невозможности передать его смысл в контексте (хотя бы и описательно и не одним словом, а несколькими), 2) ни его непереводимости в будущем. История каждого языка свидетельствует о постоянных изменениях словарного состава в связи с постоянными изменениями в жизни общества, с развитием производства, культуры, науки. Вместе с обогащением и расширением словаря увеличиваются и возможности перевода» [200, с. 123].

В этом плане автор вполне прав, так как постоянно можно заметить, что большое количество иностранных слов первоначально не поддаются адекватному, соответствующему переводу, однако после определенного периода и они находят свои эквиваленты в переводимом языке, находят свои соответствия на определённом уровне.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что безэквивалентная лексика во временном плане носит относительный характер, и определенная категория безэквивалентной лексики постепенно находит свое соответствующее понятие и слово. Здесь мы не станем утверждать, что проблемы безэквивалентной лексики в переводе могут находить свое окончательное решение, так как в некоторых научных исследованиях и монографиях о безэквивалентной лексике меньше стали говорить, чем об эквивалентности. Например, Н.К. Гарбовский в своей книге «Теории перевода» рассматривает только вопросы эквивалентности и другие проблемы, связанные с адекватностью качества перевода [57]. С другой стороны, нет сомнений в том, что вопрос о безэквивалентности все же не будет исчерпан, и

это связано с тем, что в различных обществах, особенно в технологически развитых, по сравнению с традиционными обществами ежедневно образуются новые термины и разного рода неологизмы. Исходя из того, что все это связано с появлением новых понятий, новых технологий, научных открытий, терминологический пласт этих языков обогащается поступательным темпом и такой случай способствует формированию новых разрядов и групп безэквивалентной лексики. В это же время, в некоторых других обществах развитие социальной жизни происходит достаточно медленно, вследствие чего такие различия оставляют свои глубокие следы в языках и их взаимоотношениях.

Еще в 50-е годы вопросы безэквивалентной лексики подробно рассматривались А.В. Федоровым. Он пишет: «полная невозможность найти какое бы то ни было соответствие слову подлинника, явление безэквивалентности в чистом виде, встречается относительно редко. Она возникает, главным образом, тогда, когда слово оригинала обозначает чисто местное явление, которому нет соответствия в быту и в понятиях другого народа» [199, с. 83].

Одной из важных и актуальных проблем безэквивалентной лексики является определение и выявление основных причин возникновения данной группы слов. В научной литературе этот вопрос рассматривается неодинаково, и, соответственно, в ней изложены различные взгляды и мнения. К основным причинам подобного разночтения относятся два основных фактора: 1) специфика самого языка, к которой можно отнести такие особенности, как типологический строй языка, его лексический фонд, морфологические и синтаксические особенности; 2) склад и особенности культурной и социальной жизни народа, говорящего на этом языке. В совокупности приведенные особенности можно обобщать под названием «национальная окраска» конкретного языка. Перевод без учета таких особенностей, несомненно, стирает национальный колорит текста оригинала и в последующем читатель не может извлечь из переведенного текста то содержание, которое заложено в тексте оригинале.

По мнению А.В. Федорова, причиной таких несовпадений могут быть определенные стилистические особенности и стилистические задачи конкретного

языка. «Так, стилистическая функция, в ряде случаев связанная в немецком языке с галлицизмами, - снижение выражаемого ими смысла, придание речи фамильярно-бытового характера, - по-русски может быть передана часто лишь при условии отказа от поисков соответствующего галлицизма. Причина здесь в том, что в русском языке галлицизмов (как и вообще варваризмов) значительно меньше, чем в немецком языке; поэтому замена галлицизма, имеющегося в немецком языке и уже в какой-то степени ассимилированного, французским словом, заимствуемым специально для данного случая, была бы не только неестественна, но часто и непонятна, следовательно, она не могла бы служить выполнению соответствующей стилистической задачи» [200, с. 227].

В определенных случаях причинами проявления случаев безэквивалентности могут стать и сами переводчики, как субъективный фактор, хотя этот фактор имеет относительный характер и поддается быстрому исправлению, хотя он до сих пор действует, и об этом следует помнить. Говоря о нарушении национального и исторического колорита, С. Влахов и С. Флорин отмечают, что «причины этих погрешностей против национального и исторического колорита в основном связаны с личностью переводчика (или автора) - недостаточной его сосредоточенностью, незнанием реальных фактов, отсутствием сообразительности, а иногда и незнанием некоторых основных положений теории перевода, таких, например, как нежелательность передавать реалию чужую реалией своей» [52, с. 123].

Несмотря на все это, основные причины безэквивалентности, прежде всего, относятся к объективным аспектам, т.е. к аспектам языкового различия и языковой идентичности и неповторимости. Как уже было упомянуто, существуют в основном две группы факторов, такие как факторы, относящиеся к типу языка и языковой конструкции и факторы национального колорита и национальной окраски. Именно эти факторы являются главными причинами возникновения безэквивалентности. Кроме этого, о субъективном факторе при переводе и его влиянии на ложное появление безэквивалентности Н.К. Гарбовский пишет следующее: «Главная причина субъективности переводческой критики состоит в

том, что текст представляет собой открытую форму, он оказывается открытым для интерпретации, для различного понимания. Поэтому расшифровка оригинального текста переводчиком может не совпадать с его расшифровкой критиком, аналитиком» [57, с. 97].

Знаки любого языка относятся к тем референтам и пользователям, которые условно применяют эти знаки в качестве средства сохранения и передачи определенной информации. Естественно, эти знаки относятся к той языковой системе, которой пользуются отдельные сообщества и отдельные группы людей, обладающих своими нравственными и моральными ценностями, нормами культуры и законами, отличающимися от таких же норм и ценностей других сообществ. Проблемы лингвистической парадигмы взаимосвязи языка и культуры, а также особенности взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры будут рассмотрены в отдельной главе диссертации, и поэтому в данном разделе мы более подробно остановимся только на лингвистических аспектах и причинах возникновения безэквивалентной лексики.

По мнению В.Н. Крупнова, «безэквивалентная лексика существует потому, что, во-первых, по той или иной причине в переводимом языке не имеется единого и постоянного соответствия, и, во-вторых, появление безэквивалентной лексики объясняется, тем, что в переводимом языке тех или иных лексических единиц вообще нет в силу отсутствия самых понятий» [93, с. 27]. Данной концепции в целом придерживаются все ученые, занимающиеся вопросами перевода, а также исследованием типологического и сопоставительного характера.

Кроме того, другими исследователями также проведены подробные классификации причин и факторов, влияющих на возникновение безэквивалентной лексики. Например, по мнению Г.В.Чернова, к основным причинам безэквивалентности лексических единиц можно отнести следующее:

- 1) отсутствие предмета, явления в жизни народа переводимого языка;
- 2) отсутствие тождественного понятия;
- 3) различие лексико-стилистических характеристик» [210, с. 14].

Вполне можно согласиться с автором, так как очевидно, что учтены все аспекты причин возникновения безэквивалентной лексики при переводе. Однако, Н.А. Иванова относительно этой концепции Г.В. Чернова придерживается немного иного мнения. Она считает, что «...в этой связи он (Г.В. Чернов – Т.Ф.) выделяет вещественную, лексико-семантическую и стилистическую безэквивалентность. Однако, различие между «вещественным» и «лексико-семантическим» видами безэквивалентности несущественно с точки зрения перевода. Важным признаком эквивалентности является совпадение не понятий, а значений в конкретном контексте» [76, с. 48].

На наш взгляд, когда речь идет об основных причинах возникновения безэквивалентности, следует перечислить все их источники с учетом и вещественных аспектов данного вопроса. Поэтому проведенная классификация Г.В. Чернова охватывает все аспекты возникновения безэквивалентной лексики, и в этом плане её и далее можно развивать с учетом взаимосвязи языка и культуры, языка и материально-духовных ценностей того или иного народа.

В конце раздела, где Н.А. Иванова рассматривает причины возникновения безэквивалентности, она приходит к выводу, что полное отсутствие соответствующего понятия является частным случаем расхождения лексических единиц. По её мнению, безэквивалентность всё-таки образуется в связи с расхождением референциальных значений лексических единиц исходного языка и переводимого языка [Там же, с. 50].

Как считает Л.К. Латышев, возникновение лексической безэквивалентности основывается на двух причинах. Первая и основная причина заключается в том, что определенное явление или понятие, достаточно хорошо известное носителям исходного языка, отражено в лексической системе, но оно не известно или мало известно носителям переводимого языка и не отражено в лексической системе этих носителей. Данную категорию безэквивалентной лексики автор называет реалиями, к которым относит явления или объекты, свойственные для материальной и духовной жизни только данной группы носителей, и

отсутствующие у других. Ко второй причине безэквивалентности ученый относит вопросы отличного видения мира разными носителями языков [106, с. 24].

О причинах безэквивалентности речь идет также в трудах известного ученого в области теории перевода А.О. Иванова. Он считает, что «традиционно, к таким причинам, по которым обычно также классифицируют типы безэквивалентности, относят: отсутствие предмета, явления в жизни народа переводимого языка (вещественная безэквивалентность); отсутствие в переводимом языке тождественного понятия (лексико-семантическая безэквивалентность); различие лексико-стилистических характеристик (стилистическая безэквивалентность)» [75, с. 82].

Далее автор утверждает, что различие между вещественным и лексико-семантическими видами безэквивалентности нельзя считать существенными, исходя из того факта, что с точки зрения перевода не важно существование тождественного понятия в переводимом языке. А.О. Иванов, придерживается, в основном, классификации, предложенной Л.С. Бархурдаровым, и считает, что наиболее оптимальный вариант определения причин безэквивалентности заключается в семиотической классификации. «По семиотической классификации все значения, с которыми мы имеем дело в любом высказывании на любом языке, делятся на три типа: референциальное, выражающее отношение между знаком и его референтом, когда речь идет об отношении к понятию, или денотативное, когда речь идет об отношении к предмету; прагматическое, выражающее отношение между знаком и человеком или языковым коллективом, пользующимся им (коннотативное, эмотивное); внутриязыковое, выражающее отношение между данным знаком и другими знаками или элементами структуры той же самой знаковой системы, в нашем случае – языка» [Там же, с. 83].

Данная классификация, несомненно, считается наиболее всесторонней и комплексной, так как разница безэквивалентных единиц заключается в значениях соответствующих единиц исходного и переводимого языков. В свою очередь, как семиотические функции, так и семантические значения языковых единиц всегда

зависят от их внутриязыковых значений, ролей и функциональных особенностей как зависимых частей всей языковой системы.

Несомненно, причины возникновения безэквивалентной лексики определяют их разряды и разновидности, а, с другой стороны, анализ и интерпретация основных типов безэквивалентной лексики могут способствовать рациональному и правильному выявлению этих же причин. Л.С.Бархударов в безэквивалентную лексику включает три больших разряда языковых единиц. К первому разряду он относит имена собственные, названия учреждений, организаций, средств массовой информации, географические названия. Ко второму разряду он относит реалии - слова, обозначающие понятия и ситуации, явления и предметы, которые не существуют в практическом опыте и реальной жизни людей, говорящих на другом языке. К третьему разряду Л.С.Бархударов относит так называемые «случайные лакуны». К данному разряду безэквивалентных единиц можно отнести лексические единицы одного из языков, к которым по определенным причинам в лексическом составе другого языка отсутствуют лексические соответствия.

Наиболее детальная классификация безэквивалентной лексики проводится в книге А.О.Иванова «Безэквивалентная лексика», изданная в 2006 году в качестве учебного пособия. Опираясь на выявленные причины возникновения безэквивалентной лексики, автор выделяет три типа или разряда данной группы лексических единиц.

Первая группа под названием «референциально-безэквивалентная лексика» включает в себя такие группы, как реалии; термины; индивидуальные авторские неологизмы; фразеологизмы; семантические или понятийные лакуны; слова широкой семантики, которые применены в своем широком значении; сложные слова различного типа, значения которых передаются на языке перевода путем описательного перевода, а также и других различных трансформаций. Ко второй группе под названием «прагматически-безэквивалентная лексика» автор относит различного рода отклонения от общезыковой нормы языка. К таким отклонениям можно отнести социальные и территориальные диалекты, жаргоны,

арго, табуированную лексику, архаизмы, диалектизмы, субстандартную лексику и вольности устной речи. К прагматически-безэквивалентной лексике также можно отнести иноязычные вкрапления, аббревиатуры, которые не всегда вписываются в структуру соответствия языка перевода, а также слова с суффиксами субъективной оценки, междометия и звукоподражания. Другую подгруппу данного разряда составляют ассоциативные лакуны, то есть слова, имеющие в сознании носителей определенные ассоциации, которые отсутствуют у носителей другого языка. Следует отметить, что прагматически-безэквивалентная лексика составляет основную массу всей безэквивалентной лексики и она возникает в результате расхождения прагматического значения между соответствующими лексическими единицами исходного и переводимого языков. К третьей группе безэквивалентной лексики под названием «альтернативно-безэквивалентная» автор относит две подгруппы. В первую подгруппу слов включены имена собственные - топонимы, антропонимы, названия фирм, фильмов и книг. Ко второй подгруппе относятся реалии и фразеологизмы, безэквивалентность которых будет относиться либо к референциальному, либо к прагматическому типам в зависимости от избранного способа перевода [Там же, с. 85].

Учитывая то, что перевод в силу объективных причин иногда осуществляется посредством третьего, так называемого срединного или опосредованного языка, и могут возникнуть проблемы относительно передачи безэквивалентной лексики в связи с добавлением безэквивалентных лексических единиц срединного языка, тем не менее, в большинстве случаев можно найти оптимальные пути решения этих сложностей при переводе безэквивалентной лексики. Когда речь идёт о таких затруднениях, опираясь на переведенные тексты с таджикского языка на русский язык, а затем с русского языка на английский язык, **то** можно сделать определённые выводы. Так, например, книга основоположника современной таджикской литературы С. Айни «Ёддоштҳо» (Воспоминания) переведена на английский язык с её текста перевода на русский язык. Интересным фактом является еще то, что при переводе названия данного произведения и в русском и в английском языках вначале приводится известное многим слово «Бухара». На

наш взгляд, использование данного слова, знакомого большинству русскоязычных и англоязычных читателей, способствует лёгкому погружению в текст и изначальному пониманию того пространства, где будут происходить события, излагаемые в данном произведении. Несомненно, такой подход переводчика также является важным языковым фактом и актуальным и интересным аспектом научного исследования. При анализе переводного текста можем проследить некоторые упущения относительно таджикской безэквивалентной лексики в русском переводе, а также их неправильную интерпретацию в переводном тексте на английском языке. Приведем примеры из английского переводного текста:

«My father and grandfather were Saktare hadjis by birth» (В, 17).

Перевод на русский язык:

«Мой отец и дед происходили из соктаринских ходжей» (Восп., 12).

Текст из оригинального источника:

«Падару бобоҳои ман аз ҷумлаи хоҷагони соктареги ин деҳа буданд» (Ё, б).

Как видно из оригинального текста, термин «хоҷа» не является арабским термином религиозного значения «ḥaǧǧī» и очень отличается от этого слова. Оно означает определенный социальный статус семьи и рода, которые имеют образование и определенное экономическое положение. В переводе на русский язык слово передано в форме «ходжа» и является адекватным подходом, иначе было бы переведено как «хаджи». Этимологически слово «хоҷа» относится к древнеиранскому субстрату со значением «хозяин» и даже транслитерация данного слова имеет такую форму: kvoja, имеющую диграфический знак и двусоставной звук «x^B», свойственный древнеперсидскому и среднеперсидскому языкам. А «ḥaǧǧī» – это паломник, человек, выполнивший пятый столп ислама и посетивший Каабу, и выполнивший порядок мусульманского паломничества в Хадж. Поэтому данное слово является совсем другим термином, и, как по происхождению, так и по значению, отличается от слова «хоҷа». Следует также упомянуть и другой момент, связанный с этим контекстом - нельзя быть «hadjis

by birth», поскольку социальный статус «ходжа» передается по наследству, тогда как статус паломника человек получает только в результате поездки к святым местам. Поэтому такой неточный перевод вполне может ввести читателя в заблуждение.

На другом примере также можно продемонстрировать случаи несоответствия, когда единица перевода имеет свой звуковой эквивалент в английском языке. Например, при переводе упомянутого произведения на английский язык обнаруживаем следующий пример:

«The other village of my childhood, Makhallai Bolo in Shafrikan province, was about a mile to the northwest of Gijduvan Fortress on the edge of the shifting sands which stretched to the Kizil Kum Desert» (B, 17).

Перевод на русский язык:

«Махаллаи Боло. Деревня находилась в одном фарсах на северо-западе от крепости Гидждуван и вместе с несколькими другими селениями относилась к Шофуркомскому тюменю. Эти селения, известные под общим названием Дехнави Абдуллоджон, были расположены у самой границы подвижных песков, простиравшихся до пустыни Кизылкум» (Восп., 13).

Текст с оригинального источника:

«Деҳаи Маҳаллаи Боло. Ин деҳа дар як фарсахии (8 километри) шимолу ғарбии қалъаи Гиддуван дар доираи хоки тумани (райони) Шофирком, аз ҷумлаи деҳоти Дехнави Абдуллоҷон, дар доманаи реги равоне, ки ба дашти Қизил мепайвандад, воқеъ шудааст» (Ё, 8).

Другой пример:

«His host's name was Namrahhan» (B, 20).

Перевод на русский язык:

«Вначале ему выделили под жилье мехмон-хону некоего Хамрох-хона, двор которого находился по соседству с мечетью» (Восп., 15).

Текст из оригинального источника:

«Бобоям ба ҳамин мулоҳизаҳо ин таклифро хуш қабул кардааст, барои ӯ дар аввали кор меҳмонхонаи Ҳамроҳон номеро, ки ҳавлиаш дар ҳамсоғии масҷид будааст, бошишгоҳ қарор додаанд» (Ё, 12).

В данном переводе на английский с русского переводного варианта слово «Namrahhan» тоже передано неправильно; так как в русском языке отсутствует звук «х - h», то имя Хамрах-хан, переведенное с русского языка, в английском языке, где таджикский звук имеет свой фонетический эквивалент “h”, должно выглядеть как «Namrahkhan». Помимо этого, звук таджикского языка «х», имея в русском языке фонетический эквивалент, в английском языке не имеет своего соответствия и фиксируется посредством диграфа «kh».

Анализируя приведенные примеры, можно прийти к выводу, что проблемы безэквивалентности рассматриваются, в основном, на уровне лексики. В то же время, своеобразная безэквивалентность встречается при переводе и на уровне фонетики и фонологии. Это происходит тогда, когда безэквивалентное слово приводится в тексте перевода в своей почти оригинальной транскрибированной форме со всеми теми звуками и знаками, которые применяются в языке оригинала, и отдельные звуки данного слова также не имеют свои эквиваленты в языке перевода. Как отмечено выше, в приведенных примерах перевода «Воспоминания» С. Айни на английский язык приводится словосочетание «Makhallai Volo», которое на русский язык переведено в форме «Махаллаи Боло». Оригинальный вариант данного словосочетания как топоним – название села, где жил в детстве С. Айни, имеет форму **Маҳаллаи Боло** и если привести в форме транскрипции, то получим такую форму «Mahalla-i Volo», которая имеет все свои знаковые и звуковые эквиваленты в английском языке. Переводчику следовало бы сопоставить определенные категории слов, особенно топонимов, некоторых религиозных и социальных, политических терминов с целью правильной передачи переводимой информации и доступности содержания текста. Здесь можно сделать такой вывод, что отсутствие звука «х» (h) в русском языке стало причиной передачи данного звука посредством знака «х» и при переводе на английский язык переводчику пришлось также перевести с русского языка

именно эту трансформированную и измененную форму. Здесь сложность заключается в том, что звук «х» в английском языке также не имеет своего унифицированного знака и обозначается посредством диграфа «kh», что вновь может усложнить доступность содержания оригинального текста, в то время как существует применение знака «h», который является прямым соответствием таджикскому звуку и общеупотребляемым звуком и знаком в английском языке.

На основе вышеприведенных примеров можно убедиться в том, что перевод посредством срединного языка в отдельных случаях может усилить степень безэквивалентности, и в итоге в переведенном тексте местами можно обнаружить безэквивалентность второй степени.

Хотя применение срединного языка при переводе иногда усиливает степень безэквивалентности, тем не менее, оно может способствовать качественному переводу и нахождению соответствующих эквивалентов и вариантов для перевода отдельных языковых единиц. Сопоставляя переводы одного и того же источника с таджикского языка на русский язык и с русского языка на английский язык, и наоборот, можно выявить много случаев доступного, эффективного и качественного перевода. В данном случае можно сделать такой вывод, что по сравнению с английским языком, русский язык, хотя по типу отличается и относится к флективному типу языков, имеет много общего с таджикским языком в лингвокультурологическом и социолингвистическом аспекте. Поэтому в плане описания культурной, социально-экономической и политической жизни общества переводы источников с английского языка на таджикский язык и обратно посредством русского языка в определенной степени способствует правильному и соответствующему переводу безэквивалентных компонентов. Например, если взглянуть на опосредованный перевод некоторых других частей текста «Воспоминания» С. Айни с русского языка на английский язык, то можно привести множество примеров удачного, адекватного перевода текста данного произведения на английский язык. Например:

It was spring and the apricots in our yard were blooming (B, 29).

«Была весна, в нашем садике расцвели абрикосовые деревья и своими цветами украсили сад» (Восп., 32).

«Баҳорон буд, зардолуҳои рӯидаричаи мо гул карда бо шукуфаҳои худ дар боғча зинати хубе дода буданд» (Ё, 27).

Как мы видим, при сопоставлении переведенных вариантов с оригиналом нет заметных несоответствий или каких-либо противоречивых моментов как в структуре, так и в содержании. Подобного рода примеры более подробно будут проанализированы в Главе 3 настоящей диссертации.

С учетом вышеприведенных аспектов перевода относительно проблем безэквивалентности можно прийти к выводу, что в отдельных случаях при переводе опора на «язык-посредник» дает хорошие и желаемые результаты. Следовательно, некоторые переводчики так и поступают при переводе текста с какого-либо недостаточно хорошо знакомого им языка. Это можно проследить также при переводе материалов с арабского языка на таджикский язык, когда переводчики часто прибегают к словарям и другим источникам в поисках эквивалентов в персидском языке. Это естественно и очень значимо действует на результат перевода.

Если сопоставить близость срединных языков и определить причину использования «языков-посредников», то на примере русского и персидского языков в отношении англо-таджикского и арабско-таджикского переводов, то русский язык является близким как к английскому языку, так и к таджикскому и в плане ареального распространения, и в плане генетического происхождения. Персидский язык близок к арабскому языку в плане ареального распространения, а к таджикскому языку он близок как в плане ареала, так и в плане генеалогии. Здесь основной акцент делается на проблемы обозначений в языке культурных, социально-экономических и политических контекстов, где могут формироваться общие понятия и реалии. С другой стороны, таджикский язык не имеет прямых языковых, ареальных контактов с арабским и английским языками, но взаимовлияние между этими языками происходило посредством русского и персидского языков.

Вышеприведенные примеры позволяют сделать вывод, что основные причины проявления безэквивалентности заключаются в случаях, когда отсутствует сопоставимость лексического состава, а также синтаксической организации и невозможность семантической и синтаксической трансформации лексического состава и структуры предложения языка оригинала и языка перевода. Кроме того, отсутствие непосредственных и прямых логических взаимоотношений, способствующих идентичности передаваемого сообщения, и минимальная общность содержания текста оригинала и его переводного варианта также усиливают степень безэквивалентности в переводе.

Таким образом, по вопросам безэквивалентной лексики в современном языкознании проведены фундаментальные научные исследования, на основе которых можно развивать новые научные изыскания по другим аспектам теории перевода и сопоставления языков и языковых явлений. Особенно значимой представляется классификация безэквивалентной лексики по семантико-стилистическим и функциональным особенностям, о которых было сказано выше. Как отмечалось, основные разряды, группы и подгруппы безэквивалентной лексики выявлены и определены, проведены также соответствующие классификации, уточнены основные причины её возникновения. Наряду с этим, остаются весьма актуальными проблемы выявления языковых особенностей каждой группы и подгруппы вышеупомянутых разрядов безэквивалентной лексики на основе сопоставления, сравнительно-исторического и типологического исследований языков. Необходимо отметить, что в настоящее время методологические основы типологического, сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания часто привлекаются к решению вопросов перевода, межъязыковой связи, межкультурной коммуникации и лингвокультурологии. Например, вслед за изучением сопоставительной лингвокультурологии на лексическом и фразеологическом уровнях, правомерными и закономерными являются исследования сопоставительного характера на всех языковых уровнях: не только в лексике и фразеологии, но и в паремиологии, текстолингвистике, дискурсе и многих направлениях науки.

А.Х.Джахангири пишет об этом следующее: «На современном этапе своего развития лингвокультурология имеет сопоставительную тенденцию, она развивается на основе сопоставления языков и культур. В сопоставительном плане нами будет анализироваться «национально-языковая картина мира», которая, собственно, является предметом лингвокультурологии. Такое описание создаёт предпосылки для изучения одного языка в зеркале другого и выявления наиболее существенных расхождений в языковых структурах. Несмотря на то, что в сопоставительном плане лингвокультурология принадлежит к одной из менее изученных областей, и её статус как научной филологической дисциплины предоставляет теоретическую основу для многих современных лингвистических исследований» [67, с. 67].

Обобщая вышесказанное относительно причин возникновения и существования безэквивалентной лексики, можно прийти к убеждению, что, кроме упомянутых выше аспектов, безэквивалентная лексика имеет место быть по причине целого комплекса причин, включающих в себя, в том числе, языковые, исторические, географические, национальные, культурные, общественно-политические (достаточно вспомнить существование немалого количества слов, специфичных и понятных только народам СССР за время его существования), социальные (быстрые перемены в социальной жизни народов в современное время), технологические и экономические (современные достижения отдельных развитых стран) и другие особенности народов-носителей отдельных языков.

Другим немаловажным аспектом в данном направлении является определение приёмов и способов адекватной передачи этих разрядов и подгрупп безэквивалентной лексики, о чем более подробно речь пойдёт в последующих главах настоящей диссертации.

1.5. Реалии - специфическая составляющая безэквивалентной лексики

Вопросы языковых реалий в течение последних лет являются, несомненно, одной из актуальных проблем как переводоведения, так и лингвистики, и поэтому эти вопросы рассматривались в трудах многих ученых достаточно всесторонне и

основательно. Классифицируя безэквивалентную лексику, А.О. Иванов считает, что «чаще всего под безэквивалентной лексикой подразумевают реалии исходного языка, т.е. лексические единицы, обозначающие явления или понятия отсутствующие в переводящем языке. Это только отчасти правильно. Безэквивалентными... также могут быть термины, индивидуальные (авторские) неологизмы, семантические лакуны, слова широкой семантики, сложные слова, отклонения от общезыковой нормы, иноязычные вкрапления, сокращения, слова с суффиксами субъективной оценки, междометия, звукоподражания, ассоциативные лакуны, и, конечно, имена собственные и обращения» [75, с. 86].

Термин «реалия» в современном языкознании, а именно в переводоведении, сопоставительном языкознании, в контрастивной лингвистике и лингвострановедении занимает особое место как актуальный вопрос изучения и исследования. С другой стороны, вопросы, связанные с реалиями, всегда рассматриваются на стыке нескольких научных направлений и с привлечением материалов нескольких языков или минимум двух языков. Слово «реалия» является латинским словом «realis» и означает «вещественный», «действительный», как отмечается в словаре С.И. Ожегова, «реалии как предмет материальной культуры, явление объективного мира, единичный предмет, вещь» [135, с. 671]. Таким образом, реалии тесно связана с культурой и неповторимыми в другой культуре объектами культуры отдельно взятого народа. Можно сказать, что реалии представляют своеобразные атрибутивные особенности культуры отдельного народа.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой термин «реалия» рассматривается в следующем порядке: «реалия (лат. «realia» - вещественный, действительный) как 1. разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.п. с точки зрения их отражения в данном языке; 2. предметы материальной культуры» [18, с. 381].

Терминологический аспект рассматривает термин реалия как «реалия-предмет» и «реалия-слово». В лингвистике термин «реалия» применяется в значениях слова-реалии и качества предмета-реалии с учетом обозначения элемента лексики определенного языка.

В переводоведении, в сопоставительном языкознании, а также в лингвострановедении реалии являются словами, обозначающими предметы и явления, связанные с культурой, бытом и историей, а также экономикой региона изучаемого языка, и при этом данная группа слов отличается от слов и лексических единиц сопоставляемого языка иногда полностью, иногда частично.

С этой точки зрения некоторые ученые ставят вопрос об определении и выявлении реалий с тем, чтобы показать, чем отличаются реалии от других лексических единиц в тексте перевода. При сравнении с другими словами, перевод которых временами связан со сложностями, например, с терминами, именами собственными, обращениями, отступлениями от литературной нормы, иноязычными вкраплениями, элементами внеязыковой действительности и заимствованиями, возникает необходимость определения границы между перечисленными разрядами слов. Здесь также необходимо отметить, что все реалии, и в целом безэквивалентная лексика, не могут оставаться всегда в той же роли, в какой находятся на начальном этапе. Как пишет А.О. Иванов, «с течением времени в результате взаимопроникновения культур (если можно так назвать агрессивное проникновение английского языка в другие языки, в том числе и русский), происходящего в последние 15 – 20 лет, некоторые слова, бывшие когда-то безэквивалентными, перестают быть таковыми после их заимствования» [75, с. 86].

По мнению Н.А. Ивановой, «термин «реалия» обычно употребляется расширенно для обозначения всех слов, маркированных в национальном плане, независимо от того, какая национальная действительность и в каком языке ими представлена. Слово «реалия» принадлежит к числу основных терминов таких наук, как переводоведение, сопоставительное языкознание, контрастивная

лингвистика, лексикография, лингвострановедение, методика преподавания иностранных языков» [76, с. 52].

С начала 50-х годов XX века начинается особый научный подход в рассмотрении данного разряда безэквивалентной лексики. Одним из первых ученых-лингвистов, предложивших свое определение реалий, является Л.Н. Соболев, который отмечает, что это «слова из национального быта, которых нет в других языках, потому что нет этих предметов и явлений в других странах» [173, с. 283]. Через некоторое время, а именно в 1955 году, встречается понятие «реалия» в работе В. Россельса, который считает, что «слова, которые обозначают понятия, предметы, явления, короче говоря – реалии, не бытующие в обиходе того народа, на язык которого произведение переводится» [157].

При переводе языкового материала различного содержания и стиля необходимо учитывать реалии ареала или страны изучаемого языка, так как в текстах они всегда содержатся в изобилии. Исходя из вышеприведенных определений, можно сделать вывод о том, что реалии являются фактами действительности социальной и культурной жизни отдельно взятого народа и в этот круг также вовлечены понятия и слова, связанные с бытом, легендарными личностями, героями, традициями, обычаями, а также с историей страны изучаемого языка. Филологические науки рассматривают данный термин двояко, и сюда включают такие группы понятий, как 1) предмет, явление, понятие, свойственное для быта, культуры, уклада жизни народа или страны - всё это нельзя встретить у других народов и в другой стране; 2) слово или словосочетание номинативной функции, обозначающее предмет, понятие, явление.

О реалиях рассуждали в своих исследованиях ещё Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров, которые применяли термины «фоновые» и «коннотативные слова», «безэквивалентная лексика», а также «слова с культурным компонентом», рассматривая этими терминами лексические единицы со своеобразной семантикой, отражающие особенности отдельной культуры [41].

Г.Д. Томахин в своём труде, сопоставляя американский вариант английского языка с русским языком и их культурой, выделяет «денотативные реалии» и

«коннотативные реалии». По его определению, денотативные реалии - это такие факты языка, которые обозначают предметы и явления, характерные для данной культуры, не имеющие соответствий в сопоставляемой культуре. Коннотативные реалии, в противоположность денотативным, обозначают предметы, ничем не отличающиеся от аналогичных предметов сопоставляемых культур, но получившие в данной культуре и обслуживающем её языке дополнительные значения, основанные на культурно-исторических ассоциациях, присущих только данной культуре [192, с. 41].

Для обозначения слов с национальной окраской и культурным компонентом исследователями вводились в научный обиход различные понятия, такие как «безэквивалентная лексика» (слова, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат) у Г.В. Чернова и А.В. Федорова, «экзотическая лексика» (лексические единицы, которые обозначают исторические и географические реалии) у А.Е. Супруна, «пробелы» или «лакуны» (ситуации, явления, случаи, привычные для культуры одного народа, но чуждые и малоизвестные в другой культуре) у И.И. Ревзина, В.Ю. Розенцвейга, «варваризмы» (лексические единицы, посредством которых появляются возможности описания чуждых другим обычаев, особенностей жизни и быта) у А.А. Реформатского, «этнокультурная лексика» (лексика, которая характеризует систему знаний о специфической культуре как историко-этнической общности людей) у Л.А.Шеймана, «алиенизмы» (слова из малоизвестных языков, которые подчеркивают стилистическую функцию экзотизмов) у В.П.Беркова.

Например, А. А. Реформатский, называя реалии варваризмами или «иноязычными словами, пригодные для колористического использования при описании чуждых реалий и обычаев», также включает в эту категорию «личные собственные имена» и в целом ономастику [152, с. 137].

По мнению В.С.Виноградова, реалиями можно назвать все специфические факты социальной жизни, истории и государственной структуры, национальной общности, особенности среды, своеобразные предметы быта как прошлого, так

и настоящего, фольклорные и этнографические понятия, которые одновременно можно отнести к безэквивалентной лексике.

Наряду с этим В.С.Виноградов выделяет «ассоциативные реалии», которые «находят свое материализованное выражение в компонентах значений слов, в оттенках слов, в эмоционально-экспрессивных обертонах, во внутренней словесной форме и т. п., обнаруживая информационные несовпадения понятийно-сходных слов в сравниваемых языках» [49, с. 31].

В работах многих ученых реалии рассматриваются как особая категория средств выражения, которые включают слова и словосочетания, называющие предметы, характерные для быта, культуры и истории определенного народа и чуждые другим. Исследователи отмечают, что при переводе реалий требуется особый подход, так как они не имеют адекватных соответствий в других языках – носителей национального или культурного колорита.

Наряду с этим, на вопрос, к какой категории языковых единиц относятся реалии, не существует единого мнения, однако, по мнению большинства ученых, в любом случае реалии могут быть выражены отдельными словами и словосочетаниями, семантически равными словам. Можно сказать, что грамматическая форма реалий как языковых единиц, зависит от их принадлежности к конкретной части речи и от особенностей грамматического строя и типа языка.

По мнению С.Влахова и С.Флорина, реалии в большинстве своем – имена существительные, что закономерно, поскольку, исходя из рассмотренных выше определений, реалии чаще всего называют предметы и явления. Реалиями также следует считать отыменные прилагательные, значение которых непосредственно связано со значением реалий. Непроизводные реалии среди других частей речи встречаются крайне редко [52, с. 47].

Реалии, будучи наименованиями предметов, понятий, культурных, бытовых и исторических событий определенного народа или региона, страны, отражают ту или иную часть действительности, поэтому они тесно связаны с внеязыковой действительностью.

Таким образом, реалии – это особая категория слов и средств выражения для обозначения объектов и предметов быта, культуры, социальной жизни и исторического развития, которые чужды другим народам. Реалии включают понятия географического, этнографического, общественно-исторического, мифологического, фольклорного содержания.

Из обзора научной литературы можно заключить, что наблюдается достаточно большое количество подходов относительно определения и способов классификации реалий, каждый из которых отличается чем-то особенным от другого научно-методологического подхода. «...вопросы систематизации и типологии реалий, лингвистического и лингвогеографического описания лексических средств их выражения во многом остаются дискуссионными. Распространенное определение реалий как предметов материальной и духовной культуры не дает достаточно оснований для установления их типологии ввиду неопределенности границы ареала – локально-географического, культурно-генетического, социально-этнического, национального – в пределах которого данные предметы рассматриваются» [76, с. 58]. Действительно, вопросы анализа и интерпретации, а также классификации реалий выходят за рамки филологических наук и всегда рассматриваются на стыке нескольких научных направлений и дисциплин. Всё это соответственно усложняет процесс исследования такого сложного научного понятия. Несмотря на все эти сложности и разнообразие подходов к рассмотрению реалий, приведенные классификации представляются весьма значимыми и ценными. Опираясь на эти работы, можно усовершенствовать методологические подходы в классификации типологии реалий. Несомненно, все это свидетельствует о важности поставленных целей в данном направлении и способствует поступательному развитию науки о языке, в том числе переводоведении, лингвострановедении и других близких к нему научных направлениях.

В лингвострановедении к реалиям относят, прежде всего, ономастические реалии, которые включают в себя: топонимы, особенно имеющие культурно-исторические ассоциации; антропонимы - имена исторических личностей,

общественных деятелей, писателей, учёных, деятелей искусства, популярных спортсменов, персонажей художественной литературы и фольклора; названия произведений искусства и литературы, исторические события и факты социальной жизни, названия государственных общественных структур и учреждений. Во-вторых, реалии, обозначаемые аппеллятивной лексикой: географические термины, которые обозначают особенности географической природной среды, флоры и фауны; общие термины, которые относятся к общественно-политической жизни страны, юриспруденции, военному делу, системе образования, искусству, производственным отношениям и процессам, быту, традициям и обычаям. Например, в работе Г.Д. Томахина проводится подробная классификация реалий, свойственных английскому языку США на основе принципов лингвострановедения в следующем порядке: **Этнографические реалии – быт, этикет, поведение:** реалии быта и жилище, бытовые заведения, реалии транспорта, обычаи и традиции, праздники, единицы измерения, деньги, рутинное поведение, жесты, суеверия, речевой этикет, приветствия и прощания, знакомство, просьбы, согласие и несогласие, поздравления, пожелания, тосты, благодарность. **Географические реалии:** географические термины: названия особенностей береговой линии, разновидностей заливов, проливов, бухт, названия особенностей рельефа, гидрографические названия, флора и ее разновидности, фауна и ее разновидности. **Общественно-политические реалии:** особенности общественно-политических реалий, государственные символы, символы-реалии законодательной власти, агентства, учреждения, ассоциации, государственные служащие. **Реалии системы образования, религии и культуры:** система образования, школьное образование, высшее образование, религия, литература, театр и кино, средства массовой информации, изобразительное искусство. **Ономастические реалии:** топонимы и их разновидности, антропонимы и их разновидности [192, с. 43].

Г.Д.Томахин, рассматривая реалии с точки зрения лингвострановедения, уделяет особое внимание проблемам взаимоотношения реалий с контекстом. Он отмечает, что «наиболее типичными являются два варианта взаимоотношений

между реалиями и контекстом: 1. Реалии однородны, тематически объединены с контекстом и выступают в качестве его существенных компонентов. В этих случаях тексты изобилуют реалиями, и содержание текста служит хорошим фоном для их понимания и запоминания. 2. Реалии разнородны, тематически с контекстам не связаны, используются преимущественно в качестве приемов художественной выразительности. Понимание реалий в этих текстах затрудняется отсутствием в тексте необходимой информации. Дополнительной трудностью является использование реалий в переносном значении. Значение реалий, тематически объединенных в максимальной смысловой единице языка - тексте, выражается средствами контекста» [Там же, с. 32].

Обобщая взгляды исследователей можно прийти к такому выводу, что реалиям, в основном, свойственны следующие особенности:

- реалии являются отдельным и особым разрядом безэквивалентной лексики;
- реалиям характерна своеобразная гибкость, так как они, сохраняя свой статус, могут относиться одновременно к разным лексическим категориям;
- реалии, прежде всего, выражают коннотативные значения;
- реалии отличаются от других классов лексических единиц тем, что они содержат национальную, культурную окраску, которая может быть и временной.

Приведенные в данном подразделе дефиниции рассматривают понятие «реалия» как языковую единицу, обозначающую элемент отдельной культуры, содержащий бытовую, национальную, историческую или местную окраску, не имеющую своих соответствий или эквивалентов в других культурах и языках.

Таким образом, реалии означают слова и словосочетания, которые называют предметы, объекты, явления, характерные для быта, культуры, общественного и исторического развития одного народа. Реалии малознакомы либо чужды другому народу, так как они выражают национальный или временной колорит, которые не имеют точных соответствий в другом языке. Реалии всегда требуют особого подхода при переводе с исходного языка на другой язык.

В настоящее время в научной литературе представлены различные классификации реалий по временным, местным или пространственным,

семантическим, грамматическим, фонетическим и некоторым другим признакам. Ниже рассмотрим некоторые из этих классификаций.

Первым учёным, предложившим делить реалии на несколько семантических групп по предметному признаку, был А.Е. Супрун [181, с. 50].

В своей работе А.А.Реформатский объединяет реалии по принципу предметно-языковых особенностей в следующие группы:

1. Имена собственные.
2. Монеты.
3. Должности и обозначения лиц.
4. Детали костюма и украшения.
5. Кушанья и напитки.
6. Обращения и титулы при именах [152, с. 137].

Общая схема классификации реалий С. Влахова и С. Флорина [52, с. 51] имеет следующий вид: 1.Предметное деление. 2.Местное деление (национально-языковая принадлежность). 3.Временное деление (синхронно-диахронический план). Если рассмотреть данную классификацию более подробно, то можем увидеть наиболее мелкую дифференциацию в следующем порядке:

А. Географические реалии, связанные с физической географией или смежными науками, очень близко стоят к терминам, поэтому четкое их отграничение практически невозможно. Географические реалии включают в себя названия объектов физической географии, в том числе и метеорологии, названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью, названия эндемиков.

Б. Этнографические реалии объединяют слова, обозначающие понятия быта, материальной и духовной культуры, религии, искусства, фольклора. В свою очередь, к реалиям быта можно отнести следующее: пища, напитки; одежда (включая обувь, головные уборы); жилье, мебель, посуда и др. утварь; транспорт (средства и «водители»); другие (предметы). К реалиям разряда труд можно отнести следующие: люди труда; орудия труда; организация труда (включая хозяйство). К разряду искусства и культуры: музыка и танцы; музыкальные

инструменты; фольклор; театр; другие искусства и предметы искусств; исполнители; обычаи, ритуалы; праздники, игры; мифология; культы - служители и последователи; календарь. К этническим объектам можно отнести следующие: этнонимы; клички, псевдонимы; названия лиц по месту жительства. К группе «меры и деньги» относятся единицы мер; денежные единицы.

В. Общественно-политические реалии по С. Влахову и С. Флорину состоят из четырех групп, которые, в свою очередь, еще делятся на более мелкие подгруппы. Первая группа данного разряда - административно-территориальное устройство - состоит из следующих подгрупп: административно-территориальные единицы; населенные пункты; части населенного пункта. Ко второй группе данного разряда относятся реалии, связанные с органами и носителями власти. Третья подгруппа под названием «общественно-политическая жизнь» состоит из реалий, связанных с политическими организациями и политическими деятелями; патриотическими и общественными движениями; социальными явлениями и движениями; званиями, титулами, обращениями; учреждениями; учебными заведениями и культурными учреждениями; сословиями и кастами; сословными знаками и символами. Четвертая группа данного разряда под названием «военные реалии» состоит из реалий, обозначающих названия подразделений; вооружений; обмундирований; военнослужащих и личного состава.

На основе предметного деления реалий по С. Влахову и С.Флорину В.С.Виноградов [49, с. 51] создает собственную классификацию в следующем порядке: 1. Ономастические реалии, которые состоят из антропонимов, топонимов, имен литературных героев, названий компаний, музеев, театров, магазинов. 2. Ассоциативные реалии, которые состоят из вегетативных символов, анималистических символов, цветовой символики, фольклорных, исторических и литературно-книжных аллюзий и языковых аллюзий.

Таким образом, проведенная классификация реалий основана на научно-методологических принципах лингвистической науки. Обобщая вышеприведенные разновидности классификаций, можно прийти к такому выводу, что реалии разделены на следующие основные группы, которые, в свою

очередь, могут дифференцироваться еще на более частные классы и подгруппы: а) ономастические реалии или имена собственные как реалии; б) атрибутивные реалии или реалии как средство отражения местного исторического колорита; и в) реалии общенациональной особенности.

Следует здесь особо подчеркнуть, что перечисленные классификации в определенной степени условны, так как некоторых из них одновременно можно отнести к нескольким рубрикам и группам предметной классификации, а также к разным ее делениям, или можно включить к другим переводоведческим категориям и разрядам.

Как в практике, так и в теории перевода исследователи всегда опирались на определенные концепции и теории лингвистической науки, и в процессе изменений и появления новых теорий и идей изменялись и развивались основные подходы и модели переводов. «Такое положение было вполне понятным и оправданным, если учесть, что молодая теория перевода, с самого начала объявившая себя прикладной отраслью науки о языке, не могла не опираться на данные фундаментальной лингвистики. Это нередко приводило к тому, что авторы каждой последующей модели если и не отрицали полностью предыдущие, то непременно отмечали их односторонность и неспособность представить теоретическую картину перевода в целом. Само понимание тех или иных моделей перевода было далеко не однозначным» [57, с. 182].

Таким образом, процесс развития практики и теории перевода вместе с другими лингвистическими научными направлениями приобрел поступательное качество и в итоге образовалось достаточно значимое количество переводных моделей, основными из которых можно назвать следующие: ситуативная или денотативная модель, семантическая модель, коммуникативная модель, трансформационная модель, информативная модель.

По мнению ученых, **ситуативная или денотативная модель** связана с тем фактом, что инвариантной (неизменной) основой единиц языка оригинала и языка перевода считается соотнесенность указанных единиц с явлениями, объектами и предметами реальной действительности. В современной

лингвистике они называются референтами или денотатами. С этой точки зрения перевод рассматривается в качестве процесса замены знаков референтов или денотатов первого языка знаками второго языка, которые соотносимы с теми же референтами. Когда отсутствует какой-либо денотат в социальной среде языка перевода, в целях сохранения значения текста перевода могут быть применены определенные приёмы и средства переводческой компенсации. Возможности человеческого языка настолько обширны, что при необходимости можно применять различные варианты перевода, которые смогут компенсировать значение и содержание первоисточника.

Другая, так называемая **семантическая модель** переводческого процесса, формируется на основе анализа содержательных компонентов языковых единиц и присутствия систематических межъязыковых соответствий. «Предполагается, что в процессе перевода в оригинальном тексте вычленяются все элементарные содержательные единицы и их компоненты и им подбираются в языке перевода равнозначные или сходные по содержанию единицы» [49, с. 14]. При этом процесс перевода рассматривает компоненты содержания исходного текста и параллельно с этим синтез смысла в языке перевода. Н.К. Гарбовский в своей работе приводит интересную идею о том, что «семантическая модель перевода поможет понять семантическую структуру английского слова *student* и выбрать соответствующий эквивалент русского языка для перевода в зависимости от того, идет ли речь о юноше или о девушке, об учащемся средней школы или высшей. И в том и в другом случае сообщение о предметной ситуации будет передано. Что же касается идеальной сущности высказывания, то ее дешифровка, понимание, еще не нашла должного отражения в науке о переводе» [57, с. 284]. Следовательно, любая модель в этом плане имеет свои возможности, о которых сложно говорить в рамках других моделей.

В рамках другой, **коммуникативной модели** перевод рассматривается как акт или процесс межъязыковой коммуникации, где необходимо наличие сообщения, отправителя и получателя данного сообщения, а также язык и канал передачи сообщения в форме письменной или устной речи. Коммуникативная

модель основывается на концепциях теории связи и при этом язык рассматривается в качестве своеобразного кода или сигнала. Здесь необходимо отметить, что анализ и интерпретация данной модели, как и других моделей перевода, всегда опираются на достижения языковедческой науки. В.Н. Комиссаров об этом пишет так: «Перевод - это средство обеспечить возможность общения (коммуникации) между людьми, говорящими на разных языках. Поэтому для теории перевода особое значение имеют данные коммуникативной лингвистики об особенностях процесса речевой коммуникации, специфике прямых и косвенных речевых актов, о соотношении выраженного и подразумеваемого смысла в высказывании и тексте, влиянии контекста и ситуации общения на понимание текста, других факторах, определяющих коммуникативное поведение человека» [87, с. 37]. Процесс перевода в рамках коммуникативной модели проводится по той схеме, которая рассматривается в теории коммуникации. По данной схеме адресант кодирует сообщение и отправляет по соответствующему каналу, а адресат, принимая сообщение, осмысляет и перекодирует его при помощи нового кода, и отправляет новому получателю по тем же правилам, сохраняя жанровые и содержательно-семантические особенности исходной информации.

Другая модель под названием «**трансформационная модель**», по мнению Ю. Найды, намного точнее отражает особенности и характер языкового поведения при переводе. В данной модели показывают три последующие стадии процесса перевода: а) анализ; 2) перенос; 3) реконструирование. На первой стадии в сознании переводящего оригинальный текст подвергается расщеплению на ядерные конструкты. На второй стадии переводящий субъект предпринимает попытки замещения расщепленных ядерных конструктов текста оригинала соответствующими эквивалентными конструктами в языке перевода. При таком развитии процесса развивается третья стадия – реконструирование, при котором в языке перевода происходит реконструирование необходимых при переводе конструктов языка оригинала и при этом данное реконструирование максимально должно соответствовать оригиналу. При построении этой модели

перевод трактуется как преобразование текста исходного языка в текст на языке перевода.

Информативная модель также рассматривается многими исследователями таким образом, что основу любого текста, как устного, так и письменного, составляет информация различного содержания. В этом плане основная задача переводчика заключается в правильном восприятии и осмыслении той информации, которая содержится в тексте языка оригинала. Переводчику необходимо осмысливать и осознавать переводимый текст со всеми лексико-семантическими, стилистическими, функциональными и структурными особенностями и при восприятии текста одновременно происходит трансформация и воспроизведение переводимого текста с учетом информационной и содержательной эквивалентности данного языкового переводимого материала. Таким образом, информативная модель рассматривает в качестве важнейшего компонента процесса перевода интеллектуальные навыки и качества как автора, так и переводчика переводимого текста, а также своеобразные и неповторимые особенности культур, мировоззрения, которые воплощаются в языках и наряду с коммуникативными и ситуативными условиями, способствуют порождению переводимого текста оригинала.

Вместе с тем следует особо отметить, что нельзя сводить процесс перевода к какой-либо одной из вышеперечисленных моделей, поскольку он настолько сложен, что все эти модели в определенной степени могут быть применены в зависимости от их эффективности. Наряду с этим, грамматические трансформации, применяемые в семантическом анализе текста и формировании высказывания, могут реализовываться одновременно при помощи методов лексико-синтаксического перефразирования, семантической модификации; помимо этого в определенных случаях можно обнаружить одноэтапные процедуры нахождения непосредственных соответствий.

Таким образом, язык, как основное средство общения в социальной среде способствует совместной деятельности людей, основу которой составляет координация и согласованность посредством коммуникации на базе языковых

ресурсов и механизмов содержания, передачи и трансформации необходимой информации. Переводческий опыт людей основательно доказал, что язык не только отражает объекты, явления и процессы, и не только сохраняет и передает информацию, но и выполняет познавательную функцию, при помощи которой происходит формирование новой мысли.

В современной гуманитарной науке, особенно в современной философии, проблемы взаимоотношения сознания, языка и действительной реальности рассматриваются с различных и порой противоречивых точек зрения. Данные подходы в определенной степени влияют на актуальные проблемы языка и различных отраслей лингвистики, в том числе и на проблемы теории перевода и переводоведения. Например, материалистическое философское мировоззрение считает, что для реализации социальных связей, в том числе общественной жизни, всегда необходимы условия проявления мыслительных способностей человека, чтобы соединять образ своей деятельности с другими образами различных социальных взаимодействий.

Философ М.К.Мамардашвили считает, что логика методологического плюрализма, которая присутствует в современном философском мировоззрении, привела к появлению дуалистического интеракционизма, основу которого составляет положение о совершенно независимом друг от друга существующем «мире материальных объектов» и «мире духовных объектов». Когда эти два мира взаимодействуют друг с другом, подобно взаимодействиям человеческого мозга и сознания, «сознание идеально, так как информация воспринимается человеком отделенной от ее материального носителя» [117, с. 43].

В плане более обширного охвата вопросы перевода и при этом проблемы взаимовлияния языков приобретает тесную взаимосвязь с вопросами диалога цивилизаций и диалога культур. Поэтому в научных концепциях и постулатах определенной группы ученых мы можем проследить идеи о передаче главного значения и основного содержания. Например, В.С. Виноградов считает, что в переводе главным условием является «передача смысловой информации текста.

Мы также считаем, что основная цель перевода должна заключаться в правильной и адекватной передаче основного содержания переводимого текста, но и при этом необходимо учитывать особенности языковой картины мира автора, которые заложены в тексте оригинала. Например, в тексте научного стиля могут содержаться те же значения, которые имеются в текстах фольклора, изложенных или высказанных некоторыми информантами.

Известный русский филолог М. М. Бахтин, создатель концепции гуманитарного мышления и диалога культур, считает, что в единстве человеческого языка и мышления основополагающей стороной является мышление: как отражение действительности, оно создает формы и формирует законы своего языкового бытия. Через сознание и практику структура языка в конечном итоге выражает, хотя и в модифицированном виде, структуру бытия. Обе стороны этого единства отличаются друг от друга: сознание отражает действительность, а язык обозначает ее и выражает в мысли [28, с. 424].

Своими наблюдениями М.М.Бахтин внес значимый вклад в развитие механизмов и способов понимания, анализа и интерпретации текста. По его мнению, гуманитарное мышление имеет отношение только к текстам и при выходе из текста оно может вступить в диалог с внетекстовым автором текста, а также с бесконечным контекстом культуры.

М.М. Бахтин впервые представил теорию полифонии текста как основной принцип взаимоотношения субъектов речи в тексте как участников культурного диалога и полагает, что люди общаются определенными художественными стилями и формами, речевыми жанрами и все входят в общую полифоническую среду: «Мы говорим только определенными речевыми жанрами и относительно устойчивыми формами построения целого» [Там же, с. 257].

Так, для создания диалоговой ситуации необходим некий выход за пределы привычного, обыденного и фиксированного набора смыслов и при этом такой выход не означает исключения аксиологических или ценностных систем своей социальной и культурной среды. Такой подход всегда предполагает готовность человека понять и принять другой способ мышления и другую культуру.

Такие подходы и взаимодействие культур тесно переплетены с вопросами перевода и переводоведения. Об этом интересную идею можно встретить у М.И. Крупянко и Л.И. Арпешидзе, которые считают, что идея диалога культур в настоящее время разворачивается на уровне повседневного общения автономных личностей. По их мнению, возможность и способность к тотальной коммуникации персонифицированных индивидов в условиях нарастания глобальных процессов времени становится проблемой не только сознания, но и бытия вообще, и при таком положении дел учеными-философами выделяются различные модели общения и коммуникации на Востоке и Западе, отражающие «инаковость» сознаний в этих обществах [94, с. 141].

Таким образом, бурно развивающиеся процессы глобализации, различного характера взаимоотношения и контакты межнационального, межконфессионального характера ставят перед наукой о языке новые задачи, выполнение которых является решающим фактором развития как науки, так и социальной жизни.

ГЛАВА II. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В современное время активность языковых контактов английского и таджикского языков не вызывает сомнений. С появлением реальных возможностей для прямого социально-экономического, политического и культурно-образовательного взаимодействия Таджикистана с англоговорящим миром и с присутствием и функционированием множества международных политических, экономических и общественных институтов в республике данный вопрос приобретает особую актуальность.

В этой главе будет проведен сопоставительный анализ наиболее активного пласта безэквивалентной лексики английского и таджикского языков, для чего лексические единицы были распределены по разрядам безэквивалентной лексики, упомянутым в классификациях, рассмотренных в первой главе работы.

2.1. Сопоставительная характеристика реалий в английском и таджикском языках

Вопрос о реалиях, являющийся объектом исследования вот уже более полвека, всё ещё вызывает интерес в силу своей важности и актуальности. Учитывая тот факт, что реалии английского и таджикского языков специально не изучались в сопоставительном плане, данная проблема приобретает ещё большую актуальность. В отечественной научной литературе по переводоведению мы встречаем ссылки на работы, выполненные в начале 50-х годов и в относительно поздние периоды прошлого века такими учеными, как Л.Н. Соболев, Г.В. Чернов, А.В. Фёдоров, Я.И. Рецкер и другие [54, с. 17]. Безусловно, ценнейший и исчерпывающий теоретический материал, посвящённый различным аспектам реалий, содержится и в работе самих авторов упомянутой ссылки. В зарубежной литературе относительно термина «реалия» нет однозначного терминологического соответствия, т.е. на реалии указывают разные термины из

числа, например, таких: culture-specific items; culture-bound terms; cultural items и др. [248, с. 292].

Прежде чем приступить к анализу примеров реалий, следует внести ясность и в другую их особенность с точки зрения терминологической последовательности. Дело в том, что «в филологии существует двойное понимание реалии: 1) как предмета, понятия, явления, характерного для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающегося у других народов; 2) как слова, обозначающего такой предмет, понятие, явление, а также словосочетания (обычно-фразеологизм, пословица, поговорка, присловие), включающего такие слова. По-видимому, чтобы избежать двусмысленности, некоторые авторы стараются уточнить данное понятие, употребляя, наряду с термином "реалия", термин "реалия-слово" [192, с. 10]. Использование нами термина в виде «реалия-слово» или «слово-реалия» в определённых частях нашей диссертации вызвано именно этими соображениями.

Теперь на основе известных приведенных выше классификаций рассмотрим наиболее известные тематические группы реалий английского языка в сопоставлении с реалиями таджикского языка из числа этнографических, общественно-политических и ономастических реалий, а также терминов. При выборе видов реалий будем придерживаться принципа популярности с точки зрения таджикского читателя и воздержимся от страноведческих углублений в различные сферы жизни носителей английского языка - американского и британского народов, ибо реалии в английском языке очень многочисленны и охватывают почти все стороны социально-экономической, исторической и культурно-просветительской жизни упомянутых народов.

2.1.1. Сравнительно-типологический анализ этнографических слов-реалий

В настоящем разделе будет проведена развернутая сопоставительная характеристика семантической составляющей слов, объединенных общими понятиями концепта «жилище», «одежда», «пища и напитки», «бытовые

заведения», «реалии транспорта», «обычаи и традиции/праздники», «меры веса, расстояния, жидкостей» и «деньги». Они тесно связаны с экстралингвистическими особенностями лексических единиц и специфической информацией, присущей той или иной лингвокультурной среде. Вышеназванные понятия имеются в разных языках, в том числе, в английском и таджикском. Однако они могут иметь существенные различия с точки зрения форм и способов выражения и актуализации в речи.

Данные понятия входят в этнографические реалии, которые составляют одну из многочисленных групп безэквивалентной лексики и тесно связаны с национально-культурными особенностями отдельных народов. Действительно, каждому народу присущи свои средства отражения действительности и способы восприятия языковой картины мира. Общие жизненные понятия в разных социумах могут совпадать, однако способы их интерпретации могут иметь иную окраску и существенно отличаться друг от друга. Всё это наталкивает на поиск современных подходов к изучению и описанию лингвокультурных единиц.

В разное время перед переводчиками стояли разные задачи. Если главной задачей древних переводов было дословное воспроизведение лексических и других языковых единиц, то за последнее столетие на первый план вышли средства сохранения индивидуального стиля авторов произведений. Иначе говоря, от переводчиков требуется знание условий перехода от единиц одного языка к другому языку, способы адекватной передачи мысли и сохранения содержательного компонента переводимого текста.

Вместе с тем, в настоящее время «в условиях роста социальной значимости межкультурной коммуникации и мотивации к овладению иностранными языками, прежде всего английским, повысилась престижность лингвистического образования. При этом лингвокультурный компонент изучения языка выделяется в качестве приоритетного. Акцент в изучении иностранного языка (ИЯ) смещается с позиции изучение языка и культуры на позицию изучение культуры через овладение языком» [137, с. 90]. Как видно, перед современным переводчиком, среди прочих, стоят конкретные задачи адекватного восприятия и адекватного

воспроизведения лингвокультурной информации на уровне переводимого дискурса.

Жилище. В английском лингвокультурном пространстве понятие «жилище» очень многогранно и в большинстве своём не полностью совпадает с таджикскими словами, обозначающими жильё. При непосредственном общении с иностранными гражданами больше всего употребляются слова **apartment** и **house**. Если начать свой анализ с такого элементарного, казалось бы, понятного слова, как **apartment**, то становится понятным, что в таджикском языке этому слову может соответствовать заимствованное из русского языка слово **квартира**. Данное слово широко распространено в таджикском лингвокультурном пространстве и по своему значению противопоставляется слову и понятию **хона** (часто *хонаи заминӣ*) (досл.: наземный дом, в отличие от квартиры в многоэтажном доме, участок). В разговорной речи также употребляется слово **хавлӣ** (дом с приусадебным участком). Значение данного слова в английском языке можно передать словом **yard**, но при этом ему может соответствовать и другое слово **house**. Любопытно, что в персидском лингвокультурном пространстве встречаем транскрипцию английского слова **apartment** в виде **опортумон**, причём данная форма как никакое другое слово передаёт значение данного английского слова и прочно закрепилось в современном персидском языке. В той же лингвокультурной среде этому слову противопоставляется слово **вилло** (вилла), которое указывает на дом, а не на квартиру. В отличие от персидского языка, в таджикском языке делается попытка заменить слово **квартира** таджикскими словами **хона**, **утоқ**, однако, скорее, это не совсем обоснованное стремление и слово **хона** требует в этом случае обязательного уточнения – идёт ли речь о доме (с участком) или о квартире в многоэтажном доме.

Следует отметить, что с понятием **дом-жилище** в сопоставляемых языках связаны и другие не менее интересные вещи. Например, американцы удивляются, когда в таджикском доме гостей провожают до ворот и когда и в доме или квартире сажают гостей на почетное место верхней части комнаты, т.е. подальше

от входной двери, так как считается чем дальше от неё – тем уважительнее. В таких случаях любой хозяин-таджик невольно произносит слова-приглашения “аз боло гузаред” (проходите навверх, в смысле на почетное место). При наличии нескольких гостей сами гости автоматически контролируют, кому из них куда сесть, чтобы занять место по статусу в зависимости от возраста, степени образованности, занимаемого положения в обществе и т.д. Все эти тонкости не совсем понятны американцу и британцу, пока он не столкнется с этим на месте. Также у таджиков считается проявлением неуважения к гостю, если они не проводят его до конца своей “территории”. Американцы же провожают гостей только до порога дома, даже если дом расположен в большом дворе.

Следует отметить, что **apartment/house** и квартира/хона, безусловно, отличаются своим интерьером. Например, в Таджикистане и в квартирах могут сидеть на полу, на курпачах (национальное ватное одеяло), а **apartment** предполагает наличие мебели и т.д.

Безэквивалентны также и другие слова английского языка, выражающие понятие жилища: **palace, castle, townhouse, cottage, villa, ranch, trailer** и гостевые дома типа **motel, boatel, American plan hotel, 5-star hotel, hostel, doss-house** и др. При их использовании в таджикском языке применяют, как правило, транскрипцию с пояснением значения, и калькирование, или подбирают соответствия из числа существующих с таким значением слов, если они близки по значению: **хона, квартира, кулба, кошона, қаср** и др., и **меҳмонхона, меҳмонсарой, мусофирхона, меҳмонхонаи панситора, корвонсарой** (ист., караван-сарай) и др. Речь здесь может идти о близком, но не одинаковом значении объектов, связанных с местом, где проживает человек, ибо каждое из перечисленных мест отличается рядом своих специфических особенностей. К примеру, если **hotel** представляет собой гостиницу со всеми удобствами для проживания в течение длительного времени, то **motel** обычно является местом для кратковременного отдыха автотуристов, чаще всего, переночевать и на второй день продолжить путь. Однако сегодняшняя реальность такова, что даже сами американцы порой размещают своих гостей в мотелях в силу доступности их по

цене. В таджикском лингвокультурном пространстве роль мотелей выполняют придорожные чайханы. Исторически в качестве таковых выступали караван-сарай - **корвонсарой**. Если не учитывать разницу в виде транспорта – раньше в караван-сараях путешественники останавливались, чтобы дать передышку своим верблюдам и лошадям, а в настоящее – отдохнуть и в случае необходимости отремонтировать транспортное средство. С этой точки зрения назначение придорожных чайхан и бывших караван-сарая совпадает. Год за годом в отдельных местах при придорожных чайханах появляются более комфортные места для отдыха путников – **мехмонсарой**.

Отличаются также слова **terrace** и айвон, которые функционально относительно близки друг к другу по значению, но отличаются в чисто национальном понимании двумя народами. Уместно также упомянуть, что некоторые из перечисленных выше английских слов уже существуют в таджикском языке в форме транскрипции: **вилла, катеч, хотел** и др.

Безэквивалентны также фразеологические единицы и пословицы и поговорки и другие устойчивые выражения, в составе которых употреблены слова со значением жилища: *east or west, home is the best*; *оби дари хона кадр надорад* (досл.: вода (в речке) возле дома не ценится); *хонаву палос, одаму либос* (досл.: дом красит ковёр, а человека – одежда) и т.д.;

Одежда. Слова, обозначающие понятие одежды, входят в категорию лексики, тесно связанной с национально-культурными особенностями народа и ярко подчёркивающих национальный колорит. В английской лингвокультурной среде есть немало слов этой категории, которые являются безэквивалентными по отношению к таджикскому языку. Конечно, лидером в этом плане можно считать слово **jean** и связанные с ним разные виды одежды. В толковом словаре английского языка находим следующее толкование: 1: a durable twilled cotton cloth used especially for sportswear and workclothes; 2: pants are usually close-fitting and made especially of jean or denim – usually used inpl.. [Webster's Collegiate Dictionary, 2000, 627]. Как видно из словарной статьи, слово **jean** представляет собой прочный хлопчатобумажный материал, используемый для шитья в основном

неформальной одежды. А во множественном числе оно означает брюки, сделанные из данного материала. Кроме брюк шьют также и костюмы, юбки и т.д. Так как это слово общеизвестно, в таджикском языке оно употребляется в транскрипции - **чинс** - и не требует особых пояснений. Однако, в отдельных случаях в сочетании с различными словами оно нуждается в некотором уточнении: *blue jeans*, *bine jeans*, *jeans shirt*, *jeans jacket* и т.д. Даже в значении *брюки* слово *jeans* переводится на таджикский язык словосочетанием **шими чинс** (джинсовые брюки). Таким же образом можно продолжать для семантизации разных сочетаний слова **jeans** в таджикском языке: **куртаи чинс** (джинсовая рубашка), **домани чинс** (джинсовая юбка) и т.п. Однако следует отметить, что слово **jean** в форме множественного числа **jeans** обозначает только брюки (джинсовые). Если в русском языке это можно выразить одним словом **джинсы**, то в таджикском форма множественного числа данного слова **чинсҳо** ни о чём конкретно информацию не представляет. Правильнее говорить **шими чинс** (джинсовые брюки).

Безэквивалентны в отношении таджикского языка следующие слова, обозначающие одежду и требующие многословные пояснения:

blazer	- навъи жакети варзишӣ;
tuxedo	- костюми расмӣ, пирохани расмӣ;
waders	- мӯзаҳои ботлоқӣ (ки то камар мерасанд);
tailcoat	- костюми дунболадор, костюми расмӣ (навъи либоси мардона, ки пеши кӯтоҳу ақиби дарози доманаш миёнчок аст).

Имеется группа английских безэквивалентных слов в значении одежды, известных в таджикском языке своими русскими вариантами:

sweater	- свитер, пирохани пашмӣ, пирохани бофта
blouse	- блуза
pantaloons	- панталон, шалвори танг, пойчомаи занона
frock	- фрак, либоси расмии мардона, пирохан, чома (занона)
coat	- пальто

helmet	-	каска
suit	-	костюм
T-shirt	-	футболка
shorts	-	шортик
tights	-	колготки
pajamas	-	пижама, либоси хоб.
tie	-	галстук
breeches	-	бричи, эзор, шалвор.

Данная группа названий предметов одежды в таджикском языке входит в разряд слов, заимствованных из английского языка через русский язык.

Слово **frock** имеет очень широкое значение и в зависимости от конкретного случая может переводиться по-разному – и как официальная мужская одежда, и как особое женское платье.

Несмотря на то, что некоторые слова (*sweater, pantaloons, frock, pajamas*) имеют русские соответствия и поясняющие словосочетания в таджикском языке, в отдельных случаях трудно обойтись только пояснением многословными таджикскими словосочетаниями без упоминания их русского варианта, после чего значение слова более конкретизируется и сразу становится понятным читателю. Однако этим не исключаются немалое количество фактов, когда калькирование или толкование английских слов и словосочетаний со значениями, связанными с одеждой, дают положительные результаты, т.е. они вполне понятны таджикскому читателю: *swimsuit*–либоси шиноварӣ, *underwear*– либоси зерпӯш, *overalls*–либоси махсус и др.;

Слову **helmet** иногда при переводе подбирают слово **кулоҳ** или **сарпӯш (каллапӯш)**, а потом уточняют его значение, в разговорной речи у таджиков укоренилось соответствующее русское слово **каска**. **Кулоҳ и сарпӯш (каллапӯш)**– это вообще головной убор, но разной модификации. Все смысловые оттенки данного английского слова без необходимых пояснений одним словом невозможно передать. Для сравнения можно отметить, что в англо-таджикском словаре 2007 года (А. Мамадназаров) слово **кулоҳ** приводится в статьях и к слову

сар (стр.122) и к слову **hat** (стр. 387). Слова **кулоҳ** и **сарпӯш (каллапӯш)** подходят к словам **hat** и **сар**, хотя при их использовании также потребуется конкретизация значения в таджикском языке в зависимости от того, о каком головном уборе идёт речь – летнем (шляпа), осенне-весеннем (шапка) или зимнем (телпак-тёплая шапка) и т.д.

В таджикских переводах встречается словосочетание **шалвори кӯтоҳ** для обозначения **shorts**, однако в разговорной речи часто используется слово **шортик** с ударением на конечный слог.

Безэквивалентность таджикских слов-реалий со значением одежды очевидна. Традиционными, однословными переводами невозможно перевести на английский язык таджикские слова **тоқӣ**, **рӯмол**, **куртаи чакан**, **куртаи атлас** и т.п.:

тоқӣ	-	toqi, a national hat, for men and women;
рӯмол	-	rumol, a national kerchief worn by women;
куртаи чакан	-	kurtai chakan, tajik national women's dress;

Чтобы понять их значения англоязычному читателю потребуется развёрнутый комментарий безэквивалентных слов данной категории. Сравним некоторые электронные информативные источники:

Because of the cold climate of the Pamir Plateau, the garments of Tajiks are mainly cotton-padded. Women wear bright-colored clothes and favor long skirts. When going outdoors, they wear kerchiefs, older women wearing white and younger ones yellow or green. The men's **caps** look like small barrels, and are lined with black lamb skin. The lower brim is rolled up revealing the fur lining, which is both decorative and practical. They have an embroidered scarf around the waist called a **rumol** [305].

Normally, Tajik men are seen wearing jeans and shirts or in formal suiting while the **Tajik women** are observed in skirts, stockings and heels. The skirts of the women may contain many layers embellished with flowery or wavy patterns with round-toed heels having beads or buckles. The traditional dress of Tajik men is a bulky trouser along with a collared and tunic shirt. Normally this dress was accompanied with a traditional black hat that was decorated with white embroidery. In some parts of

Tajikistan, the men also use turbans for their head cover. The situation of the Tajik women **clothing** was not much different except from the neckline shaping of the long tunic shirt. The traditional dress of the Tajik women is long shapeless **attire** prepared with brilliant and showy color patterns along with the matching pants. The dress was usually accompanied with the embroidered traditional shoes. Some women also use **Scarf** or **Hijab** in order to cover their head or neck [307].

Как видно из отрывков, в первом примере описывается одежда жителей Бадахшана, а во втором примере говорится об особенностях мужской и женской одежды таджиков, судя по всему, в очень подробных и длинных неизбежных комментариях.

Действительно, при изучении такой темы, как одежда таджикского народа иностранными читателями, важно понять то разнообразие одежды, которое связано с региональными особенностями культуры одевания людей в Таджикистане. Продолжая рассуждение о памирском регионе необходимо отметить, что, хотя в английском языке есть слово *socks*, для обозначения носков, таджикский чуроб (джурабы) сильно отличается от всех видов носков, и тесно связан с рукодельным искусством Горного Бадахшана Таджикистана. В силу своей самобытности и красочности джурабы входят в обязательный сувенирный набор многих иностранных гостей, посещающих нашу страну. Чтобы объяснить это англоговорящему туристу, например, необходимо подробное толкование следующего характера – *jurob, tajiki national woolen hand-made socks usually worn by men and women in wintertime.*

Безэквивалентные слова-реалии, обозначающие одежду в английском и таджикском языках, очень продуктивно используются в составе ФЕ и пословиц народов-носителей данных языков, что также подчеркивает их самобытность и уникальность. Например, в английском языке очень распространены следующие фразеологические единицы и пословицы: *to be in smb.'s shoes* (досл.: быть в чьей-то обуви)–дар пояфзоли касе будан, дар вазъияти каси дигар қарор ёфтан, кори каси дигарро анҷом додан; **to have not a shirt to one's back** (жить в крайней нищете) – дар вазъияти фақр умр ба сар бурдан; **bad hat** (никудышный человек) –

“кулоҳи бад”, одами маккор; **talk through one's hat** (брать с потолка) – аз тариқи кулоҳ ҳарф задан, лоф задан. В отличие от фразеологизмов пословицы легче поддаются дословному воспроизведению и обычно понятны без дополнительных пояснений: **clothes make the man** (одежда красит человека) – одамро либос зебо мегардонад, ср.: хонаву палос, одаму либос; **cut your coat according to your cloth** (по одежке протягивай ножки) – куртаатро чени матоят бибур, ср.: ба кӯрпаат нигоҳ карда, поятро дароз кун; **near is my shirt, but nearer is my skin** (досл.: собственная шкура дороже рубашки. Ср.: своя рубашка ближе к телу) – куртаам ба танам наздик аст, вале пӯстам наздиктар аст, ср.: аввал хеш, баъд дарвеш; **don't make clothes for a not yet born baby** (не готовь платье для ещё неродившегося ребёнка) – барои кӯдаки таваллуднашуда курта мадӯз), ср.: обро надида, мӯза накаш; бача дар сафар, номаш Музаффар; **as welcome as water in one's shoes** (нужен, как собаке пятая нога) – ба мисли об дар дохили пойафзол хушоянд аст и многие другие.

Приведем примеры таджикских фразеологических единиц и пословиц и поговорок, имеющих в своем составе слова, обозначающие одежду: дасту **остин** барзадан (засучить рукава); аз **гиребон** гирифтан (досл.: схватить за воротник, ср.: брать кого-либо за шиворот); аз як **гиребон** сар баровардан (быть единомышленным, действовать сообща); аз шодӣ ба **курта** нағунчидан (досл.: от радости не вмещаться в рубашку, ср.: сильно обрадоваться); **чомаи** бомаслиҳат кӯтоҳ намеояд (досл.: халат, шитый по совету, не бывает коротким) - и т.п. Хотя отдельные слова, используемые для обозначения одежды в составе фразеологизмов и пословиц, могут не входить в категорию безэквивалентной лексики, тем не менее, как компонент целого высказывания они способствуют тому, чтобы целая единица (фразеологическая или пословичная), стала безэквивалентной.

Продукты питания и напитки. Слова, обозначающие продукты питания и напитки, составляют достаточно большой пласт.

Это обстоятельство вполне объяснимо тем, что кухня – вещь сугубо национальная, и каждый народ обладает собственными словами, обозначающими

кухонные предметы и принадлежности, наименования блюд, способы их приготовления и т.п.

Вместе с тем, следует отметить, что большинство продуктов, используемых для приготовления пищи – салатов, блюд, различных напитков могут быть общими в рассматриваемых языках. Здесь имеются в виду, главным образом, различные виды овощей – onion–пиёз (лук), carrot–сабэй (морковь), potato–картошка (картошка) и другие и фрукты – apple–себ, pear–нок (груша) и другие и ряд мясных продуктов. Однако создаваемые из них блюда одним народом, можно сказать как произведения искусства, составить то сугубо национальное, что нельзя обнаружить у другого народа.

Так, к категории любимых национальных блюд англичан входят roastbeef – ростбиф, beefsteak – бифштекс, bacon – бекон, различные пудинги (рождественский плумпудинг) и тосты, «fish and chips» (в забегаловках) и другие.

Американская кухня также разнообразна в силу проживания там многочисленных эмигрантов со всего мира и поэтому в американском английском языке встречаются, например, слова chili (Мексика), pizza, spaghetti (Италия) и т.д. Тем не менее, к числу «американских» блюд можно отнести такие блюда, как pizza, sausage, pasta, beefsteak и др. Отсюда, в зависимости от региона, тот или иной вид блюда занимает доминирующее место.

Первенство в номенклатуре символов американской кухни неизменно держат рождественская индейка с яблоками и яблочный пирог.

Сегодня в сфере американского общественного питания большое место занимают рестораны быстрого обслуживания, которые обычно называются fast-food (тезтайёр-фастфуд). В форме полуфабрикатов и готовых продуктов известны также многочисленные hamburgers (гамбургеры), butter-bread (бутерброды), hotdogs (хот-доги), friedpotato (картошка фри), cutlet (котлеты), friedeggs (яичница), coca-cola (кока-кола), coffee (кофе) и т.д.

В такой небольшой стране, как Таджикистан, также наблюдается распределение блюд по региональному принципу. Например, **курутоб** и **шакароб** являются традиционными блюдами южан, в то время как **оши палов** и различные

виды **шашлыков** относятся первоначально к традиционным видам блюд северян. Горный Бадахшан также славится своими традиционными блюдами, в числе которых можно назвать известный **ширчой** (чай с молоком).

Чай, пожалуй, можно считать напитком, широко распространенным в лингвокультурном пространстве таджикского и английского языков – и там и тут пьют чай и за завтраком, и после обеда, и вечером. Даже названия общественных заведений совпадают – в туристических районах Англии кафе часто называют **tee-room**, что по названию полностью совпадает с таджикской **чайханой**. С лингвистической точки зрения данные слова являются полными эквивалентами, хотя они отличаются рядом других особенностей. Tea-room в Англии, конечно, больше похож на кафе. Таджикская классическая чайхана представляет собой место, где в городских махаллях и сельских поселениях собираются пожилые люди, обсуждают насущные проблемы жизни за чашкой чая и приятно проводят время. Чайхана представляет собой, как правило, открытое место, окруженное деревьями, на которых повешены клетками преимущественно с перепелками. Традиционно здесь подают чай, национальные сладости и другие блюда.

Англичане являются большими любителями чаепития. Многие предпочитают добавлять в чай молоко после того, как он заварится. Пьют его обычно в любое время дня, выпивая в среднем по семь — девять чашек в день. Примечательно, что в Таджикистане любители чая, особенно те, кому другие напитки противопоказаны по состоянию здоровья, берут с собой в термосах чай в дорогу, на работу и т.д. В американской среде в употреблении напитков преобладают различные «содовые», преимущественно соса-cola.

Следует также указать на ещё один любопытный момент, связанный со словом «чай». Дело в том, что выражение **як пиёла чой – a cup of tea** (чашка чая) в таджикской лингвокультурной среде имеет и более широкое значение. Оно очень распространено среди таджикского народа и употребляется в переносном значении для приглашения в гости. Например, когда таджики традиционно приглашают гостей, как местных, так и иностранцев, они говорят “мо Шуморо ба як пиёла чой даъват мекунем” – you are invited to have a cup of tea with us -

приглашаем Вас на чашку чая. На самом деле там будет далеко не только «чашка чая», что иностранцам не понять без дополнительной информации. Отсюда приятное удивление многих американских и европейских гостей, посетивших гостеприимных хозяев. У них дома Потому что на дастархане (на столе) кроме чая гости обязательно увидят всё – от различных национальных и других сладостей, разных видов лепёшек, напитков до первых и вторых блюд с десертом и крепких напитков. В англо-американской лингвокультурной среде **a cup of tea** или **a cup of coffee** предполагает угощение только названными напитками или максимум с сахаром и каким-либо печеньем или сладостями.

Имеются также существенные отличия и в режиме питания. У англичан он весьма традиционен: breakfast в 7 - 8 часов утра; lunch в 1 - 2 часа дня (второй завтрак); five o'clock - в 5 - 6 часов вечера; dinner(обед) в 7 - 8 часов вечера и supper (ужин) в 10-11 часов вечера. Подобный режим питания до сих пор соблюдается во многих английских семьях. При этом dinner считается главным, наиболее плотным приёмом пищи. А supper – это скорее легкий ужин. В таджикской лингвокультурной среде обычно соблюдается режим трёхразового питания – субхона (завтрак) – 7-часов утра; хӯроки нисфирӯзӣ (обед) – 12-13 часов дня. Что касается шом (ужин), то здесь нет четких соблюдаемых временных рамок. Некоторые семьи ужинают начиная с 6 часов вечера, а некоторые даже в 10 часов вечера. Но характерным временем для приёма ужина можно считать срединный промежуток между 7-8 часами вечера.

Отличаются в рассматриваемых языках слова-реалии, обозначающие места приёма пищи. В Англии – это различные restaurants, pubs, schooldinners, bars, snack-bars, canteen ит.д. Пабы остаются традиционным сугубо английским общественным заведением, главным местом общения. Их полное название – «publichouse». В таджикской среде известны такие заведения, как ошхона, тарабхона, чойхона, қаҳвахона и, конечно же, современные заведения под названием тезтайёр (фастфуд) с различными видами национальных самбуса и пирожков, сосисок, напитков и т.д. В последние годы наблюдаем также существование специальных мест по приготовлению национальной и зарубежной

кухни, названия которых совпадают с названиями приготавливаемого блюда обычно с добавлением имени хозяина: самбӯсаи Амбарой, оши 1x1 Пулод, курутобхона и т.д.

Приведем наиболее распространенные безэквивалентные реалии-слова, обозначающие пищу, напитки и фрукты англичан и американцев, требующие дополнительные пояснения в таджикском языке:

roast beef	-	гӯшти гови бирёншуда (жареная говядина)
chips	-	чипс (хӯрок) (чипсы – еда)
pudding	-	пудинг (пудинг)
plum pudding	-	плампудинг
beef steak	-	бифштекс
sandwich	-	сэндвич
steak	-	стейк
hamburger	-	гамбургер
hotdog	-	хотдог
pop corn	-	попкорн
Bar-B-Que	-	барбикю
turkey	-	хурӯси мурғи марчон (индейка)
fast food (сист.)	-	фастфуд, зудпаз, тезтайёр (фастфуд)
gin	-	чин (джин)
grog	-	гrog
whisky	-	вискаи
brandy	-	брэнди
rum	-	ром
port	-	портвейн
grapefruit	-	грейпфрут
banana	-	банан.

Наиболее распространенные безэквивалентные реалии-слова, обозначающие пищу и напитки в таджикском языке, которые нельзя в английском языке полностью понять только по названию:

- оши палов** - oshi palov, a national second course dish, pilaw, cooked with rice, carrot meat and oil (плов);
- хомшурбо** - khomshurbo, a Tajik national type of broth (шурпо, суп);
- курутоб** - qurutob, a national second course dish made from qurut, a kind of cheese dried in the form of small balls (кушанье, приготовленное из курута);
- шакароб** - shakarob, a national second course dish made from hot national bread, amasi and vegetables (национальное блюдо из свежее-испеченной лепешки, заправленное кислым молоком и овощами);
- ширчой** - shirchoy, a national form of tea with milk (национальная форма чая с молоком);
- манту** - mantu, a national second course dish made from forced meat in the dough (национальное второе блюдо в форме крупных пельменей, сваренных на пару);
- тушбера** - tushbera, a national first/second course dish, national type of pelemene (пельмени);
- чакка/сузма** - chakka, heavy amasi (густое кислое молоко);
- дуғоб/айрон** - dughob, cold drink made from sour mil with vegetable herbs (прохладительный напиток из кислого молока с пряностями);
- сумалак** - sumanak, a traditional sweet made from malt, sprouted weat and flour, especially during Navruz Holiday, Persian New Year (традиционная сладость из солода, пророщенных зёрен пшеницы и муки; обычно готовится весной);
- фатир** - fatir, a national bread made from unfermented dough (лепешка из пресного теста);
- лағмон** - laghmon, a national dish made from dough (лагман).

Своеобразны в рассматриваемых языках также и средства приготовления блюд. Например, roaster (гриль), toaster-oven (минидуховка), frying pan (сковорода), танӯр (танур – специальная глиняная печь для выпекания лепешек), дег (котел) и другие.

Английские реалии со значением пищи и напитков отражается и в англо-таджикских двуязычных словарях. В словаре 2007 года А. Мамадназарова в частности встречаем следующие слова, подверженные развёрнутым описаниям их значения:

- veal** - гӯшти гӯсола (телятина);

stew	- гӯшти дампухт (тушеное мясо);
beef tea	- супи обакии гӯшти гов, ки мисли чой мехӯранд (крепкий мясной бульон);
ham	- гӯшти рон; гӯшти рони хук, рони хуки намакзада ва хушкшуда (ветчина);
cutlet	- катлект, гӯшти кимакардашуда ва пухта (котлета);
bacon	- гӯшти намакзадаи хук (копченая свиная грудинка, бекон);
beef steak	- бифштекс, як порчаи гӯшти лаҳми бирён (бифштекс);
tonic	- оби газдор, содда, тоник, бо водка, чин ва ғ.меомезанд (тоник);
highball	- навъи машруби алкулӣ, омезиши виски ё бренди бо об (стакан виски с содовой водой);
flip	- флип, як навъ нӯшокии спиртӣ (флип, спиртной напиток);
bun	- як навъи кулча, нони гирдшакл (сдобная булочка с изюмом);
cocktail	- коктейл, нӯшокии ширини омехта бо машрубот, шир ва ях (коктейль).

Как видно из примеров, мясопродукты играют особую роль в питании англичан и американцев, следовательно, существует множество разновидностей и названий блюд, приготовленных из мяса различных сортов или связанных с ним. При этом мясо различных животных и частей туловища животных имеет свое название.

Также примечательно, что слова *broth* и *хоншӯрбо* обозначают очень близкие по составу продуктов и способу приготовления блюда. При межъязыковом общении можно считать их близкими по значению словами и использовать для семантизации друг друга, правда, не без уточнений.

Большинство английских слов-реалий со значением пищи и напитков понятны таджикскому читателю в их транскрипции – *hotdogs*-хот-дог, *hamburger*-гамбургер, *cheeseburger*-чизбургер, *whisky*-виски, *brandy*-бренди, *yoghurt*-йогурт и др. Слова данной категории вошли в употребление вместе с таким понятием, как *fast-food*, которое, кстати, в таджикском языке также употребляется как **фастфуд**, хотя сейчас наблюдается попытка замены этого слова словом **тезгайёр** (быстрая

готовка). Некоторые из названий различных блюд известны в своей калькированной форме – birthday cake – торти рӯзи таваллуд, bride-cake – пироги (торти) тӯй, или описательной форме - biscuit – нони хушк. Имеется также группа слов, которая известна в таджикском языке в своём русском варианте: sprat – шпрот, cake – торт, caviar – икра (тухми моҳӣ) и др. В любом случае вопрос их перевода или семантизации решается нетрадиционными, но вполне известными и приемлемыми способами.

Транспортное средство. Транспорт как средство передвижения представляет собой важную составляющую в жизни народов. В зависимости от особенностей исторического развития, у каждого народа формируется своё понятие транспортных средств -**cart** (повозка), **ароба** (арба) и др.

В современное время виды транспортных средств можно рассматривать в трёх группах – land transport – нақлиёти заминӣ (наземный транспорт), water transport – нақлиёти обӣ (водный транспорт) и air transport – нақлиёти ҳавойӣ (воздушный транспорт). Нельзя относить большинство слов, обозначающих виды транспорта, входящих в вышеупомянутые группы, к числу безэквивалентной лексики в рассматриваемых языках в силу их известности и практической применимости большинством народов, в том числе англоговорящими народами и таджиками. Например, почти все виды транспортных средств упомянутых групп, относящихся к категории public transport – нақлиёти чамбиятӣ (общественный транспорт), общеизвестны и понятны носителям английского и таджикского языков - bus-автобус, train – қатора, пойиз (поезд), car–мошин (машина), airplane–ҳавопаймо (самолет) и т.п. Однако существуют некоторые слова, которые обозначают понятия, связанные со спецификой использования отдельных видов транспорта одним народом, в данном случае английским, и представляют трудности для понимания другими народами, в том числе таджикским. Сюда можно отнести слова, обозначающие ряд видов транспортных средств в английском языке типа:

recreational vehicle - воситаи нақлиёти фароғатӣ (дом на колесах)

moving van	- мошини боркаш барои интиқоли мебел (грузовик для перевозки мебели)
station wagon/ estate car	- воситаи нақлиёт бо шакли “универсал” (автомобиль с кузовом «универсал»)
sports utility vehicle (часто SUV)	- мошини варзишии ҳамачоғард (внедорожник)
tow truck	- мошини ёрии техникӣ (автомобиль технической помощи)
hatchback	- мошине, ки пушташ ба боло ба мисли дар боз мешавад, хэчбэк (автомобиль с открывающейся вверх задней дверью)
saloon car	- мошини навъи седан барои 4-6 мусофир (автомобиль с кузовом "седан" для 4-6 пассажиров)
motor scooter	- скутер
two-decker	- автобус ё троллейбуси дуошёна (двухэтажный автобус или троллейбус)
caravan	- караван, хонаи чархдор (дом-автоприцеп)
jeep	- чип (джип)
articulated lorry	- автопоезд
express train	- қаторай зудгард, экспресс (скорый поезд)
local train	- қаторай атрофишаҳрӣ (пригородный поезд)
high-occupancy vehicles (HOV)	- мошин барои мусофирони бисёр (автомашина с большим числом пассажиров)
federal highways	- шоҳроҳи федералӣ (федеральная трасса)
ordinary roads	- роҳҳои муқаррарӣ (обычные дороги)
district roads	- роҳҳои ноҳиявӣ (районные дороги)
cowboy	- ронандаи тезҳаракат (погонщик, водитель-лихач)
shuttle bus	- автобус бо сархати махсус (челночный автобус)

Такие слова тесно связаны с жизненным укладом и лингвокультурными особенностями английского и американского народов и при встрече, использовании или переводе подобных слов пользователю языка или переводчику, как правило, приходится прилагать дополнительные усилия для полноценного и правильного раскрытия их значений.

В имеющихся англо-таджикских двуязычных словарях транспортная лексика отражена весьма скудно. Например, словарь 2007 года издания (А.Мамадназарова) содержит около полутора десятка лексических единиц данной категории, главным образом, водного транспорта. А страноведческого словаря как такового, охватывающего более широкий круг слов, связанных с понятием “транспорт” в таджикском языке, пока не существует. Приведем несколько примеров из упомянутого выше словаря. В нем встречаем слова, для семантизации которых используются русские синонимы слов, что понятно образованному таджикскому читателю:

scooter	-	мотороллер
glider	-	планер
streetcar	-	<i>амер.</i> трамвай
barge	-	баржа (як навъи киштӣ-вид судна)
liner	-	лайнер (киштӣ ё тайёра, ки дар хати муайян рафтуомад дорад-судно или самолёт, движущиеся по определенному маршруту).

Также встречаем случаи, когда словарная статья содержит подробное разъяснение значения слова на таджикском языке:

scow	-	киштии тагпахни боркаш (грузовая баржа)
steamer	-	киштии буғӣ (паровое судно)
trawler	-	киштии моҳигирӣ (рыболовное судно)

Праздники. Данная группа реалий тесно связана с национальными особенностями языков, поэтому обозначающие их слова, кроме наименований некоторых общих праздников, целиком можно отнести к разряду безэквивалентной лексики. К числу английских безэквивалентных слов, обозначающих главные официальные праздники в Англии, можно отнести следующее:

Hogmanay	-	арафаи соли нав (канун Нового года)
New Year and Christmas	-	Соли нав ва зодрузи Ҳазрати Исо

	(Рождество Христово)
Boxing day	- Рӯзи додани ҳадяҳо (День подарков);
St.Valentine's Day	- Рӯзи Валентини муқаддас, рӯзи ошиқон (День Святого Валентина)
AprilFools'Day	- Рӯзи якуми апрел, рӯзи шӯҳӣ (1-е апреля, день шуточных обманов, День дурака)
St.Patrick's Day	- Рӯзи Патрики муқаддас (День Святого Патрика)
Queen's/king's official Birthday	- Рӯзи таваллуди монарх, рӯзи расмии Малика/Шох (Официальный день рождения Королевы/Короля)
Good Friday	- Рӯзи Чумъаи Бузург, иди динии масеҳӣ, Пасха (Страстная Пятница, Пасха)
Easter Day	- Писҳо, иди динии яҳудиён ва насрониҳо (Страстное Воскресенье)
Easter Monday/Egg Nyte	- Рӯзи душанбеи Пасха (Пасхальный понедельник)
May Day	- Рӯзи баҳор (День весны)
August Bank Holiday	- Рӯзи истироҳати моҳи август (Августовский день отдыха)
Notting Hill Carnival	- Карнавал дар Ноттинг Хилл (Карнавал в Ноттинг Хилл)
Guy Fawkes Night/Bonfire Night	- Шаби Гай Фокс ё Шаби Гулханҳо (Ночь Гая Фокса или Ночь костров)
Halloween	- Хэллоуин (Хэллоуин)

В американской лингвокультурной среде встречаем следующие безэквивалентные слова, обозначающие главные официальные праздники:

Birthday of Martin Luther King	- Зодрӯзи Мартин Лутер Кинг (День рождения Мартина Лютера Кинга)
President's Day	- Рӯзи Президентӣ (Президентский День)
Columbus Day	- Рӯзи Колумб (День Колумба)
Thanksgiving Day	- Рӯзи шукргузорӣ (День благодарения)

Соответственно, слова, обозначающие эти праздники, безэквивалентны в таджикском языке. Это именно те случаи, когда слова не имеют в другом языке прямых соответствий и требуют толкования.

Каждый из приведенных выше праздников имеет свои особенности, для полного раскрытия значения которых порой необходимо информации намного больше, чем мы привели, что и является одним из факторов образования безэквивалентности лексики, обозначающей их.

К группе таджикских слов-реалий, обозначающих официальные национальные праздники, не имеющих соответствий в английском языке, можно отнести следующее:

Рӯзи модарон	-	Mothers' Day (День матери)
Иди байналмилалии Наврӯз	-	International Holiday of Navruz (Международный праздник Навруз)
Иди байналмилалии якдилии меҳнаткашон	-	International Labor Solidarity Day (Международный день солидарности трудящихся масс)
Иди вахдати миллӣ	-	National Unity Day (День национального единства)
Иди Рамазон	-	Idi Ramazon (Иди Рамазон)
Иди Курбон	-	Idi Qurbon (Иди Курбон)

Кроме слов-реалий, обозначающих официальные праздники, в рассматриваемых языках мы встречаем группы слов, которые используются для наименования национальных обычаев, традиций и народных игр. К таковым в английском языке относятся:

derby	-	пойгаи аспҳо, мусобиқа (скачки, состязания)
ninepins	-	кегли (бозӣ) (кегли, игра)
rugby	-	регби (бозӣ) (регби, игра)
picnic	-	пикник
carnival	-	карнавал
Easter	-	иди писҳо (пасха)
baptism	-	таъмид (крещение)
golden wedding	-	солгарди тиллоӣ пас аз чашни арӯсӣ, “тӯйи тиллогин” (золотая свадьба)
diamond wedding	-	солгарди алмосӣ пас аз чашни арӯсӣ, “тӯйи алмосӣ” (бриллиантовая свадьба)

- poker** - покер, бозии қарта (покер, карточная игра)
badminton - бадминтон

В номенклатуру слов, обозначающих обычаи, традиции и народные игры таджикского народа, включены следующее:

- бузкашӣ** - buzkashi, a peoples competition ahorse (козлодрание, народное состязание на конях)
гӯштингирӣ - gushtingiri, sports, a traditional wrestling (спорт, борьба)
сайри лола - sayri lola, a Tajik national holiday of tulips (национальный таджикский праздник тюльпанов)
**бойчечак/
гулгардонӣ/
гули сияхгӯш** - a Tajik national holiday of snowdrop called boychechak in the north, gulgardoni in the Pamirs and guli siyahgush in the south (праздник подснежника, который называется на севере - Бойчечак, на Памире – Гулгардони и на юге - Гули сияхгуш)
ҳафтсин - seven specific products beginning with the Arabic letter “sin”, attributes of the festive table during Havruz Holiday (семь видов угощения, названия которых начинаются с арабской буквы “син”, выставляемых во время празднования Навруза)
ҳафтшин - seven specific products beginning with the Arabic letter “sin”, attributes of the festive table during Havruz Holiday (семь видов угощения, названия которых начинаются с арабской буквы “шин”, выставляемых во время празднования Навруза)
чавгонбозӣ - sports game, polo (игра в поло)
чимилиқ - a curtain behind which the young couple sits during the wedding (занавес, за которым сидят молодые во время свадьбы)
шашмақомхонӣ - a party where people sing Tajik classical songs of shashmaqom genre (вечеринка, на которой поют песни из классического жанра «шашмаком»)
сумалакпазон - a tradition of making sumanak during Navruz Holidays which is cooked over night (традиция приготовления суманака, продолжающегося всю ночь)
ҳашар - hashar, a volunteer mutual manual assistance during major household works e.g. house construction etc. (хашар, добровольная взаимопомощь при каких-либо работах, например, постройке дома и

- Т.д.)
- камарбандон** - kamarbandon, girding someone, an initiation ceremony for trade, craft etc. where teacher hands over a tool of his trade to his student and the student organizes an entertainment (церемония передачи орудия ремесла от учителя к ученику)
- чилла** - chilla, a period of 40 days during which new born babies and newly married couples are treated in a special way not to leave them alone, especially in the night time (сорокодневье, во время которого новорожденные дети и новобрачные находятся под особым вниманием)
- чиллагурезон** - chillagurezon, some ceremonial events marking the ending of chilla period (угощение по случаю окончания сорокодневья)
- дандонмушак** - dandonmushak, a national custom dedicated to the first erupted tooth of the baby (обряд, посвященный прорезыванию первого зуба ребенка)
- мўйсаргиргон** - muysargiron, haircut, a national custom dedicated to the first haircut of the baby (обряд первой стрижки ребенка)
- бучулбозӣ** - bujulbozi, a game with knucklebones, mainly gambling (игра в бабки)
- арғамчинбозӣ** - arghamchinbozi, playing with rope (игра в прыгалки)
- ланкабозӣ** - lankabozi, a game with a special hand-made tool from leather with wool of an animal with a small piece of lead fixed (игра с небольшим предметом из кожи и шерсти животного с прикрепленным маленьким кусочком свинца)
- тухмзанақ** - tukhmzanak, a game with eggs (игра с яйцами)
- идгардақ** - idgardak, people, especially kids, go the houses of neighbors and relatives to congratulate on the holidays, mainly religious, Idi Ramazon and Idi Qurbon, and they give food and other gifts instead (гулянье и посещение соседей и родственников в дни празднования Навруза, религиозных праздников Иди Рамазон и Иди Курбона, когда хозяева одаривают гостей, преимущественно детей, подарками и сладостями)
- туӣ** - tuy, a national wedding party (туӣ, национальная свадьба)
- парчабурон** - parchaburon, dress cutting ceremony for the

сартарошон	bride (кройка одежды для новобрачной) - sartaroshon, haircutting ceremony of the groom (стрижка жениха)
руйбинон	- ruybinon, viewing of the bride (смотрины новобрачной)
гахфорабахш	- gahvorabakhsh, a kind of “cradle deal”, marriage brokerage of newborn kids (колыбельный стговор, обычай просватывания новорожденных)
гахворабандон	- gahvorabandon, a custom of celebrating baby’s birth after 40 days (обычай отмечать рождение ребенка после 40 дней)

Одновременно в данном разделе рассматрены и слова, обозначающие музыкальные понятия и инструменты, которые тесно связаны с традициями и обычаями представителей рассматриваемых языков.

Так, к словам-реалиям, выражающим традиционные музыкальные инструменты англичан, можно отнести следующие:

violin	- скрипка
double bass	- контрабас
cello	- виолончел
piano	- пианина
tuba	- туба
trumpet	- труба
trombone	- тромбон
flute	- флейта
saxophone	- саксафон
clarinet	- кларнет
guitar	- гитара
drum	- барабан
harmonica	- гармошкаи дахонй (губная гармошка)
accordion	- аккордеон

К таджикским словам-реалиям, обозначающим национальные и традиционные музыкальные инструменты, относятся следующее:

рубоб	- rubab, four-string instrument (рубоб)
--------------	---

доира	- doira, tambourine (дойра, бубен)
тор	- tar, a string musical instrument (струнный музыкальный инструмент)
сетор	- setar, a (three) string musical instrument (трехструнный музыкальный инструмент)
дутор	- dutar, a (two) string musical instrument (двухструнный музыкальный инструмент)
танбур	- tanbur, a string musical instrument (тамбур, струнный музыкальный инструмент)
гиччак	- ghijjak, bow-instrument (гиджак, смычковый музыкальный инструмент)
най	- nay, end-blown flute (най, продольная флейта)
карнай	- karnay, longwindinstrument (карнай, длинный духовой инструмент)
сурнай	- sunray, awindinstrument (сурнай, духовой музыкальный инструмент)
кушнай	- qushnay, double musical instrument like flute (музыкальный сдвоенный инструмент наподобие флейты)
таблак	- tablak, a small drum of oblong form (таблак, небольшой барабан удлиненной формы)
нағора	- naghora, drum (барабан)
даф	- daf, tambourine (даф, бубен)
чанг	- chang, astringpercussionmusical instrument (чанг, струнный ударный музыкальный инструмент)

Меры веса, жидкостей, денежные единицы. К числу безэквивалентной лексики в рассматриваемых языках относятся и слова-реалии, обозначающие единицы измерения.

Примеры мер веса, длины и жидкостей и других веществ в английском языке:

ounce	- унсия (унция)
pound	- фунт
inch	- дюйм
foot	- фут
yard	- ярд
mile	- мил (миль)

fluid ounce	-	унсияи моеъ (жидкая унсия)
gallon	-	галлон
barrel	-	барел (баррель)
penny-weight	-	грana
fathom	-	фатом
bushel	-	бушел (бушель)
gram	-	грамм
watt	-	ватт
grain	-	гран
pint	-	пинта
barometer	-	барометр
Fahrenheit	-	Фаренгейт
volt	-	воЛТ (воЛьТ)
furlong	-	фарлонг
acre	-	акр
hundredweight	-	сентнер (центнер)
ton	-	тонна
meter	-	метр
kilometer	-	километр
rod	-	род
quart	-	кварта
litter	-	литр

Безэквивалентные слова-реалии, обозначающие денежные единицы в Англии и США:

pound	-	фунт
dollar	-	доллар
shilling	-	шиллинг
penny	-	пени
dime	-	дайм

fiver	-	5 доллар
bank-note	-	банкнота, пули коғазӣ
cent	-	сент
halfpenny	-	нимпени (полпени)
tenner	-	10-доллара (10-долларовая купюра)

Относительно слов, обозначающих меры веса, длины и жидкостей и других веществ в таджикском языке, следует отметить, что в настоящее время в Таджикистане наблюдается использование калькированной формы международных единиц измерения. Исторически, конечно, существовала небольшая группа слов, которой народы региона пользовались в прошлые периоды развития. К ним можно отнести следующие слова: **фарсанг** (примерно 6 км), **вачаб** (пядь), **қисм**, **вачаб**, **мискол** (4.68 гр.), **хирвор** (300 кг), **раш** (расстояние между раздвинутыми руками), **қулоч**, **газ** – приспособление для измерения, например, земли, равное 91,5, а также **таноб** (танап) – мера земельной площади, различная в разных районах, от 0,5 до 0,25 га). **Ман** - 1 ман (мера веса, неоднаковая в различных регионах), например, **мани Самарқандӣ**= 8 пудам, **мани Табрез**=примерно 3кг.; 2 ман (единица площади, равная примерно одному гектару или четырём танабам).

Что касается денежных единиц, то официальной денежной единицей Таджикистана является сомонӣ, который равняется 100 дирамам. В англоговорящей и мировой финансовой среде известна аббревиатура **TJS** от **Tajik Somoni**. Также исторически на территории древнего Моваруннахра были в обращении следующие денежные единицы: **динор**, **дирхам** (серебряная монета). **Дирхам** также имел фонетическую вариативную форму **дирам** и использовался для наименования меры веса (3,12 г). Во время существования Советской власти в обиходе была единая денежная единица рубль (**сӯм**).

Данный класс слов также безэквивалентен по отношению к русскому и английскому языкам, что может встречаться при изучении исторических памятников и самой истории региона.

2.1.2. Общественно-политическая лексика с национально-культурным компонентом значения

В странах, в которых функционируют рассматриваемые языки, мы наблюдаем своеобразное общественно-политическое устройство, состоящее из отличных друг от друга учреждений и понятий, связанных с ними. Одним из основных центров максимальной концентрации национально-окрашенной лексики, отражающей особенности жизни народа - носителя языка, является общественно-политическая лексика. «Если в названиях географических объектов, флоры и фауны (топонимах и апеллятивах) отражаются особенности природно-географической среды, в которой живет народ - носитель языка, то в названиях учреждений, органов власти, различных государственных и общественных организаций запечатлены особенности государственно-политического строя страны, социально-политическая структура общества, обслуживаемого этим языком» [192, с. 111]. Лексика данной категории охватывает широкий круг слов, обозначающих политическое устройство и понятия, административно-территориальное деление, учреждения и организации, профессии, различные звания, названия газет, политических партий, крупных компаний, военную лексику и т.д. В связи с этим, целесообразно рассматривать общественно-политические реалии в следующих подгруппах:

1. Слова-реалии, обозначающие политическое устройство и политические понятия Англии и США:

monarchy	- монархия
cabinet	- девон, хукумат (кабинет, правительство)
prince	- шохзода (принц)
Westminster	- Вестминистер, парлумони Англия (английский парламент)
House of Lords	- Палатаи Лордхо (Палата Лордов);
House of Commons	- Палатаи Обҳинахо (Палата Общин)
Speaker	- спикер, раиси палатаи обҳинахо

	дар Англия, раиси палатаи намояндагон дар ИМА (спикер, председатель палаты общин в Англии, председатель палаты представителей в США)
Shadow cabinet	- “хукумати эҳтимоли” (“теневой кабинет”)
Constitution	- Конституция, Сарқонун (Конституция)
Attorney General’s Office	- Вазорати адлияи ИМА (Министерство юстиции США)
Cabinet Office	- Котиботи девони вазирон дар Британияи Кабир (секретариат кабинета министров в Великобритании)
Home Office	- Вазорати корҳои дохилӣ (Министерство внутренних дел)
Congress	- Конгресс
Senate	- Сенат
House of Representatives	- Палатаи намояндагон, ИМА (Палата представителей, США)
congressman	- узви конгресс (член конгресса)
The White House	- Кохи сафед (Белый дом)
National Security Council	- Шӯрои амнияти миллӣ (Совет национальной безопасности)
Central Intelligence Agency, CIA	- Раёсати марказии иктишоф (разведка), ИМА (Центральное разведывательное управление, США)
NASA (National Aeronautics and Space Administration)	- Раёсати миллӣ оид ба аэронавтика ва таҳқиқоти фазои кайҳонӣ, ИМА (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства, США)
US Marshal	- Иҷроии судӣ, ИМА (судебный исполнитель, США)
Federal Bureau of Investigation (FBI)	- Бюрои Федералии тафтишот, ИМА (Федеральное бюро расследований, США)
Secret Service	- муҳофизони шахсии президент, ҷонишини ӯ ва аъзои оилаи ӯ, ИМА (личная охрана президента, вице-президента и членов их семей, США)
State Department	- Департаменти давлатӣ, Вазорати корҳои хориҷӣ, ИМА (Государственный

state департамент, Министерство иностранных дел, США) иёлот (штат)

Следует отметить, что все министерства правительства США, частично Великобритании, называются Departments – Департаментҳо – Департаменты. Поэтому в названии ключевых министерств это слово всегда присутствует: Department of State, Department of Defense, Department of Justice, Department of Interior и т.д. Исходя из данного факта, при упоминании, в частности, Министерства иностранных дел США, целесообразно, на наш взгляд, использовать в таджикском языке вариант *Департаменти давлатии ИМА - Государственный департамент США* и т.д.

Необходимо особо выделить политические понятия, известные только в США, в числе которых, например, **primaries**. Данное понятие связано с выборами президента в США и обозначает предварительные выборы по определению кандидата партии на выборах. В таджикском языке его можно объяснить следующей сложной конструкцией: мархилаи ибтидоии интихобот барои майян намудани номзадҳо ба президентӣ ва ҷонишини ӯ дар дохили ҳизб.

Слова-реалии, обозначающие политическое устройство и госучреждения Таджикистана:

Маҷлиси олий	- Majlisi Oli, the parliament (Маджлиси оли, парламент)
Маҷлиси миллий	- Majlisi milli, the upper house of the parliament (Маджлиси милли, верхняя палата парламента)
Маҷлиси намояндагон	- Majlisi namoyandagon, the lower house of the parliament (Маджлиси намояндагон, нижняя палата парламента)
Дастгоҳи иҷроияи Президент	- The Executive Office of the President (Исполнительный аппарат Президента)
Мақомоти иҷроияи ҳокимияти давлатӣ	- State authorities executive bodies (исполнительные органы государственной власти)
Маҷлиси шаҳрӣ	- City majlis (parliament) (городской меджлис)
Маҷлиси ноҳиявӣ	- District majlis (районный меджлис)

2. Административно-территориальное деление:

county	- округ
downtown	- марказ шаҳр (центр города, деловой район)
town hall	- идораи шаҳрдорӣ (мэрия);
states	- иёлот (штаты)
district	- ноҳия (район)

3. Учреждения, организации и учебные заведения Англии и США:

Royal Society	- Ҷомеаи шоҳона, Академияи илмҳои Британияи Кабир (Королевское общество, Академия наук Великобритании)
Royal Exchange	- Бозори коғазҳои қиматноки (биржаи) Лондон (Лондонская биржа)
chancery	- суди канслерӣ (канцлерский суд)
supermarket	- супермаркет
boarding school	- мактаб-интернат (школа-интернат)
pantheon	- пантеон, мавзеи дафни шахсони бузург (пантеон, место погребения великих людей)
Primary/elementary school	- мактаби ибтидоӣ (начальная школа)
college	- колеч (колледж)
public school	- мактаби давлатӣ дар ИМА, мактаби миёнаи хусусии пӯшида дар Англия (государственная школа в США, частная закрытая средняя школа в Англии)
grammar school	- мактаби миёнаи классикӣ дар Англия, синфҳои 5-8 мактаби миёна дар ИМА (средняя классическая школа в Англии, 5-8 классы средней школы в США)
board of education	- шуъбаи маориф (отдел народного образования)
preparatory school	- мактаби хусусии тайёрӣ (частная подготовительная школа)
high school	- синфҳои болоии мактаби миёна (старшие классы средней школы)
junior school	- мактаби ибтидоӣ дар Англия ва Уэлс (начальная школа в Англии и

	Уэльсе)
junior high school	- мактаби миёнаи нопурра (неполная средняя школа)
senior high school	- мактаби миёнаи пурра (полная средняя школа)
undergraduate school	- факултет бо таҳслоти чорсола барои дарёфти дараҷаи бакалавр (факултет четырёхлетнего обучения для получения диплома степени бакалавра)
technical school	- омӯзишгоҳи техникӣ (техническая школа)
higher education	- мактаби оӣ (высшая школа)
campus	- кампус, худуди таълимгоҳ (кампус, территория учебного заведения)
dropout	- хонандае, ки тарки мактаби миёна кардааст (ученик, бросивший среднюю школу)
Parent-teacher association	- ассосиатсияи волидон ва омӯзгорон (Ассоциации родителей и учителей)
nursery school	- боғчаи бачагона (детский сад)
Peace Corps	- Корпуси сулҳ, ИМА (Корпус мира, США)

В таджикской среде мы находим также слова-реалии, обозначающие специфические учреждения и понятия общественно-политического устройства республики, которые не имеют своих прямых соответствий в английском языке, а лишь можно использовать близкие по значению слова:

хонавода	- household (домохозяйство)
кӯча	- street (улица)
маҳалла	- mahalla (махалле)
деҳа	- village (село)
ҷамоат	- jamoat (джамоат)
ноҳия	- district (район)
вилоят	- province (область)
ҷумҳури	- republic (республика)
Вилояти Хатлон	- Khatlon Province (Хатлонская

	область)
Вилояти Суғд	- Sughd Province (Согдийская область)
ноҳияҳои тобеи марказ	- districts subordinate to the central government (районы республиканского подчинения)
Вилояти мухтори	- Badakhshon Autonomous
кухистони Бадахшон	Mountainous Province (Горно-Бадахшанская автономная область)
мактаби миёна	- middle school (средняя школа)
мактаб-интернат	- boarding school (школа-интернат)
устод	- ustod, professor (устод, профессор)
номзади илм	- candidate of sciences (кандидат наук)
доктори илм	- doctor of sciences (доктор наук)
Рӯзнамаи “Ҷумҳурият”	- “Jumhuriyat” newspaper (газета «Джумхурият»)
Рӯзнамаи “Садои мардум”	- “Sadoi Mardum” newspaper (газета «Садои мардум»);
Озодагон	- Ozodagon (Озодагон)

4. Титулы, профессии и звания в Англии и США:

back-bencher	- узи қатории парлумон (рядовой член парламента)
undergraduate	- донишҷӯи хатмкунанда (студент-выпускник)
bachelor of arts	- бакалаври санъат (бакалавр искусств)
master of science	- магистри илмҳо (магистр наук)
bachelor of science	- бакалаври илмҳо (бакалавр наук)
junior	- донишҷӯи курсҳои поёнӣ (студент младшего курса)
senior	- донишҷӯи курсҳои болоӣ (студент старшего курса)
graduate student	- аспирант
doctor of philosophy (PhD)	- доктори фалсафа (доктор философии)
duke	- гертсог (герцог)
count	- граф
cowboy	- ковбой
constable	- констебл, полис (констебль)

barman	-	бармен
alderman	-	олдермен
sheriff	-	шериф

5. Названия политических партий, организаций и компаний Англии и США:

Democratic Party	-	Ҳизби демократӣ, (Демократическая партия, США)	ИМА
Republican Party	-	Ҳизби ҷумҳурихоҳон, (Республиканская партия, США)	ИМА
The New York Times	-	Нью йорк Таймс (газета)	
The Washington Post	-	Вашингтон Пост (газета)	
The Guardian	-	Гардиан (газета)	
The Financial Times	-	Файнэншл Таймс (газета)	
General Motors	-	Ҷенерал Моторз (компания)	
Bank of America	-	Бэнк оф Америка	
General Electric Company	-	Ҷенерал Электрик Компани (Британияи Кабир)	

6. Военные понятия:

general	-	генерал
lieutenant	-	лейтенант
subaltern	-	афсари хурд (младший офицер)
generalissimo	-	герелалисимус
legion	-	легион, созмони ветеранҳои ҷанг (легион, организация ветеранов войны)

2.1.3. Сопоставительная характеристика ономастических реалий

В рамках нашего исследования в части ономастики наиболее интересными считаются некоторые географические реалии - топонимы и антропонимы в рассматриваемых языках, так как они более распространены и имеют ярко выраженную национальную окраску, а также требуют дополнительной информации для понимания при англо-таджикско-английском межъязыковом общении. Топонимы и антропонимы занимают одно из наиболее значительных

мест в языке и культуре народов. Они всегда национально окрашены и, следовательно, влияют и на процесс их освоения и перевода. Наряду с другими группами безэквивалентной лексики, топонимы и антропонимы, в основном, передаются на ПЯ при помощи транскрипции/транслитерации, ибо составляют также категорию «непереводимого в переводе».

Следует отметить, что в англистике существует немало исследований по антропонимам. Мы лишь укажем на ряд аспектов, которые с точки зрения восприятия носителя таджикского языка считаются необычными и требуют дополнительные пояснения. Например, некоторой, более яркой особенностью личных имён - антропонимов стран английского языка является добавление Jr. (= Junior 'младший') к имени сына, носящего имя и фамилию отца; широкое использование библейских имён (Joseph, Samuel, Benjamin, David, Joel, Ezra, Adam); использование сокращённых форм - Jeffery – Jeff; Joseph – Jo; James – Jim...; тенденция к использованию только инициалов в именах президентов: F.D.R.-Franklin Delano Roosevelt; J.F.K.-John Fitzgerald Kennedy; L.B.J.- Lyndon Baines Johnson [192, с. 202].

В отличие от английских имён, таджикским именам присуще добавление уменьшительно-ласкательных суффиксов – **чон**, преимущественно к мужским именам – Фирдавсчон, Акмалчон и т.д., и **хон**, преимущественно к женским именам. Ниже приведём ряд примеров рассматриваемого класса.

1. Английские и американские географические реалии и топонимы:

jungle	-	чангал (джунгли)
fiord	-	фиорд, халичхо (фьорд, заливы)
prairie	-	прерия, дашт (степь)
London	-	Лондон
Nottingham	-	Ноттингем, шахр (Ноттингем)
Cambridge	-	Кембрич (Кембридж)
Avon	-	Эйвон, дарё (Эйвон, река)
Glasgow	-	Глазго, шахр (Глазго)

Cardiff	-	Кардифф, шахр (город)
Douglas	-	Дуглас, шахр (город)
Liverpool	-	Ливерпул, шахр (город)
Oxford	-	Оксфорд
Washington	-	Вашингтон
New York	-	Нью Йорк
Scotland Yard	-	Скотлэнд Ярд
Hyde Park	-	Гайд-Парк (дар Лондон) (Гайд-Парк в Лондоне)
Broadway	-	Бродвей

Таджикские общеизвестные топонимы:

Душанбе	-	Dushanbe
Хучанд	-	Khujand
Кӯлоб	-	Kulob
Қўрғонтеппа	-	Qurghonteppa
Ҳисор	-	Hisor
Файзобод	-	Fayzobod

Об особенностях перевода реалий с английского языка на таджикский язык и обратно более подробно речь пойдет в Главе 3 настоящей диссертации.

2.2. Сравнительный анализ терминов

Термины занимают особое место в науке о языке. На протяжении многих десятилетий представители самых различных наук – лексикологии, сравнительного языкознания, переводоведения и многих других – занимались вопросами терминов, их природой и другими лексико-семантическими особенностями. Вопросами терминологии различных языков активно занимаются и современные учёные. Термины изучаются и в сопоставительном плане. В настоящее время общее количество исследовательских работ, включая статьи в научных журналах, прямо или косвенно затрагивающие вопросы таджикской терминологии в сопоставлении с другими языками, достигает более двух сотен.

Термины тесно связаны с понятием науки и обеспечивают лексическое оформление различных предметов, понятий и явлений определенной научной отрасли.

В данном разделе мы не ставим цели рассматривать все вопросы, связанные с сущностью и ролью терминов. В наши задачи входит лишь определение места терминов в межъязыковой коммуникации, уровня их межъязыковых соответствий и выявление возможностей решения проблем их перевода в рассматриваемых языках с учётом наличия/отсутствия терминологических словарей.

В самом деле, термины, как отдельный лексический пласт, в силу своих особенностей, связанных с генерацией в одном языке и отсутствием, по крайней мере на ранней стадии появления, представляют интерес для учёных-лингвистов, занимающихся вопросами межъязыковых отношений, сопоставительным исследованием и, безусловно, теорией и практикой перевода. Так, учёные в области сравнительного языкознания и переводоведения рассматривают термины по-своему. Например, С.И. Влахов и С.П. Флорин указывают на их сходство с реалиями, которые представляют яркий пример безэквивалентной лексики: «В отличие от большинства лексических единиц, термины обозначают точно определённые понятия, предметы, явления; как идеал – это однозначные, лишённые синонимов слова (и словосочетаний), нередко иноязычного происхождения; среди них есть и такие, значение которых ограничены исторически. Всё это можно сказать и о реалиях. Более того, на стыке этих двух категорий имеется ряд единиц, которые трудно определить как термин или как реалию, а немало и таких, которые на «законном основании» считать одновременно и терминами, и реалиями» [54, с. 19]. Далее они указывают и на расхождение между терминами и реалиями, утверждая, что «реалии без колебания относятся к безэквивалентной лексике, в то время как термины принадлежат в основном к немногим языковым единицам, имеющим полное языковое покрытие в ПЯ, т.е. единицам, переводимым эквивалентами почти в любом контексте» [Там же]. Как видно из высказывания, вышеупомянутые авторы косвенно исключают термины из числа безэквивалентной лексики.

Однако мы склоняемся к тому, что такое заключение уместно только по отношению к терминам, уже получившим широкую известность и вошедшим в словарный запас определённой отрасли науки в переводящем языке. С этой точки зрения мы относим термины к группе безэквивалентной лексики, которая со временем может терять свою безэквивалентность в поздних стадиях применения их в ПЯ в связи с распространением предмета, понятия или явления, выражаемого ими. Как утверждает А.О.Иванов, «безэквивалентными могут быть только те термины, которые являются для ПЯ новыми, отражающими какие-то новые для него понятия. Вполне понятно, что по мере развития тех же областей знания или материальной культуры в обществе ПЯ эта безэквивалентность постепенно исчезает» [75, с. 88].

В лингвистической литературе существует множество определений термина. Как считает О. Ахманова, термин - это «слово или словосочетание специального (научного, технического и др.) языка, которое создано, получено или заимствовано для точного определения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [17, с. 157].

В качестве термина, как правило, может выступать любое слово, обозначающее научное понятие, включенное в ту или иную семантическую систему. Кроме того, термины разделяются на «предмет, процесс, состояние, режим, свойства, величины, единицы измерений, науки и отрасли, профессии и занятия» [80, с. 12], осознание которых переводчиком очень важно при выборе способа их перевода или описания их значения средствами выражения ПЯ. По мнению учёных, «основные требования к термину: независимость от контекста, точность и лаконичность, однозначность, мотивированность, простота, системность» [110, с. 149]. А по мнению И. Арнольда, «термины отличаются от общеупотребительных слов тем, что имеют дефиницию, раскрывающую наиболее существенные признаки специальных понятий» [13, с. 140].

Следует отметить, что английские термины в таджикском языке представлены в различных межъязыковых отношениях. Ниже рассмотрим уровни межъязыковых соответствий английских и таджикских терминов.

В первую, пожалуй, большую группу соответствий можно отнести термины, которые являются общеизвестными, и имеющими в таджикском языке транскрибированную форму. Такие термины, как правило, однозначны, не зависят от контекста, и в двух языках существуют параллельно и в почти одинаковой форме. Можно констатировать, что сюда входят различные научные и специальные термины интернационального характера:

atom	-	атом
cylinder	-	цилиндр
carbon	-	карбон
instinct	-	инстинкт
battalion	-	батальон
rhomb	-	ромб
tennis	-	теннис
appendicitis	-	аппендисит
duet	-	дуэт
accumulator	-	аккумулятор

Нельзя не упомянуть здесь и тот факт, что немалое количество данной группы терминов представлено в таджикском языке в русском облики (60 из 291). Однако это нельзя считать каким-либо недостатком, так как роль русского языка в обогащении словарного запаса таджикского языка неоспорима. Речь здесь может идти только о констатации факта, исходя из соображения, что любое лингвистическое явление должно быть обозначено и не должно оставаться без профессионального внимания. Данная категория лексики в диссертации представлена в двух подгруппах. Первая объединяет термины, в транскрипции/транслитерации, в которых соблюдаются фонетические и орфоэпические правила русского языка. Рассмотрим ряд примеров:

deflation	-	дефляция
turbine	-	турбина
hydrostation	-	гидростанция

vaccine	-	вакцина
symphony	-	симфония
sine	-	синус
blindage	-	блиндаж
rickets	-	рахит
oxygen	-	кислород
melioration	-	мелиорация

Нельзя исключать и отдельные факты, когда делается попытка, наряду с русским вариантом произношения/написания, описать таджикский вариант согласно фонетическим и орфоэпическим нормам таджикского и персидского языков:

hydrogen	-	ҳидроген, хидружен
canary	-	қанорӣ, канарейка
philosopher	-	файласуф
hydraulic	-	ҳидравликӣ

Другая подгруппа объединяет русские термины-соответствия английским терминам, используемые в таджикском языке без каких-либо изменений:

assets and liabilities	-	актив ва пассив
pump	-	насос
piston-rod	-	шатун
valve	-	клапан
thermonuclear	-	термоядрой
brake	-	тормоз
scurvy	-	цинга
rudder	-	руль
xylonite	-	целлюлоид
choke	-	дроссель

В данной подгруппе также надо сказать, что в отношении определенного количества терминов наблюдается параллельное использование русского и таджикского вариантов терминов, т.е. можно сказать, что имеют место попытки

заменить со временем, в случае успешного распространения, иноязычные варианты терминов их таджикскими эквивалентами (42 из 191), здесь можно вести речь о сосуществовании вариантов терминов:

azimuth	-	азимут, самт
arsenic	-	арсен, марги муш
zoology	-	зоология, ҳайвоншиносӣ
anemia	-	анемия, камхунӣ
pneumonia	-	пневмония, илтиҳоби шуш
pyramid	-	пирамида, аҳром
philology	-	филология, илми забоншиносӣ
synonym	-	синоним, муродиф
syntax	-	синтаксис, наҳв
aesthetics	-	эстетика, зебоишиносӣ
ethnography	-	этнография, мардумшиносӣ
invoice	-	инвойс, суратҳисоб

Эти термины включены нами в разряд безэквивалентной лексики только потому, что они когда-то были английскими безэквивалентными единицами в отношении таджикского языка и, пройдя процесс транскрипции/ транслитерации и соответствующей семантизации, применяемой для перевода безэквивалентной лексики, вошли в лексический состав таджикского языка и сейчас широко применяются на практике.

Следует оговориться, что настоящим мы не утверждаем, что приведенные термины являются сугубо английскими терминами. Например, **appendicitis** и многие медицинские термины исходят из латинского языка. Нас интересует сам факт наличия и использования этих слов как терминов в английском языке в указанной форме.

Приведенные в данной группе термины являются однозначными, не зависимыми от контекста соответствиями, и при переводе не вызывают особых трудностей, а переводчику лишь следует найти и использовать в своём тексте имеющееся в словарях соответствие. Например, слово цилиндр используется в

текстах специального назначения, круг его применения не выходит за рамки значения слова **cylinder**.

Другую большую группу составляют английские термины, имеющие в таджикском языке перевод, и представленные своими понятными таджикскими соответствиями (84 из 291):

zinc	-	рӯҳ (цинк)
sty	-	гули мича (ячмень на глазу)
goiter	-	чоғар (зоб)
subjunctive	-	сиғаи шартӣ (условное наклонение)
metaphor	-	истиора (метафора)
measles	-	сурхча (краснуха)
potash	-	ишқор (углекислый калий)
passive voice	-	шакли мафъули феъл (страдательный залог глагола)
palsy	-	фалаҷ (паралич)
typhus	-	домана (тиф)
transitive	-	гузаранда (переходный глагол)
embargo	-	тахрими иқтисодӣ (эмбарго)

Как видно из иллюстративного материала, имеющиеся в какой-то форме в таджикском языке английские термины не представляют особых трудностей в процессе перевода.

Совсем иная наблюдается картина с новыми терминами, не имеющими в данное время готовых соответствий. Для доказательства приведем отдельную группу английских терминов в сфере информационных технологий, вошедших в наш обиход за последние 20 лет. Они применяются, как правило, в транскрибированной форме:

internet	-	интернет
online	-	онлайн
offline	-	оффлайн
browser	-	браузер

chip	-	чип
bite	-	байт
modem	-	модем
flash	-	флэш
skype	-	скайп
selfy	-	селфи
viber	-	вайбер

В эту группу также можно отнести названия компьютерных программ типа **Microsoft office, Microsoft word, Microsoft Power Point, Microsoft Excel, Microsoft Project** и названия ряда социальных сетей и средств информации типа **Facebook, Twitter, YouTube** и т.п.

Нельзя не упомянуть и о попытках перевода ряда английских слов из этой категории на таджикский язык. Это происходит либо путем собственно перевода:

computer	-	роёна
site	-	сомона
SMS	-	паёмак

либо путём калькирования:

hard disc	-	диски сахт
copying machine	-	(дастгоҳи) нусхабардор
printer	-	(дастгоҳи) чопкун
software	-	нармафзор
hardware	-	сахтфазор

Необходимо отметить факт, что в англо-таджикских двуязычных словарях мы находим ряд терминов, содержащих либо только описательный перевод, либо транскрипцию с обязательным более подробным описанием значения с указанием сферы употребления. Здесь речь может идти об английских словах-терминах, практическое применение которых очень ограничено и касается только узких специальностей. В англо-таджикском словаре 2007 года издания (А.Мамадназаров), в частности, встречаем:

apoplexy	-	<i>тиб.</i> ҳар гуна хунрезии шадиди андом
dulcimer	-	<i>мус.</i> далсимер (асбоби мусиқӣ, тори америкой, хос ба мардуми кӯҳистонии апалачӣ)
gerund	-	<i>грам.</i> исми феъл (дар забони англисӣ бо изофа кардани пасванди -ing ба охири масдар сохта мешавад)
breastwork	-	<i>ҳарб.</i> истехком ё сангари муваққатӣ
syncopate	-	<i>грам.</i> кӯтоҳ кардан, мухтасар кардани калима (бо овоз ё ҳичо)
understudy	-	<i>театр.</i> хунарпешаи эҳтиётӣ
pantomime	-	<i>театр.</i> намоиши сомит/хомӯш (ки дар он бозигарон бо имо ва ишора нақши худро бозӣ мекунанд), хунари намоиши хомӯш
tattoo	-	<i>ҳарб.</i> фармони хомӯшӣ, дастури бозгашт ба хобгоҳ, шафақи шом
crusade	-	<i>таър.</i> юриши салибӣ, чанги салибӣ (ҳар яке аз чангҳои салибии асрҳои XI ва XII)
cut-out	-	<i>барқ.</i> қатъкунандаи чараёни барқ, пешгирикунанда, муҳофиз, эҳтиёткунанда (42 из 291)

Следует всегда помнить, что перевод – процесс непредсказуемый, во время которого переводчик может внезапно и в любой момент столкнуться со случаем, когда ему приходится решать вопросы, связанные с переводом очень редких слов, употребляемых, опять же, в очень узких специальностях. С этой точки зрения переводчик должен быть всегда и во всём подготовленным, ибо для него не существует понятия «нужное» или «ненужное» слово – всё нужно, но в нужном месте и в нужное время, а когда это место и время наступит, не зависит от желания и возможностей переводчика.

В настоящее время получает широкое распространение практика указания возможного таджикского варианта в скобках прямо после использования транскрибированной формы термина в тексте: cohorts–когорта (гурӯҳ) и т.д.

Для адекватного перевода любой единицы необходимо знать ряд её особенностей. Так, перевести термин – это значит установить семасиологическую связь, т.е. связь термина с обозначаемым им понятием, и одновременно знаковую связь, т.е. связь термина одного языка с термином другого языка. Термины четко осознаются в предъявленном тексте в силу наличия компонента специализированной готовности переводчика.

Однозначность термина не следует путать с вариантами перевода термина на другой язык. Переводной эквивалент того или иного термина не есть его значение, а лишь один из возможных вариантов эквивалентного соответствия. Объемы понятий в языке оригинала и перевода редко совпадают, поэтому возможно предоставление нескольких эквивалентов.

Однако известны случаи и многозначности термина. Причины многозначности термина кроются, во-первых, в том, что разные ученые вкладывают в существующий термин свое особое содержание. Во-вторых, многозначность может быть также и у терминов, которые присущи не только тем или иным специальным сферам науки и техники, но входят в более общем значении в общенациональный лексический запас. Значение этих слов показывает известные различия в зависимости от того, как они употребляются: в общем плане или в военной (специальной) области знаний. Так, например, «*acknowledgement*» в общих условиях означает «подтверждение, квитанция», а в условиях языкового стандарта военной связи «сигнал подтверждения». «*Acquisition*», базируясь на семантике языкового стандарта «приобретение», в военно-экономическом тексте будет означать «приобретение единиц вооружения», в то время как в условиях языкового стандарта ПВО будет обозначать «обнаружение, целеуказание». Возможно семантическое изменение терминов в связи с изменением научной парадигмы [36, с. 2].

Различие терминосистем иностранного языка и переводного языка является причиной наибольших трудностей при переводе научно-технических текстов. Отсюда вытекает необходимость исследования терминосистем и разработки приёмов перевода частично эквивалентной и безэквивалентной лексики [109, с.

232].

При обсуждении перевода терминологии важно подчеркнуть, что большинство терминов имеют устоявшиеся общепринятые эквиваленты. Причем эквивалент может быть не один, так как объемы понятий не всегда совпадают: например, *траектория* = trajectory, flight path. Для тех же терминов, которые не имеют эквивалентов, для другой безэквивалентной лексики (антропонимы, топонимы, культурспецифическое реалии) требуются другие виды перевода.

Вышеприведенный пример с *video-gain* ярко демонстрирует роль контекста в переводе. Для многих терминов, не имеющих эквивалентов, используется *транслитерация* (*антенна, фидер, блуминг, hysteresis, klystron* = *клистрон, игнайттер, транзистор, флуктуации*). Возможно *калькирование* (*single-needle instrument* = *однострелочный аппарат*; *super power system* = *сверхмощная система*). Сложно переводить термины, имевшие когда-то элемент образности в форме: *fire-and-forget missile* = *ракета автономного наведения*; *sea-skimming missile* = *ракета, низко летящая над уровнем моря*. Свои сложности присущи литературным терминам, аббревиатурам, акронимам, сложным терминам.

Хотя таджикская научная и отраслевая терминология имеет свою давнюю историю и становилась объектом специальных исследований, а также выполнено немало исследовательских работ, посвященных англо-таджикским терминам и лексике различных отраслей [206; 29; 161; 39; 114 и др.], всё же, на наш взгляд, практическая часть данного направления отстаёт, и пока не наблюдается достаточное количество полноценных профессиональных двуязычных лингвистических словарей, способствующих качественному переводу с английского языка на таджикский язык и обратно. Имеется лишь ряд толковых терминологических словарей таджикского языка [288].

Для решения проблем, связанных с переводом терминов с английского языка на таджикский язык, имеется небольшое количество терминологических словарей.

Не исключается и помощь, оказываемая огромными возможностями англо-русских терминологических и других специальных словарей, в том числе и

электронных, а также толковых словарей английского языка.

2.3. Сравнительная характеристика семантических лакун

В настоящее время в языкознании изучение лакун как лингвистическая проблема приобретает системный и обширный характер. В теоретических работах, посвященных науке о языке, встречается достаточно много теоретических разработок и специальных изданий, освещающих различные аспекты лакун и лакунарности языковых единиц [100; 83 и др.].

Действительно, самобытность языка состоит именно в том, что у каждого народа есть свой собственный способ назвать реальность, отличающий его от другого народа. Обобщая явления жизни, люди дают тем или иным отрезкам действительности своеобразные имена и названия. Именно «своеобразность» отражения действительности языковыми средствами порождает лексические единицы, определяющие расхождения в языках, и называемые различными терминами «от сугубо научных и точных (безэквивалентная лексика, лексические лакуны, этноэидема) до менее четких — «темные места», «заусеницы, задирающиеся в процессе межкультурной коммуникации» [176, с. 34].

Для обозначения подобных языковых расхождений в англоязычной научной литературе функционирует термин «гар» (пробел). «В отечественной науке наибольший интерес представляют попытки их описания с помощью понятия «лакуна» [133, с. 98].

«Лакуна (от лат. *lacuna* — углубление) — это пробел, пропуск, отсутствие какой-либо лексической единицы в одном языке при ее наличии в другом языке или языках» [169, с. 242].

Исходя из целей и задач данного исследования, из множества типов лингвистических лакун, таких как предметные и абстрактные, родовые и видовые, мотивированные и немотивированные, номинативные и стилистические, частеречные, межъязыковые и внутриязыковые [143], абсолютные и относительные, грамматические, лексические, семантические, понятийные и др. [37], в данном случае наше внимание привлекают вопросы семантических лакун

в связи с сопоставительным изучением английской безэквивалентной лексики относительно таджикского языка. Также для терминологической последовательности отмечаем, что английские семантические лакуны в отношении таджикского языка рассматриваются, наряду с другими разделами, упомянутыми в наших классификациях, в качестве самостоятельного раздела безэквивалентной лексики.

С точки зрения переводоведения, семантическими лакунами можно назвать случаи «отсутствия в ПЯ определенного, конкретного понятия, обозначаемого в ИЯ данной лексической единицей (словом, словосочетанием)» [75, с. 96].

Собранный нами материал семантических лакун целесообразно рассматривать по их частеречным особенностям.

Первую, пожалуй, самую многочисленную группу семантических лакун составляют имена существительные и номинативные словосочетания.

Можно привести немало примеров безэквивалентных английских простых слов-семантических лакун, требующих для семантизации в таджикском языке два и более слова:

promotion	- пешрафт дар хизмат (продвижение по службе)
advocacy	- фаъолияти ташвиқотию тарғиботӣ (пропагандистско-агитационная работа)
teens	- синну соли аз 13 то 19 сола (возраст от 13 до 19 лет)
stupe	- компресси (оби) гарм (горячий компресс)
psalm	- суруди мазҳабӣ (религиозная песня)
buoyancy	- кудрати рӯи об шиновар мондан (способность остаться на плаву)
billow	- мавчи бузурги об (большая волна воды)
smattering	дониши сатҳӣ (поверхностное знание)
exposure	- қарор додан (<i>дар марзи чизе</i>), берун гузоштан, намоишдиҳӣ

Значительно реже, чем имена существительные, встречаются и лакуны-прилагательные. В таком же ключе можно встретить и безэквивалентные имена прилагательные типа:

statutory	- аз тарафи қонун муайяншуда (установленный законом)
alternate	як дар миён ивазшаванда и др (чередующийся)

Есть примеры простых слов, требующих не только семантизацию двумя и более словами, но и, судя по англо-таджикским двуязычным словарям, наиболее полные описания значения:

debris	- харобаҳо, вайронаҳо (<i>он чи ки пас аз харобии сохтмон боқӣ мемонад</i>) (развалины (то, что останется после разрушения здания))
obituary	- 1) рӯйхати фавтидагон, рӯйхати кушташудагон; 2) эълони фавт (<i>дар рӯзномаҳо ва маъмулан бо шарҳи мухтасари зиндагӣ</i>) (список погибших, сообщение о смерти (<i>в газетах с кратким содержанием биографии умершего</i>))
bizarre	ачиб, аҷоиб, ғалатӣ, ачибу ғариб, шигифтовар (аз назари рафтор ё шаклу қиёфа) (удивительный, необычный (<i>о поведении или внешности</i>))
bigot	- одами риёкор, кӯтоҳфикр, мутаассиб, хурофотпараст (одаме, ки кӯр-кӯрона аз ақидае ё оине пайравӣ мекунад (лицемер, недалновидный, безрассудный, о человеке, слепо следующем каким-либо убеждениям или обычаям))
summons	- даъватнома (<i>ба додгоҳ</i>), ҳукми ҳузур ба додгоҳ) (повестка (<i>в суд, предписание явиться в суд</i>))
suffragette	- тарафдори ҳаққи раъй барои занон (<i>ҳаракати занон барои гирифтани ҳуқуқи раъйдихӣ</i>) (движение женщин за право голосовать)
offing	- дуртарин баҳши баҳр (<i>ки аз соҳил дида мешвад</i>), дур аз соҳили баҳр (удалённая часть моря, видная с берега)

В качестве семантических лакун также могут выступать сочетания слов или так называемые ассоциативные лакуны типа:

breaking news	- хабарҳои тозатарин
brain drain	- фирори мағзҳо аз кишвар (<i>ба ИМА ва дигар кишварҳо кӯчидани олимон, духтурон ва дигар мутахассисон барои дарёфти шароити кори</i>

беҳтар ва музди меҳнати баландтар)(утечка мозгов (в США и другие страны учёных, врачей и других специалистов в поисках лучших условий жизни и высокой оплаты труда)

gas burner	- даҳонае, ки аз он шӯълаи газ хориҷ мешавад
last but not least	- охир аз ҳама, аммо на беаҳамияттарин; исман дар охир зикр мешавад, вале аз дигарон камтар нест
silver wedding	- чашни биступанҷумин солгарди арӯсӣ
small talk	- гуфтугӯи бефоида
poor laws	- <i>анг.</i> қонунҳо дар бораи кӯмак ба камбизоатон
small hours	- соатҳои аввал баъд аз нисфишаб, соатҳои аввали субҳ
a thanks job	- кори беҳуда ё беарзиш
hushmoney	- пора/ришва барои сукут будан/сирро накушодан
olive branch	- шоҳаи зайтун (шоҳаи дарахти зайтун, ки рамзи сулҳ аст)

Хотя считается, что безэквивалентную лексику, например, реалии, в основном составляют имена существительные, с точки зрения семантических лакун можно выделить группу глаголов в английском языке, имеющую семантический “пробел” в таджикском языке. Так, обнаружено немало примеров англо-таджикских глагольных семантических лакун, значение которых невозможно передать одним глаголом. Следует особо выделить, что глагольным лакунам в паре отдельных языков посвящены специальные работы, свидетельствующие об актуальности данного аспекта безэквивалентной лексики в лингвистической науке [182, с. 215].

Проведенный анализ показывает, что в отличие от семантически безэквивалентных имён существительных и прилагательных, для семантизации глагольных лакун требуется более подробное разъяснение значения. Рассмотрим примеры:

bleach	- ранги чизеро бурдан/паррондан (<i>бо нури офтоб ё моддаи кимиёвӣ</i>)
stunt	- ҷилваи рушд/пешрафти чизеро гирифттан, боздоштан (<i>аз афзоиши ва ғ.</i>)
wreathe	- ба сурати ҳалқаи гул даровардан, тоҷи гул сохтан, бо ҳам бофтан (гул ва шоҳу баргро)
nibble	- газида чудо кардан, газида гирифттан, бо дандон пора кардан
flush	- ба парвоз даровардан, турондан (<i>дар шикор</i>)

dandle	<i>паррандагонро аз ниҳоногоҳи худ)</i> - чунбондан (<i>тифлро рӯи зону ё дар бағал</i>)
decant	- рехтан (<i>оҳиста, ба ба тавре рехтан, ки таҳнишини шароб ё сирко ва ғ. такон наёбад</i>)
scrutinize	- ба оғӯши касе паноҳ бурдан, худро ба касе часпондан (<i>барои гарм шудан</i>), чои гарму нарм чустан
gibber	- босуръат ва ба таври номафҳум сухан гуфтан, вар задан, саросема (<i>бо овози лазон</i>) сухан гуфтан
waddle	- калавида-калавида роҳ рафтан (<i>мисли мурғобӣ</i>), урдаквор роҳ рафтан, ба тарафҳои хам шудан (<i>ҳангоми роҳ рафтан</i>)
adventure	- дил ба дарё задан, сармоягузорӣ дар корҳои пурхатар кардан (<i>тиҷорат ва ғ.</i>), риск кардан, таваккал кардан
impeach	- 1) мавриди тардид/пурсиш қарор додан (<i>шараф ё шӯҳрат ё дурустии касеро</i>) 2) қорманди олирутбаро ба додгоҳи махсус кашидан, айбдор/гунаҳкор кардан
hack	- (ИТ) ғайри қонунӣ дастрасӣ пайдо кардан, ба системаҳои ҳифзшуда ворид шудан
pilot	- қореро ба таври таҷрибавӣ оғоз кардан (данное слово является безэквивалентным по отношению к таджикскому слову в одном из своих значений, например, здесь в форме глагола, это не основное его значение)
electrocute	- ба василаи барқӣ эъдом кардан, барқкуш шудан (<i>бар асари ҳодиса</i>), барқкуш кардан, ба василаи сандалии барқӣ эъдом кардан

Несомненным лидером в этом отношении можно считать слово *challenge*, и как глагол, и как имя существительное. Как глагол в англо-таджикском словаре 2007 года (Мамадназаров А.) имеет 4 толкования значения: 1) ба мубориза даъват кардан, ситезачӯӣ кардан; 2) зери шубҳа гузоштан, мавриди пурсиш қарор додан, муҳолифат кардан; 3) рад кардан, қабул накардан (*номзадро*); 4) талаб кардан (*диққат ва ғ.*). Как видим, ни в одном из случаев нет однозначного таджикского глагола, заменяющего данное английское слово. Безусловно, в зависимости от контекста, оно может переводиться на таджикский язык по-разному. Может понадобиться также использование совершенно других способов, не отражённых

в упомянутом выше словаре. В любом случае, это будет нестандартное контекстуальное решение проблемы перевода.

Особую группу безэквивалентных глаголов в отношении таджикского языка могут составить отдельные английские фразовые глаголы, которые, во-первых, не имеют своих однотипных грамматических соответствий – глагол в таджикском языке не обладает такой грамматической особенностью, и, во-вторых, в силу разнообразных семантических оттенков английских фразовых глаголов, нелегко найти для них соответствия на уровне глаголов, тем более, на уровне фразовых глаголов. Рассмотрим примеры:

pindown	- касеро ба қавл додан водор кардан (заставить кого-л дать обещание)
perkup	- 1) сари худро баланд кардан, гӯшҳои худро тез/сих кардан; 2) маҷ. фукро ба осмон бардоштан, аз худ рафтан
breakin/into	- зер карда даромадан
break off	- ногаҳон қатъ гардондан/шудан
break out	- ногаҳон оғоз/шудан/кардан, ногаҳон сар кардан/шудан
break with	- кандан (алоқа бо касе), ҷангӣ шудан
call on/upon	- хабар гирифтан, ташриф овардан
call for	- 1) талаб кардан, ниёз доштан; 2) ба суроғи касе ё чизе рафтан; 3) пешбинӣ кардан; (здесь видно, что данная словоформа является безэквивалентным во всех приведенных значениях)
carry away	- сахт таҳти таъсир қарор додан; завқзада шудан, ихтиёр аз даст додан (такое многословие позволяет отнести выражение к разряду безэквивалентных единиц)
carry off	- бурдан (<i>ҳаёт</i>), куштан, гирифта бурдан; гирифта гурехтан
comeround	- даромадан, хабар гирифтан

Как правило, проблема перевода семантических лакун решается описательным переводом. Тем не менее, имеется группа английских безэквивалентных слов, которые транскрибируются либо калькируются, в

результате чего лексические единицы становятся неологизмами в таджикском языке, функционируя в качестве заимствованной лексики, обогащая словарный фонд таджикского языка. Таковыми, на наш взгляд, являются следующие слова:

monitoring	- мониторинг;
team	- тим
advocacy	- адвокаси
scenario	- сценария
ID card	- корти ID (ай дӣ)
shortlist	- шорт лист
facilitator	- фасилитатор
clipboard	- клип борд
flipchart	- флипчарт
teambuilding	- тимбилдинг
institutional	- институтсионалӣ
mission	- миссия
official	- корманди расмӣ/давлатӣ
suicide bomber	- маргталаби бомбатаркон/(шахси) бомбаандози худкуш
inclusive education	- таҳсилоти фарогир

Относительно некоторых слов такого рода в словарях делается попытка дать перевод, в то время как эффект, который даёт сама оригинальная форма слов, нельзя передать другими словами-заменителями. Например, в англо-таджикском словаре 2007 года мы встречаем словарную статью к слову **studio**: утоқи кор, коргоҳ, корхона, хунархона, хунаргоҳ. В самом деле, эти слова близки по значению данному английскому слову. Однако без упоминания слова **студия** читатель/слушатель не получит исчерпывающего представления о слове. Подобную трактовку можно применить к словам status quo; SMS; moderator; cortege; –вазӣ мавчуд, вазӣ кунунӣ, ҳолати табиӣ/статус кво; паёмак/СМС; баранда/модератор; ҳамроҳон, дунболравҳо/кортеж и т.д.

Следует отметить, что в настоящее время постоянно возрастает объём информативного текстового материала на английском языке, представляемого различными международными организациями в рамках сотрудничества с соответствующими местными государственными, неправительственными и частными партнёрами, где неизбежно сталкиваемся с необходимостью его адекватного перевода на таджикский язык. Процесс перевода при этом усложняется именно безэквивалентной лексикой, в том числе немалым количеством семантических лакун. Необходимо отметить, что данная проблема решается по-разному – предпринимаются попытки подобрать наиболее подходящие по смыслу слова (*focus*-тамаркуз; *mobilization*-сафарбаргардон и др.), однако в большинстве случаев проблема решается обеспечением дополнительных пояснений значения в скобках и калькированием безэквивалентной лексики соответствующего разряда.

Англо-таджикские двуязычные словари в части словарных статей, содержащих безэквивалентную лексику, в отдельных случаях напоминают толковые словари, т.е. в них, особенно во второй группе приведённых примеров, наблюдается изобилие слов и выражений с целью пояснения значения.

Таким образом, существование большого количества английских семантических лакун по отношению к таджикскому языку вполне объяснимо, ибо английский язык, будучи самым распространённым языком в мире, обладает обширным понятийным потенциалом и располагает средствами выражения чуть ли не для каждой малейшей жизненной ситуации или понятийной категории. Тем не менее, таджикский язык тоже способен выражать все понятия, выражаемые английскими безэквивалентными единицами, но только на другом уровне.

Проблема перевода семантических лакун в тексте, как правило, решается путём описательного перевода, о чём свидетельствуют описания значения, приведённые выше на основании англо-таджикских словарей.

2.4. Безэквивалентные фразеологические единицы в сравниваемых языках

В современных условиях сопоставительное изучение фразеологизмов языка разноструктурных языков актуально и для «понимания интегрированного обучения как соизучения языка и культуры, в соответствии с которым язык нельзя изучать в отрыве от культуры, его возраставшей» [6, с.14], и для решения ряда важных переводческих задач. Наряду с другими видами безэквивалентных единиц языка—словами, словосочетаниями, предложениями, сокращениями и т.д., фразеологические единицы (ФЕ) каждого языка тесно связаны с национально-культурными компонентами языка и могут входить в разряд безэквивалентных единиц. «При сопоставлении языков национально-культурные различия наблюдаются практически на всех уровнях, но особенно ярко на лексическом и фразеологическом, поэтому непосредственным объектом сопоставительной лингвистики выступают, прежде всего, лексика и фразеология» [192, с. 5].

Безэквивалентность языковых единиц, в том числе ФЕ, целесообразно рассматривать в тесной связи с понятием эквивалентности.

Понятие эквивалентности очень многогранно. Эквивалентность рассматривается и как «общенаучная категория» [104, с. 95], как отношения между отдельными объектами «Эквивалентность каких-либо объектов означает их равенство (тождество) в каком-либо отношении [58, с. 538] и т.д. Об этом более подробно мы рассуждали в Главе 1.

Есть, безусловно, понятие эквивалентности языковых единиц и понятие переводческой эквивалентности. С. Влахов и С.Флорин считают, что «эквивалент предполагает полное тождество между соответствующими единицами двух языков в плане содержания (семантика, коннотация, фон)» [52, с. 47]. А.Иванов под эквивалентом понимает «функциональное соответствие в языке перевода, передающее на аналогичном уровне плана выражения (слова, словосочетания) все релевантные в пределах данного

контекста компоненты значения или одного из вариантов значения исходной единицы языка – источника» [75, с. 187].

С переводческой точки зрения фразеологические единицы делятся на две группы: ФЕ, имеющие эквиваленты в другом языке, и безэквивалентные фразеологические единицы. Межъязыковые отношения эквивалентных фразеологических единиц можно разделить на полные эквиваленты ФЕ, частичные эквиваленты ФЕ и ФЕ – аналоги [148, с. 9].

А.В.Кунин под полными эквивалентами подразумевает ФЕ, совпадающие в семантическом, лексическом, стилистическом и грамматическом плане. К частичным эквивалентам он относит ФЕ, имеющие некоторые расхождения лексического и лексико-грамматического характера [97, с. 7].

Отсюда у полных эквивалентов ФЕ, можно сказать, совпадает и план содержания, и план выражения, а у частичных эквивалентов ФЕ полностью совпадает план содержания, в плане выражения наблюдаются частичные расхождения.

Наибольшая группа полных фразеологических эквивалентов среди наших примеров в рассматриваемых языках представлены ФЕ, характеризующие качество и состояние человека: *as silent as a mouse* – муш барин хомӯш (досл.: тихий, как мышь); *to be afraid of one's own shadow* – аз сояи худ тарсидан (ср.: бояться своей тени); *he wouldn't hurt a fly* – ӯ пашшаеро ҳам озор намедиҳад (ср.: он и мухи не обидит); *one's hair stands on end* – мӯйҳо рост хестанд (ср.: волосы встали дыбом); *to take oneself in hand* – худро ба даст гирифтан (ср.: взять себя в руки) и др.

Другую группу составляют ФЕ, обозначающие социальные явления: *all in good time* – ҳар қор вақту соат дорад; *what good wind brings you here* – кадом шамол парронд (ср.: каким ветром занесло (вас сюда)); *to root something out* – чизеро решакан кардан (досл.: вырвать с корнем); *to be on the tip of one's tongue* – дар нӯги забон будан (ср.: вертеться на языке) и др.

Как видно из примеров, объединяющим их фактором может выступать то обстоятельство, что полные фразеологические эквиваленты не содержат особого национального колорита и выражают так называемые «общечеловеческие» понятия.

Безусловно, наличие полных эквивалентов языковых единиц, в частности фразеологических, существенно облегчает работу переводчиков.

К аналогам можно отнести ФЕ, которые, имея разную образность, совпадают по семантике, т.е. фразеологические аналоги имеют тождественное содержание с разным словарным составом.

Тематика фразеологических аналогов тоже отличается большим разнообразием. Среди наших примеров наибольшую группу составляют ФЕ, обозначающие свойства и состояния человека: *to pull the devil by the tail* – зӯри беҳуда задан (ср.: напрасно стараться); *to hang by a single hair* – як пой дар гӯр будан (ср.: быть одной ногой в могиле); *to wash one's dirty linen in public* – гапи хонаро ба кӯча баровардан (ср.: выносить сор из избы); *to make a mountain out of molehill* – аз пашша фил сохтан (ср.: делать из мухи слона) и др.

Встречаются и примеры, обозначающие социальные и природные явления: *Rome is not built in a day* – осиеб бо навбат (ср.: Москва не сразу строилась); *not a pin to choose between them* – лаблабую каду, лаънат ба ҳарду (ср.: хрен редьки не слаще); *the golden mean* – на сих сӯзад, на кабоб (ср.: золотая середина); *a load off one's mind* – аз кӯҳи баланд гузаштан (ср.: как гора с плеч); *like a bolt out of a clear sky* – аз бом тароша афтодагӣ барин (ср.: как снег на голову); *as plain as the nose on your face* – мисли ду карат ду маълум (ср.: дважды два - четыре) и т.д.

Вместе с тем, наряду с другими разрядами безэквивалентной лексики существует также понятие безэквивалентных фразеологических единиц, и это естественно, ибо ФЕ как номинативные устойчивые выражения также тесно связаны с особенностями психологии, способа мышления, специфических условий развития материальной и духовной жизни народов-носителей

языков. При этом мы относим в разряд безэквивалентных фразеологических единиц, вслед за А.О.Ивановым, “максимально широкий круг ФЕ – ФЕ пословичного типа, идиоматику, крылатые выражения, афоризмы, образные метафорические единцы, устойчивые образные сочетания и т.д” [75, с. 167]. Анализ показывает, что среди наших примеров особую группу составляют так называемые компаративные фразеологизмы, которые «имеют широкое применение в речи носителей английского языка и являются образцом возникновения новых сравнений» и «имеют тенденцию четко указывать на сходные признаки денотатов» [217, с. 336].

Безэквивалентные фразеологизмы, т.е. ФЕ, не имеющие идиоматических соответствий в других языках, представлены, как правило, наибольшим количеством единиц, в основе которых лежат различные образы. Именно специфическая мыслительная категория, национально-специфические образы и национальный колорит народов-носителей рассматриваемых языков порождают данный класс ФЕ. Следует также отметить, что различные понятия в разных языках сами могут совпадать, но способы их выражения, как уже говорилось, могут быть уникальными, неповторимыми. Например, понятие «трус» в американском английском языке выражается через образ “chicken” (курица), а в таджикском языке это же понятие выражается через образ козла, «буздил» (досл.: человек, у которого сердце козлиное»), т.е. трус. В русском языке для выражения данного понятия широко используется образ зайца.

Таким образом, относительно безэквивалентных фразеологизмов можно сформулировать следующее определение: безэквивалентные фразеологизмы – это ФЕ исходного языка, не имеющие ни полных/ частичных эквивалентов, ни аналогов в переводящем языке.

Наибольшую группу безэквивалентных фразеологизмов среди наших примеров составляют фразеологизмы, обозначающие различные качественные признаки и состояния человека: *to sit on the phone* – бо телефон бисёр гап задан (ср.: висеть на телефоне); *to show someone in his true colors* – аслан чӣ гуна будани шахсеро нишон додан (ср.: показать чьё-либо истинное

лицо); *to be out of swaddling-clothes* – калон, мустақил шудан (ср.: выйти из пеленок); *to lay/put one's cards on the table* – нияту қасди худро ошкор кардан (ср.: раскрыть карты) и многие другие.

Стоит отметить, что эквивалентность/безэквивалентность ФЕ отличается в разных языках своими особенностями. Например, одна и та же английская ФЕ может быть полным или частичным эквивалентом по отношению к русскому или другому языку и аналогом в отношении таджикского или другого языка или, наоборот, иметь какое-либо соответствие в одном языке и быть совершенно безэквивалентной по отношению к другому языку. Например, ФЕ *to be out of swaddling-clothes* безэквивалентна по отношению к таджикскому языку, а в русском языке имеет полный эквивалент – *ВЫЙТИ ИЗ ПЕЛЁНОК*. Конечно, в подобных случаях для таджикского читателя потребуется, как минимум, описательный перевод. Приведем другой пример: ФЕ *to take the bull by the horn* имеет полный эквивалент в русском языке – *ВЗЯТЬ БЫКА ЗА РОГА* и аналог в таджикском языке – *шаф-шаф нагуфта, шафтолу гуфта* (досл.: *говорить сразу персик, а не повторять сначала пер-пер, а потом – персик*). Выражение *как дважды два-четыре* в таджикском языке имеет полный эквивалент – *ду карат ду* – и аналогию в английском языке *as plain as the nose on your face* (досл.: *ясно как нос на твоём лице*). Выражение *not to hurt a fly* имеет полный эквивалент в таджикском языке – *пашшаеро озор надодан* и аналогию в русском языке – *пальцем никого не тронуть*. Наличие относительно больших полных эквивалентов в русском и таджикском языках объясняется социокультурной и лингвокультурной общностью двух народов, сосуществовавших в течение более чем столетия. Безусловно, есть также немало случаев, когда во всех трёх языках единицы являются полными или частичными эквивалентами – *one's handwriting is like chicken racks*/писать как курица лапой/почаи мурғ барин навиштан; *to pour oil on the flame*/подлить масло в огонь/ба оташ равған рехтан и т.д. и аналогами – *to pull the devil by the tail*/биться как рыбка об лёд/зӯри беҳуда задан; *to wash one's dirty linen in public*/выносить сор из избы/гапи хонаро ба кӯча

баровардан и т.д..

Так, проанализированные в количественном отношении 424 ФЕ английского и таджикского языков, имеющих межъязыковые отношения, выглядит следующим образом:

Полные эквиваленты:	83 - 19,5%;
Частичные эквиваленты:	53 - 12,5%;
Аналоги:	176 - 41,5%;
Безэквивалентные ФЕ:	112 - 26,4%.

Как видно из вышеприведённых статистических данных, наибольшее количество фразеологических единиц в английском и таджикском языках являются аналогами, что, естественно, не означает какой-либо неполноты в передаче значения, а лишь содержат лексические и грамматические расхождения при наличии одинакового плана содержания и одной и той же стилистической окраски. Можно также сделать вывод о том, что около 30% английских ФЕ могут составить группу безэквивалентных фразеологических единиц по отношению к ФЕ таджикского языка.

2.5. Структурные экзотизмы как разряд безэквивалентной лексики

Как известно, английский язык обладает большим словообразовательным потенциалом, который способствует созданию своеобразных, присущих только этому языку, понятий со сложной семантикой, которые отсутствуют в таджикском языке. Поэтому в силу различий в средствах образования новых слов подобные явления приходится семантизировать при помощи развернутых словосочетаний.

Данный класс безэквивалентной лексики, который нельзя встретить в упомянутых нами классификациях, начинает привлекать внимание ученых современности. Так, анализируя безэквивалентную лексику немецкого языка в отношении русского языка, А.К. Гатилова классифицирует её элементы как «структурные экзотизмы». Мы также будем придерживаться данного термина и отнесем сюда такой класс слов, который связан с «невозможностью создать средствами ПЯ лексическую единицу, аналогичную по значению единице ИЯ, а

поскольку нельзя создать компактное обозначение для понятия, то и не возникает само понятие/понятие требует обязательно компактное название – не длиннее, чем сочетание из двух слов» [59, с. 56]. Так, структурные экзотизмы можно определить как лексическую единицу ИЯ, способ образования которой отсутствует в ПЯ и, семантизация которой требует развернутого словосочетания. Рассмотрение данного класса безэквивалентной лексики в сопоставляемых языках обусловлено фактом наличия широких словообразовательных возможностей английского языка, некоторые из которых отсутствуют в таджикском языке.

В ходе исследования были выявлены следующие типы английских структурных экзотизмов:

1. Сложные существительные:

decision-maker	-	шахси қабулқунандаи қарор
policymaker	-	шахси муайянқунандаи сиёсат
caregiver	-	шахси ба бемор нигоҳубинқунанда
work-wear	-	либос барои коргарон
wheel-chair	-	курсии чархадор
woman-doctor	-	духтури зан
bowler-hat	-	кулоҳи дегчашакл

2. Сложные прилагательные:

panic-stricken	-	шахси ваҳмзада
snow-covered	-	мавзеи барфпӯшида
poverty-stricken	-	гирифтори фақирӣ
soft-headed	-	(шахси) нодон
short-handed	-	дорои камбуди коргар
war-torn	-	аз ҷанг осебдида
capital-intensive	-	сармоҷи калон тақозоқунанда
snow-white	-	сафеди барфсифат
age-long	-	абадӣ
life-long	-	якумрӣ

child-proof	-	эмин аз дастрасии кӯдакон
care-free	-	бидуни ташвиш
second-hand (shop)	-	(мағозаи) молҳои истифодашуда
three-roomed	-	иборат аз се уток
a steak-and-eggs breakfast	-	субҳонаи иборат аз гӯшту тухми мурғ
a father-to-son talk	-	сухбати падару писар
last-minute (preparations)	-	омодагии дақиқаҳои охир

3. Сложные глаголы:

brainwash	-	ташвиқоти ақида қардан;
brainstorm	-	ҷустани роҳҳои ҳалли масъала бо роҳи “тӯфони андеша”
typewrite	-	бо мошини чоп ҳуруфчинӣ қардан
trickle-irrigate	-	сарфакорона обёрӣ қардан
bottle-feed	-	ба таври сунӣ кӯдакро ғизо додан
chain-smoke	-	пайихам, бетанаффус сигор кашидан
baby-sit	-	ҳамчун нигоҳубинкунандаи кӯдак қор қардан

Сложные слова английского языка, а также особенности их перевода на таджикский язык, более подробно рассмотрены нами в Главе 3 настоящей диссертации. Здесь лишь отметим, что при рассмотрении сложных слов как феномена безэквивалентной лексики следует обратить внимание на два аспекта безэквивалентности: 1) структурная безэквивалентность, т.е. случаи, когда структурный тип сложного слова английского языка отсутствует в таджикском языке; 2) семантическая безэквивалентность, т.е. та или иная семантика или понятие, обозначаемое сложным словом английского языка, отсутствует в таджикском языке. Например, в таджикском языке не встречается структурный тип образования английского слова по схеме *основа прилагательного-основа существительного + суффикс –ed*: *kind-hearted, sharp-eyed, dark-skinned*. В английском и таджикском языках имеется структурный тип словообразования сложных существительных по схеме *основа существительного – основа существительного*: **night-school, world-power; устохона (мастерская),**

меҳмонхона (гостиница). Однако существуют отдельные слова, образованные данным способом, обозначающие понятия и значения которых могут отсутствовать в рассматриваемых языках. Например: **scapegoat** – касе, ки гуноҳи дагиронро ба гарданаш меандозанд (ср.: козёл отпущения); **footboard** – чопой, зерпой, тахтае, ки дар поёни миз қарор дорад ва пойро рӯи он мегузоранд (подножная доска).

3. Существительные с префиксами **under-; over-; re-...**

underdevelopment	-	сатҳи пасти рушд
underproduction	-	истеҳсоли аз меъёр кам
overproduction	-	истеҳсоли аз меъёр зиёд
reproduction	-	истеҳсолоти такрорӣ
reconfiguration	-	чобачогузорӣ

4. Глаголы с приставками **under-; over-; re-; down-; un-:**

underestimate	-	ба таври носазо баҳо додан
underproduce	-	камтар аз зарурат истеҳсол кардан
underpay	-	музди кам додан
overestimate	-	аз ҳад зиёд баҳо додан
reproduce	-	такроран истеҳсол кардан
unlace	-	банд ё ресмонро кушодан

5. Причастие II с приставками **under-; over-; re-:**

underdeveloped	-	ба дараҷаи паст рушд кардан
undersized	-	камтар/хурдтар аз андозаи лозимӣ
overcrowded	-	издиҳоми аз ҳад зиёд
redone	-	аз нав иҷрошуда

Упомянутые типы английских структурных экзотизмов дают основание заключить, что словообразовательные возможности английского и таджикского языков различны, ибо, как видно из примеров, в отдельных случаях невозможно создать средствами таджикского языка лексическую единицу, аналогичную по значению единице английского языка, что наталкивает на обозначение данного

класса слов развёрнутым словосочетанием. Всё это, безусловно, влияет и на процесс перевода с английского языка на таджикский язык.

2.6. Сокращения как разряд безэквивалентной лексики в рассматриваемых языках

Наряду с другими языковыми единицами, аббревиатуры представляют собой класс лексических единиц, которые в сокращенном виде можно отнести к группе безэквивалентной лексики, так как в конкретном контексте могут требовать от переводчика особого подхода в силу своей уникальности по образованию.

Сокращения представляют собой формы слов, сложных слов или словосочетаний, состоящие, как правило, из их начальных букв. При произношении аббревиатуры буквы называются по отдельности. Термин “abbreviation” (аббревиатура) в английском языке объединяет в себя так называемые “initialisms” (инициализмы), “blends (смешение), “clippings” (срезание) и другие письменные сокращенные формы слов. Общеизвестные аббревиатуры обычно встречаются в названиях организаций, на упаковках продуктов, на страницах финансовых и спортивных газет и журналов, в рецептах, в телефонных книгах, хозяйственных магазинах и т.д.

Рассмотрим некоторые виды английских сокращений, упомянутых выше.

Акронимы - слова, образованные из первой буквы или первых букв, сложного слова или словосочетания. В результате полученная форма произносится как одно слова, а не называется по каждой букве в отдельности. Например, слово **scuba** образовано из начальных букв словосочетания “self-contained underwater breathing apparatus”. Иногда для удобства использования начальные буквы артиклей или предлогов исключаются, как, например, это наблюдается а акрониме **GATT**, образованном от следующего словосочетания: “General Agreement on Tariffs and Trade”. Очевидно, что произношение формы **GATT** намного удобнее, чем формы **GOATT**. Также для удобства произношения и соблюдения последовательности звуков добавляется гласная буква/звук: VTOL—

“vertical take off and landing” или PSAT – “Preliminary Scholastic Aptitude Test” и др.

Следует отметить, что акронимы представляют собой одну из самых распространенных форм сокращений и широко используются в английском языке. Подобная форма сокращений и использования слов, когда сокращенное образование читается как одно слово, не присуща таджикскому языку.

Инициализмы (Initialisms) образуются из первой буквы или букв одного или более слов. В отличие от акронимов, они не читаются как единое слово, а произносятся по буквам. Например, CIA – “central intelligence agency” произносится как [сиайэй], или FBI – “federal bureau of investigations” произносится как [эф би ай] и т.д.

Смещениями (blends) называются комбинации начала одного слова и конца другого слова, из числа, например, таких: **caplet**—capsule and tablet, **Oxbridge** – Oxford and Cambridge и др.

Так называемое «срезание» (clippings) представляет собой сокращение многосложных слов удалением второй части слова. Например: **chemo** от chemotherapy или **exams** от examinations. После таких сокращений точка обычно не ставится. Следует оговориться, что сокращения, образованные от начала двух и более отдельных слов, в эту категорию не входят, они являются акронимами. Сравним, например: **pixel** - picture and element, т.е. «срезается» только одно многосложное слово, которое пишется слитно.

В категорию **других кратких письменных форм** можно отнести группу сокращенных слов, после которых, как правило, ставится точка. Например, сокращение **rm.**, образованное от слова “room”, в такой форме читается как полное слово, от которого происходит, в данном случае – room.

Из перечисленных выше форм самым близким по способу образования сокращений в таджикском языке можно считать инициализмы и некоторые формы акронимов. Такая форма сокращений в таджикском языке сводится, в основном, к общепринятым понятиям, и, в отличие от английского языка, даже по образованию похожие на акронимы сокращения, не читаются как единое целое

слово, даже отдельные буквы не называются, как это наблюдается в случае с инициализмами. Сокращенное слово при произношении восстанавливается и читается полностью, например: ЦТ – Чумхурии Тоҷикистон (Республика Таджикистан), ДМТ – Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (Таджикский национальный университет).

Что касается использования/перевода английских акронимов в таджикских текстах, необходимо отметить, что в большинстве случаев их полные формы восстанавливаются и подвергаются дословному переводу: ADB –Asian Development Bank–Бонки рушди Осиё, WBG - World Bank Group– Гуруҳи бонки ҷаҳонӣ. При этом совсем не обязательно их в таджикском тексте при переводе преподносить в сокращенном виде, например, в форме БРО, БЧ, так как таджикский текст не терпит избытка сокращений, в то время как подобное явление считается нормой для английского языка. Для сохранения эффекта сокращений и более точного понимания того, о чем в них идет речь, лучше прибегнуть к другому, более традиционному приёму – при первом упоминании дать в скобках оригинальные, заимствованные формы сокращений известных организаций или других явлений и понятий, а далее для удобства и краткости приводить только оригинальные, более известные формы в качестве заимствованных сокращений: НАТО–Созмони аҳдномаи Атлантикаи Шимолӣ (НАТО), UNICEF– Бунёди кӯдакони созмони милали муттаҳид (ЮНИСЕФ), SOS–ҷони моро наҷот диҳед, VIP–шахсони хеле олиқадр и др.

Употребленные в примерах виды сокращений входят в категорию относительно общепринятых и, как правило, отражены в специальных словарях английского языка [229]. Что касается традиций сокращений слов в таджикском языке, в этом отношении имеется очень скудная информация, содержащаяся в несистематической форме только в отдельных частях некоторых двуязычных и толковых словарей, а также в Правилах правописания таджикского языка [281].

Кроме того, использование сокращений (аббревиатур) как таковое очень распространено в современном английском языке. Пожалуй, трудно встретить сейчас английский документ, преимущественно официально делового,

организационного и логистического характера, который бы не содержал специального списка сокращений. В самом деле, такой лингвистический приём становится обязательным атрибутом современных текстов английского языка – снабжать документы списком сокращений, причем главным условием при этом является толкование его при первом упоминании. Например, Security in the province improved in 2010 with the development of a robust Village Stability Operations (VSO) effort and Afghan Local Police (ALP)...[306]. Перевод автора на таджикский язык: Амнияти Вилоят дар соли 2010 бо рушди кӯшишҳои кавии Амалиёти устувории деҳот ва полиси маҳаллии афғон беҳтар шуд.

Данная аббревиатура имеет локальный характер, которая создана только для данного контекста или ему подобных и не имеет ничего общего с общепринятыми сокращениями английского языка. Известна она, как правило, среди узкого круга пользователей данного текста.

Английский текст порой бывает перенасыщен аббревиатурами, что является нормальным явлением для этого языка.

Таджикскому языку в силу его аналитизма подобный способ оформления текста, т.е. с большим количеством сокращений, неприемлем и большинство сокращений в рамках одного и того же английского документа при переводе на таджикский язык приводится в полной, расшифрованной форме. Если даже в отдельных случаях пишутся общепринятые и известные сокращения, например, UN–СММ, USA–ИМА, OSCE–САҶА и др., при чтении текстов, в отличие от английского языка, произносятся полные формы этих и им подобных слов. Например, столь известная английская аббревиатура NGO в таджикском языке не даётся в форме СҒ, а пишется полностью – созмонҳои ғайридавлатӣ.

Известны также отдельные группы аббревиатур в таджикском языке: КВД, ЧДММ, ИДМ, НБО и другие, однако, как было упомянуто выше, и они, как правило, не читаются как самостоятельное слово, кроме отдельных случаев, когда пользователи языка делают попытки произносить подобные слова в сокращённой форме, например, в телерепортажах, однако это не более чем подражание и не

имеет ничего общего с культурой речи и особенностями использования таджикского языка.

Также следует отметить, что в отличие от таджикского языка, первые буквы каждого слова названий отдельных компаний, комитетов и других организационных структур при развернутом их упоминании в тексте пишутся с большой буквы, а в таджикском языке с большой буквы пишется только первое слово – *MFA – The Ministry of Foreign Affairs – ВКХ – Вазорати корҳои хориҷӣ*.

Так, наряду с научной, военно-технической и другой специальной лексикой сокращения (аббревиатуры) проникают и в другие отрасли – начиная с разговорного языка, заканчивая языком СМИ и художественной литературы. Знание особенностей и случаев сокращения слов в английском языке позволяет более точно определить их место и роль в тексте и адекватно передать их на таджикский язык, соблюдая традиции и нормы словопользования.

2.7. Звукоподражательные слова как разряд безэквивалентной лексики в рассматриваемых языках

Каждый язык содержит достаточно большое количество звукоподражательных слов как средства изображения действительности. Выполняя различные синтаксические, стилистические и прагматические функции, особенно в языке художественной и публицистической литературы, они не могут не повлиять на процесс перевода. Звукоподражательные слова – это группа слов, передающих различные звуки живой и неживой природы, не передающих при этом никаких чувств и эмоций и не выражающих грамматических значений и смыслов. Наряду с ними используется также термин ономотопея (*onomatopoeia*). В таджикском языке используется соответствующий термин *калимаҳои тақлиди овоз*. Как было упомянуто выше, любой народ располагает своими средствами отражения действительности, имеет свои мыслительные категории. Звукоподражания входят в категорию особых слов, выражающих специфические условные словесные имитации звучаний человеческого, животного и предметного мира. «В силу расхождения фонологических систем, а также частично из-за

связанных с этим различий в представлениях об эвфонии в ИЯ и ПЯ звукоподражания... также часто не имеют эквивалентов или представлены в словаре описательно» [75, с. 130].

Английский язык, как один из самых богатых языков, содержит большое количество звукоподражательных слов, знание которых обусловлено процессом его изучения в современном состоянии и повышения качества переводов с английского языка на таджикский язык. Отражены английские звукоподражательные слова, как правило, в толковых словарях, а некоторые из них и в двуязычных англо-таджикских словарях. Ниже приведем ряд примеров отражения английского звукоподражания в упомянутых видах носителей. Отражение звукоподражательных слов в толковых словарях:

Таблица 1

Ономатопея	Merriam-Webster's Collegiate Dictionary	Oxford Advanced Learner's Dictionary
bang	A resounding blow; a sudden loud noise	a sudden loud noise
chunk	v. to make a dull plunging or explosive sound	-
rumble	v. to make a low heavy rolling sound; a low heavy continuous reverberating often muffled sound (as of thunder)	v. to make a long deep sound or series of sounds; a long deep sound or series of sounds: <i>the rumble of laughter/thunder/gunfire</i>
twang	a harsh quick ringing sound like that of plucked string	a sound that is made when a tight string, especially on a musical instrument, is pulled and released
wham	a loud sound of a hard impact	used to represent the sound of a sudden, loud hit
whomp	n. a loud slap, crash, or crunch; v. to strike with a sharp noise or thump	-

Как видно из таблицы, звукоподражательные слова даже в разных толковых словарях поясняются по-разному, а в некоторых относительно небольших толковых словарях они могут вообще отсутствовать.

Определенная часть звукоподражательных слов английского языка отражена и в двуязычных словарях:

Таблица 2

Ономатопея	Англо-таджикский словарь (Мамадназаров)	Англо-персидский словарь (Concise... English-Persian Dictionary, 2001)	Электронный словарь «Линово», версия x5
babble	(кӯдакон қабл аз баровардан) ғун-ғун/ғиғ-ғиғ/ғинг-ғинг кардан забон	vir-vir kardan,	лепет, бормотание
соо	қум-қум, вукур-вукур (садои кабу́тар ва қумрӣ)	bagh-baghu kardan	воркование
chuck	қут-қут (садои мурғ)	-	квохтанье
clor	-	-	стук копыт, цокание
crackle	п. тарақ-туруқ, чарақ-чарақ, қарс-қарс (садои чӯби хушк ҳангоми сӯхтан) v. тарақ-туруқ/чарақ-чарақ/қарс-қарс кардан	taraq-turuqkardan, jaraq-juruq kardan; tarraq-turuq, jaraq-juruq	потрескивание, треск, хруст; потрескивать, трещать, хрустеть
fizz	фиш, фис, виз (садои фиш-фиш, ки аз нӯшобаҳои газдор бармехезад)	[moe'ot] fish-fish kardan; sado'e fis –fis ya fish-fishi nushobahoi gazdor	шипеть, пениться, играть (о газированных (алкогольных) напитках); шипение; свист
giggle	Қикирос, қикир-қикир, ҳар-ҳар (садои ханда)	hir-hir khandidan, hir-hir va kir-kir kardan; hir-hir va kir-kir	хихикать, хихиканье
jangle	-	sadoi nohinjor, gushkharosh dodan	резкий звук; нестройный звон колоколов; гул, гам,

			слитный шум голосов
mew	мяв-мяв (<i>садои гурба</i>)	miyuv miyuv kardan; miyuv miyuv	мяуканье, мяу; мяукать.
scrunch	-	-	хрустеть (под колёсами, ногами); хруст, треск, скрип
swash	чалап-чалап кардан, шалап- шалап кардан (<i>дар бораи об</i>)	-	плеск

Из таблицы явствует, что звукоподражательные слова представляются в переводе преимущественно описательно. Также в ходе проведенного анализа было выявлено, что не все звукоподражательные слова английского языка были представлены в англо-таджикском словаре, что вынуждает переводчиков при работе с такого рода звукоподражательными словами зачастую прибегать к толковым словарям и другим оригинальным источникам.

В целом проблема перевода звукоподражательных слов может решаться в зависимости от стилистических и функциональных установок автора, их трактовки переводчиком и норм переводящего языка, путем использования имеющихся соответствий, описательного перевода и создания звукоподражательных неологизмов.

2.8. Междометия как разряд безэквивалентной лексики в рассматриваемых языках

Междометия также составляют отдельную часть речи и служат для выражения различных эмоций (радости, удивления, раздражения, злости, боли, отвращения, недоумения и др.), ощущений, душевного состояния и других реакций. В лингвистических словарях мы находим следующее определение междометий: «класс неизменяемых слов, лишенных специальных грамматических показателей и обладающих особой экспрессивно-семантической функцией» [18, с. 225]. Безэквивалентность междометий обусловлена тем, что они порой бывают многозначными и в словаре далеко не всегда предлагаются возможные

эквиваленты исходного слова, и поэтому переводчик вынужден часто решать сам, какое междометие можно использовать в переводе в качестве эквивалента. Даже толковые словари не всегда охватывают все оттенки значений междометий и для адекватной передачи значения отдельных междометий требуется конкретизация этого значения [75, с. 128]. Ниже приведём таблицу сравнения наиболее часто употребляемых английских междометий в толковых и переводных словарях:

Таблица 3

Английское междометие	Merriam-Webster's Collegiate Dictionary	Англо-таджикский словарь (Мамадназаров)	Электронный словарь «Линово», версия x5
aha	used to express surprise, triumph, or derision	-	ага!
amen	used to express solemn ratification (as of an expression of faith) or hearty approval (as of an assertion)	(маъмулан дар поёни ниёиш) омин, чунин бод, худо кунад, иншооллоҳ	аминь, воистину
aw	used to mild disappointment, gentle entreaty, or real or mock sympathy or sentiment	-	ай!, ой! (выражает протест, просьбу, раздражение, неодобрение)
bah	used to express disdain or contempt	-	фу!, фи! (выражает пренебрежение)
bravo	a shout of approval – often used interjectionally in applauding a performance; to applaud by shouts of <i>bravo</i>	Офарин! Бале! Шаҳбош! Хеле хуб! Марҳабо!	браво!
eh!	used to ask for confirmation or repetition or to express inquiry; used	ҳарфи нидо, хитобае, ки ҳайрониро ифода мекунад	1) а?, как?, что (вы сказали)? (просьба повторить)

	especially in Canadian English in an anticipation of the listener's or reader's agreement		сказанное) 2) так ведь?, не правда ли? (ожидание согласия) 3) да?, вот как? (удивление сказанным кем-то)
encore	a demand for repetition or reappearance made by an audience	[<i>фарёди тамошобинон дар охири намоиш ба маънои</i>) Чуфт шавад! Мувофиқи талаб! Такроран хонда шавад! Як барномаи дигар ичро шавад!	бис!, ещё! вызов на бис, крики "бис"
ho-ho	-	-	-
hush!	used to enjoin silence	(<i>нидо ба манзури даъват кардан ба сукут</i>) Хомӯш! Ҳис!	ш-ш!, тс!, тише!, замолчи!
oh-oh	-	-	ой-ой!, эх! (выражает досаду, сожаление)
pah!	-	Оҳо! Ҳа! (<i>нидои таҳқир ё нобоварӣ</i>)	тьфу!, фу! (выражение отвращения)
phew	1) used to express relief or fatigue; 2) used to express disgust at or as if at an unpleasant odor	Фу! Оҳ! Ўҳ! Ўй!	Фу!, уф! (выражает нетерпение, омерзение, дискомфорт, усталость); выражает удивление или чувство облегчения
shoo	used especially in driving away an unwanted animal	(<i>нидое, ки барои дур кардани мурғ, сағ ва ғ. истифода мешавад</i>) Бирав! Киш! Чих! ва ғ.	кыш! (при испугивании птиц)
uh-uh	used to indicate	-	-

	negation		
woe	used to express grief, regret, or distress	Вой бар...! Ҳайҳот! Афсӯс! (аломати андӯҳ ва гам)	(как междометие специально не выделяется)
why	used to express mild surprise, hesitation, approval, disapproval, or impatience	Бах! Ох! Вой! (ҳаяҷон, эътироз ва бетоқатиро ифода мекунад)	1) как!, ба!, боже мой! (выражает удивление) 2) да, ну (выражает нетерпение) 3) да как же!, ну конечно! (выражает согласие) 4) ведь, да (выражает возражение, несогласие) 5) пожалуй (выражает колебание, неуверенность)
wow	used to express strong feeling (as pleasure or surprise)	-	1) вау!, круто!, здорово! (выражает удивление и восторг) 2) боже мой!, какое горе!, ой! (выражает отвращение, удивление, горе, соболезнование)

Из приведённых в таблице примеров можно заметить, что переводный словарь таджикского языка содержит меньше значений, чем толковый словарь и электронный словарь “Лингво”. Кроме того, в англо-таджикском словаре приведено ограниченное количество междометий, что усложняет проблему перевода английского междометия на таджикский язык, особенно если оно многозначно. Наблюдаются также случаи, когда отдельные междометия не

представлены ни в одном из вышеуказанных словарей или в большинстве из них (ho-ho, oh-oh, rah, uh-uh). В таких случаях нельзя обойтись без помощи других источников, включая толковые словари, и конечно, следует опираться на особенности своего контекста для конкретизации значения междометия. Что касается малозначных междометий, то они не вызывают особых затруднений при переводе. Однако чтобы определить даже то, что то или иное междометие многозначно или однозначно, нужно обладать определенным кругом знаний о них.

2.9. Отражение безэквивалентной лексики в англо-таджикских двуязычных словарях

Таджикская лексикография имеет свою давнюю историю, которая корнями уходит в период формирования и развития языка дари в Восточных Мовараннахре и Хорасане. Историю создания различных словарей можно разделить на два этапа. Первый этап тесно связан с персидско-таджикской лексикографией, охватывающей дореволюционный период, в котором главным образом составлялись толковые словари (фарханги). Вторым этапом, охватывающим весь XX век и современное состояние развития таджикской лексикографии, отличается большим разнообразием видов лингвистических и энциклопедических словарей. «Со времени опубликования первого краткого двуязычного таджикско-русского словаря (Луғати мухтасари русӣ-тоҷикӣ) Ш.Хатымтаева [1913] по настоящее время (2012 г.) в таджикской лексикографии было составлено и издано более чем 250 наименований лексикографических работ - общих толковых и переводных, специальных, малых и больших таджикско-русских, русско-таджикских, англо-таджикских, таджикско-английских и других словарей» [115, с. 4].

Несмотря на такое разнообразие видов словарей в советский период развития таджикской лексикографии, где «основное внимание уделяется двуязычным словарям, особенно русско-таджикским» [184, с. 616], посвящены они, в основном, проблемам русско-таджикских межъязыковых отношений. Наличие

относительно большего количества русско-таджикских двуязычных словарей в данный период вполне объяснимо, так как роль и значение русского языка в то время были доминирующими и вся информация, создаваемая на мировых и европейских языках, в том числе на английском языке, таджикский читатель и пользователи языка получали посредством русского языка. Вклад русского языка в обогащение словарного состава таджикского литературного языка того времени неоценим. Однако здесь следует констатировать, что с точки зрения современного самостоятельного развития таджикского языка и установления прямых языковых контактов с другими языкам, в том числе и с русским языком на качественно новом уровне, даже имеющиеся русско-таджикские общие и специальные двуязычные словари нуждаются в пересмотре, ибо многие словарные статьи в них, во-первых, сделаны прямым заимствованием или дословным переводом лексических единиц, и, во-вторых, устарели и требуют нового лексикографического подхода.

В сороковые годы прошлого столетия наряду с двуязычными словарями общей лексики создаётся и ряд специальных и терминологических словарей, главным образом русско-таджикских [149]. Согласно специальным исследованиям в этой области, «в таджикской лексикографии создано более 80 (насколько нам известно) двуязычных терминологических словарей, из которых более 60 являются русско-таджикскими, только два таджикско-русскими словарями и более 16 англо-таджикскими» [116, с. 6].

Что касается словарей направления «английский – таджикский» и «таджикский – английский», как это видно также из приведённой выше статистики, количество выполненных работ недостаточно. Можно констатировать, что даже за всё время существования Советского Таджикистана только два небольших англо-таджикских словаря, каждый из которых содержал около 3000 словарных статей, обслуживали весь «переводческий фронт». Речь идёт об англо-таджикском словаре 1970 года под редакцией Баракаевой Г.Б. [266] и англо-таджикско-персидском словаре 1989 года Шахобовой М.Б. [214; 302] под редакцией Капранова В.А. Правда, следует признать, что как такового англо-

таджикского «переводческого фронта» или прямых языковых контактов тогда не существовало. Однако это не может служить оправданием столь важного упущения, большого пробела в этой отрасли.

Арсенал современного англо-таджикского переводчика, к сожалению, также не отличается изобилием, разнообразием и полнотой охвата различных отраслей науки и видов словарных работ, в том числе достаточных для решения проблем перевода английской безэквивалентной лексики. Укажем на некоторые из них.

В англо-таджикской лексокографии лидирующую позицию занимает А. Мамадназаров. Им составлен и издан ряд англо-таджикских словарей, в том числе: Англо-таджикский университетский словарь 2003 года издания [280].

Англо-таджикский словарь 2005 года издания (с указателем таджикских слов) П. Джамшедова и Толиби Розы (Шарипова) [299]. Хотя по назначению он является словарем общей лексики, в его Приложениях содержатся материалы, способствующие решению элементарных вопросов, связанных с наиболее распространенными видами английской безэквивалентной лексики. С этой точки зрения заслуживают внимания приложения под названиями «Краткий список устойчивых выражений научно-технической литературы», «Домены», «Список географических названий», «Сокращения, используемые в текстах электронной почты» и др. Словарь можно, по сути, одновременно назвать и обратным словарём, так как в его конце помещен обширный указатель таджикских слов и словосочетаний. Количество слов и словарных статей в словаре не указано.

Англо-таджикский словарь 2007 года издания Мамадназарова А. содержит 25 000 слов и словосочетаний [281]. Он считается словарем общей лексики. В его приложениях также можно найти полезный материал с точки зрения перевода безэквивалентной лексики. Хотя в нем отсутствует указатель таджикских слов и словосочетаний, однако словарные статьи более насыщены и снабжены большим количеством иллюстрирующих примеров-предложений.

Пожалуй, «самым совершенным и полным к настоящему времени англо-таджикским словарем» является Англо-таджикский словарь 2010 года издания,

составленный А. Мамадназаровым и содержащий более 100 000 слов и словосочетаний и фразеологизмов.

Tajik Practical Dictionary (Tajik-English, English-Tajik), составленный Джоном Джилани и опубликованный в США [241], содержит, как отмечает автор, 14 000 статей. Словарные статьи, можно сказать, «однословные», в них не приводятся разные сочетания слов и не раскрываются все значения слова, если таковые имеются. Следовательно, количество безэквивалентной лексики в нем ничтожно. Он рассчитан не на профессиональных переводчиков, а решает лишь элементарные проблемы при неформальном общении на более общие темы и по формату напоминает карманный словарь.

Следует особо отметить одну характерную особенность большинства отечественных англо-таджикских словарей, в которых обязательно присутствовал элемент третьего языка, либо русского, либо, персидского. То есть словари подобного рода создавались с обязательным привлечением материалов двух упомянутых выше языков, сыгравших и играющих, кстати, и в настоящее время, особую роль в обогащении словарного состава таджикского литературного языка на протяжении всего цикла его развития. Отсюда, несомненно, переводчикам, хорошо владеющим русским или персидским языками, намного легче сориентироваться в них и более успешно осуществлять переводческую деятельность.

Самый первый словарь из так называемой серии обратных словарей – таджикско-английских – также принадлежит перу Г.Б. Баракаевой, изданный в двух частях в 1968 году под редакцией А. Бертельса [268; 269]. Словарь содержит около 10 000 лексических единиц таджикского языка.

Другим относительно более полным словарём из этой серии является таджикско-английский словарь, составленный уже в современное время, в 2000 году, Рондалем и Рошельем Олсонами [256]. По мнению специалистов в области лексикографии, данный словарь содержит грамматический указатель слов, и таджикские слова снабжены своей формой, основанной на арабской графике и

подкреплены примерами, а также словарь составлен на базе краткого таджикско-русского словаря Я.Н. Калонтарова (1988)» [116].

Другим более полным до настоящего времени таджикско-английским словарём считается таджикско-английский словарь, составленный Дж. Маматовым, С. Харрелем и др. и изданный в 2005 году [246].

Наконец, в 2008 году профессор П. Джамshedов издает таджикско-английский словарь относительно большего объема [300].

Нельзя не упомянуть существенную роль английских толковых словарей, которые дают наиболее полную информацию о значениях безэквивалентных лексических единиц английского языка и способствуют процессу перевода английской безэквивалентной лексики на таджикский язык. Английская лексикография имеет свою давнюю историю и на данный момент имеется обширный круг печатных и электронных версий английских толковых словарей, среди которых можно упомянуть *Oxford English Dictionary*, *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary*, *American Heritage Dictionary*, *Longman English Dictionary* и другие.

Отрадно, что за последнее 10-15 лет создано более десятка специальных отраслевых словарей [277]. Тем не менее, все они носят не комплексный и не систематический характер, их явно недостаточно для решения современных проблем, связанных с переводом специальной литературы. Кроме того, за последние 20 лет также написано немало научно-исследовательских работ, посвященных той или иной отраслевой терминологии английского и таджикского языков (животные, налоговая терминология, ирригационная терминология, строительная терминология, медицинская терминология, юридические термины и др.), однако большинство авторов этих работ, к сожалению, ограничивается лишь подготовкой кандидатских или докторских диссертаций или созданием небольшого объема отраслевого словника, и не доводят свои исследования до соответствующего оформления результатов в виде полноценных терминологических словарей, за исключением некоторых [9].

Отсутствуют также полноценные англо-таджикские и таджикско-английские электронные словари, за исключением таджикско-русско-таджикского словаря, отдельные версии которого содержат и раздел таджикско-английского словаря и некоторых ссылок в словаре Golden Dictionary Free, который приводит соответствия некоторых английских слов в таджикском языке, наряду с русскими вариантами, и поддерживает таджикско-английское направление определенного количества слов. Заслуживают внимания и on-line словари (on-line луғатҳо), охватывающие 12 отраслей, главным образом, русско-таджикско-русского направления [308]. Только один так называемый компьютерный словарь (5300 слов) снабжен таджикско-русско-английским, русско-таджикско-английским и англо-русско-таджикским направлениями. Следует отметить, что словарь удобен для использования и является ценным вкладом в развитие электронной лексикографии таджикского языка, хотя на данный момент он проходит первоначальный этап своего развития и необходимо время, чтобы довести его до соответствующего уровня совершенства, так как он пока охватывает незначительное количество слов.

Упомянутые электронные словари, как правило, направлены на толкование общеупотребительной лексики и относительно популярных «эквивалентных» слов и не рассчитаны на удовлетворение нужд, связанных с переводом безэквивалентной лексики и специальной терминологии. Пожалуй, идеальным вариантом англо-таджикско-английского электронного словаря, на наш взгляд, было бы наличие данного направления в версиях электронных словарей “Multitran” и “Lingvo”, создание которого, безусловно, кроме организационных вопросов с согласованием с создателями, требует огромных усилий и временных и финансовых затрат.

Отсутствуют также страноведческие словари, необходимость в которых остро ощущается на практике англо-таджикского и обратного переводов.

Также следует констатировать, что тот незначительный арсенал двуязычных словарей, находящийся в распоряжении переводчиков англо-таджикского и обратного направления, не удовлетворяет и половины потребностей современных

переводчиков. Им часто приходится решать проблемы перевода общей лексики в целом, безэквивалентной лексики в частности, при помощи англо-русских и русско-таджикских словарей, либо обращением к специалистам той или иной отрасли или к носителям языка оригинала. Переводчикам порой в отдельных случаях приходится также создавать свои варианты переводов. Отсюда возникают разные варианты одного и того же слова или выражения, например, brainstorm–хучуми зехнӣ или тӯфони андеша; feedback–мулоҳизаҳои бозгаштӣ/ аксуламал/ натиҷа/назарот и т.д.

Зачастую имеющиеся словари не только не решают проблемы перевода безэквивалентной лексики, но и, с учётом их формата и принципов составления, она там просто не отражена в должной степени, и не в состоянии порой удовлетворить требования обычных пользователей языка.

Как отмечает А.О. Иванов, «если большинство обычных слов ИЯ довольно легко найти в достаточно большом общем двуязычном словаре, то лексических единиц, которые можно отнести к БЭЛ, как правило, или вообще нет в таком словаре, или в словарной статье мы находим описание значения, но не эквивалент» [75, с. 192].

В связи с этим, проблема перевода английской безэквивалентной лексики на таджикский язык осложняется тем, что, во-первых, больших англо-таджикских словарей как таковых до сих пор не существует, и, во-вторых, имеющиеся словари по своему формату не в состоянии охватить тот необходимый объем, который бы решал проблему на соответствующем уровне.

Так, проведенный нами количественный и качественный анализ словарных статей имеющихся на данный момент более и менее полных англо-таджикских двуязычных словарей, главным образом, словарей П. Джамшедова и А.Мамадназарова, показывает, что из общего количества около 25 000 слов обнаружено более одной тысячи известных разрядов безэквивалентных лексических единиц (1341), что составляет 5,3% от общего количества лексических единиц, отраженных в упомянутых словарях. Разбивка 1341 полученного английского безэквивалентного в отношении таджикского языка

слова такова: 346 терминов (25,8%); 294 реалий (21,9%); 226 лексических и семантических лакун (16,8%); 200 ФЕ и пословиц и поговорок (14,9%); 116 сложных слов (8,6%); 68 имён собственных и обращений (5%); 81 звукоподражательное слово и междометий (6%); и 10 сокращений (0,7%). При этом надо отметить, что критерием включения слов в категорию безэквивалентной лексики являлись калькирование и заимствование слов, а также многословное разъяснение их значения в словарных статьях.

Следует отметить, что достоверность английских словарных статей проверено при анализе на основании английских толковых словарей, таких как Oxford advanced Learner's Dictionary of Current English [259] и Merriam-Webster's Collegiate Dictionary [247]. Приведем, например, сравнительный анализ статей безэквивалентного слова **tutor**. В англо-таджикском словаре 2005 года издания [299] относительно данного слова встречаем следующее: *n* роҳбар; муаллими шахсӣ; муаллими мактаби оӣ; китоби дарсӣ (руководитель, личный учитель; преподаватель вуза; учебник). Англо-таджикский словарь 2007 года издания [281] содержит следующую более подробную статью: *n* 1) муаллими хона, муаллими хусусӣ, муаллими гурӯҳи хурд (домашний учитель, частный учитель, учитель небольшой группы); 2) ҳуқ. сарпараст, қаюм (сағир) (*юр.* попечитель, опекун (несовершеннолетних); 3) устои роҳнамои дониш (*дар баъзе донишгоҳҳои Британияи Кабир*) (учитель наставник знаний (*в некоторых университетах Великобритании*)); 4) *амер.* муаллим/устод дар колеч (учитель/наставник в колледже).

Для сравнения приведем статью данной лексической единицы из англо-персидского словаря [227]: 1) муаллими хусусӣ, мударрис, муаллими сари хона (частный учитель, преподаватель, домашний учитель); 2) устои роҳнамо, нозирӣ дарси донишчӯён (учитель-наставник, контролёр уроков студентов).

Для полноты картины приведем также статью данной лексической единицы из английского толкового словаря [252]: *noun* **1** a private teacher, especially one who teaches an individual student or a very small group **2** (*especially BrE*) a teacher whose job is to pay special attention to the studies or health, etc. of a student or a group of

students... **3** (*BrE*) a teacher, especially one who teaches adults or who has a special role in a school or college... **4** (*AmE*) an assistant LECTURER in a college **5** a book of instruction in a particular subject, especially music....

Как видно из сравнения словарных статей, первые две словарные статьи близки к персидской статье, на что, очевидно, опирались составители таджикских словарей при работе над ними. Следует иметь в виду, что англо-персидские словари нельзя считать доступными и полезными для обычных таджикских пользователей по двум главным причинам: во-первых, основная масса людей не знакома с арабской графикой, и во-вторых, нельзя автоматически, без специальной адаптации и трансформации предлагать таджикскому читателю те выражения и толкования, которые содержатся в словниках англо-персидских словарей, ибо они рассчитаны на пользователей персидского языка, проживающих на территории современного Ирана.

Сравнение статей англо-таджикских/персидских словарей относительно слова **tutor** с английским толковым словарем показывает, что англо-таджикские словари, в общем, передают основные оттенки значений упомянутой английской безэквивалентной лексики. Впрочем, анализ качества словарных статей англо-таджикских словарей не входит в задачи нашей работы. Мы хотим лишь констатировать, что достоверность англо-таджикских словарей не вызывает сомнений.

На основании приведенного выше количественного и качественного анализа можно сделать вывод о том, что для полноценного решения проблем, связанных с передачей безэквивалентной лексики с английского языка на таджикский язык и обратно современный переводчик не располагает достаточным количеством словарей разных типов. Это с учетом того факта, что английский язык, как самый распространенный и богатый мировой язык, содержит огромное количество безэквивалентной лексики, отражающей различные стороны культурной и социально-экономической жизни их носителей, главным образом американцев и британцев. Если считать, что общая безэквивалентность от языка к языку в целом составляет около 30% (например, англо-русская БЭЛ) от общего количества

словарного состава, то англо-таджикская безэквивалентность в процентном отношении выше, так как лексические единицы имеют тенденцию заимствования менее богатым языком из более богатого языка, а не наоборот. При этом нельзя полностью исключить обратное заимствование, так как в английском языке также встречаются слова, заимствованные из персидского и арабского языков, используемых, в том числе и в современном таджикском языке, однако их количество небольшое. Например, те же упомянутые словари содержат около 30 слов с персидскими и арабскими корнями, что составляет около 0,1 % от 25 000.

Другим неопровержимым фактом можно считать и то, что до сих пор хорошие англо-таджикско-английские переводчики, как правило, - хорошие знатоки русского языка, т.е. гарантией качества англо-таджикских и таджикско-английских переводов выступает русский язык, который располагает большим количеством двуязычных словарей, как общих, так и специальных, включая страноведческие. Современный таджикский переводчик постоянно перепроверяет свой выбор окончательного варианта перевода той или иной единицы, не говоря о составителях таджикских, главным образом, англо-таджикских словарей, которые также обеспечивают успех своей работы не без помощи англо-русских словарей, в том числе электронных.

Также следует отметить и другие трудности, связанные с извлечением безэквивалентной лексики из словарных источников, как толковых, так и двуязычных. Дело в том, что пока отсутствует специальная система помет для обозначения безэквивалентной лексики в словарях, как это налажено, например, в отношении других классов слов типа *ист.* (историзмы), *арх.* (архаизмы) и ряда морфологических стилистических помет. Если можно с относительной лёгкостью извлечь некоторые виды безэквивалентной лексики из числа этнографических реалий и ономастической лексики на основании развернутых разъяснений для них, а также применения транскрипции/транслитерации, то не совсем ясным остаётся вопрос с извлечением семантических лакун, терминов, так называемых структурных экзотизмов и т.д.

Таким образом, перед таджикскими лексикографами стоит огромная задача по пересмотру большинства существующих русско-таджикских и англо-таджикских словарей и составлению новых словарей всех типов. Существует также острая необходимость в расширении серьёзных и всеобъемлющих специальных и терминологических словарей и создании страноведческих словарей, которые вовсе отсутствуют. В случае успешного решения вышеупомянутых задач, всё это в конечном итоге будет способствовать улучшению качества осуществляемых переводов и решению проблем, связанных с переводом безэквивалентной лексики.

**ГЛАВА III. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ И КРИТЕРИИ
АДЕКВАТНОСТИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ
(на материале художественной и публицистической литературы английского
и таджикского языков с привлечением материалов русского языка)**

**3.1. Приёмы и методы, обеспечивающие адекватность и точность
передачи безэквивалентной лексики**

В отечественном переводоведении вопросам безэквивалентной лексики уделено немало внимания. Данная тема рассматривается в работах Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссарова, А.В. Фёдорова и многих других учёных в области теории и практики перевода. Непосредственным изучением проблем перевода безэквивалентной лексики занимался целый ряд крупных ученых. Так, в трудах С. Влахова и С. Флорина, А.О. Иванова, П.В. Чернова, В.Н. Крупнова и других безэквивалентная лексика рассматривается в связи с проблемами «непереводимости» и эквивалентности/безэквивалентности в переводе. Как считает А.О. Иванов, – «вопросы, связанные с эквивалентностью и безэквивалентной лексикой, справедливо рассматриваются как часть общей проблемы эквивалентности перевода» [74, с. 192].

Одна из важнейших особенностей перевода, признаваемая в настоящее время абсолютным большинством теоретиков, состоит в том, что перевод является операцией относительной по своим результатам. Действительно, в каждом языке по отношению к любому другому языку имеются элементы, передача значений которых в обычных условиях в рамках самого текста невозможна. Такого рода элементы и составляют в языке то, что можно определить, как собственно непереводимое. Однако отсутствие точных и постоянных лексических соответствий какому-либо слову не означает ни невозможности передать его смысл в контексте, ни его «непереводимости» в будущем, однако постоянно возникает необходимость передавать новые слова или новые значения уже существующих слов. Любое слово может быть переведено на другой язык хотя бы описательно, т.е. распространенным

сочетанием слов данного языка [199, с. 182]. То, что невозможно в отношении отдельного элемента, возможно в отношении сложного целого, т. е. в отношении контекстуального перевода, так что вопрос сводится не к тому, можно или нельзя перевести чужую лексическую единицу, а к тому, как ее перевести. Возможность правильно передавать безэквивалентную лексику и понятия, связанные с ней, предполагает определенные знания о той действительности, в которой эта лексика функционирует. За этими знаниями закрепилось определение «фоновых» знаний. Способы и приёмы перевода безэквивалентной лексики тесно связаны с термином «перевод реалий». И это логично, если учесть, что реалии составляют особый, наибольший по количеству разряд безэквивалентной лексики. В нашей работе мы также будем пользоваться данными терминами.

Как уже отмечалось выше, каждая определенная культура обладает своими национально-специфическими реалиями, не имеющими эквивалентов в культуре и жизни другого народа. Необходимо подчеркнуть, что слова, обозначающие национально-специфические реалии, сами по себе представляют частную проблему теории перевода и нуждаются в определении теоретических принципов решения проблемы их перевода на другой язык. При этом отдельные ученые утверждают, что «речь должна идти именно о переводе названий реалий, а отнюдь не о переводе самих реалий, ибо реализия — понятие экстралингвистическое и не может переводиться с одного языка на другой как любая существующая в природе вещь» [Там же, с. 151]. Далее он приводит четыре основных принципа, по которым возможны переводы названий реалий: «1. Это транслитерация либо транскрипция, непосредственное использование данного слова, обозначающего реалию, либо его корня в написании буквами своего языка или в сочетании с суффиксами своего языка... 2. Создание нового слова или словосочетания, или сложного слова для обозначения соответствующего предмета на основе элементов и морфологических отношений, уже реально существующих в языке... 3. Использование слова, обозначающее нечто близкое (хотя и нетождественное) по функции... 4. Так называемый гипонимический или обобщенно-приблизительный перевод, при

котором слово ИЯ, обозначающее видовое понятие, передается словом ПЯ, называющим понятие родовое... [Там же].

В практике перевода также нередко подтверждается тот факт, что слова-реалии, оставленные в тексте перевода в их транскрипции или транслитерации, объясняются, семантизируются в примечаниях.

Приёмы и способы обеспечения адекватного перевода безэквивалентной лексики отражены также в различных работах и других теоретиков перевода, в особенности перевода художественной, публицистической, общественно-политической литературы, а также в ряде публикаций по теории эквивалентности слов. Следовательно, проблемы перевода безэквивалентной лексики рассматриваются по-разному - рекомендуются различные методы перевода, встречаются разные, даже противоречивые мнения. Ниже рассмотрим некоторые из них.

Схема приёмов передачи реалий в художественном переводе, предложенная С. Влаховым и С. Флориным, выглядит следующим образом:

1. Транскрипция (и транслитерация).
2. Перевод (замена).
 - 1) Неологизм:
 - а) калька,
 - б) полукалька,
 - в) освоение,
 - г) семантический неологизм
 - 2) Замена реалий.
 - 3) Приблизительный перевод:
 - а) родовидовая замена,
 - б) функциональный аналог,
 - в) описание, объяснение, толкование.
 - 4) Контекстуальный перевод [52, с. 340].

В последней декаде прошлого столетия по данному вопросу высказываются и другие исследователи. По мнению некоторых из них, «при переводе важно,

прежде всего, передать образ безэквивалентной лексики, а не ее языковую структуру» [91, с. 28].

При переводе безэквивалентной лексики переводчик должен уметь для себя уяснить, имеет ли он дело с переменным или устойчивым словосочетанием. Для этого необходимо иметь большой «рецептивный запас безэквивалентной лексики» [191, с. 15].

Данный вопрос находится в поле зрения и у ученых современности. Развивая традиционную точку зрения о важности сохранения различных аспектов безэквивалентной лексики при переводе, каждый исследователь указывает на актуальный, на его взгляд, аспект данного вопроса: «при переводе безэквивалентной лексики необходимо передать ее смысл и отразить ее образность, найдя аналогичное выражение в языке перевода и не упустив при этом из виду стилистическую функцию» [212, с. 107].

В силу того, что безэквивалентная лексика может подразделяться на полную и частичную, нельзя не упомянуть важность и данного фактора при выборе наиболее подходящего способа перевода в той или иной конкретной ситуации. Например, полная безэквивалентная лексика в языке перевода может быть заменена функциональными аналогами или описаниями, объяснениями, толкованиями.

В научной литературе по проблемам теории и практики перевода транскрипция и транслитерация упоминаются как самый распространенный способ передачи отдельных разрядов безэквивалентной лексики, особенно реалий, собственных имён и т.д.

В Словаре лингвистических терминов *транскрипция* определяется как «передача звуков иноязычного слова (обычно собственного имени, географического названия, научного термина) при помощи букв русского алфавита», а *транслитерация* — как «передача букв иноязычного слова при помощи букв русского алфавита» (или любого другого ПЯ) [18, с. 401].

Переводческая транскрипция - это формальное пофонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка,

фонетическая имитация исходного слова.

Другим более распространённым приёмом перевода является транслитерация - формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка, буквенная имитация формы исходного слова. При этом исходное слово в переводном тексте представляется в форме, приспособленной к произносительным характеристикам переводящего языка.

Другими словами, транскрипция/транслитерация (полная или частичная) - это непосредственное использование переводчиком данного слова, обозначающего реалию, либо его корня в написании буквами или в сочетании с суффиксами родного языка.

Наряду с переводческой транскрипцией и транслитерацией, для языковых единиц, не имеющих непосредственного соответствия в переводящем языке, нередко применяется калькирование - воспроизведение не звукового, а комбинаторного состава слова или словосочетания, когда составные части слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего языка. Калькирование как переводческий приём послужило основой для большого числа разного рода заимствований при межкультурной коммуникации в тех случаях, когда транслитерация была неприемлема. Однако при этом калькирование как переводческая трансформация встречается реже, чем транскрипция или транслитерация.

В отличие от транскрипции/транслитерации, калькирование не всегда бывает простой механической операцией перенесения исходной формы в переводящий язык; зачастую приходится прибегать к некоторым трансформациям.

Серьёзным недостатком транслитерации, по мнению Г.Д. Тамохина, является то, что этот приём приводит к появлению в переводе непривычных и малопонятных слов [192].

По словам А.А. Реформатского, понятия транскрипции и перевода могут быть друг другу противопоставлены: перевод стремится «чужое» максимально сделать «своим», а транскрипция стремится сохранить «чужое» через средства «своего». Таким образом, «в плане практическом перевод и транскрипция должны

рассматриваться как антиподы» [153, с. 312].

Как правило, переводчики сталкиваются с двумя основными трудностями передачи безэквивалентных слов-реалий: отсутствие в языке перевода эквивалента из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией референта и необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и колорит (коннотацию) — ее национальную и историческую окраску [44, 184].

Собственно, транскрипция реалии предполагает механическое перенесение реалии из исходного языка в язык перевода графическими средствами последнего с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме. Собственно перевод реалии, как приём передачи ее на язык перевода, применяют обычно в тех случаях, когда транскрипция по тем или иным причинам невозможна или нежелательна. Речь может идти о введении неологизма, приблизительном переводе реалий или о «контекстуальном переводе». Таким образом, реалии каждый раз ставят переводчика перед альтернативой: транскрибировать или переводить? Выбор пути зависит от нескольких предпосылок: от характера текста, от значимости реалии в контексте, от характера самой реалии, от самих языков и от читателя перевода (по сравнению с читателем подлинника).

Действительно, на выбор приёмов передачи безэквивалентной лексики влияют и жанровые характеристики текста. Следующим фактором, определяющим способ передачи безэквивалентной лексической единицы, является ее значимость в контексте. Чем выше степень освещенности безэквивалентной лексики в контексте, тем важнее ее точная передача.

В зарубежной литературе встречается немало количество теоретических трудов, посвященных проблемам перевода безэквивалентной лексики. Данный термин известен в англоязычной среде как «translation of cultural elements» или «translation of culture-bound items». Это объясняется тем, что в большинстве случаев именно культурный компонент объединяет языковые единицы в группу безэквивалентной лексики, ибо понятие «культура», которое встречается в работе

П. Ньюмарк, «в широком понимании включает в себя различные особенности исторического, политического или социального характера того или иного народа, что должно быть, безусловно, передано на ПЯ без искажений» [248, с. 78].

П. Ньюмарк придаёт одинаковое значение и языковым, и культурным различиям между ИЯ и ПЯ и заключает, что «разница в культуре может вызвать более серьёзные сложности для переводчика, чем различия в структуре языка». Далее он упоминает, что научная литература по теории и практике перевода предоставляет ряд способов решения данной проблемы и предлагает два противоположных способа: 1) *перенос* (transference) – способ, при котором слово ИЯ переносится на текст ПЯ в своей оригинальной форме, что придаёт тексту своеобразную окраску, например, сохранение культурных имён и понятий; и 2) *компонентный анализ* (componential analysis), при котором исключается культурный компонент и подчеркивается само сообщение [Там же, с.123].

Окончательный выбор того или иного способа перевода, по мнению П. Ньюмарка, зависит от различных факторов, таких как цель оригинального текста, рассчитанный круг читателей, родовые и текстовые ограничения публикации и важность самого культурного компонента [Там же, с. 89].

По мнению Найды и Тайбера, перевод культурного компонента «является переводом, в котором содержание сообщения в какой-то мере изменяется для соответствия культурному компоненту рецептора и/или в котором вводится информация, которая лингвистически явно не выражается в оригинале» [250, с. 199]. Далее Ю.Найда отмечает, что роль переводчика - способствовать передаче сообщения, значения и культурного компонента с одного языка на другой и вызвать эквивалентную реакцию со стороны получателей [249, с. 13].

По мнению Бэйкера, «переводчик должен обладать знаниями о семантике и лексических множествах и ценности слов в ПЯ с тем, чтобы выработать стратегию для решения вопросов с безэквивалентными семантическими полями» [223].

Катан пишет о лексических и концептуальных лакунах, хотя между ними не наблюдается различий, и предлагает три способа их передачи: (1) заимствование или адаптация, (2) опущение и (3) создание своего собственного выражения [242].

Теллинджер рассматривает некоторые определения безэквивалентной лексики, согласно которым она понимается в широком смысле и относится к определенной стране. Анализируя два перевода художественного текста, он приходит к выводу, что существуют два противоположных способа их перевода. Первый – это транскрипция и транслитерация для сохранения «непривичности» в тексте перевода. Второй способ – это когда переводчики стараются заменить реалии их аналогами в ПЯ [259, с. 58].

В англоязычной научной литературе встречаются и другие способы перевода, из числа, например, таких: **preservation** (involves translation of a source language phrase directly into the target language one without providing any additional explanation), **addition** (applied when the original text is ameliorated with additional information in the form of gloss, footnotes, or introduction), **omission** (used quite frequently in audiovisual translations, especially when a text seems to be hardly translatable. In the case of cultural references, sometimes it is a more convincing idea to “omit a problematic culture-specific item (CSI) altogether, so that no trace of it is found in the translation”), **globalization** (a strategy of superseding culture-bound elements with more general, neutral expressions in the target language), «**localization**» (in contrast to globalization, attempts to find a formal equivalent of a cultural reference in the target language. According to Davies, ‘localization’ is applied when translators attempt to “try to anchor a reference firmly in the culture of the target audience”), **transformation** (consists of “alteration or distortion of the original”, which means that the original dialog or title is slightly changed in the target language to match it with the target culture reality), **and creation** (means a completely different translation of cultural items, which sometimes do not even appear in the source language) [228, с. 65].

Анализируя примеры перевода безэквивалентной лексики с английского языка на испанский язык, Х.Ф.Айксела приводит 11 возможных способов решения проблемы их перевода: (1) Repetition: reproducing the original text; (2)

Orthographic Adaptation: transformation alpha system or transliteration; (3) Linguistic (non-cultural) Translation: preserving referential meaning in the source language text as far as possible; (4) Extratextual Gloss: based on the first three methods to add interpretation such as using footnotes, endnotes, text comment method, etc; (5) Intratextual Gloss: the interpretation placed in the body; (6) Synonymy: the use of different ways to translate the same culture-specific items in order to avoid duplication; (7) Limited Univasalization: selecting another source culture-specific item which the readers are more familiar with; (8) Absolute Univasalization: using non-culture-specific items to translate culture-specific items; (9) Naturalization: selecting culture-specific items in the target language to translate the the ones in the source language; (10) Deletion: omitting the culture-specific items in the target language; (11) Autonomous Creation: introduction of culture-specific items which the source language does not have [221, с. 61].

В зарубежной теоретической литературе также встречается суждение, совпадающее с отечественным мнением относительно передачи собственных личных имён о том, что по отношению к ним чаще всего применяется транскрипция [240, с. 13].

Таким образом, в различных источниках приводятся разные приёмы и способы передачи данной категории слов. Обобщая взгляды и концепции учёных из различных источников, можно прийти к такому выводу, что, в целом, все приёмы и способы передачи безэквивалентной лексики можно классифицировать на следующие три большие группы: 1) лексические трансформации, 2) грамматические трансформации, 3) смешанные (лексико-грамматические) трансформации.

К первой группе способов и приёмов трансформации можно отнести такие как: а) транскрипция/транслитерация – способ передачи звукового комплекса; б) калькирование посредством повтора внутренней формы исходного слова, словосочетания; в) описательный или разъяснительный способ трансформации, который состоит в раскрытии и разъяснении понятия, исходя из недоступности сущности данного явления носителю переводимого языка. По определению А.В.

Федорова, этот приём назван разъяснительным, перифрастическим переводом [201, с. 133]; г) приближенный, уподобляющий приём трансформации или перевод при помощи аналога, данный способ применяется для передачи слов, которые обозначают инонациональные реалии и для этого употребляются лексические единицы, сравнительно близкие к иноязычной реалии, слова похожие по функциям, хотя не тождественные.

Ко второй группе можно отнести трансформации количественного характера, такие как компрессия, декомпрессия, нулевой перевод или опущение, добавление или экспликация.

К третьей группе способов трансформации, так называемой смешанной или лексико-грамматической трансформации, можно отнести такие приёмы, как антонимический перевод, компенсация, смысловое развитие, целостное преобразование.

Таким образом, применение всех приёмов и способов передачи или трансформации безэквивалентной лексики направлено на адекватный перевод языкового материала с одного языка на другой язык, и основная цель заключается в целостном соответствующем преобразовании коммуникативной и информационной единицы.

Следует также отметить, что пути развития любого литературного языка особенно ярко отражаются именно в художественной литературе. О такой связи литературы и литературного языка академик В. В. Виноградов писал: «Язык литературного художественного произведения, сливаясь в общий поток развития языка в целом, может рассматриваться как памятник и источник истории этого языка» [46, с. 222]. Писатели, в свою очередь, наряду с всесторонним использованием богатств литературного языка, пополняют и обогащают его, делают это по-разному. В процессе работы, для выражения того или иного значения того или иного суждения, писатели применяют самые разнообразные средства выражения, как действительно существующие в языке, так и вновь созданные, чисто авторские. Ценный материал в этом плане могут предоставить и публикации в средствах массовой информации. Ниже

рассмотрим способы и приёмы обеспечения адекватности перевода безэквивалентной лексики на конкретных примерах из художественной и публицистической литературы.

3.2. Значение и роль опосредованного перевода

В настоящем параграфе речь пойдёт об опосредованном переводе. Так исторически сложилось, что в силу известных и объективных причин переводы художественных произведений англоязычной, да и западной литературы на таджикский язык, и обратно, осуществлялись посредством русского языка. Возникает вопрос, стоит ли их использовать как объект исследования при рассмотрении вопросов сравнительного языкознания и теории и практики перевода? На этот вопрос можно ответить утвердительно по следующим причинам: прежде всего потому, что другой альтернативы нет, а рассматривать вопросы англо-таджикские межъязыковые отношения – необходимо! То есть оставлять без серьёзного и специального внимания и не подвергать более документированному анализу вопросы англо-таджикских межъязыковых соответствий только потому, что существует достаточно большое количество текстов, переведённых непосредственно с языка оригинала, нельзя.

Здесь следует также констатировать, что понятие опосредованного перевода не новое. Такая практика существует между различными языками и в современное время, к тому же, культура, история и общественно-политическая жизнь и другие аспекты социально-экономической жизни многочисленных народов Азии – Китая, Кореи, Японии и др. - изучаются через английский язык как язык-посредник или лингва-франка [144, с. 59].

В связи с этим, можно считать, что наш подход к использованию некоторых упомянутых в работе практических материалов исследования из числа опосредованных переводов, наряду, конечно, с переводами, осуществлёнными непосредственно с языка-оригинала, будет иметь характер именно с постоянным осознанием того, что переводы являются опосредованными, а не прямыми. Одновременно мы попытаемся проанализировать, насколько сильно влияние опосредованного перевода и насколько передаваемые лексические единицы могут

страдать от этого. Для этого следует выяснить следующее: можно ли оставить лексическую единицу как есть?, нужно ли исправить правописание или следует заменить слово целиком с точки зрения современного читателя и т.д.. При этом необходимо помнить, что определенные моменты не соответствуют требованиям современного читателя и следует привести свои варианты адекватного перевода. Это значит, что такие переводы нужны хотя бы для того, чтобы показать неправильные варианты, то, чего не должно быть, а отрицательный результат в науке – тоже результат. Важно здесь указать – что правильно с точки зрения одного периода, а что правильно с точки зрения другого периода и, конечно, констатировать объективные факторы, вызвавшие такую ситуацию.

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что реалии, как разряд безэквивалентной лексики – феномен устойчивый, и даже через несколько языков они, как правило, могут пройти на язык перевода с неизменными, или, по крайней мере, с наименьшими изменениями. Например, если даже сейчас перевести предложение со словом **rum**, которое встречается в текстах опосредованного перевода, рассматриваемых в диссертации, непосредственно с английского языка на таджикский язык без языка-посредника, в данном случае русского, переводчик сразу вспомнит слово **ром**, а не что-либо другое. Аналогичным образом можно рассуждать и в отношении других многочисленных примеров, что позволяет утверждать тот факт, что роль русского языка мало зависит от смены какой-либо политической или государственной системы. Говоря иначе, в целом такие изменения не очень сильно влияют на перевод безэквивалентной лексики, хотя за последние двадцать с лишним лет, например, в таджикском языке, появились некоторые слова, имевшие в своё время русские варианты, стали употребляться в новой форме (**тим** вместо **команды**) и др. Но это отдельный естественный процесс.

То же самое можно сказать и о слове **cabin** в корабле. При переводе на таджикский язык и сейчас его может полноценно заменить русское слово **каюта**, так как это слово знакомо современному таджикскому читателю и альтернативы ему до сих пор нет. В Таджикистане не развита собственная морская

терминология, так как соответственно нет этой отрасли вообще. С этой точки зрения переводчики этих двух временных отрезков мало чем отличались друг от друга с точки зрения подхода к переводу безэквивалентной лексики.

Кроме того, имеется группа безэквивалентной лексики, которая при неоднократном повторном использовании в одном и том же тексте (или разных текстах) художественного перевода, требует только один вариант перевода (фут, миля...), собственно, это и составляет характер устойчивости реалий как разряда безэквивалентной лексики. Есть также единицы, которые, в зависимости от контекста, могут переводиться по-разному (обращения типа *lad* – чӯра, дӯстон... (приятель, друзья)) (о примерах опосредованного и прямого переводов см. Приложения 1 и 2).

Существует негласное утверждение о том, что абсолютное большинство переводов советского периода нуждаются в повторном переводе, но где на это основания? То есть, надо вначале доказать эту необходимость, а потом не только утверждать, но и целенаправленно действовать в этом направлении. Некоторые выводы и заключения, сделанные в настоящей работе и других подобных работах могут послужить хорошим основанием для утверждений такого характера. Следовательно, вывод – должны изучаться все виды переводов – и опосредованные и прямые.

С другой стороны, можно не согласиться с тем, что следует повторно переводить опосредованные переводы прошлого времени, потому что в своё время они были нужны и, можно сказать, успешно выполняли свою миссию. Актуальность также усиливается с точки зрения того, что эти переводы составляют часть нашей культуры того периода и к ним следует относиться как к историческим и культурным ценностям. Конечно, сегодня снова переводить отдельные из них, вероятно, можно и нужно, но не потому, что их качество не отвечает требованиям, а потому что одно и то же произведение может иметь не один вариант перевода, осуществленный разными переводчиками. При этом, естественно, будет применён современный подход. Сделанные ранее переводы – хороший материал для сравнения с новыми переводами с целью выявления

наиболее оптимального варианта перевода отдельных языковых единиц в одной и той же ситуации. Их нельзя отрицать, они – уже состоявшийся исторический факт. Их надо только изучать и давать соответствующие оценки. Ведь существует немало примеров нескольких переводов одного и того же произведения и в современное время.

Так как переводы английских художественных произведений на таджикский язык осуществлены с русских текстов, здесь, безусловно, нельзя обойтись без русских переводов, адекватность которых не вызывает сомнений, однако, в связи с этим, возникает другая трудность: некоторые произведения на русском языке имеют два и более вариантов перевода. Отсюда, иногда представляется невозможным определить, с какого именно русского варианта осуществлен таджикский перевод.

Судя по всему, тенденция осуществления переводов англоязычной литературы будет продолжаться ещё долгие годы. Как известно, для осуществления художественного перевода, с одной стороны, как правило, нужны поэты и писатели с хорошим знанием иностранного языка, а большинство наших поэтов и писателей не практикуют английский язык в своей деятельности на уровне, требуемом для художественного перевода. С другой стороны, те переводчики, которые хорошо знают английский язык, не обладают навыками художественного сочинения. Эти два факта, к сожалению, не содействуют англо-таджикскому непосредственному художественному переводу. Однако, существует оправдавшая себя практика использования лингвистов, хорошо владеющих двумя языками для перевода отдельных моментов, а затем работы над художественной частью произведений, т.е. здесь можно наладить творческое сотрудничество переводчика с лингвистом.

Дело не только в переводе англоязычной художественной литературы как феномена культуры. В определенный период развития, а именно в годы существования СССР, большинство сфер науки и техники и другие отрасли культурной и общественной жизни Запада были представлены через призму

русского языка, который тот период был более влиятельным и имел особый статус (статус лингво-франка).

Нельзя также забывать и об огромной роли этих переводных произведений в культурно-эстетическом обогащении таджикских читателей того времени. Благодаря им таджикский читатель того времени был знаком с Шекспиром, Шелли, Марком Твенном, Свифтом и другими выдающимися литераторами мира. С сожалением приходится констатировать и тот факт, что в настоящее время такого массового, целенаправленного, планового перевода зарубежной, особенно англоязычной, художественной литературы не наблюдается, и, вероятно, в ближайшем будущем он не предвидится, так как нет чётко выработанной политики соответствующих структур с необходимым объёмом финансирования подобных работ. Конечно, нельзя сказать, что в этом направлении совсем ничего не проводится. Нужно признать, что определенное количество хорошо выполненных переводов печатается в таких литературных журналах, как «Адаб», «Садои Шарқ» и др. Функционирует также специальный отдел перевода при Союзе писателей Таджикистана. Однако, всё это носит несистематичный, порой хаотичный характер и, как говорится, зиждется лишь на энтузиазме некоторых преданных своему делу переводчиков-литераторов, занимающихся переводом по призванию.

Таким образом, перевод с языка-посредника имеет право на существование как вариант перевода и, следовательно, может стать объектом специального исследования. Естественно, имеется в виду, что перевод на сам язык-посредник осуществлен качественно и профессионально. Пожалуй, одним из главных условий при анализе таких текстов следует считать учёт и привлечение данных языка-посредника, т.е. анализ опосредованных переводов возможен, даже интересен, с привлечением текста-оригинала и текста-посредника. Именно из этих соображений при работе над текстами, при необходимости, мы будем привлекать материалы русского языка.

3.3. Способы передачи реалий

В процессе перевода возникают проблемы, решение которых требует особого подхода со стороны исследователей, специалистов и переводчиков. Такие переводческие проблемы особенно возникают при передаче безэквивалентной лексики, т.е. лексических единиц языка А, не имеющих постоянных соответствий в языке Б, и перевод их осуществляется нетрадиционными способами. Как известно, безэквивалентная лексика охватывает различные разряды слов. Реалии, в самом деле, тесно связаны с культурой, географией и историей носителей языка и представляют трудности для переводчиков. В теории перевода существует ряд способов и приёмов, способствующих переводу реалий с одного языка на другой, тонкости которых должен знать переводчик [276, с. 3].

В процессе перевода проблемы возникают именно при передаче тех единиц языка, которые являются уникальными в своем роде и не имеют постоянных соответствий в других языках, а качество перевода всего текста зависит именно от передачи таких единиц. Их называют «непереводимыми» и об этой категории слов Гёте сказал: «При переводе следует добираться до непереводимого, только тогда можно по-настоящему познать чужой народ, чужой язык» [53, с. 3].

В данном разделе мы рассмотрим английские реалии как разряд безэквивалентной лексики и проанализируем конкретные способы их передачи на таджикский язык на материале художественного текста. Следует отметить, что реалии английского языка, являющегося самым распространенным языком в мире, отражают различные стороны социальной, культурной, экономической, политической жизни англоговорящих стран, прежде всего Англии и США.

Одним из наиболее продуктивных способов передачи реалий является транскрипция и транслитерация. Он представляет собой звуко-буквенное воспроизведение слов ИЯ в ПЯ. При его использовании важно представить пояснения чужого слова либо в сносках, либо в скобках в тексте, ибо только заменой букв и звуков нельзя передать полное значение слова [54, с. 83].

Обратимся к примерам:

*As to your practice, if a gentleman walks into my rooms smelling of **iodoform**, with a black mark of nitrate of silver upon his right forefinger, and a bulge on the side of his top – hat to show where he has secreted his **stethoscope** ... (A.Sh.H.,5-6).*

*- Дар хусуси ба табобати шахсӣ шурӯъ карданатон, - агар ба хонаи ман шахсе ворид гардад, ки ба вай бӯи **йодоформ** нишастааст, агар дар ангушти шаҳодати дасти ростии ӯ аз кислотаи азот доғи сиёҳ бошад ва дар цилиндраи гуррии буда, ҷои **стетоскоп** рус кардаашро нишон диҳад... (Х.д.б.Ш.Х.,55).*

Слова **iodoform** и **stethoscope** в приведенном предложении транскрибированы. Следует отметить, что при воспроизведении слов, присущих английскому языку, в таджикском языке должны соблюдаться его соответствующие орфографические и орфоэпические нормы, и из примера явствует, что это так и есть: слово **iodoform** состоит из двух корней – *iod* и *form*. Первый корень исходит от слова *iodine* и в таджикском языке известно в форме *йод*. Второй компонент слова - *form* – форма, и в тексте данный термин выступает в форме сложного слова, который в таджикском варианте получил форму *йодоформ*, что означает химическое соединение. Хотя транскрипцией данного слова в английском языке является [aɪ'ɔʊdə(ʊ)fɔ:m] (айоудофом), сохранение его в такой форме противоречило бы правилам употребления слова в таджикском языке. Интересен способ передачи слова-термина **stethoscope**. Его оригинальная транскрипция выглядит следующим образом: ['steθəskəʊp]. В процессе передачи звук [θ], присущий в данном случае английскому языку, заменен в составе таджикского слова на звук [т], что ещё раз подтверждает вышесказанное относительно соблюдения при транскрибировании фонетических правил переводящего языка, а не исходящего.

Перевод следующих слов-реалий, обозначающих продукты питания и меры расстояния также осуществлен способом транскрипции:

1. 'Leah, make a little hot **negus** and cut a **sandwich** or two (J.E., 100). - Ли, зудтар **гроги** гарм ва якчанд **сандвич** омода созед (Ҷ.Э.,93).

2. ' Fifty **miles**' (J.E., 43). - Панҷоҳ **мил** роҳ (Ҷ.Э., 39).

3. Miss Smith put into my hands a border of muslin two **yards** long, together with needle.....(J.E.,55). - ... духтархонум Смит порчае докаро ба дарозии ду **ярд** ҳамроҳи сӯзану ангуштвона дод.....(Ҷ.Э.,51).

В первом примере наблюдаем использование двух слов-реалий - **negus** и **sandwich**. Слово **negus** обозначает напиток, получаемый в результате смешения кипятка, сахара, водки или рома. Данное английское слово переведено таджикский язык в форме *гроз*, который является его русским синонимом. Переводчик, вместо того, чтобы полностью разъяснить значение иностранного слова, лишь ограничился формулировкой “-гроз–навъи нушокӣ” (гроз – напиток), оставив определение типа напитка на суд читателя. Встречаются случаи, когда некоторые слова и понятия, присущие английскому языку, не совсем понятны таджикскому читателю и следует давать их более развёрнутое толкование. Слово **negus** относится к такой категории слов. Вместе с тем, встречаются слова, которые, хотя и являются чуждыми для таджикского читателя, являются более распространёнными и не представляют особых трудностей для понимания таджикской аудиторией. Об этом свидетельствует использование слова *сандвич* без каких-либо особых разъяснений.

Также не вызывает особых трудностей понимание слов *мил* и *ярд*, которые встречаются во втором примере и обозначают расстояние, так как данные слова не новые для таджикского читателя. Тем не менее, было бы не лишним давать краткое разъяснение и здесь.

Как отмечалось выше, пояснение слов в сносках или в самом тексте в скобках очень важно при использовании транскрипции, что подтверждается множеством примеров. Пояснение реалий в специальных перечнях или кратких глоссариях в конце переводного художественного произведения или финальной части каждой его главы соответствует практике перевода. В некоторых случаях реалия, непонятная читателю, поясняется на той же странице, что, конечно, удобнее, чем заглядывать в конец книги [54, с. 81].

Сравним следующий пример: “*Yes. We had occasion some months ago to strengthen our resources, and borrowed, for that purpose, 30,000 **napoleons** from the*

Bank of France...” (A.Sh.H.,50). - *Ҳа. Якчанд моҳ пеш аз ин ба мо пули зиёдатӣ лозим шуда монд ва мо аз банки Франция сӣ ҳазор **наполеондор** қарз гирифтём* (Ҳ.д.б.Ш.Х., 22).

Реалию данного примера переводчик семантизировал в сносках на той же странице так: **napoleons** – разновидность французских денег, названная в честь французского полководца Наполеона.

Таким образом, транскрипция и транслитерация являются очень продуктивным способом передачи отдельных групп реалий, как разряда безэквивалентной лексики.

Другой способ передачи - калькирование является также продуктивным после транскрипции/транслитерации. При использовании калькирования реалия переводится буква в букву и не теряет своё семантическое значение, однако, к сожалению, искажается национальный колорит художественного произведения [54, с. 85].

Рассмотрим примеры:

1. *“I won’t insult your intelligence by telling you how I read that, especially as, rather against the strict rules of your order, you use an **arc – and – compass breast pin*** (A.Sh.H.,31).- *Франкмасон буданатонро пай бурдан кори душвор не, зеро шумо, бар хилофи устави сахти чамъияти шумо, запонкаи расмаи **камону доира** доред* (Ҳ.д.б.Ш.Х., 5).

2. You ought to be aware, Miss, that you are under obligations to Mrs. Reed: she keeps you; if she were to turn you off, you would have to go to the **poor – house** (J.E.,13). - *Шумо бояд бифаҳмед, ки чӣ андоза дар назди хонум Рид мебоист сипосгузор бошед; охир, ў шуморо мехӯронад; агар аз ин чо биронадатон, маҷбуред, ки ба **фақирхона** равед* (Ҷ.Э., 11).

Если сравнить значения слов **arc** и **compass**, приведённые в двуязычных словарях, то становится ясно, что использование слов *камону доира* здесь вполне уместно.

Одной из отличительных особенностей английского языка является то, что в нём имеется группа сложных слов, которые пишутся и слитно, и через дефис. Так

как подобного рода слова создаются по мере необходимости, а часто и для отдельных случаев, и, соответственно, не имеют прямых соответствий в ПЯ, то, естественно, они представляют особую трудность для переводчиков. Тем не менее, в данном случае калькирование сложного английского слова *poor-house* в таджикском языке дало хороший результат и до определённой степени понятно читателю по контексту.

Некоторые реалии, переведенные на таджикский язык посредством калькирования, со временем в качестве заимствованных слов и понятий могут быть адаптированы и применены наряду с другими лексическими единицами как в литературном, так и разговорном языке.

Наряду с реалиями в тексте художественной литературы могут встречаться и так называемые иноязычные вкрапления. Переводчик в процессе работы сталкивается со случаями, когда приходится переводить чужие, не присущие языку переводимого текста оригинала, реалии. Среди собранного иллюстративного материала таких примеров немало. Подобные слова-реалии в процессе передачи могут потребовать долгие поиски и рассуждения, что создаёт определенные препятствия для переводчиков, и в отдельных случаях перевод таких единиц становится невозможным [54, 86].

Рассмотрим ряд примеров:

“Nous verrons,” answered Holmes, calmly (A.Sh.H.,95). - *Инашро мебинем, - оромона чавоб дод Холмс* (Х.д.б.Ш.Х.,56).

В данном примере чужая реалия в английский текст попала из французского языка, причём использована она в оригинальной французской форме, но в кавычках. Пояснена она по контексту ПЯ.

Другой пример: Assuming an attitude, she began ‘**La Ligue des Rats; fable de La Fontaine.**’ (J.E.,107). - Ў ба худ қиёфаи чиддӣ пазируфта, хондани масали Лафонтен «**Иттиходи Калламушон**» - ро оғоз ниҳод (Ҷ.Э.,99).

Если внимательно рассмотреть данный пример, то становится очевидным, что чужая, в данном случае французская, реалия переведена не полностью. Исходя из особенностей контекста, переводчик сохранил в переводе только её

часть - **La Ligue des Rats**, а в таджикском языке – в виде «Иттиҳоди Калламушон» (досл. Объединение крыс). Другая часть **fable de La Fontaine** – целиком оставлена без перевода, что является обычной практикой, так как переводчик вправе принимать решение при необходимости оставлять или сокращать элементы текста оригинала. Более того, сокращение данного словосочетания третьего языка не сказывается на качестве текста перевода.

Рассмотрим ещё один пример иноязычного вкрапления: Here she comes, with her “**bonne**,” as she calls her nurse’ (J.E., 105). - Ана духтарак худаш ҳамроҳи **bonne** меояд, вай дояшро ин тавр ном мебарад (Ҷ.Э., 97).

В предложении оригинала данного примера реалия “**bonne**” взята в кавычки, а в переводе она употреблена уже без. Это говорит о том, что данная реалия для текста оригинала является чуждой. Предложенное иноязычное вкрапление в переводе сохранено латинскими буквами и снабжено следующим пояснением: **Bonne – доя, парастор (фаронсавӣ) (няня).**

В большинстве случаев чужие реалии ИЯ переносятся на ПЯ в оригинальном виде, с сохранением написания и выделением курсивом. Это не выходит за рамки традиционных решений, так как художественная литература отражает жизненные события разных народов, особенно тех, которые имеют тесные культурные, экономические и географические и т.д. контакты, и множество элементов, понятных друг другу, а также взаимосвязаны между собой.

Рассматривая переводы английской художественной литературы, как было отмечено выше, нельзя не упомянуть и об особенностях опосредованного перевода. Дело в том, что абсолютное большинство переводов западной, особенно англоязычной, художественной литературы Советского периода переведено на таджикский язык посредством русского языка, т.е. переводчиками использованы русские переводы произведений. Художественные произведения, выбранные нами для анализа, не являются в этом плане исключением. Соответственно, в ходе работы мы встречаем примеры переводов лексических единиц, в том числе реалий, либо сохраняющих русское написание, либо напоминающих русские варианты, синонимы английских слов. Конечно, это нельзя причислять к

недостаткам переводчиков того времени, ибо в то время активно функционировало множество слов, без особых пояснений понятных образованной части народов 15 республик, входивших в состав тогдашнего государственного образования СССР. Переводчики того времени, на наш взгляд, учитывали требования, вкус и предпочтения читателя своего времени, когда переносили русские варианты слов в таджикский текст без особых изменений. Например:

A frayed top – hat and a faded brown overcoat with na wrinkled velvet collar lay upon a chair beside him (A.Sh.H.,31). - *Цилиндри кӯҳна ва пальтои бури рангпаридои вай бо гиребони бахмалини чин – чин ба рӯи курсӣ партофта шуда буданд (Ҳ.д.б.Ш.Ҳ.,5).*

Как мы уже отмечали, в то время, когда переводчики занимались переводами данных произведений, у русского языка была другая функция и он выполнял роль языка межнационального общения. Поэтому многие заимствованные им из других языков слова, включая и слово **цилиндр**, всем были понятны. В соответствии с современными орфографическими правилами таджикского языка, согласно которым из таджикского алфавита исключена буква **ц**, данное слово имеет следующее написание: *силиндр*. Примеры переводов реалий из художественных произведений подобного типа даны в Приложении 1.

Далее рассмотрим случаи обратного перевода, для чего были выбраны произведения известного таджикского прозаика Айни и их переводы на русский и английский языки.

Как отмечалось выше, слова-реалии – это слова и выражения, обозначающие предметы и явления, присущие одному народу. Тематика слов–реалий весьма обширная и включает такие сферы, как быт, социальные понятия, кухня, национальные праздники, политика, география, народные игры, ритуальные обряды и т.д.

Разумеется, таджикские реалии-слова, обладающие своими особенностями, также не имеют прямых соответствий в других языках, включая английский язык. Ниже покажем, как реализуется их передача на русский и английский языки на фоне имеющихся упомянутых выше теоретических способов и правил.

1. *Гиждувон* (Ё.,17) – *Gijduvan* (В, 9); 2. *Бозор* (Ё., 26) – *Bazaar* (В, 27);

Эти слова, как видно, имеют национальную окраску. Их передача осуществлена при помощи транслитерации. Гиждуван - название одного из древнейших городов в Средней Азии. Слово передано на английский язык в следующей форме: *Gijduvan* – *Гиждуван*. В силу того, что в английском языке отсутствует звук [Ғ] и, соответственно буква для его обозначения, он не переходит на английский язык в полноценной форме, тем более, что и буква «о» преобразована в «а». Подобное изменение «о» в «а», на наш взгляд, неуместно, так как было бы целесообразным дать слово в форме *Ghijduvon* как таджикского слова в английском написании. Но переводчику удалось выразить звук [Ғ] при помощи сочетания букв – «gh». Следует отметить, что полученная в результате перевода форма *Gijduvan* имеет своё объяснение – перевод произведения осуществлен опять через язык-посредник, с русского текста, а не непосредственно с таджикского языка, т.е. здесь прослеживается влияние русского варианта слова.

Слово *бозор* (*рынок*) также подверглось изменению при переводе на английский язык. Однако интересно и то, что слово *bazaar* широко используется в английском языке как заимствованное слово и зафиксировано в толковых словарях этого языка именно в данной форме, и, следовательно, понятно читателям [245, с. 112].

Слово *мулло* в английских текстах передано двумя способами: транслитерацией – *mullah* и описательным переводом – *Student of Islam* (досл.: *исламский студент*). Примечательно то, что в первом тексте по отношению к слову *mullah* – используется транслитерация, а во втором *Student of Islam* – описательный перевод. Если бы переводчик использовал описательный перевод в первом тексте, значение слова **мулло** для читателя было бы более понятным. Тем не менее, такой выбор способа передачи имеет свои причины, для выяснения которых обратимся к текстам оригинала и перевода:

Текст первый:

Лекин бо ҳамаи ин шавқи хонданро аз ёд набаровардам: “Мо худ нарасидем, ту шояд бирасӣ» гӯён тағоят – Мулло Деҳқонро, ки ҳарфишинос буд, дарсҳои

*ибтидоӣ хонондам ва якчанд нафар бачагони деҳаро саводхон кардам... (Ё., 12).- Finally, convinced that there was no chance of returning to my former life, I began to teach others – your uncle, **Mullah Dekhkan**, and the peasant boys (B., 21).*

Текст второй:

Будааст – набудааст як муллои ҷашиоқ будааст. Ў дар як хучраи яке аз мадрасаҳо истиқомат доштааст (Ё., 47).

*Once upon a time there lived **a student of Islam** who had a cell at one of the Bukhara madrassahs (B, 33).*

В первом тексте слово *Мулло* использовано как титул духовного лица, изучавшего исламские науки и получившего такой сан.

Во втором тексте речь идет о слушателе медресе. Из второго предложения можно понять, что «он жил в комнате одного из медресе».

Следует отметить, одним из условий использования способа транскрипции/транслитерации является то, что при его применении, если слово неизвестно и непонятно читателю, в скобках, сносках или в конце книги следует давать пояснения. Рассмотрим примеры:

Наво (М.С.,32) – Navo (the third part of the Shashmakom) (DML, 212).

Абҷад (Ё, 93) – Abjad, the Arabic system of numerology (B., 112).

Переводчик описывает значение лексических единиц. В слове «наво», которое обозначает третью часть Шашмакама, переведено на английский язык так: *the third part of the Shashmakom*. Однако переводчик не учел один момент: при описании значения слова «наво» он использует другое слово-реалию *Shashmakom* – «Шашмакам». Конечно, читателю, не знакомому с культурой и искусством таджиков, данное слово представляет трудности для понимания. Переводчику следовало бы дать небольшое пояснение и этого слова, например, - *Navo, the third part of the Shashmakom (a kind of Tajik music genre) – Наво – третья часть Шашмакама (жанр таджикской музыки).*

Слова *Абҷад* и *Қоригӣ* переводчиком представлены в описательной форме: *Abjad, the Arabic system of numerology; Kori, which means “Koran reciter”*, что содержит толкование семантики этих слов.

Передача слова «*Миршаб*» несколько отличается от упомянутых единиц. Переводчик описывает его значение в трех контекстах по-разному:

1. *Миршаб* (Ё., 133) – *Mirshab, head of the Bukhara police* (В., 112).

2. *Миршаб* (М.С., 51) – *Mirshab (prince of the night)*, (DML, 236).

3. *Миршаб* (Ё., 69) – *The head of the guardsmen* (В., 78).

В отличие от второго, первое и третье толкования близки значению слова «*Миршаб*». Второе толкование (*prince of the night*) представляет использование слов в переносном значении.

В ходе анализа становится очевидным, что при переводе произведений Айни на английский язык переводчик Холи Смит осуществил перевод на основе русского текста. Слова *Дехқон* – *Dekhkan*, *Абдулвоҳид* – *Abdulvakhid*, *Ҳабиба* – *Khabiba*, *Қорӣ Маҳмуд* – *Kori Makhmud*, *Абдулаҳад* – *Abdulakhad* и другие могут подтвердить вышесказанное. Во всех этих словах звук [x] заменяется на звук [х] и звук [o] – на звук [a], что требует орфоэпия русского языка. В английском же языке не существует самостоятельного звука [х]. Данный звук выражается буквосочетанием «kh». Отсюда становится ясно, что перевод данных произведений осуществлялся с русского текста.

Другой способ – это создание нового слова или словосочетания для выражения предмета или явления на основе морфологических особенностей ПЯ. Рассмотрим несколько примеров:

Ҷаннатмаконӣ (М.С., 38) – *Heavenly Orchards* [DML, 220]; *Маҳсӯ* (М.С., 48) – *Ichigi boots* (DML, 233); *Ҷаннатмаконӣ* (М.С., 22) – *Jannatmakoni* (DML, 205); *Пиёба* (Ё., 136) – *Onion soup* (В., 138).

Приведенные выше слова семантизируются при помощи новых словосочетаний. Однако слово «*Ҷаннатмаконӣ*» (досл. райское место), которое является названием местности, передано двумя способами: первым способом (транслитерация) – *Jannatmakoni* и вторым – *Heavenly Orchards*; Если перевести последнее обратно на таджикский язык, то получится так: *Боғи мевачоти илоҳӣ* (Божий плодородный сад). Как известно, топонимы, антропонимы, гидронимы и другие аномастические понятия всегда непереводимы.

Приведем пример: слово «Чаннатмаконӣ» - название местности и его перевод традиционными способами может исказить перевод. С этой точки зрения традиционный перевод слова «Чаннатмаконӣ» во втором случае неуместен.

Рассмотрим некоторые примеры из других тематических групп безэквивалентной лексики. Маҳсӣ – это одна из разновидностей таджикской национальной обуви. Переводчик передает его так: *Ichigi boots*, хотя слово *boots* – ботинки – означает другой вид обуви. Но остаётся непонятным значение слова *Ichigi*. Нам не удалось найти в словарях английского языка такое слово. Для устранения сомнений мы обратились к русскому переводу слова *маҳсӣ* в русской версии перевода данного произведения:

Наконец, Кори Ишкамба разделался и с нашим пловом. Он поднялся, вытер руки об ичиги, тем самым, смазав голенища жирем, и ушел, ни с кем не попрощавшись (С.Р., 33).

В качестве примеров для сравнения приведем таджикский и английский тексты:

Оқибат Қорӣ-Ишкамба оши моро ҳам тамом карда зуд аз ҷояш бархост ва дасти равғанолудаширо ба маҳсии худ молида «пок» карда, аз ошхона баромада рафт (М.С., 48).

Soon, Kori-Ishkamba had finished of our pilaff as well, wiped his greasy hands on his ichigi boots and left our tent (DML, 233).

Как становится очевидным, слово *ichigi* переводчик взял из русского текста. Он мог бы просто транскрибировать слово «маҳсӣ» и дать пояснение следующим образом: *mahsee* – a kind of Tajik traditional boots.

Необходимо отметить, что в русском языке есть группа слов, которая заимствована из тюркских языков – татарского, башкирского и т.д., понятная русскому читателю. Слово «ичиги» также широко используется и в узбекском языке. В своей работе над переводом переводчик оставил без внимания таджикский текст и механически передал слово, использованное переводчиком русского текста, на английский язык.

Слово *пиёба* получило более ясный и правильный способ передачи: *Onion soup* – пиёзшурбо. Само сложное слово *пиёба* состоит из двух корней: *пиёз* (лук), *об* (вода).

Нами обнаружены также случаи использования такого способа, как использование близкого слова ПЯ. Данный способ близок к описательному способу. Рассмотрим ряд примеров:

Ғайр аз ин, ӯ боз як роҳи дигари ғоидаро ёфт: бо бачагони гузараи ҷӯра шуда, онҳоро ба қиморбозӣ таъшиқ кард, барои онҳо бучул ва қарта ёфта, оварда дод (М.С., 94).

*He began to find other ways of making money: befriending with the teenagers on his street, he taught them **to gamble**, and once they were addicted, provided them with cards and **knucklebones** for their games (DML, 257).*

В приведенных предложениях нас интересуют слова *қиморбозӣ* и *бучул*. На ПЯ они выражены имеющимися лексическими средствами, близкими по значению словам ИЯ.

Қиморбозӣ – gamble (одна из азартных игр); *Бучул – knucklebones* (игра в бабки).

Слово *қиморбозӣ* в таджикском варианте выполняет роль дополнения, а в английском – сказуемого (глагола): *to gamble*.

Слово *бучул* также перетерпело изменение с точки зрения грамматической формы: в таджикском варианте оно использовано в единственном числе, а в английском – во множественном – *knucklebones*. Еще это слово может ввести в заблуждение английского читателя, так как в оригинале оно употреблено для выражения местной традиционной игры и, возможно, переводное слово означает что-то другое. Следовательно, переводчик мог пояснить слово *бучул* следующим образом: *Tajik people, especially kids, use knucklebones for their games.*

Таким образом, реалии, как безэквивалентная лексика, в теории и практике перевода занимают особое место и требуют от переводчика хороших достоверных знаний о языке, культуре и истории народа, произведение которого он переводит. При переводе реалий переводчик также должен обладать навыками работы с

двуязычными и толковыми словарями, справочными и другими источниками, так как его успех зависит именно от удачного решения перевода безэквивалентной лексики, в данном случае реалий. Неточность в описании или небрежность к такого рода элементам текстов, особенно художественных, может вызвать серьёзные неудачи.

Проанализированные выше способы передачи закреплены в теории перевода и их использование очень важно в практике перевода с конкретных языков. Переводчики рассмотренных примеров также хорошо использовали их, хотя в некоторых случаях допустили некоторые неточности, на которые мы указали.

3.4. Способы передачи имён собственных

Современное состояние политических, экономических, научных, культурных и других международных связей с зарубежными странами, особенно с англоговорящими, обуславливает исследование всех аспектов межъязыкового общения. Имена собственные, как значительная часть словарного состава английского и таджикского языков тесно связаны с национальной спецификой каждого языка. Ряд авторов, в том числе В. С. Виноградов, включают имена собственные в категорию реалий [49], другие же (С. Влахов, С. Флорин) рассматривают реалии, в свою очередь, как класс безэквивалентной лексики: «Непереводимость имен собственных, их отнесенность к безэквивалентной лексике обусловлена присущей большинству из них связи с определенным народом, с национальными традициями и культурой [53, с. 122]. Такой двойкий подход можно объяснить тем, что, действительно, некоторые группы имён собственных могут быть, в разных ситуациях, как реалиями, так и именами собственными. Отсюда в отношении имён собственных целесообразно использовать термин «безэквивалентная лексика», в которую входит и то, и другое. «Имена собственные представляют собой один из наиболее очевидно безэквивалентных разрядов лексики и традиционно относятся к БЭЛ» [75, с. 137].

Имя собственное — это "слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации и идентификации" [142, с. 95].

В лингвистических классификациях имена собственные делятся на личные имена и прозвища, географические названия, названия фирм и учреждений, названия газет и журналов, название пароходов, книг, фильмов и т.д.

На основе данной классификации проанализируем фактический материал, собранный из оригинальной и переводной художественной литературы на таджикском и английском языках.

Среди наших примеров имён собственных самую большую группу составляют личные имена, в отношении большинства из которых, как правило, применены транскрипция и транслитерация.

В Словаре лингвистических терминов транскрипция определяется как «передача звуков иноязычного слова (обычно собственного имени, географического названия, научного термина) при помощи букв русского алфавита», а транслитерация — как «передача букв иноязычного слова при помощи букв русского алфавита» (или любого другого ПЯ) [18, с. 95]. Несмотря на то, что в переводческой практике эти понятия употребляются как синонимы, различия между ними очевидны.

Обратимся к примерам:

1. **Miss Gryce** (J.E., 89) - духтархонум **Грайс** (Ч.Э., 82).
2. **Mrs. Reed** (J.E., 12) - хонум **Рид** (Ч.Э., 10).
3. **Mr. Lloyd** (J.E., 24) – Чаноби **Ллойд** (Ч.Э., 22).
4. **Barbara** (J.E., 75) – **Барбара** (Ч.Э., 69).

Как видно из примеров, существует определённая группа личных имён английского языка, транскрипция и транслитерация которых не вызывает особых трудностей. В первом и во втором примерах была использована транскрипция, а в третьем и четвёртом — транслитерация. Хотя на практике транслитерация и транскрипция особо не различаются, и они обычно составляют единый способ передачи, тем не менее, условием для их выбора, пожалуй, можно считать

особенности звукового и графического оформления отдельно взятого слова: если при передаче букв слова ИЯ в ПЯ возникают затруднения чисто звукового характера, т.е. искажается оригинальное произношение английского слова, то эту проблему следует решить при помощи транскрипции. По этой причине некоторые имена на ПЯ свободно могут позиционироваться в разных вариантах. Сравним, например, три варианта перевода отрывка из произведения Эрнста Хемингуэя “Старик и море” на таджикский и персидский языки. Здесь следует упомянуть, что перевод данного произведения на таджикский язык имеется в двух версиях – как опосредованного, так и прямого перевода, что даёт возможность определить различные аспекты особенностей перевода лексических единиц одновременно: But then I think of **Dick Sisler** and those great drives in the old park (O.M.S., 22). – Ҳа, ростӣ ёдат ҳаст **Дик Сизлер** чӣ зарбаҳо мезад, вақте ки дар Парки Кухан бозӣ мекард (П.Б., 23). – Дар омади гап, дар ёдат ҳаст, **Дик Сайзлер** чӣ хел тӯпро зада буд? Вақте ки дар парки кӯхна бозӣ мекард, чӣ гуна зарбаҳо мезад? (М.Б., 21). – вали хуб, **дик сислер** ве ун шутхо дар порки қадимаш ҳам ҳаст (П.Д., 110). Как видим, фамилия *Sisler* в переводе представлена тремя вариантами. Первый и третий варианты по произношению близки друг к другу, но самым адекватным, отвечающим требованиям написания и произношения данного слова, считается третий персидский вариант.

Тем не менее, следует иметь в виду, что некоторые личные имена существуют в двух вариантах. Англо-русские электронные словари “Multi-Tran” и LINGVO приводят два варианта имени собственного **Charles**: *Чарлз* (мужское имя) и *Карл* с пометкой *ист.* В следующем примере перевод осуществлен правильно, так как из контекста ясно, что речь идёт об историческом варианте данного мужского имени: The lesson had comprised part of the reign of **Charles I...** (J.E., 55). – Сухан доир ба салтанатдории **Карли I** мерафт... (Ҷ.Э., 51).

В рассматриваемых нами материалах подобных примеров правильного и удачного применения транскрипции и транслитерации можно встретить немало.

Вместе с тем, в силу графических и фонетических особенностей имён собственных английского языка встречаются случаи, когда и транслитерация, и

транскрипция в таджикском языке использованы не совсем точно. Покажем это на некоторых примерах:

1. **Mr. Brocklehurst** (J.E., 32) - чаноби **Броклхерст**... (Ҷ.Э., 30).

2. **Israel Hands** (T.I., 55) – **Израэль Гендс** (Ҷ.Ҷ., 76).

3. **Mr. Henry Lynn** (J.E., 201) – Чаноби Генри Лин (Ҷ.Э., 187).

На наш взгляд, при передаче первого примера на таджикский язык допущена небольшая неточность во второй части слова -hurst. Дело в том, что сочетание букв **ur** в большинстве случаев даёт звук, соответствующий таджикскому звуку [ȳ] (ср.: turn, burn и др.), для выражения которого в таджикском алфавите имеется отдельная буква и при произношении которого таджикский читатель не испытывает трудностей. Следовательно, более правильным вариантом перевода данной фамилии может быть **Броклхӯст**.

Интересны с этой точки зрения переводы второго и третьего примеров. С позиции современного подхода к английским именам собственным фамилия **Hands** и имя **Henry** не совсем точно оформлены в таджикском языке. В данном случае речь идёт о переходе буквы **h** в букву **г** в таджикских вариантах **Гендс** и **Генри**. Опять же, в таджикском языке буква **h** английского языка имеет своё прямое соответствие – **х**. Следовательно, правильными таджикскими вариантами данных имён являются **Хэндс** и **Хенри**. Объяснение замены буквы **e** на букву **э** в первом слове приведём ниже. Существование рассмотренных выше вариантов перевода можно объяснить тем, что абсолютное большинство таджикских переводов прошлого столетия осуществлены с русских текстов и, можно сказать, в определенной степени отвечали требованиям языковой ситуации того времени. Однако современный подход должен быть другим и вопросы перевода английской безэквивалентной лексики данного разряда необходимо решать по определенной закономерности, а не хаотично. Следует оговориться, что не все неточности связаны с влиянием русских вариантов: Then I will fetch **Leah**, and wake John and his wife (J.E., 157). – Пас ман ба **Ли** хабар медиҳам, Ҷон ва зани ӯро бедор мекунам (Ҷ.Э., 147). Для полноценного звучания и сохранения национального колорита оригинала вариант **Ли**, который ассоциируется с

восточными именами, явно не подходит. В англо-русских словарях приводится вариант **Лия**, который более верно и полноценно передаёт и звуковой облик, и западный колорит.

В рассматриваемых ниже примерах, на наш взгляд, наблюдается не совсем верная передача личных имён, в составе которых использована английская буква **a** в закрытом слоге, которая, как правило, даёт звук [æ]. В таджикском языке данный звук близок больше звуку [э], чем звуку [е], выражаемыми в таджикском языке соответствующими буквами **э** и **е**. Сравним примеры:

1. Am I right, **Baroness Ingram** of Ingram Park? (J.E., 187). – Ман ҳақам, баронесса **Ингрем**? (Ҷ.Э., 174).

2. I did not tell you that **Brandly**, who, by the way, is to send a consort after us if we don't turn up by the end of August... (T.I., 41). – Фаромӯш кардаам ба шумо маълум намоям, ки **Брендли** ваъда дод, ки агар мо то моҳи август барнагардем, як киштии дигар ба ёрӣ фиристонанд... (Ҷ.Ҷ., 56).

3. **Mr. Dance** told me to jump down and knock (T.I., 33). – **Мистер Денс** ба ман фармуд, ки аз асп фуромада, дарро тақ-тақ кунам (Ҷ.Ҷ., 43).

Интересно, что в переводе тех же произведений мы наблюдаем соблюдение приведенного выше соответствия английской буквы “**a**” в закрытом слоге таджикской букве “**э**”:

1. **Sam**, here, says that one of the old Mother Bunches is in the servants' hall at this moment... (J.E., 201). – Вале **Сэм** мегӯяд, ки дар ошхонаи умумӣ пиразани лӯлӣ нишастааст (Ҷ.Э., 187).

2. But destiny, in the shape of the **Rev. Mr. Nasmyth**, came between me and Miss Temple... (J.E., 88). – Аммо тақдир дар тимсоли чаноби мӯхтарам **Нэсмит** ба миёни ман ва духтархонум Темпл даромад (Ҷ.Э., 81).

Необходимо напомнить, что звук [æ] английского языка относится к наиболее специфической, “безэквивалентной” группе звуков, придающих языку самобытность и резко отличающих его от других языков, в данном случае от таджикского. При переводе следует прилагать усилия для более точной и близкой его передачи на ПЯ.

Следует отметить, что в отдельных случаях на первый план с точки зрения значения текста выдвигается не звуковая форма имени собственного, а его внутреннее, лексическое значение. “В этих случаях при переводе даже “обыкновенных” имён перед переводчиком встаёт выбор: транскрибировать или переводить?” [75, с. 143]. В приводимых ниже примерах можно наблюдать именно такие случаи:

1. “That’s you, Bill”, returned **Black Dog**, “you’re in the right of it, Billy (Т.І., 15). – Туро медонам, **Билли**, - ҷавоб дод **Саги Сиёҳ**. – ҳақ дар ҷониби туст (Ҷ.Ҷ., 16).

2. **Long John Silver**, he is called... (Т.І., 41). - Ёро **Ҷон Сильвери Қаддароз** меноманд (Ҷ.Ҷ., 55).

Из этих примеров можно увидеть, что даже при переводе личных имён, по отношению к которым, как правило, употребляется транскрипция, т.е. ставилась цель - передать звучание имени собственного как можно ближе к оригиналу, возможны отклонения от данного правила в силу ярко выраженных внутренних значений собственных, в данном случае, личных имён. Следовательно, во всех трёх примерах задача перевода имени собственного решена при помощи собственно перевода. Например, в первом предложении личное имя одного из отрицательных героев произведения **Black Dog** подвергается пословному переводу, и в таджикском тексте мы встречаем его кальку в виде **Саги Сиёҳ** (Чёрный Пёс). Надо сказать, что кальки — «заимствование путем буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота» [18, с. 354] — также достаточно продуктивны, и используются при переводе безэквивалентной лексики, хотя с дополнительными пояснениями в отдельных случаях. Второй и третий примеры представляют подбор аналогичных по смыслу слов тем частям личных имен, которые неразрывно связаны с самими именами и характеризуют их с разных сторон. Во втором примере слово **Long** является неотъемлемой частью имени **John Silver**, описывающей внешний вид персонажа, и во всем переводном текст заменено своим же эквивалентом в таджикском языке **Қаддароз** (высокого роста). Как правило, «художественная литература воздействует образами. Поэтому и имя собственное в рассказе или романе нередко включается в образную систему

произведения... и для теории художественного перевода их... участие в построении образов представляет первостепенный интерес» [53, с. 216]. Отсюда, переводчик должен проявлять гибкий подход к переводу личных имён. В данном случае речь идёт об использовании и транскрипции/транслитерации и собственно перевода.

При переводе английских фамилий следует быть осторожными с особыми случаями их использования. Например, когда та или иная фамилия употребляется с суффиксом множественного числа *s*, то она указывает на семейство или семью в целом. В переводе нужно сохранить этот нюанс значения, увы, чего нельзя сказать в нижеследующем переводе: Have you ever heard of the anything from your father's kinsfolk, **the Eyres**? (J.E., 98). - ...оё шумо ягон вақт доир ба хешони падаратон шунидаед, **духтархонум Чен**? (Қ.Э., 89). Правда, контекст содержит слова, указывающие на семейство Эйр: “хешони падаратон” (родственники отца). Однако, если сравнить **the Eyres** и **духтархонум Чен** (госпожа Джен), то они и по форме, и по содержанию отличаются друг от друга. Английский вариант указывает на семью Эйр, следовательно, подходящим вариантом перевода мог бы здесь служить **хонаводаи Эйрҳо** (семья Эйров).

Другую группу имён собственных среди наших примеров составляют географические названия. Относительно передачи названий известных топонимов строгих правил не наблюдается. «Одни передаются путём транскрипции..., другие переводятся...» [Там же, с. 217].

Следует отметить, что, в отличие от личных имён, большинство транскрибированных географических названий, кроме самых общеизвестных, поясняются в сносках. Приведём примеры транскрипции/транслитерации географических названий:

1. **Cambridge** (J.E., 432). – Кембрич (Қ.Э., 378).
2. **Westminster** (P.P., 9) - қасри **Вестминстрӣ** (ШГ, 115).
3. **Detroit** (OMS, 16). - **Детройт** (П.Б., 17).
4. **Miami** (OMS, 90). - **Майами** (П.Б., 91).

Анализ показывает, что слова Westminster, Detroit и Miami пояснены в сносках внизу страницы художественного произведения. Слово Cambridge, известное как название города и университета, оставлено без пояснений с расчётом на то, что речь идёт об объекте, известном образованному миру. Географические названия транскрибированы в соответствии с фонетическими особенностями и произносительными нормами английского и таджикского языков.

Примеры перевода географических названий:

1. *You shall go to a place I have in the south of France: a white-walled villa on the shores of the **Mediterranean*** (J.E., 320). – Мо ба ҷануби Фаронса меравем ва дар хоначаи сафеде, ки як вақтҳо дар соҳили баҳри **Миёназамин** харида будам, истиқомат хоҳем гузаронд (Ҷ.Э., 298).

2. *“Yes, sir; **Skeleton Island** they calls it. It were a main place for pirates once, and a hand we had on board knowed all their names for it* (T.I., 64). – Бале, ҷаноб. Ин ҷазирача **Ҷазираи Скелет** ном дорад. Пеш дар ин ҷо ҳама вақт роҳзанҳо меистоданд ва як матроси киштии мо ҳамаи он номҳоеро, ки роҳзанҳо ба ин ҷойҳо дода буданд, медонист (Ҷ.Ҷ., 90).

3. *It was such a game as I had often played at home about the rocks of **Black Hill Cove**...* (T.I., 136). – Мубориза ба ҳамон бозие монанд буд, ки ман онро дар хонаамон, дар байни харсангҳои истгоҳи **Теннаи Сиёҳ** бисёр бозӣ карда будам (Ҷ.Ҷ., 189).

Как видим, приведенные выше примеры переведены, а не транскрибированы. По отношению к первому слову “Mediterranean” применена существующая таджикская аналогия “Миёназамин”, второй пример переведен путем буквального перевода. Слово “скелет” заимствовано посредством русского языка, что является соответствием английского слова “skeleton” и понятно таджикскому читателю. Третий пример также подвергнут дословному переводу. Для понимания его значения как местности способствует слово “истгоҳ”, которое означает «остановка», «станция», «обитель», «обиталище» и т.д., словом, место пребывания.

Названия судов, машин, гостиниц, фирм, журналов, книг и др. составляют другую группу рассматриваемых нами имён собственных. В зависимости от контекста и референциальных значений, как правило, они могут передаваться на ПЯ транскрипцией и собственно переводом. Названия судов в следующих примерах из «Острова сокровищ» Роберта Стивенсона транскрибированы:

1. “**Admiral Benbow**” (Т.І., 8). “**Адмирал Бенбоу**” (Ч.Ч., 6).

2. **Hispaniola** (Т.І., 40). – “**Испаниола**” аст (Ч.Ч., 53).

В том же произведении встречаются случаи перевода названий судов: *On one of these boards I saw, branded with a hot iron, the name **Walruz** – the name of Flint’s ship* (Т.І., 173). – *Дар болои яке аз тахтаҳо бо оҳани доғ “Шери обӣ” – номи киштии Флинт – навишта шуда буд* (Ч.Ч., 241).

Интересен случай с названием кафе в произведении Э. Хемингуэя «Старик и море». В трех вариантах перевода одного и того же произведения встречаются три разных способа перевода названия кафе: *They sat on the **Terrace** and many of the fishermen made fun of the old man and he was not angry* (О.М.С., 8). – *Онҳо ба қаҳвахонаи **Террас** рафтанд. Бисёре аз моҳигирон пирамардро масхара мекарданд, аммо ӯ озуда намешуд* (П.Б.,9). – *Онҳо дар **Айвон** нишастанд. Бисъёр моҳидорон ба ӯ нигоҳ карда, писханд мезаданд, лекин пирамард аз онҳо намеранҷид* (М.Б.,13). – *Бо ҳам дар ковеъи “**Терос**” нешастанд ва хейли аз моҳигирҳо сар бе саре пирамард гузоштанд ва пирамард бе дел нагерефт* (П.Д.,99).

Как видим, первый и третий переводы осуществлены транскрипцией. Перевод первого примера на таджикский язык сделан сравнительно недавно, а перевод третьего примера на персидский язык был произведён значительно раньше. Что касается перевода второго примера, то он осуществлен с русского перевода относительно давно, во второй половине 20-го века, в результате чего слову **Terrace** английского языка подобран смысловой аналог **Айвон** (терраса). В результате проведенного временного экскурса нельзя сказать, что тот или иной перевод неверный. Все варианты осуществлены с учетом временных и ситуативных особенностей и контекстуально правильны. Различие в написании

таджикского и персидского вариантов можно объяснить различием в произношении таджикским и иранским народами.

Тем не менее, в следующем примере наблюдается одинаковое соблюдение существующих норм перевода, т.е. уместно применены и транскрипция, и перевод для нескольких вариантов переводов одного и того же текста: *Many of the bettors had asked for a draw because they had to go to work on the docks loading sacks of sugar or at the Havana Coal Company (O.M.S.,90)*. – *Бисёре аз шарбастагон мусовӣ шудани рақобатро мехостанд, зеро онҳо бояд ба бандаргоҳ, барои бор кардани халтаҳои шакар ва ё ба ширкати англистсанги Ҳавана мерафтанд (П.Б.,91)*. – *Бисъёрии шиширок доштагон талаб мекарданд, ки дуранг ҳисоб карда шавад, зеро вақти ба кори бандар баромаданашон расида буд ва дар он ҷо онҳо барои ширкати англисти Гавана англист, ё халтаҳои қанд бор мекарданд (М.Б.,57)*. – *бесёрӣ аз шартбандҳо дархост карда буданд, ки мусобиқа мусовӣ тамом шавад чунке михостанд саре корашон дар ширкати зуголе ҳовоно бераванд ё дар бандаргоҳ гуниҳои шакарро бор безананд (П.Д,161)*.

Здесь имеем наглядный пример одинакового применения разными переводчиками смешанного способа передачи безэквивалентной лексики. Так как название компании связано с названием местности, а именно города Гаваны, ключевое слово транскрибировано, а указание на вид организации соответственно передано. Транскрипция, в свою очередь, осуществлена с учётом произносительных особенностей таджикского и иранского народов (Гавана-Ховоно). Правда, вариант «Гавана» в таджикском языке сформирован под влиянием русского языка, что было характерно для переводов второй половины 20-го столетия. Что касается современного подхода к передаче реалий подобного типа, то целесообразно использовать, если не “Ховоно”, что специфично для произношения носителя современного персидского языка, то, как минимум, вариант “Ҳавана”, что соответствует англо-таджикскому звуко-буквенному составу. Переводы других частей названия компании осуществлены с учётом традиции использования синонимов в разное время, разными народами. Например, если в раннем переводе на таджикский язык подобрано просто слово

ангишт (уголь), то в позднем переводе мы имеет слово **ангиштсанг** (каменный уголь), что больше соответствует характеристике угля. В Иране в подобных ситуациях употребляется синонимичное слово **зугол**. Более подробно о примерах см. также Приложение 1.

Таким образом, имя собственное тесно связано с вопросами безэквивалентности и передачи колорита. Анализ его перевода как разновидности безэквивалентной лексики на материале художественного текста еще раз доказывает, что для профессиональной передачи и безэквивалентных лексических единиц существуют нетрадиционные, особые приёмы.

При транскрипции и транслитерации английских безэквивалентных лексических единиц необходимо следовать наиболее общим правилам: $ug = \bar{y}$; $h=x$, а в закрытом слоге = э... т.е. транскрипция осуществляется с учётом фонетических и произносительных особенностей ИЯ и ПЯ.

Самым распространенным способом передачи английских личных имён остаётся транскрипция/транслитерация за исключением некоторых случаев, связанных с их внутренними значениями. Названия известных английских географических объектов также транскрибируются и для них приводятся подстрочные пояснения, а в отдельных случаях могут быть подобраны уже принятые, существующие соответствия. Что касается названий кораблей, гостиниц, фирм, книг и т.д., возможно применение и транскрипции, и собственно перевода, а транскрибировать или переводить зависит от самого имени, от связанной с ним и его референтом традиции и от контекста.

3.5. Способы передачи обращений

Как лингвистическое явление, обращения становятся объектом исследования учёных разных областей науки о языке, и, несомненно, проблема обращений в современной лингвистике выдвигается в число важнейших и актуальных тем. Это обусловлено появлением новых подходов к изучению языковых единиц в связи с актуальностью их прагматического значения, а также усилением интереса к лингвокультурологической

проблематике, и, как отмечает В.Е. Гольдин, к изучению «человеческого компонента» в языке [62, с. 4].

По разрабатываемой в исследовании теме в таджикском языкознании имеются отдельные заметки таких учёных, как Ш. Рустамов, Б. Сиёев, Б. Шарифов, а более подробно рассматривает её М.Р. Джураева в связи с исследованием языковых средств выражения значения вежливости на материале «Бадоеъ-ул-вакоеъ» Зайниддина Восифи [68].

Рассматривают отдельные группы обращений в своих работах и учёные в области теории и практики перевода. Так, Влахов С., Флорин С. относят их к разряду «непереводимого» «прежде всего потому, что среди них значительное число реалий или мнимых реалий, а вместе с тем они являются и характерными элементами речевого этикета, доставляющего немало неприятностей любому переводчику» [52, с. 228]. Другой теоретик перевода А.О. Иванов относит обращения английского языка к разряду безэквивалентной лексики в отношении русского языка в тесной связи с именами собственными [75, с. 152].

Так или иначе, основная причина «безэквивалентности» обращений сводится к тому, что они, как контактоустанавливающая коммуникативная единица, являются носителями национального колорита и обладают культурной спецификой в рамках языка оригинала.

Обращения английского языка характеризуются большим разнообразием и поэтому сопоставление их с таджикскими обращениями, а также выявление их эквивалентности/безэквивалентности в рамках рассматриваемых языков, представляет научный интерес. Такой подход приобретает особую актуальность в современных условиях, когда носители английского и таджикского языков имеют возможность непосредственного общения в самых различных отраслях жизни и профессиональной деятельности.

Данный раздел посвящен анализу эффективности способов перевода некоторых форм обращений английского языка, как разновидности безэквивалентной лексики на таджикский язык.

Обращение, как слово, или сочетание слов, называющее лицо которому адресована речь, представляет собой весьма важный компонент речевого этикета, способа ведения диалога и без него трудно представить себе коммуникацию.

Следует отметить, что не все формы обращений английского языка можно отнести к разряду безэквивалентной лексики в отношении таджикского языка. Безусловно, существуют отдельные формы обращений английского языка, к которым можно подобрать их функциональные эквиваленты.

Несколько иначе обстоит дело с безэквивалентными формами обращений, которые требуют от переводчика нестандартного подхода к решению проблемы.

Ниже на переводе художественной литературы рассмотрим, как решаются вопросы передачи обращений в разных коммуникативных ситуациях.

Для передачи безэквивалентных обращений применяется транскрипция/транслитерация, при этом наблюдаются примеры, транскрипция которых не вызывает каких-либо замечаний, в их числе, например, следующие:

1. *“Very well, **Manolin**,” the old man said”* (O.M.S.,30). – *Хеле хуб, **Манолин**, - ҷавоб дод пирамард (П.Б.,31).* – *Бисъёр нағз хобидам, **Манолин** (М.Б.,25).* – *пирамард гуфт: “хейли хуб **монулин**” (П.Д.,116).*

2. *“**Dick**,” said Silver, “I trust you* (T.I., 63). – ***Дик**, - гуфт Сильвер, - дили ман ба ту пур мешавад (Ҷ.Ҷ., 88).*

3. *‘Come, be silent, **Richard**, and never mind her gibberish: don’t repeat it* (J.E., 223). – *Бас кун, **Ричард**, ба суханҳои пучу бемаънии ӯ гӯш надеҳ, суханҳои ӯро такрор нақун (Ҷ.Э., 209).*

Как видим, примеры переведены путем транскрибирования и транслитерации. Так как имена собственные, использованные в функции

обращения, не представляют особых звуко-буквенных различий между английским и таджикским вариантами, результаты применения транскрипции и транслитерации не требуют лишних комментариев. Только в персидском варианте первого примера наблюдается специфическое произношение имени Manolin – мунолин. Кроме того, в персидском языке, основанном на арабской графике, нет понятия о заглавных или строчных буквах, т.е. и по произношению, и по написанию персидский вариант перевода приспособлен соответственно орфографическим особенностям персидского языка в Иране.

Встречаются также примеры, написание и произношение которых в переводящем языке (ПЯ) не совсем соответствует требованиям современного таджикского языка. Рассмотрим ряд примеров:

1. *“It’s to you, Abraham Gray – it’s to you I am speaking” (T.I., 88).* – *Абрагем Грей, ман бу ту муроҷиат карда истодаам (Ҷ.Ҷ., 125).*

2. *Watson, I think you know Mr. Jones, of Scotland Yard? (A.Sh.H., 47).* - *Уотсон, зоҳиран, шумо бо мистер Ҷонс аз Скотленд-Ярд шинос мебошед (Ҳ.д,б,Ш.Х., 20).*

3. *‘Listen, Diana,’ said one of the absorbed students (J.E., 350).* – *Гӯш кун Диана, - гуфт яке аз духтаракон (Ҷ.Э., 324).*

Первые два примера представляются чуждыми орфографическим и орфоэпическим нормам таджикского языка. Дело в том, что упомянутые произведения переведены во второй половине 20-го века на основе русского варианта перевода. Однако нельзя считать это серьёзным упущением переводчика, так как действительность того времени диктовала именно такое решение проблемы. Этот факт можно расценивать как результат влияния русского языка, хотя англо-русские электронные словари дают слову-имени Abraham следующие варианты: Эйбрахам и Абрахам. С точки зрения современного подхода эти имена в таджикском языке могут выглядеть следующим образом: Эйбраҳам и Абраҳам. Хотя данное имя является вариативной формой имени Иброҳим (Авраам), такая форма, конечно, не

приемлема в данном контексте, который требует присутствие слова именно в английском облики. Что касается третьего примера Diana, такое произношение слова **Диана** соответствует орфоэпической норме таджикского языка. В английском языке распространено использование сокращенных слов **Mr.** (от mister) в отношении мужчин, **Mrs.** (missis) при обозначении замужней женщины, **Miss** относительно девушки или незамужней женщины и **Ms.** (Mistress/Miss) в отношении женщины, независимо от её семейного положения, после которых в обязательном порядке следуют имя или фамилия собеседника. Вместе с фамилиями, в основном, они могут выступать в функции обращения и, следовательно, они не имеют соответствующих эквивалентов таджикского языка. Как видно из приведённых ниже примеров переводов, имя или фамилия подвергается транскрипции/транслитерации, а приведённые выше элементы этикета в разных переводческих ситуациях могут передаваться как при помощи транскрипции, так и посредством подбора функционального эквивалента:

1. *“Mr. Silver, sir?” I asked, holding out the note (T.I., 44).* – **Мистер Сильвер шумоед, чаноб?** – ман хатро ба ӯ дарозкунон пурсидам (Ч.Ч., 60).

2. *‘Is it you, Mr. St. John?’ cried Hannah (J.E., 354).* – **Чаноби Сент-Чон, шумоед?** – фарёд зад Ҳанна (Ч.Э., 327).

3. *Come to the sofa, and sit down now, Miss Elliott (J.E., 366).* – **Ин ҷо биёед ва ба роҳаткурсӣ нишинед, духтархонум Элиот** (Ч.Ч., 335).

4. *‘Not to-night, Miss Rosamond, not to-night (J.E., 385).* – **Имрӯз не, духтархонум Розамунда, имрӯз не** (Ч.Э., 346).

Действительно, практика перевода знает немало примеров сохранения слов Mr., Miss и др. в транскрибированной форме - **Мистер, Мисс** - в таджикском языке. Тем не менее, в зависимости от контекста, применимы и их функциональные аналоги **чаноб, хонум**. Как видно из третьего и четвертого примеров, в таджикский обиход входит и выразительное сложное слово **духтархонум**, широко распространенное в обиходе пользователей

персидского языка в Иране, примененного в основном в отношении молодых женщин и девушек. Правда, в отличие от слов данного класса в английском языке (**Mrs.**, **Miss**, **Ms.**), как было упомянуто выше, таджикские варианты могут употребляться без каких-либо указаний на семейное положение женщин, с единственной лишь разницей в возрасте – если слово **хонум** является более или менее универсальным, то его вариант **духтархонум** указывает на относительно молодой возраст женщины.

Как известно, в функции обращения могут выступать самые разные слова, и, как правило, не содержащие особых национальных образов, не составляющих труда для перевода. Ниже приведем некоторые из них.

1. *Have faith in the Yankees **my son*** (O.M.S., 16). – *Ба Янкиҳо эътимод ҳаст, писарам* (П.Б., 17). – *Натарс, писарам* (М.Б., 18). – *Бе йонкийо иймон дошта бош писарҷон* (П.Д., 105).

2. *“Wake up **old man**,” the boy said and put his hand on one of the ole man’s knees* (O.M.S., 20). – *Хез бобо, - гуфта писарак, дасташро ба яке аз зонувони пирамард гузошт* (П.Б., 21). – *Бихез, - гӯён ҷеғ зад ӯро писарбача ва дасташро ба зоняш гузошт* (М.Б., 19). – *писар гуфт: “пошув бобо” ва дасташро руйе якӣ аз зонуҳои пирамард гузошт* (П.Д., 107).

4. *You better be fearless and confident yourself, **old man**, he said* (O.M.S., 108). – *Пирамард, беҳтар аст худат тарсро фаромӯш куну боэтимод бош, - гуфт ӯ* (П.Б., 109). – *Ту, мӯйсафед, ваҳму тарсро аз дили худат дур кун ва ба қувваи худ бештар этимод намо, - гуфт ӯ* (М.Б., 67). – *гуфт: “пирамард, беҳтаре худет ҳам натарсӣ, хотерҷамъ бошӣ* (П.Д., 174).

В первом предложении в функции обращения выступает словосочетание **my son**. Как видно, данное словосочетание является сочетанием двух нейтральных слов **my** и **son**, которые ни в отдельности, ни в форме обращения не представляют собой национальные образы, и может переводиться традиционным способом. Функциональным аналогом в таджикском языке, как в раннем, так и в позднем вариантах переводов одного и того же

произведения, является слово **писарам** (досл.: мой сын), которое является функциональным эквивалентом английскому варианту. Значение притяжательного местоимения **my** английского языка передаётся в таджикском языке при помощи личного местоимённого суффикса **-ам**. Присутствие такого местоимения усиливает искренность отношения говорящего к адресату. С этой точки зрения, в персидском варианте такая искренность выражается при помощи ласкательного суффикса **-чон** (джон) - **песарчон** (милый мальчик). Все три варианта перевода адекватны.

Во втором примере в функции обращения выступает словосочетание **old man**. В первом переводе, сделанном относительно недавно, приводится вариант **бобо** (досл.: дедушка). Во втором переводе данного предложения, сделанном ещё во второй половине 20-го века, мы наблюдаем нулевой перевод. Хотя в нём отсутствует непосредственный перевод словосочетания **old man** в функции обращения – привлечения внимания или побуждения к действию, данное значение выражается словом **бихез** (вставай). В приведённом эпизоде герои находятся близко друг к другу, и, так как третьего лица нет, по интонации и ситуации общения понятно, кто кому обращается.

Следует отметить, что словосочетание **old man** тесно связано с идейным содержанием и названием художественного произведения и по всему тексту многократно используется автором произведения. Однако в переводе в качестве обращения, в том числе в разных переводах, в разных ситуациях общения оно передаётся, в зависимости от подхода отдельных переводчиков, по-разному, и это вполне объяснимо. Например, в третьем предложении первый переводчик передаёт его при помощи слова **пирамард (старик)**, во втором переводе мы встречаем синонимичное слово **мўйсафед** (досл.: седоволосый, т.е. старый человек), и в третьем переводе на персидский язык также использовано слово **пирамард**. Следует отметить, что такой подход обеспечивает последовательность в использовании данного слова, ибо произведение “**The Old Man and the Sea**” в переводах соответственно так и

называется “Пирамард ва баҳр”, “Мӯйсафед ва баҳр” и “Пирамард ва дарё” (Старик и море).

В приведенном ниже примере в качестве обращения выступают слова **fish** и **brother**: *You are killing me, fish, the old man thought. But you have a right to. Never have I seen a greater, or more beautiful, or calmer or more noble thing than you, brother* (O.M.S., 120). – “Охир ту маро мекушӣ, моҳӣ, - фикр акрд ӯ. – Албатта ба ин ҳақ ҳам дорӣ. Ҳеҷ гоҳ аз ту бузургтару зеботар ва оромтару наҷибтар чизро надидаам, **бародар** (П.Б., 121). – “Ту маро ҳалок мекунӣ, моҳӣ, - гуфт дар дилаш пирамард. Ба ин, ту албатта ҳақ дорӣ. Ман дар умрам як бор ҳам моҳии мисли ту бузург, хушранг, ором ва наҷибро надидаам” (М.Б., 74). – пирамард дар дили худ гуфт моҳӣ ту дорӣ маро микушӣ. аммо ҳақ ам дорӣ. эй **бародар**, ман то ба ҳол аз ту бузургтару зиботар ва оромтару наҷибтар чизӣ надидаам (П.Д.,182).

Как видим, данная категория обращений не содержит в себе национально-специфических особенностей и могут быть переведены традиционными способами перевода. В данном случае мы наблюдаем подбор эквивалентных слов **fish** – моҳӣ (рыба) и **brother** – бародар (брат). В данном контексте в функции обращения взаимозаменяемость данных слов не вызывает сомнений.

Так, в зависимости от способов выражения обращения в английском и таджикском языках могут быть эквивалентными и безэквивалентными. В отношении безэквивалентных обращений применяются такие способы перевода, как транскрипция/транслитерация и нулевой перевод, а в отношении эквивалентных обращений могут использоваться функциональные эквиваленты и аналоги.

3.6.Способы передачи сложных слов

Сложные по структуре образования в английском языке представляют собой особый вид межъязыковых соответствий с точки зрения сопоставления с

таджикским языком и решения проблем перевода. В самом деле, существует ряд типов сложных слов, которых можно считать безэквивалентными по отношению к таджикскому языку. В научной литературе по теории перевода также обосновано включение сложных слов английского языка в разряд безэквивалентной лексики. При этом основным критерием считается то, что, будучи сложными образованиями, «они выполняют в предложении функцию одного члена предложения, обычно осуществляемую одним словом» и «нельзя их передать в связном тексте на аналогичном уровне плана выражения... без дополнительных трансформаций» [75, с. 106].

Однако следует отметить, что, подобно другим единицам языка, безэквивалентность сложных слов также отличается от языка к языку. Например, Иванов А.О., рассматривая безэквивалентность сложных слов английского языка по отношению к русскому языку, относит к этому разряду отдельные структурные типы сложных слов [Там же]. Безэквивалентность сложных слов английского языка по отношению к таджикскому языку несколько отличается. Естественно, есть группа сложных слов английского языка, которая может иметь свои структурные соответствия и семантические эквиваленты в таджикском языке [3, с. 177], тем более, если учесть, что английский и таджикский языки относятся к аналитическому типу языков.

Однако в данном разделе не ставится цели анализировать способы словообразования в рассматриваемых языках, а проводится сопоставительный анализ и выявление наиболее ярких случаев безэквивалентности существующих английских сложных по структуре образований по отношению к таджикскому языку, и определение основных способов их передачи.

Так, относительно таджикского языка могут быть безэквивалентными сложные слова английского языка, образованные по следующим моделям:

1. Основа существительного + основа причастия II. Следует отметить, что такой тип сложных образований очень распространён в английском языке и процесс формирования таких слов продолжается: war-torn, ebola-hit, culture-bound, self-declared/proclaimed, UN-recommended. Это те случаи, когда некоторые из

таких неологизмов могут не значиться в словарях вообще, а в данном случае словари еще не успели фиксировать их (ebola-hitregion; self-declaredstate и т.д.). Подобные примеры входят в группу атрибутивных сложных слов и, в связи с этим, целесообразно их рассматривать с определяемыми словами. При переводе предложений с подобными сложными образованиями нельзя обойтись без определенных трансформаций:

war-torncountry—кишваре, ки аз чанг қашшоқ гаштааст;

ebola-hitregion – минтақае, ки аз вируси эбола ранҷ мебарад;

culture-bounelements –унсурҳои забоне, ки обуранги фарҳангӣ доранд;

self-declared/proclaimedstate – давлате, ки бидуни эътирофи кишварҳои дигар таъсис дода шудааст, (калька: давлати худэълум);

radio-transmitted – аз тариқи радио гузоришшуда;

UN-recommended (measures) – чораҳои, ки СММ тавсия додааст;

panic-stricken (man) – шахси ба таҳлука афтада и т.д.

В создании данного класса сложных слов относительно продуктивным является слово «hit», и оно может связаться с относительно большим количеством слов: ebola-hit; virus-hit; war-hit и др.

2. Основа прилагательного + основа существительного + суффикс – ed:

medium-sized hook – чангаке, ки андозаи миёна дорад;

clear-headed man – шахсе, ки хушаш дар ҷояш аст;

light-headed man – шахсе, ки сараш гич мешавад;

wooden-headed (man) – шахсе, ки ақли комил надорад (разг.: каллакаду);

3. Сложные глаголы:

to dry-clean – лисбосро бо истифода аз моддаҳои кимиёвӣ шустан, хушкашӯй кардан;

to holidaymake – ҳангоми рухсатӣ истироҳат кардан;

to brainstorm – пайдо кардани роҳи ҳалли масъалае бо роҳи “ангезиши зеҳн”;

Side-slip – ба як тараф лағжидан и т.д.

4. Сложные прилагательные и причастия со вторым глагольным элементом:

Ill-looking (man) – шахсе, ки ҳолаш хуб нест;

sharp-looking (man) – шахси баднигоҳ;

fast-moving (fish etc.) – чизе, ки босуръати баланд ҳаракат мекунад;

fatherly looking (man) – шахсе, ки зоҳиран ба падараш монанд аст;

bone-breaking – кор ё бори сангин (калька: устухоншикан) и т.д.

Рассматривая указанные группы, можно считать, что нельзя их целиком отнести к разряду безэквивалентной лексики, ибо некоторые из них могут иметь, хотя производные, искусственные, но всё же семантические эквиваленты и сохранить свой класс сложного слова, слегка изменив свою структуру, и даже отражаться в двуязычных словарях: dark-haired (person) – (шахси) тирамӯй; open-handed (man) – (шахси) кушоодаст; soft-hearted (person) – (шахси) нармдил [4]; bare-headed (person) – (шахси) сарлуч; short-handed (man) – (шахси) дасткӯтоҳ т.д. Тем не менее, при переводе в определенной переводческой ситуации, в конкретном контексте и эта группа может претерпевать определенные стилистические и структурные преобразования.

Рассмотрим ряд примеров из художественной литературы.

1. *He made a quick drop, slanting on his **back-swept wings**, and then circled again* (O.M.S., 38). – Вай болҳояширо ба қафо хам карда, якбора ба поён фуромад ва боз дубора ба боло баромада чарх задан гирифт (П.Б., 39).

2. *It had a wire leader and a **medium-sized hook**...* (O.M.S., 40). – Ў белҳоро ба дарун кишида, аз пеши заврақ як ресмончаеро гирифт, ки дар нӯгаи чангаки андозааш миёнае дошт (П.Б., 41).

3. *The male fish let the female fish feed first and the hooked fish, the female, made a wild **panic-stricken**, despairing fight that soon exhausted her, and all the time the male had stayed with her...* (O.M.S., 60). – Марлини модина ба чангак афтоду аз ҳавли ҷон ба таҳлукаи ваҳишиёна ва бефоида сар кард ва ба зудӣ аз по афтид ва тамоми ин муддат марлини нарина бо ӯ буд (П.Б., 61).

4. *Why is it that all the **fast-moving** fish of the dark current have purple backs and usually purple stripes or spots?* (O.M.S., 92). - Чаро ҳама моҳиҳое, ки босуръат ва дар умқи торики баҳр шино мекунанд, харпуштаи бунафш ва ё раҳҳову холҳои бунафш доранд? (П.Б., 93).

Как видно из примеров, при переводе на таджикский язык сложные слова английского языка подвергаются различным структурным преобразованиям. В первом примере наблюдается грамматическая трансформация, в силу чего меняется структура предложения и оборот, который представляет приложение и где используется сложное слово, а в переводе становится деепричастным оборотом. Значение выражения *back-sweptwings* передаётся в несколько иной, свободной форме. Остальные три предложения также представляют примерно такую же картину.

Встречаются случаи, когда к сложным словам английского языка подбираются близкие по значению композиты с небольшими расхождениями по структуре. Рассмотрим некоторые из них:

1. *They were not the ordinary **pyramid-shapedteeth** of most sharks (OMS, 132).* – Онҳо ба дандонаҳои муқаррари аҳромшакли наҳангҳои дигар шабоҳат надошт...(П.Б., 133).

2. *You're the man for bargains, ain't you? You're him that never bungled nothing, you **wooden-headed lubber!**" (O.M.S., 174).* – Ту, ба назарам, дӯстдори бастанӣ шартномаҳо ҳастӣ-а? Ана **каллакаду** аз шартномаҳои ту ҳамин тавр чизҳо мебарояд (П.Б., 242).

3. *Before supper was eaten we buried old Tom in the sand, and stood round him for a while **bare-headed** in the breeze (O.M.S., 100).* – Пеш аз хӯроки бегоҳӣ, мо бобо Томро ба даруни рег гӯрондем, баъд аз он, камтар дар болои қабр **сарлӯч** истодем (П.Б., 141).

Несмотря на небольшое структурное расхождение - основа существительного + основа существительного+ed–основа существительного + основа существительного - английское и таджикское сложные слова *pyramid-shaped* – *аҳромшакл* одинаковы по значению, совпадает ряд других их функций, например, синтаксическая – в оригинале и переводе данные сложные слова выступают в функции определения слов *teeth* и *дандонаҳо* (зубы) соответственно.

Выражение *каллакаду* (глупый, бестолковый) очень распространено в таджикской разговорной речи. Для передачи смысла английского выражения

wooden-headed оно выбрано переводчиком удачно и стилистически правильно. Хотя данные сложные слова структурно несколько отличаются друг от друга, т.е. безэквивалентны - основа прилагательного+основа существительного+ed-основа существительного+основа существительного, семантически они близки друг к другу.

Интересен случай с третьим примером. В нем, наряду с известными структурными различиями и семантической близостью, наблюдаются совпадение и синтаксической функции единиц ИЯ и ПЯ: выражения *bare-headed* и *сарлуч* выполняют функцию обстоятельства образа действия.

Отсюда можно сделать вывод о том, что безэквивалентность указанных выше примеров может быть частичной.

Встречаются также случаи описательного перевода:

1. *Mr. Trelawney, being a very open-handed gentleman, as we all know, has just asked me a word or two... (T.I., 66).* – *Ҳамаи мо медонем, ки мистер Трелони чигуна одами сахї аст. Ў аз ман нусид, ки... (Ҷ.Ҷ., 93).*

2. *This last was a sharp-looking man, who seemed angry with everything on board... (T.I., 49).* – *Капитан одами бадқавоқ буд (Ҷ.Ҷ., 67).* (для других примеров из художественной литературы см. Приложение 1).

4. Пожалуй, особую группу среди безэквивалентной лексики английского языка данного разряда составляют так называемые сложные слова-фразы, «представляющие собой препозитивно-атрибутивные сочетания слов, похожие по структуре на предложение или словосочетание и выполняющие в предложении функцию, аналогичную функции отдельного слова, чаще всего определения» [75, с. 107].

В атрибутивной функции могут выступать следующие фразовые группы, целостность которых оформляется при помощи дефиса, кавычек без дефиса, или дефиса и кавычек одновременно. Другими словами, их называют сложными словами синтаксического типа, «стоящие на границе сложного слова и предложения» [209, с. 89].

1. Свободные сочетания в атрибутивной функции.

Поскольку традиция перевода статей периодической печати с английского языка на таджикский язык ещё не получила должного развития, а рассматриваемые в разделе словоупотребления присущи стилю научной и газетно-публицистической прозы, мы будем предлагать свои варианты переводов.

Нельзя рассматривать сложные образования данного типа вне определенного контекста, ибо зачастую они создаются именно для конкретных случаев, вне которых теряют смысл, т.е. не могут существовать как самостоятельная лексическая единица. Примеры данной группы приведены по книге Бузаджи Д.М. [34].

1. *Sensing the new momentum, Anderson returned to the outspoken, **tell-the-hard-truth** approach that first attracted supporters to him during his primaries* (Newsweek, Sept., 22, 75).–Фурсати тозаеро эҳсос намуда, Андерсон аз равиши самими гуфтани ҳақиқати талх дубора истифода кард, ки таваҷҷуҳи тарафдоронро ба ӯ дар овоздиҳии ибтидоӣ ҷалб карда буд.

2. *And as usual a single toy has emerged as **the must-have-but-nowhere-to-be-found** item for parents desperate to please their offspring* (The Independent, Nov.28, 1998).–Ва мисли ҳамеша барои волидоне, ки барои хушҳол кардани фарзандони худ ноумед гашта буданд, ягона бозичае пайдо шуда буд, ки бояд бачагон дошта бошанд, вале пайдо кардани он хеле мушкил аст.

3. *We do not have a fox-hunting problem in London. We have all kinds of other problems: a crime problem, a transport problem, a **how-to-get-a-decent-mayor problem**, but not a fox-hunting problem* (The Independent, Dec.17, 1999).– Мо дар шаҳри Лондон мушкилии марбут ба шикори рӯбохро надорем. Мо тамоми намудҳои дигари мушкилиҳоро дорем: мушкилии вобаста ба чинояткорӣ, нақлиёт ва ҷӣ тавр пайдо кардани раиси хуби шаҳр, вале на мушкилии марбут ба шикори рӯбох.

Практика перевода показывает, что при всём желании невозможно сохранить структуру подобных английских образований в таджикском языке.

2. Фразеологизмы, пословицы, крылатые слова и т.п. в атрибутивной функции.

1. This **neither-fish-nor-fowl** character of China's state enterprises has produced much the same effect that "perestroika" had in the last days of the Soviet Union (The International Herald Tribune (ИТТ), Sept., 20-21, 1997). – Ин муносибати подарҳавои корхонаҳои давлатии Чинӣ ҳамон гуна таъсире дошт, ки "азнавсозӣ" дар рӯзҳои охири Иттиҳоди Шӯравӣ дошт.

2. "Blaming everything on viruses is **the dog-ate-my-home-work** excuse (The Times, Sept., 4, 1998). – Гунаҳкор кардани вирус барои ҳамаи мушкилиҳои техникӣ баҳонаест ба монанди "Шоҳро намоз нест, хонаҳо танг аст".

3. It was **a do-as-we-say-not-as-we-do** approach that was never likely to work (The Moscow Times, May 20, 1998). – Ин усули коре буд ба мисли "зӯфтаи моро куну кардааморо не", ки натиҷа наметод.

Отличительной чертой перевода данной подгруппы на таджикский язык является то, что к английским атрибутивным сложным словам-фразам, выраженным известными устойчивыми сочетаниями, можно подобрать, при наличии, существующие в таджикском языке семантические эквиваленты, а в случае отсутствия таковых – перевести их описательно или при помощи калькирования. Надо иметь в виду, что если даже имеется какое-либо соответствие, то не следует использовать их без учета особенностей контекста. Например, в первом примере выражению *neither-fish-nor-fowl* в таджикском языке соответствует пословица *на дузди бозору на шайхи мазор* (досл.: ни вор на базаре, ни шейх на кладбище; ср.: ни рыба ни мясо). Однако она при переводе стилистически неуместна.

3. Законченные высказывания в атрибутивной функции.

1. How can intelligent people watch the "**We're right, you are wrong**" blather on the talk-shows...? (Economist, Aug., 16, 2003). – Чӣ тавр шахсони оқил метавонанд сафсатаҳои "мо ҳақ ҳастем, шумо ноҳақ ҳастед"-ро дар тоқшоуҳо метавонанд тамошо мекунад?

2. What will ordinary Serbs say when Americans and our friends march in as part of our **make-peace-or-we'll-kill-you** policy? (ИТТ, March, 11, 1999). – Агар

амрикоиҳо ва дӯстони мо ҳамчун ҷузъи сиёсати “сулҳ кунед, вагарна мо шуморо ба қатл хоҳем расонд” қатор шуда мебароянд, мардуми оддии сербӣ чӣ мегӯянд?

3. *What was great about Sinatra was that ‘I-don’t-care-about-anybody’ attitude, but he was impressed by Kennedy – he wanted his approval* (The Daily Telegraph, Nov.25, 1998). – Як рафтори олиҷаноби Синатра ин муносибати “ман бо касе коре надорам”-и ӯ буд, вале ӯ аз Кеннеди мутаассир гашта буд ва таъйиди ӯро мехост.

Как видим, вышеуказанный класс сложных слов-фраз может быть двухкомпонентным (двучленным) и многокомпонентным (многочленным). Их целостность, как было отмечено выше, оформляется при помощи дефиса и кавычек, кавычек без дефиса или дефисом и кавычками одновременно.

Так, некоторые сложные слова английского и таджикского языков бывают структурно безэквивалентными, а в силу того, что они могут иметь в некоторых случаях близкие по смыслу соответствия, безэквивалентность отдельных сложных слов можно назвать частичной.

В случае со сложными словами-фразами английского языка в атрибутивной функции по отношению к таджикскому языку следует отметить, что они не имеют ни структурных, ни близких по значению готовых выражений, кроме особых типов, выраженных ФЕ, пословицами и т.д., следовательно, их безэквивалентность можно считать полной.

Перевод сложных слов и сложных слов-фраз с английского языка на таджикский язык может быть осуществлен при помощи ряда способов перевода безэквивалентной лексики, а именно развёрнутым описательным переводом, применением различных переводческих трансформаций на уровне всего предложения и редко калькированием.

При достижении адекватности перевода сложных слов и сложных слов-фраз также существенную помощь может оказать широкий контекст, из которого переводчик может понять суть приводимых в тексте выражений.

3.7. Способы передачи фразеологических единиц

Перевод фразеологических единиц представляет собой особую проблему, так как они тесно связаны с культурной спецификой и особенностью восприятия мира носителем языка.

Фразеологические вопросы и общая проблема разной сочетаемости слов в различных языках чрезвычайно существенны как для практики, так и для теории перевода.

С точки зрения перевода исключительно важны такие черты фразеологических единиц, как степень смысловой слитности или раздельности их элементов, степень ясности или неясности мотивировки (наличие или утрата внутренней формы, образности), стилистическая окрашенность [201, с. 161].

Как на один из признаков ФЕ нередко указывают на их «непереводимость» или непереводимость их в буквальном смысле.

Проблема перевода эквивалентных ФЕ решается подбором готовых соответствий, которых можно разделить на эквиваленты и аналоги. Эквиваленты ФЕ также делятся на полные и частичные эквиваленты, примеры которых подробно рассмотрим ниже. Здесь только упомянем, что вообще в силу специфики фразеологических единиц, эквивалентов у них сравнительно немного. Чаще всего они обнаруживаются у так называемых интернациональных фразеологизмов, заимствованных обоими языками из третьего языка, главным образом, латинского или греческого.

В случае отсутствия фразеологического эквивалента, полного или частичного, делается попытка подобрать фразеологические аналоги.

Использование соответствия этого типа обеспечивает достаточно высокую степень эквивалентности. Однако и здесь существуют некоторые ограничения.

Во-первых, по мнению В. Н. Комиссарова, необходимо сохранить эмоциональные и стилистические значения фразеологизма. Английское *Jack of the trades* и русское «*мастер на все руки*», таджикское «*панҷ панҷааш*

ҳунар» - все эти идиомы на трёх языках относятся к человеку, который может заниматься самыми разными делами. Однако русская и таджикская идиомы не являются фразеологическим аналогом английскому, поскольку у них не совпадают эмоциональные значения. И в русском, и в таджикском языках - это, действительно, мастер, умелец в положительном смысле, а по английский это - *master of none*, то есть неумеха, портящий все, за что берется, что соответствует таджикской пословице «холаи хамакора хама кораш нимкора».

Во-вторых, следует учитывать два фактора: стилистическую неравноценность некоторых аналоговых фразеологизмов (литературное английское *can the leopard change his spots* нельзя переводить русскими и таджикскими разговорными выражениями «черного кобеля не отмоешь добела», «горбатого могила исправит» и «зангӣ бо шӯстан сафед намегардад») и национальную окраску фразеологических единиц (так, хотя английские фразеологизмы *to carry coals to Newcastle* и *what will Mrs Grundy say?* по смыслу и стилистической окраске полностью соответствуют русским фразеологизмам «ездить в Тулу со своим самоваром» и «что будет говорить княгиня Марья Алексеевна», однако эти последние в переводе использованы быть не могут).

В отношении безэквивалентных ФЕ в основном используется *описательный перевод*, осуществляемый путем передачи смысла оборота свободным словосочетанием. Описательный перевод применяется в тех случаях, когда в языке ПЯ отсутствуют эквиваленты и аналоги.

В отношении безэквивалентных ФЕ также используется калькирование или дословный перевод. Калькирование фразеологических единиц может быть применено лишь в том случае, когда в результате перевода появляется выражение, образность которого легко воспринимается читателем и не создает впечатления неестественности общепринятым нормам языка.

Калькирование обладает определенными достоинствами и достаточно широко используется в переводческой практике: оно позволяет сохранить образный строй оригинала и даёт возможность преодолеть трудности,

которые возникают, когда в оригинале образ обыгрывается для создания развернутой метафоры.

При переводе с иностранного языка переводчику в первую очередь необходимо уметь распознавать фразеологизм в тексте оригинала. В противном случае существует риск его буквального перевода, что может привести к искажению смысла или полному его отсутствию в переводе. Здесь на помощь переводчику приходят специализированные фразеологические словари, а также общая языковая эрудиция и «чувство языка».

В зависимости от того, что является приоритетной задачей (или совокупностью задач) переводчика, – передача содержания, стиля или эмоциональной окраски текста и т.п., а также от характера самой идиомы, могут быть использованы различные способы из числа вышеприведенных. Перевод ФЕ является сложной переводческой задачей, и выбор наиболее удачного решения зависит от совокупности множества лингвистических и экстралингвистических факторов, а также от мастерства переводчика. В теоретической литературе по проблемам перевода имеется достаточно большое количество материалов по каждому из вышеперечисленных и других способов перевода. Ниже рассмотрим примеры переводов фразеологических единиц с английского языка на таджикский язык и обратно на материале художественного текста.

Подбор готовых соответствий – полные и частичные эквиваленты.

Полные эквиваленты – это эквиваленты, в большинстве своём являющиеся моноэквивалентами фразеологизмов других языков, совпадающие с ними по значению, по лексическому составу, образности стилистической направленности и грамматической структуре.

Частичные эквиваленты – это не означает какой-либо неполноты в передаче значения, а лишь содержат лексические, грамматические или лексико-грамматические расхождения при наличии одинакового значения одной и той же стилистической направленности. Поэтому частичный эквивалент по степени адекватности перевода следует считать равноценным полному эквиваленту [147].

Равнозначное соответствие данных единиц более подробно дано в контексте:

...and he was always sure to be as silent as a mouse when any such was present (Т.І., 8).- В присутствии подобных людей он всегда сидел тихо, как мышь (О.С., 5). - Дар пеши ин тавр одамҳо ӯ муш барин хомӯш буд (Ҷ.Ҷ., 6).

Данное устойчивое сравнение и в английском, и в русском, и в таджикском языках имеет значение “тихо сидеть”, “молчание” и относится к человеку, который сидит молча, тихо. Как видно, идиома «*as silent as a mouse*» и её аналоги во всех трёх языках по значению и структуре совпадают.

Приведём несколько примеров, которые совпадают по значению, по лексическому составу, образности стилистической направленности и грамматической структуре.

Например: эквивалент английской фразеологической единицы «*armed to the teeth*»: русский эквивалент *вооруженные до самых зубов*: таджикский эквивалент *сар то по мусаллаҳ*.

We made a curious figure, had anyone been there to see us; all in soiled sailor clothes, and all but me armed to the teeth (Т.І., 164).- Мы представляли довольно странное зрелище – все в измазанных матросских куртках, все, кроме меня, вооруженные до самых зубов (О.С., 91). - Гашти мо аз манзараи хело аҷибе иборат буд, - ҳамаи мо камзӯлчаҳои нимтагии чиркини матросӣ пӯшида будем, ҳама ба гайр аз ман, сар то по мусаллаҳ шуда буданд (Ҷ.Ҷ., 228).

Данная идиома во всех трех языках имеет значение “*быть вооруженным*”, “*иметь много оружия*”. Эти идиомы полностью совпадают с вышеупомянутыми аспектами.

Другой пример: эквивалент английского устойчивого сравнения «*it followed me like a dog*»: русский эквивалент *он побежал за мной, как собачонка*: таджикский эквивалент *сағбача барин аз қафоям метоҳт*.

... having fed it, I tied it as I did before, to lead it away; but it was so tame with being hungry, that I had no need to have tied it, for it followed me like a dog (R.C., 178). - Когда козлёнок поел, я привязал к его ошейнику верёвку и хотел вести

его, как раньше, но от голода он сделался таким ручным, что верёвка стала не нужна: он побежал за мной сам, как собачонка (Р.К., 46).-Баъди баргҳоро хӯрдани ӯ канабро ба гарданбандаш баста ӯро ба хонаам бурданӣ шудам, вале ӯ азбаски гуруснагӣ кашида буд, бағоят фармонбардор шуда, бе канаб ҳам сағбача барин аз қафоям метоҳт (Р.К., 77).

Английское устойчивое сравнение «*to follow smb. like a dog*» и в русском, и в таджикском языках имеет значение «ходить за кем –либо по пятам». И используя данный метод перевода, переводчики смогли полностью передать значение идиомы оригинала.

Рассмотрим другой пример: английское устойчивое сравнение "*like a fish out of water*".

Mr. Dance stood there, as he said, "like a fish out of water", and all he could do was to despatch a man to B-to warn the cutter (Т.И., 32). - Мистер Данс, по его собственным словам, чувствовал себя, стоя на берегу, точно «рыба, выброшенная из воды». Он сразу послал человека в Б..., чтобы выслали в море куттер (О.С., 19).-Мистер Денс, ба гуфти худаш, монанди "моҳии аз об берун партофташуда" дар соҳил меистод. Ӯ зуд як нафарро ба Б... фиристод, ки аз он ҷо ба баҳр катер фиристонанд (Ҷ.Ҷ., 42).

Единица *like a fish out of water* переводится человек не в своей стихии, чувствовать себя как рыба, вытщенная из воды. Переводчики сумели передать значение этой идиомы методом подбора полного эквивалента. Русский и таджикский переводы данной идиомы полностью соответствуют оригиналу и по лексической структуре, и по значению.

Другой пример: эквивалент английской ФЕ «*from head to foot*»: русский эквивалент *с головы до ног*: таджикский эквивалент *аз сар то по*.

... in a word, he clothed me from head to foot (R.C., 437). -... словом, он одел меня с головы до ног (Р.К., 132). -... хулоса вай маро сар то по либоси нав пӯшонид (Р.К., 201).

Данная идиома во всех трех языках имеет значение *одеваться*, “одеваться с головы до пят”. Так же все эти ФЕ во всех трех языках полностью

совпадают по значению и по структуре и поэтому их смело можно считать полными эквивалентами.

Примерами частичного эквивалента могут стать следующие единицы:

I consulted neither father nor mother any more, ...and in an ill hour, God knows, on the 1st of September 1651, I went on board a ship bound for London (R.C., 9). - *И вот, не спросившись ни у отца, ни у матери, – в недобрый час! – 1 сентября 1651 года я на девятнадцатом году жизни сел на корабль, отправлявшийся в Лондон* (Р.К., 4). - *Ба ин тариқ, ман бе рухсати падару модар дар як соати наҳси 1 сентябри соли 1651, ки нуздаҳсола будам, ба кишти ба Лондон рафтаистода савор шудам* (Р.К., 7).

ФЕ русского и таджикского переводов по значению полностью совпадают с английской ФЕ: *in an ill hour* - *в недобрый час* - *дар як соати наҳс*, только слово *ill* (больной, дурной) на русский и таджикский передано как *недобрый* – *наҳс*. Из этого видно, что русская единица *в недобрый час*, и таджикская *дар як соати наҳс* являются частичными эквивалентами английской единицы.

I began now to repose myself, live after my old fashion, and take care of my family affairs...; (R.C., 309); - *Прежние мои страхи с этого времени как будто рассеялись, и я зажил по-старому, без всяких тревог, возделывая поля...* (Р.К., 84). - *Хавфу ҳароси пештараам гӯё тамоман аз дилам дур гашту бе ташвишу изтироб зистан гирифтам, ба кишту кор ва чорводориам машғул шудам...* (Р.К., 129).

Данная идиома в таджикском переводе отсутствует, видимо, переводчик не нашёл эквивалента, чтобы передать её значение. А русский перевод этой ФЕ даже по значению очень совпадает с оригиналом, т.е. английской идиомой, за исключением того, что слово *fashion* не переведено на русский язык. Так что можно считать, что *жить по-старому* и есть частичный эквивалент единицы *to live after one's old fashion*.

Другие примеры: *“Good evening, Dance”, says the doctor, with a nod. “And good evening to you, friend Jim. What good wind brings you here?”* (Т.И., 34). –

Добрый вечер, Данс, – сказал доктор и кивнул головой. – Добрый вечер, друг Джим. Какой попутный ветер занес вас сюда? (О.С., 20).- *Шабатон ба хайр! Салом Денс, - гуфт духтур ва сар ҷунбонд. – Салом, азизам Ҷим. Кадом шамол шуморо ба ин ҷо парронда овард?*(Ҷ.Ҷ., 44)

Эти идиомы во всех трех языках по значению очень близки. В оригинале, т.е в английском варианте, говорится *good wind* - *хороший ветер, приятный ветер*, но на русский язык переведено *попутный ветер*, а на таджикский просто *шамол (ветер)*, но это особо не влияет на перевод, т.к. суть частичного эквивалента в этом и заключается. Главное то, что эти переводы и являются частичным эквивалентом английской идиомы *What good wind brings you here?*

Другой пример: *So big pigeon pie was brought in and put on a side-table and I made a hearty supper, for I was as hungry as a hawk, while Mr. Dance was further complimented, and at last dismissed* (Т.И., 35).-*Передо мной на одном из маленьких столиков поставили большую порцию голубиноного паштета. Я был голоден как волк, и поужинал с большим удовольствием. А тем временем Данс, выслушав немало новых похвал, удалился* (О.С., 20).-*Дар пеши ман дар болои столча як табақ яхнии аз гушти кабу́тар таёр кардашуда гузоштанд. Ман гург барин гурусна будам ва хӯрокро бо иштиҳо хӯрдам. Дар ҳамин байн Денс боз як тӯда таърифҳо шунида ва баъд баромада рафт* (Ҷ.Ҷ., 45).

В этой английской ФЕ (*as hungry as a hawk*) слово *hawk* (*ястреб, сокол*) на русский и таджикский языки переведено *волк*, так как русские, и таджики используют эти идиомы «*Я голоден как волк*», «*Ман гург барин гурусна ҳастам*». У англичан помимо идиомы «*as hungry as a hawk*» так же есть идиомы похожие на эту «*as hungry as a hunter*», «*as hungry as a wolf*», но все означают - *быть ужасно голодным*.

Другой пример: *"Now, look you here, Jim Hawkins," he said, in a steady whisper that was no more than audible, "you are within half a plank of death," and, what's a long sight worse, of torture* (Т.И., 150).— *Слушай, Джим Хокинс, – проговорил он еле слышным настойчивым шепотом, – ты на волосок от смерти и, что хуже всего, от пытки* (О.С., 84). - *Гӯш кун, Ҷим Гокинс, дар*

байни ту ва хавфи марг ва аз ҳама бадтар азобу шиканҷа **фақат як мӯй фарқ аст** (Ҷ.Ҷ., 208) (о других примерах с привлечением русских переводов см. Приложение 2).

Если дословно перевести данную идиому *within half a plank of death* – на пол доски от смерти, выглядит смешно и это никак невозможно считать фразеологической единицей. Но, к счастью, переводчики сумели правильно передать эту единицу. ФЕ *within half a plank of death* на русский язык переведено *на волосок от смерти*, так как данный эквивалент существует в русском языке, почему частичный эквивалент, потому что в оригинале есть слова *half* - половина, одна вторая (чего-л.) и *plank* – доска, толстая доска, а в переводе нет этих слов, только вместо *plank* перевели *волосок*. На таджикский язык переведено также, как и на русский - *дар байни ту ва хавфи марг фақат як мӯй фарқ аст*. Переводчики сумели полностью передать значение идиомы оригинала, что является самым существенным в переводе.

Подбор аналогий. Как выше было упомянуто, второй тип фразеологических соответствий представляют так называемые фразеологические аналоги, под которыми подразумеваются фразеологизмы, совпадающие по семантике и стилистической направленности, но различающиеся по образности (грамматическая структура при этом может либо совпадать, либо нет). Аналоги передают уникальные образы и понятия, которые составляют национальное своеобразие сравниваемых языков. Рассмотрим примеры:

... *when I got to sleep, which was not till after a great deal of tossing, I slept like a log of firewood* (Т.И., 101). - Долго ворочался я перед тем как заснуть, но потом спал как убитый (О.С., 59). - Пеш аз он ки хобам барад, муддате аз паҳлу ба паҳлу баргаштам ва баъд аз он мурда барин сахт хобидам (Ҷ.Ҷ., 142).

Данная ФЕ используется для обозначения, что когда человек очень устает, он спит очень крепко, и англичане используют данную идиому *to sleep like a log of firewood* – что означает спать крепким сном. Переводчик для того, чтобы передать суть этой единицы при переводе на русский язык,

использовал готовый аналог, который есть в русском языке *спать как убитый*, хоть и эта идиома выражена совсем по-другому, но по смыслу очень подходит. Таджикский аналог - *мурда барин сахт хобидан* очень похож на русский и по смыслу, и по грамматической структуре.

Следующая идиома также может послужить доказательством наличия аналогов:

I'm on your side now, hand and glove; and I shouldn't wish for to see the party weakened, let alone yourself, seeing as I know what I owes you (Т.И., 180). - *Я теперь на вашей стороне и душой и телом и не хотел бы, чтобы ваш отряд лишился такого человека, как вы. Я очень многим вам обязани* (О.С., 101). - *Ман ҳозир дар тарафи шумо ҳастам ва бо ҷону дил ҳаргиз намехоҳам, ки отряди мо аз шумо барин одам маҳрум шавад. Ман аз шумо бисёр некиҳо дидам* (Ҷ.Ҷ., 251).

Здесь идиома *hand and glove* означает *искренне поддерживать кого-либо*. Переводчик, чтобы передать суть этой единицы, при переводе на русский язык, использовал готовый аналог *душой и телом*, который точно выражает содержание, смысл этой идиомы, но никак не совпадает по структуре. То есть, в английской идиоме есть слова *hand-рука, glove-перчатка*, которые в русском аналоге отсутствуют. Если перевести английскую идиому дословно – *рука и перчатка* – то единица полностью теряет свой смысл и поэтому называть её фразеологической единицей невозможно. На таджикском языке аналог данной идиомы звучит так: *бо ҷону дил*. Структура этой идиомы во всех трех языках выглядит по-разному. В английской идиоме употреблены слова *рука, перчатка*, в русском аналоге - *душа, тело*, в таджикском аналоге - *душа, сердце (ҷон, дил)*. Это доказывает, что данная единица перевода не является эквивалентом, а аналогом, то есть русский и таджикский перевод английской идиомы не по своей структуре, а по смыслу соответствует единице оригинала.

Из вышеприведённых примеров становится ясно, что аналоги идиом соответствуют только по смыслу, отличаясь друг от друга лексическим составом.

Выбор использования фразеологического аналога как метод перевода имеет свои плюсы и минусы. Положительной стороной является то, что не все фразеологические единицы оригинала могут быть переведены, поэтому использование аналога придаёт тексту фразеологический оттенок. Отрицательной стороной является высокая частотность использования аналога, так как это может нивелировать национальный оттенок текста. Поэтому переводчик при переводе фразеологических единиц методом фразеологического аналога должен соблюдать сбалансированное равновесие.

Описательный перевод фразеологической единицы сводится, по существу дела, к переводу не самого фразеологизма, а его толкования, как это часто бывает с единицами, не имеющими эквивалентов в ПЯ. Это могут быть объяснения, сравнения, описания, толкования – все средства, передающие в максимально ясной и краткой форме содержание фразеологической единицы. В различных вариантах описательного перевода наиболее полно отражается творческий подход автора к предлагаемому материалу.

Например:

Is that seamanly behavior, now, I want to know? But I'm a saving soul. I never wasted good money of mine, nor lost it neither; and I'll trick 'em again (Т.І., 19). - *Разве так настоящие моряки поступают? Вот я, например: я человек бережливый, никогда не сорил деньгами и не желаю терять нажитого. Я опять их надую* (О.С., 11). - *Оё дарёнавардҳои ҳақиқӣ ин тавр рафтор мекунанд? Ана ман масалан: ман одами сариштакор ҳастам, ҳеҷ вақт пулро нобуд накардаам ва молу чизи ҷамъ кардаамро аз даст додан намехоҳам. Боз ман ин одамҳоро фиреб медиҳам* (Ҷ.Ҷ., 22).

В этом предложении идиома *a saving soul* означает *экономный, расчетливый человек* и значение этой идиомы в русском языке выражено словосочетанием - *бережливый человек*, а в таджикском *одами сариштакор*.

Переводчики, чтобы правильно передать суть этой единицы, выбрали именно метод описательного перевода и очень умело использовали его. Из приведённых свободных сочетаний слов становится понятным, что речь идет о бережливом человеке и все эти слова переданы описательным переводом.

Рассмотрим другие предложения: *We'll have favorable winds, a quick passage, and not the least difficulty in finding the spot, and money to eat – to roll in – to play duck and drake with ever after* (Т.І., 38). - *Попутный ветер быстро домчит нас до острова. Отыскать там сокровища не составит никакого труда. У нас будет столько монет, что нам хватит на еду, мы сможем купаться в них, швырять их рикошетом в воду* (О.С., 23)...- *Боди мувофиқ моро зуд ба ҷазира мерасонад. Дар он ҷо ҷазираро ёфтан ҳеҷ коре нест. Мо дорой он қадар пулу танга мешавем, ки метавонем он пулҳоро хӯрем, дар даруни онҳо обозӣ кунем, онҳоро ҳавуҷ-ҳавуҷ ба об пошем* (Ҷ.Ҷ., 51).

В данном предложении использованы два идиоматических выражения *to roll in* – что означает *укатывать, иметь полно чего-либо (большое количество чего -то)*, и *to play duck and drake* – что означает *игра, состоящая в бросании плоских камешков по поверхности воды так, чтобы они подскакивали*. И для того чтобы передать правильно суть этих идиом в зависимости от контекста, переводчики выбрали метод описательного перевода, переведя идиому *to roll in* на русский язык *купаться в них* (т.е. иметь что-либо в изобилии, чтобы купаться в нем), и на таджикский язык *дар даруни онҳо обозӣ кардан*. Идиома *to play duck and drake* на русский переведена как *швырять их рикошетом в воду*, на таджикский язык *ҳавуҷ-ҳавуҷ ба об пошидан*, оба перевода идиом схожи между собой и по структуре, и по значению. На наш взгляд, переводчики правильно поступили, что в данном случае использовали метод описательного перевода, позволяющий передать полностью суть приведённых идиом в данном контексте.

This was game indeed to us, but this was no food; and I was very sorry to lose three charges of powder and shot upon a creature that was good for nothing to us (R.C., 42). - *Было, конечно, приятно подстрелить на охоте льва, но мясо его*

не годилось в пищу, и я очень жалел, что мы истратили три заряда на **такую никчёмную дичь** (Р.К., 13). - Албатта, шикори шер кори форама буд, лекин чун гӯшти шер хӯрда намешавад, ман аз беҳуда сарф шудани се воя тиру борутам афсӯс хӯрдам (Р.К., 21).

Английская идиома *good for nothing* означает **ни на что не годный, никудашный, никчёмный** и в основном относится к человеку. А переводчики используя описательный перевод, переводя на русский *good for nothing* - **такая никчёмная дичь**, и на таджикский *good for nothing* - **беҳуда** сумели выразить значение данной идиомы в данном контексте и главное, точно передали на русский и таджикский языки суть того, что хотел выразить писатель.

*...if I would undertake their relief, they would **live and die by me*** (R.C., 392).
– ...они могли дурно поступить с человеком, который поможет им спастись из неволи и до возвращения домой будут **беспрекословно повиноваться** вам как своему командиру (Р.К., 113). - ...ба касе, ки барои наҷоти онҳо аз банди асорат ёри медиҳад, қасди бад кунамд ва то баргаштан ба ватан дар ҳар ҷо ба шумо, ҳамчун ба фармондеҳи худ **итоат мекунамд** (Р.К., 172).

Идиома *live and die by someone* в дословном переводе будет выглядеть так: **жить и умереть ради кого-либо**, (т.е., когда кто-то кому-то помогает, спасает от смерти, то он будет благодарен и должен ему до конца жизни) русские так и говорят **быть должным по гроб жизни**. Вот именно с этим значением английскую идиому переводчики передали с помощью описательного перевода, которая в переводе на русский язык звучит так: **беспрекословно повиноваться**, а на таджикском - **итоат кардан**. Используя этот метод перевода, переводчики сохранили оттенок данной идиомы.

Другие примеры: *"Clumsy fellows," said I; "they must still be drunk as owls."* (T.I., 124)

«**Экие медведи!** – сказал я себе. – **Напились, должно быть, до бесчувствия**» (О.С., 71). - "Аҷаб хирсҳоеанд! - гуфтам ман ба худ. - **То беҳуш шуданашон нӯшидаанд магар**" (Ҷ.Ҷ., 174).

Английская идиома *be drunk as owls* означает *изрядно пьяный*, а в русском языке о сильно пьяном человеке говорят *пьяный как сапожник*. Но в данном случае переводчик, используя метод описательного перевода, перевел эту идиому *be drunk as owls* на русский язык - *напиться до бесчувствия*. Таджикский перевод этого выражения очень похожий на русский вариант, так как таджикский переводчик тоже перевел данную идиому *be drunk as owls* – *то бехуш шудан нушидан* с помощью описательного перевода. Этот метод перевода очень помогает переводчикам, как говорится, перевести не переводимое, т.е., когда переводчик не находит ни эквивалента, ни аналога какой-либо фразеологической единицы, он смело может прибегнуть к описанию, но следует отметить, что использовать этот метод необходимо умело, соблюдая определенное равновесие, чтобы данные единицы не потеряли свою специфичность.

Действительно, нередки случаи, когда переводчики обращаются к такому нефразеологическому способу перевода, как описательный перевод. Причиной подобного обращения можно считать определённую цель, преследуемую переводчиком в том или ином конкретном случае: при помощи описательного перевода, как правило, предпринимается попытка сохранить в переводном тексте те или иные национально-специфические образы, особенности категории мышления народа-носителя языка оригинала.

Калькирование или **дословный перевод** фразеологизмов при наличии полного или частичного эквивалента. Несмотря на наличие полного или частичного эквивалента, устойчивые сочетания слов иногда приходится переводить дословно. Такой перевод особенно важен, когда образ, заключающийся во фразеологизме, небезразличен для понимания текста, а замена его другим образом не дает достаточного эффекта.

Например:

I have been in places hot as pitch, and mates dropping round with Yellow Jack, and the blessed land a-heaving like the sea with earthquakes – what do the doctor know of lands like that?- and I lived on rum, I tell you (Т.І., 18). -*Я бывал в таких странах, где жарко, как в кипящей смоле, где люди так и падали от*

Желтого Джека, а землетрясения качали сушу, как морскую волну. Что знает ваш доктор об этих местах? И я жил только ромом, да! (О.С., 10). - Ман дар мамлакатҳое будам, ки ҳавои он ҷо мисли танӯри сӯзон аст. Одамон дар он ҷо аз **касалии varaҷа** таппа-таппа афтада мемуранд, заминчунбиҳо заминро мавҷи баҳр барин меҷунбонданд. Духтури шумо ин ҷойҳоро чи медонад? Ман фақат ром нӯшида зинда мегаштам, ҳо (Ҷ.Ҷ., 20)!

Данная английская идиома *Yellow Jack* переведена на русский язык методом дословного перевода – *Желтый Джек*, что не очень понятно о чем идет речь, в чем суть этой идиомы. Перевод выражения *Yellow Jack* это – *лихорадка, малярия*, но почему-то русский переводчик прибегнул к дословному переводу. А вот на таджикский язык данная идиома переведена *касалии varaҷа* (лихорадка). В данном виде перевода общее значение идиомы выражено, таким переводом переводчик добился определенной цели. Нужно отметить, что прочитав таджикский перевод, читатель поймет, о чем идет речь и что хотел сказать писатель, что не можем сказать о русском переводе.

Следующий пример перевода английской идиомы методом дословного перевода можно считать более подходящим:

*He...went from the parlour to the bar and back again, and sometimes put his nose out of doors to smell the sea, holding on to the walls as he went for support and breathing **hard and fast** like a man on a steep mountain* (Т.И., 21). – Он, шатаясь, ковылял из зала к нашей стойке. Иногда он высовывал нос за дверь – подышать морем, но хватался при этом за стену. Дышал он **тяжело и быстро**, как человек, взбирающийся на крутую гору (О.С., 12). - Ў ...калавида-калавида ба пеши рафчаи мо меомад... Ў монанди одаме, ки ба болои кӯҳи баланд мебарояд, **вазнин ва зуд-зуд нафас мекашид** (Ҷ.Ҷ., 24).

Значение идиомы *hard and fast* - *строго определённый; непоколебимый, нерушимый*. Из переводов видно, что переводчики перевели её методом дословного перевода, так как прямое значение данной идиомы к приведённому контексту не подходит, поэтому переводчики, сделав верный выбор, дословно перевели эту единицу. Такой перевод весьма уместен.

I'm not afraid on 'em. I'll shake out another reef, matey, and daddle 'em again (Т.И., 19). - *Я отчалю от этого рифа и опять оставлю их всех в дураках* (О.С., 11). - *Ман боз ҳамаи ононро аҳмақ карда аз ин бандар баромада меравам* (Ҷ.Ҷ., 22).

Идиома *shake out another reef* тоже переведена методом дословного перевода. На русский язык переведена *отчалю от этого рифа*, на таджикский язык – *аз ин бандар баромада меравам*. Перевод этой иллюстрации является очень хорошим аргументом, что с помощью метода дословного перевода (калькирования) можно перевести так, что читатель, читая перевод данного текста, смог ознакомиться с манерами разговора, мышлением и юмором народа - носителя языка оригинала.

Рассмотрим ещё один пример: *He rose immediately, for he swam like a cork, and called to me, begged to be taken in, told me he would go all over the world with me* (R.C., 33-34).-*Он сейчас же вынырнул, потому что плавал, как пробка, и стал кричать мне, чтобы я взял его в шлюпку, обещая, что поедет со мною хоть на край света* (Р.К., 10).-*Вай дарҳол гӯтида баромад, зеро ӯ ҷўбпамба барин бар рӯи об истода метавонист ва ба ман фарёдкунуон гуфт, ки ӯро ба қайқ гирам, ваъда мекард, ба кучоғе, ки ман рафтагӣ бошам, бе муҳолифат бо ман рафтагӣ мегирад* (Р.К., 17).

Идиома *swim like a cork* означает *очень хорошо плавать, плавать как рыба*.

Но в процессе перевода романа и данной идиомы переводчики использовали метод дословного перевода, чтобы перевести идиому *swim like a cork* на русский - *плавать, как пробка* и на таджикский - *ҷўбпамба барин бар рӯи об истода тавонистан*, хотя можно было бы перевести фразеологическим частичным эквивалентом, на русский язык – *плавать как рыба*, на таджикский – *моҳи барин обозӣ карда тавонистан* (о других примерах с привлечением материалов русских переводов см. Приложение 2).

Способ калькирования больше применяется по отношению к безэквивалентным фразеологическим единицам, не заключающим в себе

особые образы, иносказания. Используя его, переводчик должен проявлять осторожность, чтобы не исказить смысл отдельных слов и единицы в целом. Безэквивалентные ФЕ легко поддаются калькированию, когда совпадают их стилистические и грамматические функции в двух языках. Если калькирование верно и выполнено качественно, оно способствует обогащению ПЯ новыми единицами путём заимствования. Преимущество калькирования подтверждает и тот факт, что оно выступает как один из способов формирования полных эквивалентов и интернациональных единиц, которые вначале формируются формируются в одном языке, а затем вследствие социально-экономических и культурных и технологических взаимодействий постепенно распространяются в другие языки, обычно из крупных, мировых языков, в том числе английского языка, в малые и нераспространённые языки.

Рассмотрим ряд примеров обратного перевода.

Подбор эквивалентов и аналогов. Эквивалент. Относительно самой природы эквивалентности существует немало разных мнений. Например, А.В.Кунин пишет, что многие фразеологические единицы, совпадающие по форме и содержанию, и фразеологические единицы, имеющие только одинаковое содержание (частичное совпадение грамматических форм возможно), можно считать основными признаками межъязыковой фразеологической эквивалентности. По этому поводу существует другое мнение: Фразеологический эквивалент – это ФЕ в ПЯ, полностью соответствующая ФЕ ИЯ по всем показателям, имеющий независимо от контекста одинаковые семантические, стилистические, эмоциональные и лексико-грамматические особенности и не имеющий национального колорита. Проще говоря, фразеологические эквиваленты – это единицы, которые и по способу выражения (грамматическая форма, лексический состав), и по содержанию являются одинаковыми. Например, если подобрать эквивалент таджикской единицы «*Монанди сагу гурба*» в английском языке, то следующую единицу можно считать её эквивалентом: *Like dogs and cats*.

Кстати говоря, и в русском языке данная единица имеет полный эквивалент - *как кошка с собакой*.

Полное совпадение упомянутых единиц подтверждается в конкретном тексте:

«... *инҳо монанди сагу гурба ҳамеша ба якдигар душман мебошанд ва ба болои устухон мечанганд...*» (М.С., 140).-«... *they are natural enemies like dogs and cats and fight over every bone*» (DML, 321). -«*Ростовщики всегда враждуют, как кошка с собакой*» (С.Р., 109).

Как видно из примеров, в таджикском и английском языках, а также в русском языке, данная единица обозначает наличие каких-либо недружественных отношений между разными людьми в какой-то определённой ситуации. Она употребляется с понятием человека, т.е. между людьми иногда появляются враждебные отношения «как у кошки с собакой». Единица *сагу гурба* в русском и английском языках совпадает и по форме, и по содержанию и их можно назвать полными эквивалентами. Наличие таких полных совпадений позволяет утверждать, что имеются полные и неполные эквиваленты:

Полные эквиваленты – это фразеологические единицы разных языков, в которых наблюдается полное совпадение всех слов, составляющих единицу, не только в структурном, но и семантическом плане.

Неполный эквивалент – это единица, имеющая частичное расхождение в структурном плане, но полностью совпадающая по значению. Примером может служить следующая единица из произведения С.Айни *хабарҳои хуши пухта* (досл.: приятные зрелые новости):

... *аз Когон омадани мудирӣ банкрот нигарон шуд, то ки аз вай «хабарҳои хуши пухта» – ро шунида осуда гардад...* (МС, 176).-*Kori Ishkamba settled himself on the marble slab at the bank entrance to await the return of the director from Kagan, so he could find out the truth once and for all and relax after hearing the good news* (DML, 370).

ФЕ в ПЯ по значению полностью соответствует ФЕ ИЯ: *хабари хуш* – *the good news*, однако слово *пухта* не сохранено в переводе. Дело в том, что

английский эквивалент *the good news* уже передаёт значение таджикской единицы, и если бы мы перевели слово *пухта* на английский язык, фразеологическая единица *the good news* потеряла бы свою особенность как эквивалентность. Из этого явствует, что английская единица *the good news* является неполным эквивалентом таджикской единицы *хабарҳои хуши пухта*.

Вышеуказанные единицы не содержат национальной окраски и могут взаимозамещать друг друга вне зависимости от контекста и не имеют семантических расхождений.

Аналогия. Как известно, другим продуктивным способом перевода ФЕ с одного языка на другой является подбор аналогий.

Аналогиями называют фразеологические единицы разных языков, совпадающие по значению, но имеющие разный лексический состав. Рассмотрим следующие примеры:

«... *ширинкорон ва ҳангоматалабон ҳар хабарро дучанд калонтар карда ба Қори – Ишкамба меғуфтанд ва ба ӯ маслиҳат меоданд, ки аз банк дар ҳақиқат бошад, аҷаб нест, ки он шикаста монад ва пулҳояш, ки «бо ҳазорон хуни чигар гундоштааст», сӯзанд» (МС, 168).-«... *They told him that if the Russian Empire were defeated in the war, he could kiss his hard – earned money good-bye*» (DML, 360).- «... шутники и озорники передавали их Кори Ишкамбе, и, преувеличивая опасность, грозящую банку, и советуя остерегаться и беречь деньги: ведь очень может статься, что Государственный банк лопнет, и тогда – прощай капиталы, «собранные потом и кровью» (С.Р., 132).*

В таджикском языке выражение *хуни чигар шуданро* (досл. печень истекает кровью; в знач. мучиться) употребляется в тех случаях, когда результат како-то дела достигается через мучение и трудности. Для выражения значения единицы оригинала переводчик использовал готовое соответствие «*kiss...hard earned money good-bye*», что очень близко по значению. В русском языке мы встречаем другую аналогию из числа известных выражений русского народа: «собранные потом и кровью».

Данный пример достаточно достоверно передаёт значение таджикской фразеологической единицы. Следующая иллюстрация также может стать примером аналогии:

– *Ҳанӯз аз даҳонат бӯи шир меояд, аммо ту худро сисола меғӯи? – гуфт – Қорӣ - Ишкамба* (МС, 127). - “*You’re still wet behind the ears, and here you are pretending to be thirty!*” *piped up Kori – Ishkamba* (DML, 302).

Единица *аз даҳонат бӯи шир меояд* (досл.: твой рот (всё ещё) пахнет молоком) имеет значение маленького, молодого и неопытного человека. Для выражения значения единицы оригинала переводчик приводит интересную аналогию *You’re still wet behind the ears*, которая, хотя полностью передаёт смысловое содержание таджикской единицы, но по структуре имеет полное расхождение, т.е. в английской аналогии фразеологической единицы отсутствуют слова *ears* – уши, *wet* – мокрый, *за* – пас Если дословно перевести английскую единицу на таджикский язык, то получим следующее - *пушти гӯшҳои ту ҳанӯз ҳам тар аст* – (за твоими ушами всё ещё мокро), что, естественно искажает значение ФЕ и её нельзя будет считать фразеологизмом. Это подтверждает тот факт, что единице ИЯ подобрана в ПЯ аналогия, а не эквивалент. Дословный перевод таджикской единицы на английский язык также не дал бы убедительного результата: *your mouth is still smelled with milk*. Такая форма ничего не сообщает английскому читателю, так как для выражения данного значения в английском языке существует вышеупомянутая единица. Следует констатировать, что в языках понятия могут быть одинаковыми, но формы их выражения могут отличаться друг от друга, ибо для выражения отдельных понятий каждый народа располагает своими специфическими средствами.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что аналогии фразеологических единиц предполагает только смысловое сходство, а лексический их состав может быть совершенно разным.

Выбор аналогий как способа перевода в отдельных случаях имеет свои положительные и отрицательные стороны. Положительный аспект

заключается в том, что не все ФЕ оригинала могут быть «переводимыми», т.е. они являются «непереводимыми». Поэтому использование аналогий придаёт тексту перевода фразеологическую окраску. Отрицательный аспект заключается в том, что чрезмерное их использование в рамках одного и того же текста может исказить его национальную окраску, особенно художественного. В связи с этим при использовании данного способа переводчику следует соблюдать определенный баланс.

Смысловой перевод. Среди собранного иллюстративного материала имеются такие единицы, которые переводчик переводит на смысловой основе в различных формах. Рассмотрим некоторые из них:

«Векселаш чи бало бошад, мабодо дар зери ин коса нимкосае бошад, мабодо кори маро ин вексель бадгар кунад» гуён дар дили худ меандешид ва гоҳо дар дили худ худро тасалли меод (МС, 141).- “What kind of fowl is this promissory note” he wandered to himself. “Is there not some trap here? Might I not be jumping out of the frying pan and into the fire?” (DML, 323).

Дар зери коса нимкоса – (досл.: маленькая пиала под большой чашей) означает тайну, обман, ловушку, попасть в ловушку, быть обманутым или прятать что-либо от других. Единица переведена на английский язык так: *Is there not some trap here*. Предложение в переводе свободное и не имеет формы фразеологии, но полностью передает её смысл. Этому особенно способствует слово *trap* – ловушка, капкан, которое является ключевым словом и более полно раскрывает значение таджикской фразеологической единицы. Здесь мы наблюдаем смысловой перевод, результат которого можно считать удачным, так как хорошо передаёт особенность контекста. С целью более полного раскрытия смысловых оттенков контекста и доведения смысла единицы оригинала до читателя, переводчик в своем тексте использует и другую единицу - *jumping out of the frying pan and into the fire*.

В предлагаемом ниже предложении мы наблюдаем другой вариант перевода данной единицы:

... мулохиза карда дар шубха афтод, «мабодо дар зери ин коса нимкосае бошад» махсади ҳарифон ба даст афтондани ман бошад» гуфта дар дили худ

андешид ва бо ҳамин мулоҳиза аз деҳкон пурсид (МС, 106). -*Might there not be some trick here? To dispel his doubts, he asked...* (DML, 274).

Как видно из английского перевода, переводчик, трансформируя структуру предложения, использует синоним слова trap – trick. Такой подход позволяет избежать повтора смыслового перевода одной и той же единицы и, как видим, в обоих случаях значение единицы не искажается, наоборот, переводчик успешно достигает свои цели.

Ман дар ин коҳиш акаамро ҳакнок медонистам, лекин гарданам ёрӣ намедод, худро дар пеши у гунаҳкор шуморам (Ё, 23). -*I knew he was right, but my pride kept me from admitting it, so I asked him* (В, 24).

В данном предложении автор произведения использует ФЕ *гарданам ёрӣ намедод*, что означает сохранять честь и достоинство. Данная единица также подвержена смысловому переводу: *My pride kept me from admitting it*. Значение слова *гардан* (шея) единицы оригинала передаётся в английском языке через слово *pride*, что означает гордость, честь. Если перевести данную единицу дословно, то она потеряет свой первоначальный смысл. Например, *My neck does not help (allow) me*. Отсюда можно сделать вывод о том, что применение переводчиком смыслового перевода в данном контексте уместно.

Баъд аз он ки падар ҳикояи кори худро кард, гуё ки аризааш натиҷаи амалӣ дода бошад, рӯҳаш баланд ва рӯяш кушода шуд... (Ё, 71). -*And when father said that, he seemed sure that his labors had already borne fruit, for his face was not cloudy like before...* (В, 81).

В данном предложении наше внимание привлекают единицы «*аризааш натиҷаи амалӣ дода бошад*» (будто его заявление дало практический результат) и «*рӯҳаш баланд ва рӯяш кушода шуд*» (выглядел довольный и веселый). Хотя первая единица не является столь образным выражением и не содержит особых иносказаний, перевод её получился интересным: *his labors had already borne fruit*. Первая часть второй единицы - *рӯҳаш баланд бошад* - осталась без внимания переводчика и не выражена на языке перевода, в то время как вторая часть этой единицы - *рӯяш кушода* передана весьма образно

и интересно: *his face was not cloudy like before*. Оставление части *руҳаш баланд* без перевода не скажется на фразеологической окраске текста, так как мастерски осуществленные переводы единиц *аризааш натиҷаи амалӣ дода бошад* - *his labors had already borne fruit* и *his face was not cloudy like before* очень полно передает значение отрывка и компенсирует некоторые вполне оправданные потери.

Худат рафтагир! Туро гург намехурад (Ё, 28). - *You can go by yourself - don't be afraid* (В, 30).

Переводчик перевёл данную единицу описательным переводом: *Don't be afraid* - т.е. значение выражения «гург нахурдан» (волк не съест) – это не бояться ничего. Однако в другом предложении эта же единица переведена совсем по-другому. *Маро гург нахӯрд* (волк меня не съел) - *I'm still in one peace!* Во втором примере переводчик прибегает к смысловому переводу. Отсюда явствует, что для выражения одной и той же единицы в разных случаях, в зависимости от контекста, переводчик использует разнообразные приёмы, что свидетельствует о его творческом подходе.

Буквальный перевод. Буквальный, или дословный перевод пользуется большой популярностью у переводчиков при переводе ФЕ. Он используется обычно в тех случаях, когда другие способы перевода передают значение ФЕ не совсем точно и полно. В подобных случаях задача переводчика заключается в том, чтобы донести до читателя художественную сущность ФЕ. В самом деле, есть группа ФЕ, общий смысл которых вытекает из значения составляющих их слов, т.е. буквальный перевод возможен тогда, когда удаётся донести до читателя общий смысл единицы, а не значение отдельных её слов. Например:

Бо шунидани ин гуна «тасаллӣ» алами ӯ дучанд мешуд, ва «ба болои сӯхта намақоб» рехтагӣ барин фарёд мекашид ва шунавандагонро дашном дода барои ёфтани шунавандагони дигар ба роҳаш давом мекард (МС, 162). - *Similar comforting did not ease his pain but increased his grief considerably, agitating him like salt poured on an open wound* (DML, 350).

В этом примере таджикская ФЕ дословно переведена на английский язык. В данном случае правильно выражается общее содержание единицы, и переводчик достиг своей цели. В пользу использования данного способа следует отметить, что в этом случае читатель переводного текста знакомится по нему способом мышления и другими категориями выражения мысли народа оригинала.

Перевод следующей единицы также представляет пример дословного перевода:

*Ман дар ин чо бо бачагон зинда дар гур шуда нишастаам, гуфта чавоб дод касе аз даруни хона ва аз даре, ки мо аз вай ба хона барои халвогири даромада будем, баромада ба падарам салом-алек ва вохурдӣ кард (Ё, 36).-
“Down here buried alive in this grave of sand with children!” (В, 40).*

Выражение *зинда дар гур* означает попадание человека в ситуацию, когда он окажется одиноким и беспомощным. Как видно из английского перевода единицы, переводчиком использован буквальный перевод и для полноты выражения добавляет слова *buried* – (хоронить) и *sand* (песок), что позволило переводчику усилить образность ФЕ в английском языке.

Описательный перевод. Среди ФЕ существует группа таких единиц, перевод которых невозможно осуществить подбором готовых соответствий – эквивалентов и аналогий. Они представляют собой уникальные элементы языка. Проблема их перевода находит своё решение в использовании других нефразеологических средств: толкование, сравнение, описание и т.д., т.е. ФЕ подвергается описательному переводу.

Выражение общего (основного) значения ФЕ другими свободными словами и словосочетаниями в тексте перевода называется описательным переводом. Рассмотрим примеры:

*Ин «оши чурғотнок» аст, хоҳед мехӯред, нахоҳед ба пеши сағони саҳроӣ (судхурони қишлоқ) мерезед, ихтиёр ба шумост! – гӯён аз чояш хест (МС, 107).
- Even five coppers is **substantial dish** for a city money – lender (DML, 276).*

В данном предложении единица «*оши чурғотнок*», которая использована в иносказательной форме, означает большую выгоду (ср. жирная еда), и

переведена на английский язык описательным способом: *substantial dish*. Для правильной передачи смысла данной единицы переводчик мастерски использует именно описательный перевод. Из обоих вариантов понятно, что речь идёт о каком-то весьма выгодном деле. Однако разница между ними заключается в том, что слово **ош**, которое означает национальное блюдо, не описывается. Это никак нельзя причислить к числу неудач переводчика, ибо здесь речь не идёт об этом слове, а о том значении, которое заложено в нём в данном контексте и правильно передано. Если представить, что переводчику удалось выразить эту единицу следующим образом - *substantial dish – traditional rise-pilav*, то становится очевидным, что в данном контексте в этом не было бы необходимости. Это исказило бы смысл самого предложения и отвлекло бы внимание читателя: *Even five coppers is substantial dish – traditional rise-pilav for a city money-lender*. Хотя само словосочетание в переводе не содержит национального колорита, однако оно хорошо передаёт общий смысл таджикской единицы.

... аз болои пули тоқияҳои ман муҳайё мешуда бошад, на дандони шумо меғутад ва на дандони ман (МС, 23). - *Tea for the sake of my unsold skull caps won't do either of us any good and it wouldn't be a good idea to go counting our chickens before they've hatched* (DML, 200).

В данном предложении автор использует ФЕ - *на дандони шумо меғутад ва на дандони ман* – в значении ни в вашу пользу, ни в мою пользу. При помощи использованной ФЕ - *to go counting our chickens before they've hatched* переводчиком сделана попытка передачи значения оригинальной единицы. Однако английская единица больше означает “Не считай цыплят, пока они не вылупились”. Переводчик не до конца уловил смысл ФЕ, использованной автором оригинала. Тем не менее, если более внимательно рассмотреть перевод предложения то можно обнаружить, что таджикская единица уже в начале предложения получила своё описание: *Tea for the sake of my unsold skull caps won't do either of us any good...* Не совсем понятна причина использования перефразированной английской пословицы в переводном тексте, так как по содержанию она не совсем вписывается в

контекст. Для уточнения отдельных моментов обратимся к русскому контексту, на основании которого предположительно создан английский текст:

Чай, который вы рассчитываете заказать на деньги, вырученные от продажи моих тубитеек, *не утолить ни вашей, ни моей жажды*.

Из русского текста также невозможно выяснить причину использования переводчиком вышеупомянутой английской ФЕ в переводном тексте. Русский перевод адекватно выражает значение единицы оригинала: *на дандони шумо меурад ва на дандони ман – не утолить ни вашей, ни моей жажды*. Смысл обеих единиц понятен. Однако перевод на английский язык данного контекста содержит элементы вольного перевода и немного отходит от формы и содержания таджикского и русского контекстов.

В конце данного раздела следует отметить, что рассмотренные способы передачи оставили свой след в общей теории перевода и очень важно и нужно использовать их относительно определенных языков. Переводчики сумели очень хорошо и умело использовать данные способы передачи, тем не менее в некоторых случаях ими были допущены некоторые неточности.

Так, проблема перевода безэквивалентных ФЕ решается, в основном, калькированием и описательным переводом.

3.8. Способы передачи пословиц и поговорок

Вопросы перевода пословиц и поговорок с одного языка на другой занимают особенное место в теории и практике перевода и рассматриваются в трудах отдельных ученых. Впрочем, приблизить перевод к оригиналу — цель любого переводчика. А близость «к подлиннику, — как отмечает В. Белинский — состоит в передаче не буквы, а духа создания» [200, с. 54]. В переводческой деятельности пословицы и поговорки являются одним из основных факторов приближения или отдаления от подлинника. Успех переводчика зависит от того, насколько он знаком с такими особенностями творений народа оригинала, как пословицы и поговорки, которые трудно передаются на чужой язык. При этом следует иметь в виду, что теорией перевода уже определены некоторые пути

решения этой проблемы. Так, практика перевода доказывает ту мысль, что «и неперебиваемое перебиваемо», о чём свидетельствуют способы решения данной проблемы, широко применяемые в переводческой практике.

В переводческой практике активно использовали способы передачи пословиц и поговорок с одного языка на другой, разработанные А. В. Федоровым. Им выделены три способа перевода пословиц и поговорок: «Во-первых, в ряде случаев возможна близкая передача наново пословицы или поговорки, воспроизводящая вещественный смысл составляющих ее слов и вместе с тем вполне сохраняющая ее общий смысл и характер как единой формулы, как фразеологического целого.... Другой тип передачи пословиц и поговорок представляв) известное видоизменение вещественного смысла отдельных составных частей словесной формулы подлиннике, не приводящее еще к совпадению с уже существующими в языке перевода пословицей, поговоркой, оборотом, но вызывающее впечатление сходства с существующими речениями этой категории... Третий способ — это использование в переводе пословиц, поговорок и вообще ФЕ, действительно существующих в языке, на который делается перевод [Там же, с. 163]. На наш взгляд, эти принципы могут служить основой при переводе пословиц и поговорок с одного языка на другой, поскольку они имеют обобщенный характер. Однако этим проблема перевода пословиц и поговорок полностью не решается, так как приведенные принципы не могут охватить все конкретные случаи переводческой деятельности. Теория и практика перевода располагает также и другими существующими прямо противоположными взглядами. Действительно, встречаются довольно противоречивые точки зрения относительно данной проблемы. Например, отдельные ученые, воспринимая пословицы и поговорки как неперебиваемые явления языка, считают, что «пословицы не переводят, они существуют параллельно» [105, с. 34]. Такой вывод не случаен. Понятие «неперебиваемости» пословиц и поговорок действительно имеет место в теории и практике перевода. Авторы книги «Неперебиваемое» в переводе» С- Влахов и С Флорин включают в эту категорию наряду, с пословицами и поговорками, ФЕ и слова, обозначающие

национально-специфические реалии [53]. Однако можно считать, что признание пословиц и поговорок непереводаемыми явлениями языка вовсе не означает, что их перевод действительно неосуществим, и они должны выпадать из поля зрения переводчика. Такое признание пословиц и поговорок носит условный характер. Это значит, что в практической работе переводчика применяются своеобразные приемы для осуществления более оптимальной передачи их «на язык перевода. С этой точки зрения для перевода пословиц и поговорок вызывается необходимость подбора существующих в языке перевода готовых единиц, в какой-то степени заменяющих единицы оригинала, что собственно и ставят на первое место вышеупомянутые авторы: «...При переводе пословиц намечается два пути, зависящие главным образом от характера самой пословицы (и от контекста): 1) Передача самостоятельным эквивалентом (или аналогом) и 2) перевыражением, аналогичным переводу нормального художественного текста. Перевыражая на ПЯ единицу пословичного типа, сохранять, прежде всего, некоторые формальные «особенности жанра» — лаконичность, афористичность, рифму и т. д., т. е, подбирать такое соответствие, которое бы напоминало пословицу и в переводе [Там же].

Возможности применения готовых соответствий прослеживаются также и в исследованиях других ученых. Л. К. Латышев пишет: «Функционально адекватные замены продуктивно используются при переводе метафор, пословиц, поговорок... [105, с. 119]. Тем не менее, практикой доказано, что готовыми соответствиями вся проблема перевода не исчерпывается, что подтверждается применением других способов передачи пословиц и поговорок. Кроме того не все единицы обеспечены в разных языках готовыми соответствиями, ибо это противоречило бы самой природе пословиц как национального элемента.

Встречаются случаи, когда наблюдается применение способа перевода на смысловой основе: Дон Кихот, умирая, говорит: в прошлогодних гнездах нет птиц нынешнего года: Смысл: К старому, возврата больше нет. Я перевел это так: «Новым птицам на старые гнезда не садиться» [139, с. 153].

Практика перевода подтверждает факт, что нередки случаи, когда переводчики в конкретных случаях прибегают также к поиску иных нефразеологических средств. Результатом таких поисков, на наш взгляд, и является обращение к такому способу перевода, как описательный, так как не существует предмета или понятия, которые не могли бы переводиться описательно. Используя этот способ, переводчики преследуют цель — передать, пусть даже не фразеологически, национальные особенности, своеобразное видение и отражение действительности, специфику образного мышления народа оригинала. Ибо данные элементы оригинала не всегда удаётся воспроизвести фразеологическими средствами. А пословицы и поговорки, как известно, сугубо национальны и могут заключать в себе слова, обозначающие национально-специфические реалии, особенности быта, культуры народа, создавшего их, что представляют особые трудности при решении задачи их перевода. На такую особенность пословиц и поговорок указывает и А. В. Федоров: «В отношении способов, какими пословицами и поговорками могут быть переданы на другом языке, возможна известная аналогия с переводом слов, выражающих специфические реалии» [200, с. 150].

Можно утверждать, что окончательный выбор способа передачи той или иной пословицы или поговорки диктуется рядом факторов, среди которых наиболее основным выступает контекст в широком понимании этого слова. Именно он способствует выявлению других особенностей пословиц и поговорок, которые играют важную роль в выборе конкретного способа, из числа, например, таких как: связь единицы с основным идейным содержанием художественного произведения в целом; стиль и индивидуальная манера писателя-автора оригинального текста; наличие образа в единицах; наличие национальной окраски; основные цели и задачи и индивидуальная манера переводчика, его стиль и подход к решению переводческих задач вообще и т. д. Вот что пишет по этому поводу немецкий специалист перевода Альфред Курелла: «Принцип решения... проблемы... сводится к тому, как воздействует подлинник: если воздействует непосредственно слово или непосредственно с ним связанное

конкретное понятие, если оно таково, что подчеркивает национальную специфическую черту, тогда я должен и могу его заимствовать. Например, красивая русская пословица «**Утро вечера мудренее**» сегодня уже воспринимается как немецкая - она полностью вошла в число немецких речений. Имеются и другие положения, когда это не только не нужно, но даже вредно, когда требуется лишь эмоциональный эффект, вызывающий мгновенную реакцию и столь же мгновенные ассоциации. В таком случае я должен взять пословицу из собственной **культурной и языковой сферы**, которая вызывала бы желательные ассоциации, даже если источник иной, чем в подлиннике. В каждом случае этот вопрос нужно решать исходя из того, с каким автором я имею дело, и для кого я перевожу» [139, с. 126].

На условность применения способов передачи пословиц и поговорок указывают и другие ученые: «Если русская пословица точно выражает мысль автора и вместе с тем не связана с реалиями русского быта, а буквальное воспроизведение оригинала в данном случае затемнило бы ее смысл, то мы вправе заменить ее адекватной русской пословицей...» [Там же, с. 152]. У болгарского писателя В. Петрова, переведившего произведения Шекспира, следующее суждение: «Когда мы располагаем образчиками нашей народной мудрости, болгарская окраска которых не слишком очевидна, их, я думаю, следует использовать. Но, может быть, и в этих случаях предпочтительнее перевести дословно английскую пословицу, если она образна и интересна, если может хорошо звучать и по-болгарски ...» [Там же, с. 477].

Все высказанное позволяет утверждать, что нет единого, универсального способа передачи, который полностью решал бы проблему перевода пословиц и поговорок. Как отмечал А.Л. Андрес, «В искусстве перевода, как и во всяком другом искусстве, не может быть готовых эталонов, раз и навсегда определенных правил и решений» [10, с. 128].

Между тем, можно охарактеризовать каждый способ перевода относительно круга его применения, дать пояснения на его условность. Для этого целесообразно рассмотреть приведенные способы в виде схемы, которая

благодаря приведенному обзору выглядит следующим образом; 1. Буквальный перевод. 2. Смысловой перевод. 3. Подбор готовых соответствий-эквивалентов и аналогов. 4. Описательный перевод. Наблюдения еще раз доказывают, что способы перевода, предложенные А. В. Федоровым, являются основополагающими, более универсальными, так как они весьма продуктивны в своем применении. Точки зрения других учёных лишь подтверждают возможности их применения или неприменения в конкретных случаях. Например, в первом способе А. В. Федорова легко можно обнаружить элементы буквального перевода, правда не всегда дающие положительного результата. Данный способ больше применяется по отношению к единицам, не заключающим в себе особые образы, иносказания. При его использовании переводчику следует быть осторожным с буквализмом, чтобы не исказить смысл отдельных слов и единицы в целом. Пословицы и поговорки легко поддаются буквальному воспроизведению, когда совпадают и стилистические, и грамматические функции в двух языках. Если буквальный перевод верный и выполнен качественно, он способствует обогащению языка перевода новыми единицами путем заимствования. В пользу преимуществ буквального перевода можно сказать и то, что он выступает как один из основных факторов формирования полных эквивалентов и интернациональных единиц.

Второй способ по этой же схеме можно приравнять к смысловому переводу. Применяется он преимущественно к единицам, не поддающимся буквальному воспроизведению.

Что касается третьего способа, то следует сказать, что имеется ряд ученых, взгляды которых совпадают с позицией автора данной схемы. Он применяется в основном по отношению к единицам, не имеющим национального колорита. Впрочем, когда правильно подобраны действительно полные эквиваленты, адекватно передающие смысл и построение единицы оригинала в язык перевода, то необходимость дополнительных поисков отпадает. Однако в отдельных случаях даже при наличии полноценных соответствий, в силу обстоятельств, вызываемых контекстом, переводчик все же может быть вынужден искать иные

способы решения проблемы. Весь вопрос заключается в том, что само нахождение полных эквивалентов — дело не из легких, так как их число может быть незначительным, а порой вообще отсутствовать.

Подбор аналогий как способ перевода имеет свои положительные и отрицательные стороны. Положительным можно считать то, что их применение придаёт переводному тексту фразеологическую окраску, ибо не все фразеологические формулы оригинала поддаются фразеологическому воспроизведению. Отрицательной стороной данного способа можно считать то, что его чрезмерное использование в рамках одного произведения стирает национальную окраску текста оригинала. Поэтому переводчику следует соблюдать определенный баланс при работе с ним.

Следует отметить, что в схеме А. В. Федорова не предусмотрены случаи использования описательного способа перевода, необходимость которого неопровержимо доказана переводческой практикой и имеющего теоретических сторонников (С. Влахов, С. Флорин). Нередки случаи, когда переводчики обращаются к этому нефразеологическому способу. Причиной такого обращения можно считать определенную цель, преследуемую переводчиком в конкретном случае: при помощи описательного способа переводчик попытается сохранить в переводном тексте национально-специфические образы, особенности категории мышления народа оригинала. Переводческий анализ пословиц и поговорок осуществляется в работе именно с точки зрения их применения в конкретных случаях и выбора отдельных оптимальных средств передачи их на язык перевода.

Таким образом, каждый из способов перевода пословиц и поговорок с одного языка на другой имеет свою специфику использования и во всех случаях важным считается конечный результат выбора конкретного способа. Разумеется, при этом переводчик исходит из требований контекста и различных национально-специфических, образных и стилистических особенностей переводимой единицы. Кроме того, культурные, исторические взаимоотношения и обрядовые сходства народов значительно облегчают понимание пословиц и поговорок друг друга. Например, таджикские и узбекские пословицы и поговорки более ближе друг

другу, чем, скажем, таджикские и арабские и, в свою очередь, таджикские с арабскими намного ближе, чем таджикские и английские пословицы и поговорки. В таком случае возможности перевода достаточно широкие. Если пословицы и поговорки разных народов по форме и содержанию далеки друг от друга, то возможности перевода, соответственно, ограничены. Степень употребляемости пословиц и поговорок в каждом языке не соответствует его историческим этапам. В дореволюционной таджикской прозе употребление пословиц и поговорок не было распространено столь широко. Ныне оно активизировалось под влиянием современной русской прозы. Иногда своеобразный способ использования писателем также ограничивает возможности выбора способов перевода. Например, писатели иногда используют пословицы в виде свободных синтаксических конструкций с сохранением лишь содержания единиц. В подобных случаях ничего не остается, как дословно воспроизвести единицу.

Примеры обратного перевода. Наряду с другими безэквивалентными единицами языка в рассматриваемых языках существует группа пословиц и поговорок, которые присущи одному из народов-носителей этих языков и тесно связаны с его национальными особенностями и выражают предметы, явления и факты, связанные с жизнью и деятельностью людей. Такие единицы, как правило, не имеют прямых соответствий в других языках. В самом деле, пословицы и поговорки представляют собой сугубо национальный продукт.

Целесообразно рассматривать вопросы перевода пословиц и поговорок на материале художественной литературы, так как именно в художественных произведениях данные единицы языка проявляют себя всесторонне, если выразиться образно, они становятся «более национальными» и «именно то богатство и национально-философская особенность, выражаемые в художественной литературе посредством пословиц и поговорок и фразеологических единиц, подчёркивает необходимость и актуальность

решения проблемы сохранения национальной окраски при переводе» [195, с. 10].

Обратимся к примерам.

I. Имеются единицы, которые непосредственно связаны с культурой и национальными особенностями людей-носителей их. Перевод таких единиц требует особого подхода.

Меғӯянд, ки дар мундӣ об хӯрдани кулол барин, дар идораи меъмории онҳо ниҳоят ҷой танг аст, шароити бобе нест (ФМ, ОМ, 409). - Перевод на русский язык: *Гончар пьет воду из черепка* (ЯШ, 136).- Как форма, так и содержание единицы сохранены в переводе. Для семантизации данной пословицы переводчик не стал использовать готовые соответствия русского языка из числа, например, таких: «сам кузнец, а ножа нет» ё «сапожник (ходит) без сапог» [274, с. 235]. Такой подход к элементам оригинала позволил переводчику сохранить восточную окраску.

Другой пример: *«Бо якраҳа баҳс кардан – мушт ба даравш задан»*, меғӯяд мақоли халқ (ФМ, К, Ҷ 2, 191; ФМ, М., 19). Известный таджикский прозаик Ф.Мухаммадиев неоднократно использовал данную пословицу в своих произведениях. В втором случае она выступает в форме «гирех ба бод задан».

Рассмотрим переводы на русский язык: «Спорить с упрямцем – все равно, что бить кулаком по шилу...» и «Спорить с упрямцем – все равно, что тубетейкой ветер останавливать» (Ф.М., ИП, 12; ФМ, НП, 61). В первом случае перевод оказался буквальным и сохранил форму и содержание единицы. Во втором случае очень интересно достижение переводчика. Им найден очень подходящий образ. Использование слова тоқӣ – тубетейка во второй части пословицы придает тексту перевода восточный колорит. Хотя в оригинале слово тоқӣ не использовано, такой подход переводчика свидетельствует о его осведомленности о национальных образах таджикского народа и его творческой работе и мастерстве.

Другой пример: - *Ман хазор бор ин корро кардан мехостам, аммо занони муйдарози ақлқӯтоҳ қабул намекунанд, «шумо Худоро ҳам фиреб медиҳед,*

куръон нахонда пули моро мегиред» мегӯянд (Ё, 58). Перевод на английский язык: “*But my wives – well, you know how the saying goes – long of hair short of mind. They won’t agree to such an arrangement*” (В., 245).

Поговорка *зани муйдарози ақлқӯтоҳ* (досл.: женщина с длинными волосами и с коротким умом) известна на востоке и имеет значение «безграмотного, неумного человека-женщины», т.е. женщина, по мнению некоторых обывателей, «неумна из-за длинных своих волос». Конечно, данная поговорка использовалась раньше по отношению к образованным женщинам, чтобы унижить их статус. Может быть в Европе существует такое мнение, однако переводчик перевел единицу дословно. Следует отметить, что общий смысл данной поговорки и её национальная окраска в общем доведены до читателя при помощи данного буквального перевода, а не подбора готового соответствия – эквивалента или аналога. Как уже было отмечено, перевод осуществлен буквальным способом и понятен английскому читателю.

Имеются единицы, содержащие в своём составе слова, обозначающие национальные понятия и колорит. Здесь имеются в виду слова-реалии.

Каждая отдельно взятая культура обладает своими словами, обозначающими национально-специфические реалии, не имеющие своих эквивалентов в языке и культуре других народов. Понятие или смысл ряда выражений иногда совпадают, но способы их выражения могут полностью или частично отличаться. Например, единица «ба дасти чап бархостан» имеет следующие соответствия в русском и английском языках: «встать с левой ноги» ва «to get out of bed by the wrong side». Выражение одного значения происходит тремя разными словами – рука, нога и сторона. Связь таджикского варианта со словом **рука** исходит из религиозной традиции таджикского народа. Дело в том, что перед сном обычно люди произносят следующее: хоб рафтан ба дасти рост, хезонӣ бо роҳи рост.... Таджикская фразеологическая единица происходит именно из данного длинного предложения.

Рассмотрим другие примеры. «Хайрият, ки дар байни мардум мақоли «гуфтаи муллоро куну кардаашро нақун» нағз паҳн шудааст» (ФМ, ОМ, 185). Перевод на русский язык: «Хорошо, что среди мусульман распространена пословица: делай так, как говорит мулла, но не делай так, как делает он...» (ФМ, УП, 134).

1. «*Чон хонаи мардум, на ғами обу на ғами ҳезум!*» гуфтаанд касони хирадманд, - гуфт Қорӣ – Ишкамба (МС, 57). («В гостях никаких забот о питье и еде», говорят мудрые люди, - сказал Кори Ишкамба).- “*Free bread is much sweeter than bread you’ve had to buy, as the wise say.*” (DML, 244).

2. ... то ки душмании онҳо ба ман зиёд нашавад ва, чунон ки гуфтаанд, «*то омадани табар кунда меосояд*» то аз дастам рафтани заминҳоям дар деҳа осуда зиндагӣ кунам (МС, 107). (Чтобы их злоба по отношению ко мне не увеличилась и, как говорится, «пока топора нет, дрова отдыхают», пока не отняли у меня землю, буду спокойно жить в кишлаке). - *Otherwise, while I’m looking for an axe, the tree will fall down of its own accord, as they say* (DML, 276).

Как видно, в переводе сделана попытка передать единицу дословно. В русском языке существует аналогичная пословица: «У попа два языка: один бога хвалить, другой людей дурить». При устном переводе достаточно ее использовать, однако с учетом идейного содержания художественного произведения и под влиянием экстралингвистических, культурно-религиозных особенностей переводимого текста переводчик выбрал именно такой, даже многословный, вариант перевода.

Действительно, имеются единицы, которые не входят ни в первую, ни во вторую группу, т.е. мало связаны с национальными особенностями оригинала и выражают «общечеловеческие понятия». Некоторые из них вовсе лишены национальной окраски и составляют группу эквивалентов, т.е. полных соответствий. - «*Ҳар кор як вақт дорад*» (Ё,36) - «*All in good time*» (В, 47).

По отношению к таким единицам использование эквивалентов и аналогий уместно и целесообразно. Пример: «*Хато кардед, азизам. Ман на тарафдори ину, на талабгори он. Лаблабуо каду - лаънат ба ҳарду*» (ФМ, К, 19). В ПЯ использовано готовое соответствие: «*Ошибаешься, милый! Я не заступаюсь ни за то, ни за другое: хрен редьки не слаще...*» (ФМ, НП, 11). Другой пример: «*Ба шир омада ба чон меравад, гуфтаанд*» (ФМ, 61). Перевод на русский язык: «*Правду говорят, горбатого могила исправит*» (ФМ, ЯШ, 136). Из анализа примеров явствует, что по указанным выше причинам переводчики используют готовые соответствия по отношению к единицам, мало связанным с национальными, культурными особенностями оригинала и независимо от контекста могут взаимозаменять друг друга. Нижеследующие примеры тоже из этой категории: «... *инҳо монанди сагу гурба ҳамеша ба якдигар душман мебошанд ва ба болои устухон мечанганд...*» (МС, 140). Перевод на английский язык: «... *they are natural enemies like dogs and cats and fight over every bone*» (DML, 321). – *Ҳанӯз аз даҳонат бӯи шир меояд, аммо ту худро сисола меғӯӣ? – гуфт Қорӣ-Ишкамба* (МС, 127). Перевод на английский язык: “*You’re still wet behind the ears, and here you are pretending to be thirty!*” *piped up Kori – Ishkamba* (DML, 302).

В переводе пословиц и поговорок и фразеологических единиц художественного произведения важны два момента: а) национальная особенность самой пословицы или поговорки и б) национальная особенность самого художественного произведения в целом, выражаемая отдельными единицами.

Так, одна пословица может быть переведена с одного языка на другой разными способами. Существует ряд факторов, влияющих на окончательный выбор способа перевода, среди которых наличие национальных, культурно-религиозных особенностей оригинала.

Анализ примеров на основе текста художественной литературы показывает, что из имеющихся способов перевода пословиц и поговорок с одного языка на другой, в зависимости от культурных факторов, самыми

продуктивными являются буквальный и смысловой способы перевода. Относительно единиц, которые не содержат в себе особой национальной окраски и близки к интернациональным единицам, больше подходит подбор готовых соответствий как способ перевода.

При устном переводе часто спасают положение готовые соответствия, а в тех случаях, когда таковые не обнаруживаются, или когда в нужный момент переводчик не может подобрать нужное соответствие, употребляется описательный перевод, правда, в таком случае значение пословицы или поговорки должно быть понятно переводчику. Устный переводчик не имеет возможности обращать должного внимания и передачи со всеми национальными особенностями или доведения до сведения слушателя культурных элементов единицы подобного класса, поскольку устный перевод носит оперативный характер. Например, при переводе предложений, содержащих слова, обозначающие национально-специфические реалии – курутоб, Наврӯз и др. – у устного переводчика будет время, чтобы только упомянуть «a Tajik national dish» или «a Tajik national holiday». С этой точки зрения письменный перевод располагает достаточно большими возможностями, чтобы поместить более подробную информацию в сносках или в комментариях к тексту.

3.9. Способы передачи безэквивалентных грамматических единиц

В современный период развития языкознания таджикское переводоведение привлекает серьёзное внимание специалистов отрасли. Как отмечает один из известных западных переводоведов, «Хорошая теория опирается на информацию, взятую из практики. Хорошая практика опирается на теорию, разработанную с осторожностью – обе взаимосвязаны» [243, с. 130]. В настоящее время, когда Республика Таджикистан устанавливает прямые всесторонние связи с другими странами мира, особенно англоговорящими, и нуждается в переводчиках разных языков, особенно английского языка, уделение особого внимания на специальные исследования в целях развития данной науки – требование времени.

Одна из главных проблем при переводе с английского языка на таджикский язык связана с отсутствием ряда английских грамматических категорий и единиц в таджикском языке. В самом деле, существуют отдельные грамматические структуры и категории, присущие только английскому языку.

В данном разделе попытаемся определить и проанализировать грамматические единицы английского языка, которые не имеют прямых однотипных соответствий в таджикском языке и могут вызвать ряд серьёзных трудностей для переводчиков.

Следует отметить, что отсутствие однотипных грамматических категорий в разных языках не означает невозможность решения проблем перевода в тех или иных случаях, так как при переводе речь не должна идти о переводе грамматических форм, а необходимо учитывать значение и функции таких единиц с тем, чтобы перевод получился адекватным. Поэтому “перевод той или иной безэквивалентной грамматической единицы должен начинаться с их семантического и функционального анализа” [140, с. 40].

Одними из наиболее ярких грамматических явлений, присущих английскому языку, является наличие в нём определенного и неопределенного артиклей “the” и “a (an)”. Хотя в таджикском языке существует категория определенности/неопределенности имени существительного (артикуль “е” и другие способы выражения), способы использования и функции данной категории в двух языках коренным образом отличаются. При переводе с английского языка на таджикский язык не всегда необходимо использовать артикуль для английских “the” ва “a (an)”. В большинстве случаев артикуль “the” при переводе опускается: *On the surface it did not seem likely that Franklin Delano Roosevelt would grow up to change the world (S.S., 9) - Зоҳиран ба назар намерасид, ки Франклин Делано Рузвелт ба воя расида, ҷаҳонро тағйир медиҳад, You may address me as the Count Von Kramm, a Bohemian nobleman (A.Sh.H.,9). – Пиндоред, ки ман граф фон Крамм, дворянини Богемия ҳастам (Ҳ.д.б.Ш.Х.,58).*

Артикль «а (an)» как средство выражения неопределенности при переводе на таджикский язык относительно устойчив и имеется ряд случаев, когда он должен сохраняться, хотя также встречаются случаи, когда нет необходимости сохранить и её в тексте перевода.

Например: The front room was plainly furnished as a sitting-room, and led into a small bedroom, which looked out upon the back of one of the wharves (A.Sh.H., 135). – Даҳлез шакли меҳмонхонаро дорад, дар шафати хонаи хоби начандон калон воқеъ гардидааст, ки тирезаи он ба майдони пушти яке аз верфъҳо (чоӣ таъмири киштиҳо) кушода мешавад (Ҳ.д.б.Ш.Х., 86).

Из предложения ясно, что оба неопределенных артикля не сохранены в переводящем языке, а их грамматическое значение понятно из содержания текста. Как отмечалось выше, наблюдаются случаи, когда артикль «а (an)» сохраняется при переводе, так как в таджикском языке есть аналогичное средство выражения:

I leave a photograph which he might care to possess, and I remain, dear Mr. Sherlock Holmes, very truly yours, Irene Norton, nee Adler (A.Sh.H., 27). – Ман дар ин чо расми дигареро мемонам, ки шояд онро эҳтиёт кардан ба вай гуворо бошад ва Мистер Шерлок Холмси азиз, каминаи камтарини шумо Ирэн Нортон, зодаи Адлер (Ҳ.д.б.Ш.Х., 75).

Следует также обратить внимание на особые случаи использования артикля «а (an)». В отдельных случаях он используется с собственными именами существительными и выражает принадлежность лица к тому или иному семейству. Например:

“I am a Roosevelt”, she informed the doctor (S.S., 21). – «Ман аз Рузвелтҳо ҳастам», духтурро огоҳ кард ӯ.

Именно тот факт, что артикли «the» ва «а (an)» в большинстве случаев не переходят в переводящий язык, в данном случае таджикский, за исключением некоторых случаев с использованием «а (an)», даёт основание считать их специфическими английскими грамматическими явлениями и относить их к категории безэквивалентных грамматических единиц.

Другой группой грамматических категорий, присущих только английскому языку, можно считать различные его инфинитивные формы. Поскольку инфинитив в английском языке является очень продуктивным и выполняет в предложении разные функции, создаёт серьёзные трудности для переводчика при переводе предложений с инфинитивными конструкциями. Поэтому целесообразно сначала провести синтаксический разбор предложения и выявить функцию, выполняемую инфинитивом, так как речь может идти не о переводе самого инфинитива, а о его функции в предложении. После определения синтаксической функции инфинитива можно будет перевести его значение либо также инфинитивной конструкцией в таджикском языке, либо любым другим средством, соответствующим по функции единице оригинала. Рассмотрим примеры:

Let me introduce you to Mr. Merryweather, who is to be our companion in to-night's adventure (A.Sh.H.,47).

В данном предложении инфинитив «to be» выполняет функцию глагольной части именного сказуемого в придаточном определительном предложении. Дословный перевод предложения на таджикский язык выглядит так: *Ичозат диҳед шуморо ба Чаноби Мерруэзер, ки дар саргузаштҳои имшабаи мо бояд шарик бошанд, муаррифӣ намоям.* В зависимости от контекста данное предложение может иметь и другие формы и существует реальная вероятность приобретения инфинитивом соответствующей формы: *Ичозат диҳед шуморо ба Чаноби Мерруэзер, ки дар саргузаштҳои имшабаи мо шарик хоҳанд буд, муаррифӣ намоям.* Или пример перевода из художественной литературы: «*Ичозат диҳед шуморо бо мистер Мерриуэзер шинос кунам. Мистер Мерриуэзер низ дар шикори шабонаи мо иштирок мекунад*» (Ҳ.д.б.Ш.Х.,20).

Другой пример: *Yes. We had occasion some months ago to strengthen our resources, and borrowed, for that purpose, 30,000 napoleons from the Bank of France (A.Sh.H.,50).* – *Ҳа. Якчанд моҳ пеш аз ин ба мо пули зиёдатӣ лозим*

шуда монд ва мо аз бонки Франция сӣ ҳазор наполеондор қарз гирифтаем (Ҳ.д.б.Ш.Х.,22).

В данном предложении значение инфинитива «**to strengthen (resources)**», который в качестве определения существительного «*occasion*» выражает значение «необходимости», выражено в таджикском языке сочетанием «пули зиёдатӣ лозим шуда монд» (понадобились дополнительные деньги).

В составе выражений с «*in order to*» инфинитив всегда выполняет функцию обстоятельства цели:

I must remember to eat the tune before he spoils in order to keep strong (O.M.S.,48). – Ман бояд хурдани моҳиро пеш аз вайрон шуданаш фаромӯш накунам, то ки бемадор нагардам (ПБ.,49). Первый инфинитив выполняет функцию дополнения, а второй, как было указано выше, - функцию придаточного предложения цели.

Конечно, имеются случаи, когда английский инфинитив передаётся в таджикском языке инфинитивом: **To fulfil this plan is not an easy task** [35, с. 338]. – Иҷро кардани ин нақша кори осоне нест. Тем не менее, перевод инфинитива и инфинитивных конструкций с английского языка на таджикский язык зависит от их синтаксической функции.

Другую группу безэквивалентных грамматических единиц составляют так называемые абсолютные конструкции - «*absolute constructions*» или самостоятельные обороты английского языка. «*Absolute constructions*» - это грамматическая конструкция английского языка, которая не зависит от нормативных или синтаксических отношений других слов или элементов предложения и имеет свои распространенные члены и внутреннюю предикацию [84, с. 66]. В зависимости от значения и содержания предложения, перевод английских «*absolute constructions*» на таджикский язык осуществляется при помощи обстоятельственных придаточных предложений (причины, цели, времени и т.д.), деепричастных оборотов, сложносочиненных предложений и самостоятельных предложений. Обратимся к примерам:

1. *The room being too small, we moved to a large one* – азбаски утоқ хеле хурд буд, мо ба утоқи калонтар гузаштем (сабаб). 2. *Bryce-Green was sitting, with cigar held out and mouth a little open* (Г.Дж,82). – Брайс-Грин бо сигор дар даст ва даҳони андаке боз менишаст (тарзи амал). 3. *The sea being very calm, I kept a large offering to make this point* (R.C., 34). - *Ҳаво ором буду ман зимомии киштиро ба сӯи баҳри калон гардондам, ки аз пеши димога чарх зада гузарам (чумлаи мураккаби пайваст) (P.K., 25).*

Самостоятельный оборот с предлогом «with» также весьма распространён в английском языке:

The first thing I made of these was a great cap for my head, with the hair on the outside, to shoot off the rain (R.C.,149). - *Ман, аз ин рӯ, аввал ба худ кӯлохе дӯхта гарифтам, ки рӯи мӯинааш ба берун буду аз борон боке надошт (чумлаи пайрави муайянкунанда) (P.K.,91).*

Один из наиболее простых способов перевода таких конструкций заключается в том, что некоторые самостоятельные обороты английского языка при разных подлежащих главного и придаточного предложения можно передать в форме придаточных обстоятельственных предложений. После восстановления формы придаточного предложения появляется реальная возможность для перевода. Например, первое предложение, главное и придаточное предложения которого имеют разные подлежащие, может иметь и такую форму: *Since the room was too small...*; А когда главное и придаточное предложения таких конструкций имеют одно подлежащее, перевод будет иметь форму второго примера. Правильное распознавание и определение данной конструкции в составе предложения также способствует выбору наиболее оптимального способа передачи.

В английском языке встречаются некоторые конструкции, которые представляют трудности не только для перевода, но и для понимания предложения в целом. В случае правильного понимания и распознавания их можно передать известными способами. Такие конструкции называются «Causative constructions» - каузативные обороты. Они побуждают человека к

совершению какого-либо действия. Предложения с такими конструкциями создаются при помощи глаголов «to make», «to force», «to cause», «to have», «to get». Рассмотрим ряд примеров:

1. *If you could try and **get** her to talk* (F.J.). – Агар шумо метавонистед сайъ кунед ва ёро ба гап дароред. 2. *Her mother **made** herself responsible for his education* (S.S.,9). – Модараш худро барои таҳсилоти ӯ масъул мекард. 3. *It was she who first **got** him interested in stamp collecting, bird watching and natural history* (S.S., 11). – Маҳз ӯ буд, ки вайро ба чамъоварии мӯҳру нишонҳо, мушоҳидаи паррандаҳо ва табиатшиносӣ шавқманд карда буд.

Значение «побудить к выполнению какого-либо действия» также выражается при помощи следующих схем: Verb+smb+to/into/out of+smth (or doing smth.): to talk somebody into/out of something – касеро ба ичро кардани/накардани коре розӣ кардан; to laugh somebody out of a habit – касеро бо масхара аз ичрои коре даст кашондан.

Другими конструкциями, вызывающими затруднения при переводе с английского языка на таджикский, являются так называемые сравнительные обороты. Они выражаются при помощи неопределённых местоимений «any», «anybody», «anything», наречий «ever», «anywhere» после «as...as» и обозначают степень сравнения, а не сравнение как таковое. Определение их в тексте английского языка несколько трудно, поскольку их легко перепутать с похожими оборотами с близкими значениями. Рассмотрим примеры с данными сравнительными оборотами:

1. *The Senator knew common and criminal law, **as well as** any citizen of his State* (Д.Т.,20). - Сенатор ҳуқуқи оддӣ ва ҷиноятиро, эҳтимолан, аз шаҳрвандони Штати худ дида беҳтар медонист. Перевод в форме «мисли ҳар шаҳрванди Штати худ хуб медонист», на наш взгляд, неправильный.

2. *In 1891, it was a flourishing institution, perhaps less restrictive than before, but still **as smart and aristocratic as any club** in London* (Г.Дж.,74). - Дар соли 1891 ин, шояд, муассисаи пешрафтаи аз гузашта кушодатар, вале ҳамоно аз ҳама боҳашаматтарин ва ашрофонатарин будааст. Перевод в форме «... вале ба мисли ҳар клубе дар Лондон ҳамоно боҳашамат ва ашрофона будааст»

вызывает сомнение. Такие конструкции трудно распознавать в тексте и нередко читатель или переводчик путает их с обычными сравнительными формами. Например:

I was not so much surprised with the lightning, as I was with a thought which darted into my mind as swift as the lightning itself! (R.C., 67). Ман аз раъду барқ он қадар дар ҳайрат набудам, зеро дар майнаам фикре доштам, ки **мисли ҳамон раъду барқ тез бе сарам зада буд.** В данном предложении мы наблюдаем обычное сравнение. У данного предложения есть интересная версия в таджикском переводе: *Дар ин ҳеч ҷои ҳайрат набуд ва ман аз худи раъду барқ хавфу харосе надоштам, балки андешаи дигаре маро саҳт ба изтироб андохт, ки аз барқ тезтар ба миям таъсир кард* (Р.К.,44). В переводе мы не наблюдаем ни вариант перевода, рассматриваемого нами, т.е. превосходную степень прилагательного, ни обычное сравнение, а другую форму – сравнительную степень прилагательного, и такой результат переводчика художественного произведения приемлем с точки зрения художественной окраски и усиления мысли и значения высказывания. В следующем предложении чётко прослеживается сравнение: *He (Roosevelt) was sixteen and to Eleanor he looked as handsome as a matinee idol in his evening clothes* (S.S., 34). – *Ў (Рузвелт) шонздаҳсола буд ва бо либоси шомгоҳиаш ба назари Элианор мисли ҳунарпешаи маъруфу маҳбубе хушқадуқомат менамуд.*

Чтобы не допустить ошибок при переводе упомянутой грамматической конструкции английского языка, для выражения превосходной степени прилагательного важно обратить внимание на два момента: 1) с точки зрения внешней формы данной конструкции, т.е. в сочетании «as...as» после второго «as» использование слов «any», «anybody», «anything» ва зарфҳои «ever», «anywhere» и 2) правильное понимание значения конструкции по тексту. При отсутствии указанных слов сочетание «as...as» выражает сравнение.

Другой немаловажной проблемой при изучении и использовании английского языка и перевода с него на таджикский язык, связанной с

грамматическими особенностями, является умение правильно «распознавать» и «диагностировать» структуру предложения, а также, вследствие этого, правильно понять значение, передаваемое предложением той или иной конструкции. Действительно, в большинстве случаев для неопытных таджикских переводчиков английского языка понятны отдельные слова и даже словосочетания, однако у них возникают трудности, когда им предстоит уловить передаваемую мысль, правильно определив при этом отношения членов предложения. В конечном итоге им не удаётся полноценно воссоздать английское предложение в таджикском языке. Процесс изучения английского языка доказывает тот факт, что причиной этому является «недостаточное понимание отношений между структурными компонентами предложения (субъекта, предиката, определения, причины, цели, условия и т.д.) в синтаксическом составе языка» [122, 79].

С этой точки зрения представляется необходимым знание структурных особенностей предложений английского и таджикского языков, так как это способствует правильному пониманию и качественному переводу предложения.

Вкратце рассмотрим структурные особенности предложения в английском и таджикском языках.

Как правило, предложения в рассматриваемых языках структурно представляют простые и сложные конструкции. Основу сложных предложений составляют простые предложения. Простые предложения составляют отдельную синтаксическую категорию и имеют особые грамматические признаки, отличающие его от других синтаксических единиц. Основным признаком предложения является его коммуникативный аспект [270, с. 205].

По мнению А. Реформатского, все сложные предложения образуются от простых предложений [154, с. 334]. Например:

1. Простое предложение с самостоятельным оборотом:

The woman standing near the window is my sister

2. Сложно-подчинённое предложение:

The woman who is standing near the window is my sister.

Из примеров становится очевидным, что первое предложение с «причастным оборотом» представляет собой пример предикативно-атрибутивной синтагмы (The standing woman near the window is my sister), а второе предложение показывает, что из простых распространенных предложений легко можно сконструировать сложное предложение. В таджикском языке также можно наблюдать такие случаи:

1. Простое предложение с самостоятельным оборотом:

Зани дар назди тиреза истода хоҳари ман аст.

2. Сложно-подчинённое предложение (с одним придаточным предложением):

Зане, ки дар назди тиреза истодааст, хоҳари ман аст.

Приведенные примеры подтверждают, что в обоих языках способы выражения простого распространенного предложения и образование на их базе сложно-сочинённых и сложно-подчинённых предложения совпадают. Отсюда явствует, что сложное предложение в рассматриваемых языках образуется от простых предложений, т.е. простое предложение считается реальным источником сложного предложения [303, с. 32].

В английском и таджикском языках основу простых двусоставных предложений составляют подлежащее и сказуемое, т.е. в обоих языках подлежащее и сказуемое считаются важнейшими членами предложения. Подлежащее является относительно самостоятельным членом предложения. Сказуемое как один из главных членов предложений подчиняется подлежащему и поясняет его с какой-либо стороны. Рассмотрим примеры из переводной художественной литературы:

The voice of John Reed called me. Then he paused. He found the room empty (JE, 2). - *Эй ту гирёнчак!*- овози Чон Рид танин андохт; синас *ӯ хомӯшӣ варзид*; *ҳуҷраро холӣ ёфт* (ҶЭ, 7).

В оригинальном предложении приводится три простых двусоставных предложения. В первом предложении слово *the voice*, а во втором и третьем предложениях слово *he* являются подлежащими, а слова *called*, *paused* и *found* являются сказуемыми предложений, которые выражены в прошедшем времени.

Хотя сказуемое и подчиняется подлежащему, при его исключении полностью теряется смысл предложения. В первом предложении переводов наблюдается изменение и повествовательная форма предложения преобразована в восклицательную форму, хотя смысл предложения остается неизменным. Второе предложение в двух языках имеет одинаковую форму. Такое сохранение формы не нарушает грамматические правила таджикского языка. Третье предложение, которое в оригинале является простым двусоставным предложением, в переводе трансформировалось в простое односоставное предложение, т.е. его подлежащее в таджикском предложении материально не выражено. Такое явление присуще практике перевода и отвечает грамматическим требованиям, так как данное подлежащее легко восстановимо из контекста, из предыдущих предложений.

Другой структурной формой простого предложения в рассматриваемых языках является их деление на распространенное и нераспространенное простое двусоставное предложение.

Общеизвестно, что простое предложение, состоящее только из главных членов предложения – подлежащего и сказуемого – называется простым двусоставным нераспространенным предложением [81, с. 360].

Простые двусоставные нераспространенные предложения в таджикском и английском языках имеют одинаковый способ выражения и при переводе могут сохранить свои структурные особенности. Например:

Рег кӯчида истодааст, - як бача аз болои хомаи рег бо оҳанги ҳаяҷономез гуфт (Ё, 30).- “*The sand is moving!*” shouted one of the shepherds from the top of a dune (В, 35).

Первая часть данного предложения представляет собой простое двусоставное нераспространенное предложение и сохранена в переводе в этой же структуре без искажения смысла. Слова “*the sand*” и «*рег*» являются подлежащими, а слова «*кӯчида истодааст*» и “*is moving*” – сказуемыми предложений.

По мнению Б.Камолидинова, для выражения семантических и грамматических отношений и более полного выражения мысли наличие только главных членов предложения недостаточно. Для этого нужны второстепенные

члены предложения, выражающие определительные, объектные и обстоятельственные отношения и дополняющие мысль [275, с. 43].

Речь идёт о том, что в простых предложениях, кроме главных членов, могут присутствовать поясняющие и дополняющие главные члены предложения элементы, в результате чего простое двусоставное предложение становится распространённым. Такой процесс в рассматриваемых языках происходит одинаково. Рассмотрим примеры:

1. «*Lestrade laughed indulgently*» (A.Sh.H., 86). - «*Лестрейд бо илтифоти мағрурона табассум кард*» (Ҳ.д.б.Ш.Х., 35).

2. “*You`ll see your pal again presently*” (A.Sh.H., 52). - «*Шумо ҳозир ҷураатонро мебинед*» (Ҳ.д.б.Ш.Х., 16).

Первое предложение в обоих языках распространено за счёт обстоятельства образа действия *indulgently-мағрурона*, а второе – за счёт дополнения *your pal-ҷураатонро*.

Анализ показывает, что, несмотря на ряд общих черт с точки зрения выражения, наблюдается различие в функции и назначении их: если в таджикском языке в полноценности значения предложения важную роль играет подлежащее, то в английском языке такая функция больше присуща сказуемому.

Простые двусоставные распространённые и нераспространённые предложения в английском и таджикском языках образуются согласно общим грамматическим правилам этих языков.

Таким образом, знание общего и частного в структуре предложений английского и таджикского языков способствует повышению качества переводов в рамках двух языков.

Поскольку круг грамматических категорий и форм, присущих английскому языку, не ограничивается упомянутыми выше элементами, и даже при наличии “однотипных” грамматических категорий между английским и таджикским языками их практическое применение отличается, особенно способы перехода их с одного языка на другой с различными своими лексическими и грамматическими оттенками, то необходимы более

подробные дополнительные исследования упомянутых грамматических явлений и других грамматических средств английского языка.

«Грамматические законы и парвила каждого языка функционируют только в рамках своей структуры» [279, с. 133] и грамматика таджикского языка способна прямо или косвенно выразить различного рода грамматические значения и понятия как английского языка, так и других языков. Задача переводчика, особенно когда он имеет дело со специфическими грамматическими единицами и элементами английского языка, заключается в первую очередь в правильном понимании и определении грамматического значения и нахождении прямого или косвенного соответствия в таджикском языке. В центре внимания переводчика должны находиться не грамматические формы, а лексические и грамматические значения языковых единиц. Грамматические ошибки в переводе оказывают негативное воздействие на логику текста.

3.10. Отражение таджикской безэквивалентной лексики в западных средствах массовой информации

После распада Советского Союза бывшие республики приобрели возможности прямого общения с другими странами. Журналисты из всемирно известных газет начали писать о жизни людей в странах региона, в том числе и Таджикистана. За последние двадцать лет на страницах западных газет появилось немало статей, посвященных событиям, фактам и другим аспектам жизни народа Таджикистана. Изучение способов использования таджикской безэквивалентной лексики в ряде западных СМИ представляет лингвистический интерес.

В данном разделе рассмотрим способы использования отдельных групп таджикской безэквивалентной лексики, из числа, например, географических названий, имён собственных, названий блюд и т.д., западными средствами массовой информации, а именно *The New York Times* (NYT), *The Guardian* (G) и электронные тексты *Radio Free Europe/Radio Liberty* (RFE/RL).

Следует отметить, что безэквивалентная лексика представляет трудности не только для перевода, но и для использования их при создании текстов не носителями языка и, что немаловажно, для не носителей языка.

Рассмотрим примеры:

По отношению к нижеследующим лексическим единицам неправильно применены транскрипция и транслитерация и нарушены правила их произношения:

1. “*A worker shoveled cotton onto a truck in a factory in **Shaartuz**, in southern Tajikistan*” (NYT, 14 Oct 2008).
2. “*A village and cotton fields near **Shartuz** both disappeared when irrigation ended there*” (NYT, 31 Aug 2008).
3. “*The **Nurek** dam is the world’s tallest. Another planned for **Rogun** will be even higher*” (NYT, 31 Aug 2008).

Как видно и примеров, приведённые топонимические единицы в английском варианте получили не совсем соответствующее оригинальному, таджикскому произношению обличье, поскольку здесь чувствуется влияние русского языка. Дело в том, что одна и та же газета *The New York Times* приводит два разных неподходящих варианта одного и того же слова - ‘Shaartuz’ and ‘Shartuz’, в то время как правильным вариантом должен стать вариант *Shahritus*, соответствующий его правильному произношению в таджикском языке, и не представляет особых трудностей для произношения англоговорящим читателем. Такие же рассуждения применимы и по отношению к словам ‘Nurek’ and ‘Rogun’, так как в таджикском языке нет слов «**Нурек**» и «**Рогун**», а есть *Норак* и *Рогун*. Следовательно, у них должны быть английские формы *Norak* и *Roghun*. Правда, с точки зрения русского языка формы «**Нурек**» и «**Рогун**» правильны и имеют право быть. Однако в данном случае о русском языке речь не идёт.

Географические названия *Tursunzade*, *Khudjand* (NYT, 03 Oct 2000), *Garm* (NYT, 22 Oct 1996), и *Shurabod* (NYT, 09 Jul 2011), и имя собственное *Tokhir* (G, 02 Jan 2012) и др. относятся к упомянутой выше группе, т.е. они использованы под влиянием русских версий, в то время как должны иметь следующие простые

и вполне соответствующие английские формы *Tursunzoda*, *Khujand*, *Gharm*, *Shuroobod*, and *Tohir*.

Действительно, встречаются ещё немало примеров, где транскрипция и произношение не напоминают ни о таджикской и ни об английской возможных формах слов, несмотря на то, что в них речь идёт о сугубо таджикских понятиях и, казалось бы, не имеют никакого отношения к формам, соответствующим нормам и правилам русского языка.

Следующие географические названия употреблены в русском облики:

1. *“But fighting between the opposition and Mr. Nabiyeu’s supporters, who are concentrated in **Khodzhent** and in the southwestern regions of **Kulyab** and **Kurgan-Tyube**, has increased in recent weeks, with several hundred Afghan Tajiks infiltrating across the border to fight for the opposition.”* (NYT, 8 Sep 1992).

2. *“Russian troops have started tactical military exercises at Russia’s **Lyaur** military test field near the Tajik capital, Dushanbe”* (RFE/RL, 19 Sep 2012).

Как видно из примеров, авторы данных статей, рассказывая англоговорящей аудитории о жизни таджиков, не всегда уместно употребляют русские варианты слов вместо их соответствующих правильных английских форм. Кроме того, то, о чём идёт речь в отрывках-предложениях, и оба языка не связаны с русским языком, и английский язык вполне располагает всеми средствами для фонетического оформления этих слов: *Khujand*, *Kulob*, *Qurghonteppa*, и *Lohur*.

Как правило, названия местностей, топонимия, и имена собственные, использованные в том или ином контексте, не нуждаются в особых комментариях, особенно если они известны или на них четко указывается в тексте. Однако следует иметь в виду, что их транскрипция и произношение должны в определенной степени сохранить колорит языка оригинала.

Использование ряда названий национальных блюд также подтверждает приведенные выше рассуждения:

1. *“A spokesman ... said residents of the regional capital, Khoruq, were offered pots of the national dish, **plov**, to express the president’s thanks for the welcome they had given him during a visit earlier this week”* (RFE/RL, 23 Sep 2012).

2. “*Kebabs of pure lamb fat, crisp and smoky, perfume every dining room. Platters of **plov** are enormous*” (NYT, 18 Jan 2006).

Приведенные выше слова не представляют особых трудностей для понимания англоговорящего читателя, так как они по мере необходимости в тексте снабжены авторами разъяснениями таджикской безэквивалентной лексики. Например, в английском тексте мы встречаем вспомогательные выражения, развивающие значение слов, типа ***national dish*** (национальное блюдо) и ***lamb fat*** (бараний жир), тем не менее, таджикские слова должны напоминать таджикские формы слов (***palov, kabob***), так как ни содержание статьи, ни сам её автор не имеют особого отношения к русскому языку.

Ниже приведём примеры неправомерного употребления русской транслитерации таджикских имён собственных, неоднократно использованных авторами из *The New York Times* и *The Guardian*:

1. “*It was the second time in four months that Dushanbe had changed hands in clan-based fighting between a broad alliance supporting the ousted President, **Rakhman Nabiye**v, and an Islamic-democratic coalition*” (NYT, 11 Dec 1992).

2. “*In a violent airport confrontation, the President of Tajikistan, **Rakhman Nabiye**v, was forced to resign today after more than a week of armed protests against his rule*” (NYT, 8 Sep 1992).

3. “*Ayombekov was given a government post as part of a UN-brokered peace plan that ended the country's 1992-97 civil war between President **Emomali Rakhmon**'s secular government and his mostly Islamic opponents*” (G, 24 Jul 2012).

4. “*President **Imomali Rakhmon** has ordered students at foreign religious schools to return home and told his security services to tighten control over religious education and mosques in Tajikistan, which he says are often used to foment radicalism*” (G, 2 Jan 2012).

Среди собранных примеров встречаются и такие, в которых наблюдается не только русский вариант произношения таджикских слов, но и использование в текстах русских синонимов отдельных таджикских слов:

1. “And warm chewy bread called *lepeshka*, like a huge bialy, keeps coming until you say stop” (NYT, 18 Jan 2006).

2. “Hundreds of mud-brick houses in several villages in the **Gorno-Badakhshansky** region were damaged” (G, 3 Jan 2010).

3. “Government troops take action in **Gorno-Badakhshan** province bordering Afghanistan” (G, 24 Jul 2012).

В первом примере под словом *lepeshka* автор, конечно, имеет в виду разновидность национального хлеба, лепешку, что вполне ясно из контекста. Однако, как известно, в таджикском языке нет этого самого слова, а есть слово *нон*. Русские формы **Gorno-Badakhshansky** и **Gorno-Badakhshan** в комментариях не нуждаются, однако следует упомянуть, что правильным и общепринятым английским соответствием данной административной единицы в Таджикистане является *the Badakhshon Mountainous Autonomous Province*.

Подобного рода неточности не должны иметь место, поскольку они могут создать прецедент для дальнейших ошибок и ненадлежащего использования безэквивалентной лексики, ибо Таджикистан сегодня является полноправным членом международного сообщества и сейчас настало время, чтобы топонимия нашего региона существовала в своём оригинальном и национальном облике с сохранением местного и национального колорита. Здесь следует оговориться, что сказанное никак не умаляет значение и роль русского языка в формировании и становлении современного таджикского языка, который обогатил свой словарный запас огромным количеством русской и интернациональной лексики, особенно в области терминологии различных отраслей. В данном случае речь идёт о формирующейся традиции использования национальных элементов таджикского языка англоговорящими пользователями языка, что должно соответствовать определённым правилам уже с момента начала такого процесса, а нынешнее состояние, на наш взгляд, и составляет такой начальный этап таджикско-английского и англо-таджикского языкового взаимодействия.

Наряду с этим следует отметить, что на страницах западных средств массовой информации мы наблюдаем надлежащее использование таджикской

безэквивалентной лексики, где соблюдаются правила транскрипции/транслитерации.

1. “*Villagers from **Bachamazor**, Tajikistan collect river water*” (G, 17 Feb 2010).
2. “*The captives are being held near **Obigarm**, 50 miles east of Dushanbe, the Tajik capital*” (NYT, 14 Feb 1997).
3. “*Juraboev heads a public school in the village of **Qarotogh**, west of the capital, Dushanbe*” (RFE/RL, 21.11.2012).

Географические названия **Bachamazor**, **Obigarm**, **Qarotogh** вполне понятны читателю по контексту и их транскрипция/транслитерация соответствует нормам произношения и написания английского и таджикского языков.

Представляются интересными случаи использования слова *somoni*, обозначающего национальную валюту: “For example, a jacket and pants cost 800 **somonis** (about \$170) but my monthly salary is 500.” (RFE/RL, 21 Nov 2012). В английских текстах мы обычно встречаем вариант *samani*. Тем не менее, автор предложения использовал его, максимально приблизив его произношение в таджикском языке и сохранив национальный облик таджикской безэквивалентной лексики в английской языковой среде.

Некоторые другие таджикские безэквивалентные слова, такие как географические названия - *Khujand* (NYT, 3 Sep 2010), *Qurghontepa*, *Kulob*, *Khorugh* (RFE/RL, 21 Sep 2012), и *Panj* (NYT, 27 Oct 2010; 9 June 2011; G, 12 Jan 2010), названия газет - *Ruzi Nav* и *Charoghi Ruz* (G, 3 Aug 2004), имена собственные - *Emomali Rahmon* (G, 24 Jul 2012); RFE/RL, 23 Sep 2012), *Marhabo Jabborova* (RFE/RL, 21 Nov 2012), *Bibisoro Sayidova* (NYT, 24 Dec 2008), *Ruhullo Juraboev* (RFE/RL, 21 Nov 2012) употреблены с соблюдением упомянутых выше норм транскрипции/транслитерации и правил произношения, и лишены каких-либо элементов, чуждых таджикскому и английскому языкам.

Подытоживая сказанное, хочется отметить, что одной из возможных причин, вызывающих фонетические неточности при использовании таджикской безэквивалентной лексики за пределами Таджикистана, является тот факт, что некоторые западные авторы пишут свои статьи, не приезжая в страну, полагаясь

на разговорные варианты таджикских слов. Если даже некоторые из них и посещают Таджикистан, они обычно общаются с людьми на улице и используют так называемый «уличный язык», который наполнен русскими словами и выражениями.

На первый взгляд всё это может казаться не столь важными аспектами применения языков, однако мы так не считаем. Более того, на наш взгляд, в лингвистике не бывает «мелочей», т.е. важных или неважных моментов, тем более, когда речь идёт об использовании уникальных, безэквивалентных единиц одного народа представителями других народов.

Вместе с тем, как наглядно показывают вышеприведенные примеры, отрадным является тот факт, что почти все упомянутые средства массовой информации на страницах своих изданий, наряду с некоторыми упомянутыми неточностями, использовали и правильные варианты одних и тех же таджикских безэквивалентных лексических единиц. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что в средствах массовой информации, особенно в таких авторитетных изданиях, как *The New York Times* и *The Guardian*, по всему миру работают журналисты и корреспонденты различного профиля и уровня квалификации и компетентности, и пишут они свои материалы, опираясь на свои собственные знания и опыт, зачастую отличающиеся от знаний и опыта своих коллег.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Специальное и всестороннее изучение английской безэквивалентной лексики с позиции носителя таджикского языка позволили сформулировать следующие выводы и заключения.

Настоящее исследование входит в число сопоставительных научных трудов, связь с переводом которых неразрывна и обоснована. В связи с этим, в нашей работе, наряду с теоретическим обзором и сопоставительным анализом, сделана попытка системного подхода, где вопросы безэквивалентной лексики рассматриваются как с учетом сопоставительного языкознания, так и с учетом концепций и постулатов теории перевода.

Так, человеческий язык является средством образования новых сообщений, новой информации, которые могут трансформироваться посредством этого же языка. Изменения определенного объема сообщений, которые происходят посредством перевода с одного языка на другой, являются особым атрибутом нашего языка. В языковой теории человеческий язык и особенно человеческая речь рассматривается как особый социальный навык и социальный феномен, как социальная коммуникативная универсалия.

Трудно представить человеческое общество без взаимоотношений социально-экономического, политического и культурного характера и соответственно представляется нелогичным в этом ракурсе игнорирование роли человеческого языка. В связи с этим, следует вывод о том, что монолитных языков не существует, и в каждом языке можно проследить влияние другого языка и если даже на миг представить наличие монолитного языка, то он обречен на изоляцию и постепенное исчезновение.

Исследования в области теории перевода и сопоставительного, типологического и сравнительно-исторического языкознания настолько взаимосвязаны, что без обращения к переводу трудно представить успешные исследования в области типологии, компаративистики и сопоставительной лингвистики.

Анализ и исследование вопросов переводимости и непереводимости выявляют определенные особенности языкового материала, таких как индивидуальность текста и эквивалентность переводимого текста. Степень переводимости и непереводимости определяется именно степенью эквивалентности и безэквивалентности, соответственно элементы эквивалентности и безэквивалентности тесно связаны с вопросами переводимости и непереводимости и именно эквивалентность определяет степень переводимости и доступности переведенного текста на другой язык. Универсальность мыслительных и познавательных категорий указывает на тот факт, что в человеческом языке всегда можно найти возможности перевода и трансформации сообщения с одного языка на другой. При этом основанием концепции переводимости является тот факт, что для всех говорящих на разных языках народов реальная действительность общая и едина. Поэтому действительная реальность в разных языках отражается с определенными изменениями и даже иногда с абсолютно одинаковыми или схожими явлениями. Следовательно, любое описание реальности на определенном языке возможно перефразировать и трансформировать другими языковыми средствами и способами на другой язык.

Переводимость является важным фактором взаимообогащения языков и обогащения разных культур, а в настоящее время, как показывает опыт, ещё и процессом относительной трансформации языкового материала с одного языка на другой.

Понятия переводимости и непереводимости охватывают более широкий круг вопросов теории перевода, в том числе проблемы эквивалентности и безэквивалентности.

К безэквивалентной лексике относятся лексические единицы языка оригинала, обозначающие такие понятия, процессы и обстоятельства, которые не имеют своих аналогов в лексической системе переводимого языка.

Основные проблемы безэквивалентной лексики заключаются в средствах отображения определенных культурных и национальных ценностей отдельного народа, имеющего своеобразные характерные черты культуры, склада мышления

и социальной жизни. Наряду с этим, другим важным отличительным свойством отдельно взятого национального языка являются неповторимые грамматические конструкции и типологические особенности этого же языка, что и отличает его от любого другого как близкородственного, так и языка, относящегося к другой семье или группе языков.

Развивая теорию безэквивалентной лексики, можно заключить, что под этим понятием подразумеваются те лексические единицы языка оригинала или переводимого языка, которые не имеют переводные заменители ни по содержанию, ни по структуре. Однако и подобные слова поддаются описанию и разъяснению в другом языке, и если это происходит не сразу, а постепенно, то они могут находить некие варианты определенной соответствующей передачи на другой язык.

Причины возникновения безэквивалентной лексики в научных трудах ученых и исследователей трактуются по-разному. Так, по мнению А.В. Федорова определенные стилистические особенности и стилистические задачи конкретного языка могут вызвать такие несовпадения. Как утверждает В.Н. Крупнов, безэквивалентная лексика появилась потому, что, во-первых, по той или иной причине в переводимом языке не имеется единого и постоянного соответствия, и, во-вторых, в переводимом языке те или иные лексические единицы вообще не существуют в силу отсутствия самих понятий.

К основным причинам существования безэквивалентной лексики можно отнести два основных фактора: 1) специфика самого языка, к которой можно отнести такие особенности как типологический строй языка, его лексический фонд, морфологические и синтаксические особенности; 2) склад и особенности культурной и социальной жизни народа, говорящего на этом языке.

Проявлению безэквивалентности способствует отсутствие сопоставимости лексического состава и синтаксической организации, невозможность семантической и синтаксической трансформаций лексического состава и структуры предложения языка оригинала и языка перевода. Кроме того, отсутствие непосредственных и прямых логических взаимоотношений, которые

стимулируют возникновение идентичности передаваемого сообщения, и минимальная общность содержания текста оригинала и его переводного варианта также усиливают уровень наличия безэквивалентности в переводе.

Некоторые ученые приравнивают понятие безэквивалентной лексики к понятию реалий. Мы придерживаемся мнения о том, что круг единиц, охваченных понятием «безэквивалентная лексика», не ограничивается только реалиями, однако им отводится особое место среди слов данного класса. Проведённый анализ показывает, что реалии английского языка, как специфическая составляющая безэквивалентной лексики, составляют самый большой процент английской безэквивалентной лексики.

Реалии олицетворяют тесную связь языка и культуры, которые настолько переплетены, что зачастую трудно определить границы между этими двумя направлениями науки.

В современных условиях вопросы перевода и переводоведения тесно связаны с проблемами как межъязыковых, так и социокультурных и аксеологических отношений различных народов мира. Новые вехи развития мировой цивилизации, бурно развивающиеся процессы глобализации, различного характера взаимоотношения и контакты межгосударственного, межрегионального, межнационального, межконфессионального характера, различные сети сотрудничества между сообществами, организациями и социальными группами в современном мире уже ставят перед наукой о языке в целом и переводоведении в частности новые задачи, выполнение которых является важным и значимым.

В настоящее время активность языковых контактов английского и таджикского языков не вызывает сомнений. С появлением реальных возможностей для прямого социально-экономического, политического и культурно-образовательного взаимодействия Таджикистана с англоговорящим миром и с присутствием и функционированием множества международных политических, экономических и общественных институтов в республике данный вопрос приобретает особую актуальность.

Проведенный анализ ещё раз доказал, что реалии составляют самый многочисленный и тематически разнообразный разряд безэквивалентной лексики. В проведённом исследовании представлены наиболее значимые группы английских реалий из числа таких, как: этнографические реалии, общественно-политические реалии, ономастические реалии и термины.

Сопоставительное исследование английской безэквивалентной лексики наглядно показало, что круг слов, охватываемый данным понятием, достаточно широк и далеко не ограничивается одними реалиями. В связи с этим, на основе классификации А.О. Иванова были выявлены и проанализированы и другие разряды английских слов, которых следует отнести к безэквивалентной лексике с позиции восприятия носителя таджикского языка. В их число нами отнесены следующие группы слов: семантические лакуны, фразеологические единицы, так называемые структурные экзотизма, сокращения, звукоподражательные слова, междометия. Здесь следует оговориться, что классификация, предложенная А.О. Ивановым, не включает в себя структурные экзотизмы. Данный термин был введен А.К. Гатиловой в связи с изучением немецкой безэквивалентной лексики в сопоставлении русским языком. Мы считаем, что в английском и таджикском языках, наряду с общими словообразовательными средствами, существует ряд способов словообразования, который отсутствует в одном из языков. Нами в основном рассмотрены английские структурные формы слов, которые экзотичны в отношении таджикского языка и, не имея прямых, односложных соответствий, требуют от переводчиков длинные пояснения их значения (*decision-maker, policymaker*). Использование прямых их соответствий в таджикском языке (*қарорқабулқунандагон, сиёсатмуайянқунандагон*) придаёт тексту, особенно официально-делового и информативного жанра, некий экзотизм, хотя такие редкие способы образования слов встречаются и в языке поэзии (ср.: *мушкилосонқункасонро гум макун*). Это, скорее, индивидуальный неологизм автора и не имеет ничего общего с распространенными в таджикском языке формами употребления слов.

Изучение типов английских структурных экзотизмов дает основание заключить, что словообразовательные возможности английского и таджикского языков различны, ибо, как мы убедились на рассмотренных примерах, в отдельных случаях невозможно создать средствами таджикского языка лексическую единицу, аналогичную по значению единице английского языка, что вызывает обозначение данного класса слов развёрнутым словосочетанием. Всё это, безусловно, влияет и на процесс перевода с английского языка на таджикский язык.

Другой проблемой, связанной с безэквивалентными единицами английского языка, является скудное их отражение в англо-таджикских двуязычных словарях. Хотя таджикская лексикография имеет свою давнюю историю, в данной отрасли предстоит сделать ещё очень многое. Арсенал современного англо-таджикского переводчика, к сожалению, также не отличается изобилием, разнообразием и полнотой охвата различных отраслей науки и видов лексикографических работ, в том числе достаточных для решения проблем безэквивалентной лексики. Имеющихся на данный момент англо-таджикских печатных и электронных словарей (А. Мамадназаров, П. Джамшедов и др.) явно недостаточно для качественного решения проблем, связанных с переводом, т.е. процесс отражения английских слов, особенно категории безэквивалентной лексики, в специальных таджикских словарях явно отстает от процесса бурного развития быстро меняющегося мира и не удовлетворяет потребности переводчиков. Им часто приходится решать проблемы перевода общей лексики в целом, безэквивалентной лексики в частности, при помощи англо-русских и русско-таджикских словарей, либо обращением к специалистам той или иной отрасли или к простым носителям языка оригинала. Переводчикам порой приходится в отдельных случаях, также создавать свои варианты переводов. Отсюда возникают разные варианты одного и того же слова или выражения, например, *brainstorm* – хучуми зеҳнӣ или тӯфони андеша; *feedback* – мулоҳизаҳои бозгаштӣ/аксуламал/натича/назарот и т.д.

Из вышеизложенного можно заключить, что проблема перевода английской безэквивалентной лексики на таджикский язык осложняется тем, что, во-первых,

больших англо-таджикских словарей как таковых не существует, и, во-вторых, имеющиеся словари по своему формату не в состоянии охватить тот необходимый объем, который бы решал проблему на должном уровне.

Другой немаловажной проблемой, связанной с безэквивалентной лексикой в рассматриваемых языках, является, на наш взгляд, отражение таджикской безэквивалентной лексики в англоязычных СМИ. За последние двадцать лет на страницах западных газет появилось немало статей, посвященных событиям, фактам и другим аспектам жизни людей в Таджикистане, однако не все из них соблюдают нормы произношения (транскрипции) и написания (транслитерации) таджикских территориально и национально-окрашенных слов. Анализ показывает, что подобная ситуация сложилась по разным причинам. Одной из причин, вызывающих фонетические неточности при использовании таджикской безэквивалентной лексики за пределами Таджикистана, является тот факт, что некоторые западные авторы публикуют свои материалы, не приезжая в страну, употребляя разговорные варианты таджикских слов. Если даже некоторые из них и посещают Таджикистан, они обычно общаются с людьми на улице и используют так называемый «уличный язык», который неоправданно загроможден русскими словами и выражениями. В то же время, как наглядно показывает проанализированный иллюстративный материал, отрадным является то, что почти все упомянутые средства массовой информации на страницах своих изданий, наряду с некоторыми упомянутыми неточностями, помещают и правильные варианты одних и тех же таджикских безэквивалентных лексических единиц. Данный факт можно объяснить тем, что на средства массовой информации, особенно на такие авторитетные газеты, как *The New York Times* и *The Guardian*, по всему миру работают журналисты и корреспонденты различного профиля и степени компетентности, и пишут статьи, опираясь на свои собственные знания и опыт.

Переводу безэквивалентной лексики посвящено немалое количество теоретических и практических работ. Данная проблема становится объектом исследования ученых разных наук, особенно сопоставительного языкознания,

теории перевода, лингвокультурологии, лингвострановедения и др. В качестве общего признака для многих наук абсолютным большинством теоретиков признается тот факт, что перевод безэквивалентной лексики является операцией, относительной по своим результатам. В самом деле, в каждом языке по отношению к любому другому имеются элементы, передача значения которых в рамках самого текста невозможна. Такого рода элементы и составляют в языке то, что можно определить, как собственно непере译имое. Однако отсутствие точных и постоянных лексических соответствий какому-либо слову не означает невозможность передачи его смысла в контексте, или его «непереводимость». Для достижения адекватности при переводе безэквивалентной лексики, в зависимости от характера работы и переводимого материала, предлагаются различные приёмы и способы передачи данной категории слов. Обобщая взгляды и концепции известных ученых, можно прийти к такому выводу, что в целом все приёмы и способы передачи безэквивалентной лексики можно классифицировать на следующие три большие группы: 1) лексические трансформации, 2) грамматические трансформации, 3) смешанные (лексико-грамматические) трансформации.

К первой группе способов и приёмов трансформации можно отнести такие как: а) транскрипция/транслитерация – способ передачи звукового комплекса; б) калькирование посредством повтора внутренней формы исходного слова, словосочетания; в) описательный или разъяснительный способ трансформации, который состоит в раскрытии и разъяснении понятия, исходя из недоступности сущности данного явления носителю переводимого языка. По определению А.В. Федорова, этот приём назван разъяснительным, перифрастическим переводом; г) приближенный, уподобляющий приём трансформации, или перевод при помощи аналога; данный способ применяется для передачи слов, которые обозначают инонациональные реалии и для этого употребляются лексические единицы, сравнительно близкие к иноязычной реалии, слова, похожие по функциям, хотя не тождественные.

Ко второй группе можно отнести трансформации количественного характера, такие как компрессия, декомпрессия, нулевой перевод или опущение, добавление или экспликация.

Третью группу способов трансформации, так называемой смешанной или лексико-грамматической трансформации, составляют такие приёмы, как антонимический перевод, компенсация, смысловое развитие, целостное преобразование.

Практика показывает, что пути развития любого литературного языка особенно ярко и всесторонне прослеживаются именно в художественной литературе, которая рассматривается как письменное наследие и источник истории этого языка.

Рассмотренный нами практический материал, часть которого также извлечена из переводов английских произведений, осуществленных на основе их русских переводов, также наглядно показал, что в художественном тексте лексические единицы проявляются наиболее полно и всесторонне и этим самым предоставляют вполне обоснованную и надёжную доказательную базу. Опосредованный перевод, как вид языкового посредничества, позволяет решать важные теоретические и практические задачи с точки зрения сопоставления языковых единиц и решения вопросов, связанных с вариантами их перевода. Однако главным условием здесь, на наш взгляд, является привлечение, наряду с англо-таджикскими версиями, и русских вариантов переводов с тем, чтобы указать на наиболее оптимальные варианты переводов отдельных языковых единиц с временной точки зрения и рекомендовать способы достижения их адекватной передачи с точки зрения современности.

Относительно переводов реалий следует заключить, что реалии как безэквивалентная лексика в теории и практике перевода занимают особое место и требуют от переводчика хорошее знание языка, культуры и истории народа, произведение которого он переводит. При переводе реалий переводчик также должен обладать навыками работы с двуязычными и толковыми словарями, справочными и другими источниками, так как успех его профессиональной деятельности зависит именно от успешного решения подачи безэквивалентной

лексики. Пренебрежение или несерьёзное отношение к такого рода элементам текстов, особенно художественных, неизбежно приводит к серьёзным проблемам и неудачам. Проанализированные в третьей главе способы передачи закреплены в теории перевода и их использование очень важно в практике перевода с конкретных языков. Переводчики рассмотренных нами примеров также хорошо использовали их, хотя в некоторых случаях и допустили некоторые неточности.

С вопросами безэквивалентности и передачи колорита тесно связано имя собственное. Анализ его перевода как разновидности безэквивалентной лексики на материале художественного текста еще раз доказывает, что для достоверной передачи антропонимов и топонимов существуют нетрадиционные, особые приёмы.

При транскрипции и транслитерации английских безэквивалентных лексических единиц необходимо следовать наиболее общим правилам: $ur = \bar{y}$; $h = x$, а в закрытом слоге = э..., т.е. транскрипция осуществляется с учётом фонетических и произносительных особенностей ИЯ и ПЯ.

Наиболее распространенным способом передачи английских личных имён остаётся транскрипция/транслитерация, за исключением некоторых случаев, связанных с их внутренними значениями. Названия известных английских географических объектов также транскрибируются и приводятся для них подстрочные пояснения, а в отдельных случаях могут быть подобраны принятые, уже существующие соответствия. Что касается названий кораблей, гостиниц, фирм, книг и т.д., то здесь возможно применение транскрипции и собственно перевода, а транскрибировать или переводить зависит от самого имени, от связанной с ним и его референтом традиции и от контекста.

В зависимости от способов выражения, обращения в английском и таджикском языках могут быть эквивалентными и безэквивалентными. В отношении безэквивалентных обращений применяются такие способы перевода, как транскрипция/транслитерация и нулевой перевод, а в отношении эквивалентных обращений могут применяться функциональные эквиваленты и аналоги.

Перевод сложных слов и сложных слов-фраз с английского языка на таджикский язык может быть осуществлен с помощью особых способов передачи безэквивалентной лексики, а именно развёрнутым описательным переводом, применением различных переводческих трансформаций на уровне всего предложения, и редко калькированием.

Для достижения адекватности перевода сложных слов и сложных слов-фраз существенную помощь также может оказать широкий контекст, из которого переводчик может понять суть приводимых в тексте выражений.

Осуществлённое исследование показывает, что отдельную группу безэквивалентной лексики составляют фразеологические единицы, проблема перевода которых решается, в основном, калькированием и описательным переводом. В отличие от фразеологических единиц, из имеющихся способов перевода пословиц и поговорок с одного языка на другой наиболее продуктивными являются буквальный и смысловой способы перевода. Что касается единиц, которые не содержат в себе особой национальной окраски и близки к интернациональным единицам, то для их передачи больше подходит подбор готовых соответствий.

Одна из главных проблем при переводе с английского языка на таджикский язык связана с отсутствием ряда английских грамматических категорий и единиц в таджикском языке. В самом деле, существуют отдельные грамматические структуры и категории, присущие только английскому языку. Отсутствие однотипных грамматических категорий в разных языках не означает невозможность решения проблем перевода в тех или иных случаях, так как при переводе речь не должна идти о переводе грамматических форм, а следует учитывать значение и функции таких единиц с тем, чтобы перевод получился адекватным. Задача переводчика при передаче специфических грамматических единиц и элементов английского языка заключается прежде всего в правильном понимании и определении грамматического значения и нахождении прямого или косвенного соответствия в таджикском языке. В центре внимания переводчика должны находиться не грамматические формы, а лексические и грамматические

значения языковых единиц. Грамматические ошибки в переводе отрицательно сказываются на логике текста.

Таким образом, вопросы перевода и переводоведения тесно связаны с проблемами как межъязыковых, так и социокультурных и аксиологических отношений различных народов мира, нуждающихся в сопоставительном исследовании. Новые вехи развития мировой цивилизации, бурно развивающиеся процессы глобализации, различного характера взаимоотношения и контакты межгосударственного, межрегионального, межнационального, межконфессионального характера, различные сети сотрудничества между сообществами, организациями и социальными группами в современном мире ставят перед наукой о языке новые задачи, выполнение которых является решающим фактором развития как науки, так и социальной жизни.

В связи с этим, перспективы дальнейшего изучения безэквивалентной лексики на материале английского и таджикского языков представляются нам в следующих направлениях: продолжение более детального и всестороннего сопоставительного исследования основных групп лексических единиц, выявленных в данной работе в качестве разрядов безэквивалентной лексики на материале английского и таджикского языков; специальное сопоставительное изучение следующих разрядов безэквивалентной лексики, не охваченных настоящим диссертационным исследованием: индивидуальные (авторские) неологизмы, слова широкой семантики, иноязычные вкрапления, слова с суффиксами субъективной оценки, ассоциативные лакуны и др.; развернутый анализ безэквивалентной лексики с позиции когнитивной лингвистики; исследование лингвострановедческого аспекта безэквивалентной лексики на материале английского и таджикского языков; исследование структурного аспекта передачи безэквивалентной лексики на материале английского и таджикского языков; дальнейшее изучение эффективности и оптимизация средств передачи безэквивалентной лексики в рамках английского и таджикского языков.

Список сокращений и условных обозначений

БЭЛ	- безэквивалентная лексика
Восп.	- Воспоминания
Г.Дж	- Голсуорси Дж.
Д.Т.	- Драйзер Т.
ИЯ	- исходный язык
НП	- Над пропастью
О.С.	- Остров Сокровищ
ПЯ	- переводящий язык
Р.К.	- Робинзон Крузо
С.Р.	- Смерть ростовщика
СМИ	- средства массовой информации
ФЕ	- фразеологическая единица
ЯШ	- Японский шёлк
A.Sh.H.	- The Adventures of Sherlock Holms
В	- Bukhara:
DML	- The Death of Money-Lender
F.J.	- Fowles, J
G	- The Guardian
ИНТ	- International Herald Tribune
J.E.	- Jane Eyre
NYT	- The New York Times
O.M.S.	- The Old Man and the Sea
P.P.	- Prince and the Pauper
R.C.	- Robinson Crusoe
RFE/RL	- Radio Free Europe/Radio Liberty
S.S.	- Sharon Shebar
T.I.	- Treasure Island
Ё	- Ёддоштҳо
К	- Куллиёт
М	- Муҳочирон
М.Б.	- Мӯйсафед ва баҳр
МС	- Марги судхӯр
П.Б.	- Пирамард ва баҳр
П.Д.	- Пирамард ва дарё
ФМ	- Фазлиддин Муҳаммадиев
Ҳ.д.б.Ш.Х.	- Ҳикояҳо дар бораи Шерлок Холмс
Ч	- Чилд
Ч.Ч.	- Ҷазираи ҷавоҳирот
Ч.Э.	- Чейн Эйр
ШГ	- Шахзода ва гадо

Список литературы

1. Адмони, В. Г. Основы теории грамматики / В. Г. Адмони. - М.-Л.: Наука, 1964. – 105 с.
2. Азимова, М. Н. Сопоставительный анализ фразеологических параллелей английского и таджикского языков / М. Н. Азимова. - Душанбе, 1999. - 115 с.
3. Азимова, М. Н. Структурно-семантические особенности сложных существительных в современном английском и таджикском языках / М. Н. Азимова // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. - Худжанд, 2012. - №1. - С. 166-179.
4. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник / З. Е. Александрова. - М.: Русский язык, 2001. – 568 с.
5. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / И. С. Алексеева. - 6-е изд., стер. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ; - М.: Академия, 2012. - 368 с. - (Высш. проф. образования).
6. Алмабекова, О. А. Интегрированный подход к обучению профессионально - ориентированным иностранным языкам / О.А. Алмабекова // Вестник КГПУ им. В. П. Афанасьева. - 2012. - №1(19). - С. 12-18.
7. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии: предисл. О.И. Бродович / Н. Н. Амосова. - 2-е изд., доп. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. - 216 с.
8. Англо-русский и русско-английский словарь «Ложных друзей переводчика» / сост. В. В. Акуленко, С. Ю. Комиссарчик, Р. В. Погорелова, В. Л.Юхт; под общ. рук. доцента В.В. Акуленко. – М.: Советская энциклопедия, 1969. - 383 с.
9. Англо-таджикско-русский демографический словарь / сост.: И.Б. Дададжанова. - Душанбе: РТСУ, 2010. – 148 с.
10. Андрес, А. Л. Дистанция времени и перевод / А. Л. Андрес. – МП., 1966. - № 5. - С. 128.
11. Аракин, В. Д. Исследования лексической сочетаемости фразеологии / В. Д. Аракин. - М., 1975. – 364 с.

12. Арбекова, Т. И. Лексикология английского языка / Т. И. Арбекова. - М.: Высш. шк., 1977. – 240 с.
13. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике: учебное пособие / И. В. Арнольд. - М.: Высш. школа, 1991. - 140 с.
14. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. - Л.: Просвещение, 1981. – 295 с.
15. Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языках) / Е. Ф. Арсентьева. - Казань: Казан. ун-та, 1989. – 126 с.
16. Архангельский, В. Л. О понятии устойчивой фразы и типах фраз / В. Л. Архангельский // Проблемы фразеологии: Исследования и мат-лы. - М., 1964. - С. 102-126.
17. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. - М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. - 157 с.
18. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., 1966. – 401 с.
19. Бабаев, Э. Некоторые семантические особенности образных сравнительных оборотов в современном английском и таджикском языках / Э. Бабаев // Сб. науч. трудов Душанбинского гос. пед. института. - 1975. - Т. 98. - С. 76-106.
20. Бабаев, Э. Образные сравнительные обороты в современном английском и таджикском языках: АКД / Э. Бабаев. - М., 1977. - 24 с.
21. Бабкин, А. М. Идиоматика (фразеология) в языке и в словаре / А. М. Бабкин // Современная рус. Лексикография. - Л., 1977. - С. 4-17.
22. Бабкин, А. М. Русская фразеология, её развитие и источники / А. М. Бабкин. - Л.: Наука, 1970. – 263 с.
23. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. - М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

24. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли; пер. К. А Долинина. - М.: 1961. - 398 с.
25. Бархударов, Л. С. Структура простого предложения современного английского языка / Л. С. Бархударов. - 3-е изд. - М.: ЛКИ, 2012. - 200 с.
26. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. - 3-е изд. - М.: ЛКИ, 2010. - 240 с.
27. Бархурдарова, Е. Л. Учебное пособие по переводу / Е. Л. Бархурдарова, Н.С. Коржевская. - М.: Моск.ун-та, 1986.
28. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. - М.: Искусство, 1979. - 424 с.
29. Бекмуродов, М. М. Лексико-семантический и структурный анализ строительной терминологии: на материале таджикского и английского языков: дис... канд. филол. наук / М. М. Бекмуродов. - Душанбе, 2002. - 166 с.
30. Бекташ Л. Структура и семантика редупликации в турецком и таджикском языках: дисс. ... канд.филол. наук: 10.02.20 /Бекташ Локман. – Душанбе, 2015. – 156 с.
31. Березин, Ф. М. История лингвистических учений: учеб.пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов / Ф. М. Березин. - М.: Высш. школа, 1975. - 304 с.
32. Болгова, Н. А. О семантическом инварианте в фразеологии / Н. А. Болгова // Науч. тр. МГПИИЯ им М.Тореза. - М., 1978. - Вып. 131. - С. 159-163.
33. Бреус, Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский / Е. В. Бреус. - М.: УРАО, 2002. - 320 с.
34. Бузаджи, Д. М. Техника перевода. Сборник упражнений по переводу с английского языка на русский язык. Грамматические аспекты перевода / Д. М. Бузаджи, А. С. Маганов. - М.: Р. Валент, 2007. - Часть I. - 208 с.
35. Бурова, З. И. Английский язык для гуманитарных специальностей вузов: учеб. для вузов / З. И. Бурова. - 2-е изд., испр.и доп. - М.: Высш. шк., 1987. - 463 с.

36. Бушев, А. Б. Лингводидактика перевода военного термина / А. Б. Бушев // Вестник Военного университета. - 2009. - № 3 (19). - С. 123-129.
37. Быкова, В. Г. Лакуарность как категория лексической системологии / В. Г. Быкова. - Благовещенск, 2003. – 364 с.
38. Вайсбруд, М. Л. Реалии как элемент страноведения / М. Л. Вайсбруд // Русский язык. - 1972. - №3. - С. 98.
39. Валиева, З. А. Сопоставительный анализ финансово-банковских терминов в таджикском и английском языках: дис... канд. филол. наук / З. А. Валиева. - Душанбе, 2009. - 160 с.
40. Везнер, И. А. Шоу бизнес: пособие по переводу / И. А. Везнер. - М.: АСТ: Восток-Запад; - Владимир: ВКТ, 2008. - 96 с.
41. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин В. Г. Костомаров. - М.: Русский язык, 1980. - 320 с.
42. Верещагин, Е. М. Теория перевода / Е. М. Верещагин, В.Г. Костомаров. - М., 1983. - С. 56.
43. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. - 3-е, изд., перераб. и доп. - М., 1983. - С. 15.
44. Вернигорова, В. А. Перевод реалий как объекта межкультурной коммуникации / В. А. Вернигорова // Молодой ученый. - 2010. - №3(14). - С. 184-186.
45. Виноградов, В. В. Избр. труды: лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. - М.: 1977. - 318 с. (первоначальные публикации – 1946 и 1947).
46. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы (Избр. тр.) / В. В. Виноградов. - М.: Наука, 1980. - 360 с.
47. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. Избр. тр.: лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. - М.: Наука, 1986. - 89с.
48. Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов. - М., 1946. – 312 с.

49. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. - М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. - 224 с.
50. Винокур, Г. О. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Г. О. Винокур. - М.: Наука, 1980. - 237 с.
51. Виссон, Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур / Л. Виссон; пер. с англ. Р. Валент. - 5-е изд., испр. и доп. - 2011. - 192 с.
52. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. - М.: Международные отношения, 1980. - 342 с.
53. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва: Высш. шк., 1986. - 416 с.
54. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. - 4-е изд. - М.: Р. Валент, 2009. - 360 с.
55. Вульфийус, И. К. К вопросу о классификации идиом / И. К. Вульфийус // Рус. яз. в школе. - 1929. - №6.
56. Гавришь, В. И. К вопросу о первичном и вторичном в фразообразовательных процессах / В. И. Гавришь // Сб. науч. трудов. МГПИИЯ им М. Тореца. - М., 1980. - Вып. 164. - 132 с.
57. Гарбовский, Н. К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский. - М.: Издат-во Московского гос-го университета, 2004. - 544 с.
58. Гастев, Ю. А. Эквивалентность / Ю. А. Гастев // Философская энциклопедия. - 1970. - 538 с.
59. Гатилова, А. К. Безэквивалентная лексика как понятие и явление (на материале немецкого и русского языков): дисс... канд. филол. наук / Гатилова Алевтина Константиновна. - Москва, 1996. - 171 с.
60. Гвоздович, Е. Н. Безэквивалентная лексика: теория и практика перевода = Non-equivalent words: theory and practice of translation: учеб. метод. пособие / Е. Н. Гвоздович. - Минск: Тетра Системс, 2010. - 128 с.

61. Голикова, Ж. А. Лексикология и фразеология современного английского языка. Практикум / Ж. А. Голикова. - Мн.: Новое знание, 2006. - 205 с.
62. Гольдин, В. Е. Обращение: теоретические проблемы / В. Е. Гольдин; под ред. Л. И. Баранниковой. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. - 136 с.
63. Грамматические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. вузов / [О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева, К. С. Карданова и др.]. - М.: Академия, 2010. - 240 с.
64. Гузеева, К. А. Сборник упражнений по переводу. английский язык: учебное пособие / К. А. Гузеева, Э. И. Зацепина. - СПб.: Перспектива, 2009. - 219 с.
65. Декарт, Р. Сочинение в двух томах. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом / Р. Декарт. - М.: Мысль, 1994. - Т.2. - 640 с.
66. Джамshedов, П. Семантика видов в русском, таджикском и английском языках: учебн. пособие / П. Джамshedов; отв. ред. Л. Г. Герценберг. - Душанбе: Маориф, 1988. - 96 с.
67. Джахангири, Азар Хоссейн. Лингвокультурологические основы изучения русской безэквивалентной лексики (с позиций носителя персидского языка): дисс... док. филол. наук: 10.02.01 / Азар Хоссейн Джахангири. - М., 2004. - 332 с.
68. Джураева, М. Р. Языковые способы и средства выражения значения уважительности и вежливости в таджикском языке XVI века (на материале «Бадоеъ-ул-вакоеъ» Зайниддина Восифи): автореф. дисс... канд. филол. наук / Джураева Мушаррафа Рустамовна. - Душанбе, 1998. - 22 с.
69. Докучаева, В. В. Безэквивалентная лексика и перевод как гносеологическая проблема (на материале романа Джона Гришема "SKIPPING CHRISTMAS" / В. В. Докучаева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. - 2010. - Т. 12. - №5(2). - С. 498-501.
70. Дубровин, М. И. Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях / М. И. Дубровин. - М.: Просвещение, 1995. - 350 с.

71. Дубровин, М. И. Русские фразеологизмы в картинках (для говорящих на английском языке / М. И. Дубровин. 3-изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1987. – 327 с.
72. Жених, Е. Л. Особенности природы немецкой безэквивалентной лексики и ее влияние на перевод с немецкого языка на русский: дисс... канд. филол. наук: 10.02.04 - Германские языки / Жених Евгений Леонидович. - М., 2000. - 179 с.
73. Иванов, А.О., Безэквивалентное и непере译имое в свете современной лингвистической теории: дисс... канд. филол. наук: 10.02.19. – общее языкознание / Иванов Алексей Олегович. – Л., 1984. – 189 с.
74. Иванов, А. О. Безэквивалентная лексика и её перевод на русский язык: уч. пособие / А. О. Иванов. - Л., 1995. – 192 с.
75. Иванов, А. О. Безэквивалентная лексика: перевод, язык, культура: учеб. пособие / А. О. Иванов. - СПб.: Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. - 192 с.
76. Иванова, Н.А. Сопоставительно-типологический анализ безэквивалентной лексики (на материале русского, немецкого и французского языков): дисс... канд. филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Иванова Наталья Алексеевна. - М., 2004. - 238 с.
77. Иванова, Н. Л. Социальная идентичность и профессиональный опыт личности: монография / Н. Л. Иванова, Е. В. Конева. - Ярославль, 2003. - 132 с.
78. Ислам, А. Англо - русский - казахский. Казахско-англо-русский общественно - политический словарь / А. Ислам. – Алматы: Изд. Бастау, 2010. – 260 с.
79. Казакова, Т. А. Практические основы перевода (Translation Techniques) / Т. А. Казакова. - Санкт-Петербург: Союз, 2004. - 320 с.
80. Канделаки, Т. Л. Значение терминов и системы значений научно-технических терминологий / Т. Л. Канделаки // Проблемы языка науки и техники. - М., 1970. – С.12-92 с.

81. Качалова, К. Н. Практическая грамматика английского языка: учебник / К. Н. Качалова, Е. Е. Израилевич. - Б., 2001. - 672 с.
82. Кобрина, Н. А. Понятийные категории и их реализация в языке / Н. А. Кобрина//Понятийные категории и их языковая реализация. - Л.: Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена, 1989. - С. 40-49.
83. Козлова, Н. В. Беликова Е.А. Типологически обусловленные лакуны в изучении немецкого и английского языков русскоязычными студентами / Н. В. Козлова, Е. А. Беликова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2010. - Том 8. - Вып.1. – С.34-44.
84. Комиссаров, В. Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский / В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, В. И Тархов. - М.: Высшая школа, 1965. - Ч. 2. - 175 с.
85. Комиссаров, В. Н. Слово о переводе / В. Н. Комиссаров - М.: Наука, 1973. – 357 с.
86. Комиссаров, В. Н. Практикум по переводу с английского языка на русский / В. Н. Комиссаров [и др.]. - М.: Высшая школа, 1990. – 127 с.
87. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. - М.: Высшая школа, 1990. - 253 с.
88. Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода / В. Н. Комиссаров. - М.: ЧеРо, 2000. - 136 с.
89. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода: предисл. М.Я. Цвиллингв / В. Н. Комиссаров. - 3-е изд. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. - 176 с.
90. Кондаков, Н. И. Логический словарь / Н. И. Кондаков. – М., 1971. – С. 599.
91. Копыленко, М. М. Очерки по переводу: проблемы, методы, опыты / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. - Воронеж, 1990. - С. 28.
92. Краткий англо-русский технический словарь. Ок.30 000 терминов / Ю. А. Кузьмин, В. А. Владимиров, Я. Л. Гельман и др. – 2-е изд., исправл. - М.: ЧеРо, 1998. - 416 с.

93. Крупнов, В. Н. Курс перевода. Английский язык: Общественно-политическая лексика / В. Н. Крупнов. - М.: Международные отношения, 1979. – 232 с.
94. Крупянюк, М. И. Японский национализм и его влияние на безопасность России на Дальнем Востоке / М. И. Крупянюк, Л. Г. Арешидзе // Восточная аналитика. - 2011. - № 2. - С. 141-149.
95. Крылатые фразы наших дней. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1999. – 576 с.
96. Кунин, А. В. Английская фразеология. Теоретический курс / А. В. Кунин. - М., 1981. - С. 122-123.
97. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. - М. Высшая школа, 1986. - 336 с.
98. Кунин, А. В. Англо – русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. - Москва: Русский язык, 2000. – 512 с.
99. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: уч. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз / А.В. Кунин. – 3-е изд., стереотип. – Дубна: Феникс, 2005. – 488 с.
100. Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте // Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. – 262 с.
101. Лакуны в языке и речи: Сборник научных трудов / под ред. проф. Ю. А. Сорокина, проф. Г. В. Быковой. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. - Вып. 2. – 123 с.
102. Ланчиков, В. К. Техника перевода. Сборник упражнений по переводу с английского языка на русский. Часть II. Лексические проблемы перевода. Проблемы передачи экспрессивности / В. К. Ланчиков, Д. В. Псурцев - М.: Р.Валент, 2007. – 200 с.
103. Ларин, Б. А. Очерки по фразеологии / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). - М., 1977. - С. 148. (первоначальная публикация – 1956).
104. Латышев, Л. К. Проблема эквивалентности в переводе: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.20. – Сравнительно-историческое и типологическое языкознание / Л. К. Латышев. - М., 1983. – 431 с.

105. Латышев, Л. К. Перевод: проблемы теории практики и методики преподавания / Л. К. Латышев. – Москва: Просвещение, 1988. – 190 с.
106. Латышев, Л. К. Разноязычные тексты как объект отождествления в переводе / Л. К. Латышев // Текст и перевод. - М.: Просвещение, 1988. - С. 24-25.
107. Латышев, Л. К. Технология перевода / Л. К. Латышев. - М., 2000. - 280 с.
108. Леонтьев, Д. А. Субъективная семантика и смыслообразование / Д. А. Леонтьев // Вестник МГУ. Психология. - 1990. - №3. - С. 33-42.
109. Литвиненко, Е. В. Классификация англоязычной терминологии, относящейся к машинам и оборудованию для строительства, эксплуатации и ремонта автомобильных дорог и сооружений / Е. В. Литвиненко // Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. - 2012. - №57. - С. 232.
110. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. - М.: Наука, 1981. - 149 с.
111. Маджидов Х. Лексико-семантические особенности глагольных фразеологических единиц современного таджикского литературного языка: автореферат... / Х. Маджидов. - Душанбе: Таджикский госуниверситет им. В.И. Ленина, 1968. - 27 с.
112. Маджидов, Х. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка: автореф. дисс... д-ра филол. наук / Х. Маджидов. – Душанбе, 1995. - 48 с.
113. Майоров, Г. Г. Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница / Г. Г. Майоров. - М.: МГУ, 1973. - 266 с.
114. Мамаджанова, Л. М. Семантико-структурный анализ юридических терминов в английском и таджикском языках: дис. ... канд. фил. наук / Л. М. Мамаджанова. - Душанбе, 2006. - 162 с.
115. Мамадназаров, А. Становление и развитие таджикской переводной лексикографии XX и начала XXI вв.: дисс...д-ра. филол. наук: 10.02.20 / Мамадназаров Абдусалом. - Душанбе, 2013. - 420 с.

116. Мамадназаров, А. Современная русско-таджикская специальная лексикография / А. Мамадназаров // Вестник ТГИЯ. - 2014. - №1(13). - С. 6-13.
117. Мамардашвили, М. К. Проблема сознания и философское призвание / М. К. Мамардашвили // Вопросы философии. - 1988. - №8. - С. 43-56.
118. Маноли, И. З. Лингвостилистические приемы перевода потенциальной лексики. Переводческие аспекты сопоставительных исследований: межвузовский сборник научных трудов / И. З. Маноли. - Пермь: Пермский государственный университет, 1988. - С. 20.
119. Мастерство перевода: сборник десятый, 1974. - М.: Советский писатель, 1975. - 501 с.
120. Мельников, Г. П. Системная типология языков: принципы, методы, модели / Г. П. Мельников; отв. ред. Л. Г. Зубкова. - М.: Наука, 2003. - 395 с.
121. Мечковская, Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура / Н. Б. Мечковская. - М.: Академия, 2004. - 234 с.
122. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков: учеб. пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей / Н. Б. Мечковская. – 4-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. - 312 с.
123. Минченков, А. Г. Английские частицы: функции и перевода / А. Г. Минченков. - СПб.: Антология, 2004. - 96 с.
124. Мирзо Хасани Султон (Султонов М.Б.) Становление и развитие персидско-таджикской научной терминологии / Мирзо Хасани Султон (Султонов М.Б.). - Душанбе: Дониш, 2008. - 342 с.
125. Мирзоёров Ф.Н. Грамматические комментарии в таджикских толковых словарях XVI-XIX вв.: автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.22 / Мирзоёров Фирдавс Ниёзович. - Душанбе, 2010. - 22 с.
126. Митина, И. Е. Английские пословицы и поговорки и их русские аналоги / И. Е. Митина. - СПб.: КАРО, 2009. - 336 с.

127. Мурашкевич, А. М. Англо-русский словарь сокращений по авиационной и ракетно-космической технике. Около 30 000 сокращений / А. М. Мурашкевич, О. Н. Владимиров. - М.: Воениздат, 1981. – 621 с.
128. Мусаев, К. Перевод лексических и фразеологических единиц как проблема частной теории перевода: автореферат... / К. Мусаев. - Тбилиси.: Тбилисский университет им. И. Чавчавадзе, 1988. - 42 с.
129. Мухортов, Д. С. Практика перевода: английский-русский: учебное пособие по теории и практике перевода / Д. С. Мухортов. - 4-е изд. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. - 256 с.
130. Мюллер, В. Англо-русский словарь / В. Мюллер. - М.: Русский язык, 1978. – 888 с.
131. Наврузшоев Б. Х. Глагольные фразеологические словосочитания в таджикской периодической печати и способы их перевода на английский язык: автореферат... - Душанбе.: Таджикский национальный университет, 2011. - 21 с.
132. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 4-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 320 с.
133. Нечаева, Е. А. К вопросу о лакунах, безэквивалентных единицах и национальных концептах, экзистенцирующихся в терминологии предметной области «Связи с общественностью» / Е. А. Нечаева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. - 2011. - Вып. 2. - С. 98-104.
134. Общее и индоевропейское языкознание / Обзор литературы; пер. с немецкого, ред. и предисл. В. А. Звегинцева. - М.: Изд. иностр. лит., 1956. - 199 с.
135. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 671.
136. Осипов, Д. В. Самоидентификация в коммуникативном поведении граждан США: дисс... канд. филол. наук: 10.02.19. – теория языка / Осипов Даниил Владимирович. – Астрахань, 2011. - 200 с.

137. Османова, И. В. Формирование лингвистической компетенции в обучении английскому языку на начальном этапе лингвистического университета (на материале ЛЕ с национально-культурным компонентом семантики / И. В. Османова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. - 2007. - Том 7. - №25. - С. 90.
138. Пахотин, А. Большой англо-русский, русско-английский словарь мнимых друзей переводчика. Справочное пособие / А. Пахотин. - М.: Издатель Карева, 2006. – 304 с.
139. Перевод - средство взаимного сближения народов: худож. публицистика / сост. А. А. Клышко; предисл. С.К. Апта. - М.: Прогресс, 1987. - 640 с.
140. Петрова, О. В. Введение в теорию и практику перевода (на материале английского языка) / О. В. Петрова. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. - 96 с.
141. Пинягин, Ю. Н. Переводческие аспекты сопоставительных исследований / Ю. Н. Пинягин // Межвузовский сборник научных трудов. - Пермь: Пермский государственный университет, 1988. - С. 4-12.
142. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. - М., 1978. - С. 95.
143. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. - Воронеж, 2001. - 189 с.
144. Прошина, З. Г. Межкультурная коммуникация и опосредованный перевод / З. Г. Прошина // Вест. НГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – Том 4. - Вып.1. - С. 59-64.
145. Путеводитель по английской литературе. - М., 2003. - С. 704.
146. Пьянзина, И. Н. Национально-культурная специфика фразеологизмов американского варианта английского языка / И. Н. Пьянзина // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. - 2006. - №2. - С.88-101.
147. Райхштейн, А. Д. О межъязыковом сопоставлении фразеологических единиц / А. Д. Райхштейн // ИЯШ. - 1979. - №4.
148. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А. Д. Райхштейн. - М., 1980. - 143 с.

149. Рахимзода, М. З. Русско-таджикский словарь юридических терминов / М. З. Рахимзода. - Душанбе: Бухоро, 2015. - 328 с.
150. Рахимова, Д. А. Структурно-грамматические особенности глагольных фразеологических единиц в таджикском и английском языках: автореферат... / Д. А. Рахимова. - Душанбе.: РТСУ, 2012. - 21 с.
151. Резвцова, М. Д. Практикум по сравнительной типологии английского и русского языков / М. Д. Резвцова, О. В. Афанасьева, Т. С. Самохина. - 3-е изд., испр. - М.: ФИЗМАТЛИТ, 2009. - 176 с.
152. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. - М.: Просвещение, 1967. - С. 137-139.
153. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. - М.: Аспект Пресс, 1999. - С. 312.
154. Реформатский, А. А. Введение в языковедение: учебник для вузов / А. А. Реформатский; под ред. В. А. Виноградова. - М.: Аспект Пресс, 2001. - 536 с.
155. Рецкер, Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык / Я. И. Рецкер // Вопросы и методики учебного перевода. - М., 1950. - С. 156-178.
156. Рим, А. Р. У. Великобритания: лингвострановед. Словарь / А. Р. У. Рим. - 2-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз., 1980. - С. 464.
157. Россельс, В. М. Перевод и национальное своеобразие подлинника / В. М. Россельс. - М., 1976. - С. 169.
158. Русско-английский научно-технический словарь переводчика / М. Цимерман, К. Веденева. - М.: Наука, 1991. - 735 с.
159. Русско-английский словарь / сост. под. общ. рук. А. И. Смирницкого; под ред. О. С. Ахмановой. - 20-е изд., стер. - М.: Русский язык, 1997. - 768 с.
160. Русско-таджикский словарь: Свыше 72000 слов / С. Д. Арзуманов, Х. А. Ахрори, М. Бегбуди и др.; под ред. М.С. Асимова. - Москва: Русский язык, 1985. - 1280 с.

161. Сабилова, С. Г. Структурно-семантический анализ налоговой терминологии таджикского и английского языков: дис. ... канд. фил. наук / С. Г. Сабилова. – Душанбе, 2007. – 197 с.
162. Сахарный, Л. В. Введение в психолингвистику / Л. В. Сахарный. - Л.: ЛГУ, 1987. - 180 с.
163. Сдобников, В. В. 20 уроков устного перевода: учебное издание / В. В. Сдобников. - М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. - 142 с.
164. Сдобников, В. В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М.: АСТ: Восток-Запад; - Владимир: ВКТ, 2008. - 448 с.
165. Семёнов А.Л. Основы коммуникативной теории перевода в аспектах контрастивной текстологии: на лексическом уровне: дисс. док. филол. наук: 10.02.20 / Семенов Аркадий Львович. - М., 1997. - 342 с.
166. Семереньи, О. Введение в сравнительное языкознание / О. Семереньи; пер. с немецкого Б. А. Абрамова; под ред. и с предисл. Н. С. Чемоданова. - М.: Прогресс, 1980. - 407 с.
167. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; перевод с англ. А. Е. Кибрика. - М.: Прогресс, 1993. - 656 с.
168. Сервантес, Мигель де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский I / Мигель де Сервантес; пер. с исп. Н. Любимова; стихи в пер. Ю. Корнеева; вступ. ст. и коммент. С. Пискуновой. - М.: Эксмо, 2005. - 234 с.
169. Сименюк, А. А. Лексические трудности русского языка / А. А. Сименюк, И. А. Городецкая. - М., 1999. - 242 с.
170. Слепович, В. С. Настольная книга переводчика с русского языка на английский = Russian – English Translation Handbook / В. С. Слепович. – 3-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2008. - 304 с.
171. Словарь иностранных слов. — М.: Русский язык, 1989. - 624 с.
172. Словарь по логике / сост. А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.

173. Соболев, Л. Н. Пособие по переводу с русского языка на французский / Л. Н. Соболев. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1952. - 298 с.
174. Солодуб, Ю. П. Путешествие в мир фразеологии / Ю. П. Солодуб. - М.: Просвещение, 1981. - 64 с.
175. Солодуб, Ю. П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно – типологического исследования: дисс... д-ра филол. наук / Солодуб Юрий Петрович. - М., 1985. - С. 125-128.
176. Сорокин, Ю. А. Теория лакун и оптимизация межкультурного общения / Ю. А. Сорокин // Семантика и прагматика текста. - Барнаул, 1998. - С. 32-37.
177. Соссюр, Фердинанд де. Курс общей лингвистики / Фердинанд де Соссюр // Труды по языкознанию; перевод с французского под ред. А. А. Холодовича. - М.: Прогресс, 1977. - 288 с.
178. Соссюр, Фердинанд де. Труды по языкознанию / Фердинанд де Соссюр. - М.: Прогресс, 1977. - 695 с.
179. Спасова Н. Э. Возникновение проблемы интерсубъективности в новоевропейской философии и её трансформация в современной философии. Монография / Н. Э. Спасова. - Краснодар, 2010. - 83 с.
180. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. - М.: Наука, 1975. - 311 с.
181. Супрун А. Е. Экзотическая лексика / А. Е. Супрун // ФН. - М., 1958. - №2. - С. 50-54.
182. Суханова, О. В. Уровни и ступени лакунарности русско-английских глагольных лакуи / О. В. Суханова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Серия филология. - Санкт-Петербург, 2012. - Том 7. - № 2. - С. 215-223.
183. Сытель, В. В. Разговорные английские идиомы / В. В. Сытель. - М.: Просвещение, 1971. - 128 с.
184. Таджикская советская энциклопедия / гл. научн. ред. М. С. Асимов. – Душанбе, 1981. - Т.3. - 634 с.

185. Телия, В. Н. Метафора как модель смысла произведения и ее экспрессивно – оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. - М., 1988. - С. 37-49.
186. Телия, В. Н. Что такое фразеология? / В. Н. Телия. - М.: Наука, 1966. - 86 с.
187. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб.пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2008. - 264 с.
188. Тетради переводчика / под ред. проф. Л.С. Бархударова. – М.: Междунар. отношения, 1979. - Вып. 16. - 120 с.
189. Тилавов, Б. Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок / Б. Тилавов; под ред. Л. Н. Демидчик. - Душанбе: Дониш, 1967. - 123 с.
190. Толковый переводоведческий словарь / сост. Л. Л. Нелюбин. – 3-е издание, переработанное. - М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
191. Толстой, Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. - М., 1995. – 512 с.
192. Томахин, Г. Д. Реалии – американизмы: учеб. пособие для институтов и фак. иностр. Яз. / Г. Д. Томахин. - М.: Высшая шк., 1988. - 239 с. (Пособие по страноведению).
193. Топер, П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения / П. М. Топер. - М.: Наследие, 2000. - 254 с.
194. Турова, О. В. К проблеме понятийных категорий / О. В. Турова // Понятийные категории и их языковая реализация. - Ленинград: Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена, 1989. - С. 105-111.
195. Турсунов, Ф. М. Лексико-семантический анализ и особенности перевода пословиц и поговорок произведений Ф. Мухаммадиева на материалах таджикского и русского языков / Ф. М. Турсунов. - Душанбе, 2006. - 135 с.
196. Ульянова, Н. П. Внутренняя форма как прагматический компонент семантики лексических единиц / Н. П. Ульянова // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. - 1983. - Вып. 213. - С. 134-136.

197. Уорелл, А. Дж. Английские идиоматические выражения / А. Дж. Уорелл. - М., 1999. - 73 с.
198. Фёдоров, А. В. Введение в теорию перевода / А. В. Фёдоров. - М., 1958. - 374 с.
199. Фёдоров, А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Фёдоров. - М: Высшая школа, 1968. - 352 с.
200. Фёдоров, А. В. Основы общей теории перевода: (лингвист. пробл.) / А. В. Фёдоров. - 4-е изд. перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. - 303 с.
201. Фёдоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Фёдоров. - СПб., 2002. - 416 с.
202. Федуленко, Т. Н. Английская фразеология: курс лекций / Т. Н. Федуленко. - Архангельск, 2000. - 122 с.
203. Философская энциклопедия. В 5 т. / под редакцией Ф. В. Константинова. - М.: Советская энциклопедия, 1960 - 1970. – 2520 с.
204. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 686.
205. Фирсов, О. А. Сборник упражнений по переводу с английского языка на русский (для студентов языковых вузов) / О. А. Фирсов. - М., 2012. - 46 с.
206. Хайдарова, Д. А. Особенности медицинской терминологии в таджикском и английском языках: дис. ... канд. фил. наук / Д. А. Хайдарова. - Душанбе, 2007. - 139 с.
207. Хамоян, М. У. Лингвистическое назначение фразеологизмов в системе языка / М. У. Хамоян // Историка - филологический журнал. - Ереван, 1979. - №1. - С. 76-80.
208. Хушенова, С. В. Современное состояние и задачи изучения таджикской фразеологии / С. В. Хушенова // Вопросы языкознания. - 1980. - №2. - С. 125-134.
209. Царев, П. В. Сложные слова в английском языке: учеб. пособие / П. В. Царев. - М.: Изд-во МГУ, 1980. - 125 с.

210. Чернов, Г. В. Вопросы перевода русской безэквивалентной лексики на английский язык: автореф. дисс... канд... филол... наук / Г.В.Чернов. - М., 1958. - 14. (24 с.).
211. Чернышева, И. И. К динамике фразеологической системе / И. И. Чернышева // ФН. - 1993. - №6.
212. Шамзи, З. А. Дозирование Безэквивалентной лексики как путь к оптимальной методике преподавания иностранного языка / З. А. Шамзи // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. - 2012. - №3. - С. 104-110.
213. Шарифов, В. Толковый словарь русско-интернациональных заимствований / В. Шарифов. - Душанбе: Главная научная редакция Таджикской Советской Энциклопедии, 1984. - 376 с.
214. Шахобова, М. Б. Англо-таджикско-персидский словарь / М. Б. Шахобова. – Душанбе: Дониш, 1989. - 252 с.
215. Швейцер, А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер; отв. ред. В. Н. Ярцева. - 2-е. изд. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. - 216 с.
216. Щерба, Л. В. Термин и его функции / Л. В. Щерба. - М.: 1987. - С. 68-69.
217. Щукина, О.Г. Особенности компаративных фразеологизмов в английском языке / О. Г. Щукина // Вестник КГПУ им. В. П. Афанасьева. - 2012. - №2(20). - С. 332-336.
218. Ярцева, В. Н. Соотношение общего и частного языкознания и проблема двуязычия / В. Н. Ярцева. - М., 1989. - Т. 48. - №5. - С. 390.
219. Яшина, Н. К. Практикум по переводу с английского языка на русский: учеб. пособие / Н. К. Яшина. - М.: Флинта: Наука, 2009. - 72 с.
220. A Collection of Terms. Approved by the Academy of Persian Language and Literature 1997-2006. – 2008. - 218 p.
221. Aixela, Javier Franco. Culture-Specific Items in Translation / Aixela Javier Franco; translation, power, subversion Roman Alvarez and M. Carmen. - Africa Vidal eds. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2007. - P. 61-78.

222. American Proverbs. Understanding language and culture through commonly used sayings / Harry Collis; Illustrated by Mario Risso. - USA, 1994. – 106 p.
223. Baker, Mona. In other words / Mona Baker. - London: Routledge. 1992. - 317 p.
224. Cauer, P. Die Kunst des Übersetzens / P. Cauer. - Berlin, 1914. - S. 400.
225. Chamber's dictionary of synonyms and antonyms / edited by Martin H. Manser. – Tehran: Gowyesh-e Now, 2001. - 405 p.
226. Common American Phrases in everyday contexts / Richard A. Spears. – USA: National textbook company, 1975. - 276 p.
227. Concise English-English / English-Persian Dictionary / compiled, translated and edited by Mohammad-Reza Ja'fari. Typeset and prepared by Nashr-e Now Lexicography Centre. - Tehran, 2001. - 1508 p.
228. Davies, E. E. A Goblin or a Dirty Nose? The Translator: Studies in Intercultural Communication / E. E. Davies. - 2003.-100 p.
229. Dictionary of Acronyms and Abbreviations / Richard A. Spears. – USA: National Textbook Company, 1975. - 311 p.
230. Dictionary of American Idioms / Richard A. Spears. – USA: National Textbook Company, 1975. - 463 p.
231. Dictionary of American Slang and colloquial expressions / Richard A. Spears. – USA: National Textbook Company, 1975. - 528 p.
232. Dictionary of Grammar Terminology / Richard A. Spears. – USA: National Textbook Company, 1975. - 202 p.
233. Dictionary of Phrasal Verbs and other idiomatic phrases / Richard A. Spears. – USA: National Textbook Company, 1975. - 873 p.
234. Dictionary of Proverbs and their origins / Linda and Roger Flavell. – Great Britain, 1997. - 273 p.
235. Dubrovin, M. I. A Book of Russian Idioms Illustrated / M. I. Dubrovin. - Moscow: Russky Yazyk Publishers, 1987. – 328 p.
236. Halliday, M. A. K. The linguistic sciences and language Teaching / M. A. K. Halliday, A. McIntosh, P. D. Stevens. - London, 1964. - 322 p.

237. Hubert, H. Basic idioms in American English / H. Hubert, JR. Setzler. - Book I. - 118 p.
238. Hubert, H. Basic idioms in American English / H. Hubert, JR. Setzler. - 1996. - Book II. Inc". – 298 p.
239. Illustrated American Idioms. United States Information Agency. – Washington: D.C, 1994. - 99 p.
240. Jelena Pralas. Facta Universitatis. Series: Linguistics and Literature. – 2012. - Vol. 10. №1. - P. 11-18.
241. Jilani, Jon. Tajik practical dictionary. Tajik-English / English-Tajik Dictionary / Jon Jilani. – New York: Hippocrene Books, Inc., 2009. - 326 p.
242. Katan, David. Translating Cultures. An introduction for Translators, Interpreters and Mediators / David Katan. - Manchester: St. Jerome Publishing, 1999. - 359 p.
243. Larson, Mildred L. Translation: theory and practice, tension and interdependence. American Translators Association scholarly monographs / Mildred L. Larson. – USA: State University of New York, 1991. - 270 p.
244. Longman Language Activator: The World's First Production Dictionary. – UK: Longman, 1997. - 1587 p.
245. Longman, Dictionary of Contemporary English / eds. Chris Fox, Elizabeth Manning, Michael Murphy. - China: Pearson Education Limited, 2003. – 1950. - P. 112.
246. Mamatov, J. Tajik-English Dictionary / J. Mamatov, S. J. Harell, K. Kehoe, K. Khodjibaev. - Dunvody Press, 2005. - 741 p.
247. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. - USA: Massachusetts, 1998. - Tenth edition. - 1557 p.
248. Newmark, P. A Textbook of Translation / P. Newmark. - New York, 1988. - 292 p.
249. Nida, Eugene A. Towards a science of translating / Eugene A. Nida. - Leiden: E. J. Brill, 1964. – 259 p.
250. Nida E. A. The Theory and Practice of Translation / E. A. Nida & C. R. Taber. - Leiden: Koninklijke Brill. NV, 1969/1982. - P. 199.

251. Nida, E. The theory and Practice of Translation / E. Nida, Ch. R. Taber. - Leiden, 1969. – 220 p.
252. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by A.S. Hornby / edited by Sally Wehmeier; phonetics Editor Michael Ashby. – Oxford University Press, 2000. - Sixth edition. - 1539 p.
253. Oxford idioms dictionary for learners of English. - UK.: Oxford University Press, 2006. – 470 p.
254. Rahnama English-Persian Dictionary of Proverbs written: by Abdollah Ghanbari. - Tehran, 1999. - Second edition. - 396 p.
255. Savory, T. The art of translation / T. Savory. – London, 1957. - 159 p.
256. Standard Tajik-English Dictionary / compiled and edited by R.B. Olson and R.A. Olson. - StarPublications, 2000. – 615 p.
257. Stolze, Radegundis. The hermeneutic approach in translation. Creating “presence” in translation / Radegundis Stolze // Claims, Changes and Challenges in Translation Studies. – Amsterdam, 2004. – P. 39-50.
258. Tarnosci, L. Congruence entre l'original et la traduction / L. Tarnosci. – Babel, 1967. - Vol. 13. – P. 137-143.
259. Tellinger, Dusan. A realiak fordftasa a fordito kulturalis kompetenciaja szemszogebo. In Forditastudomany / Tellinger Dusan. – 2003. - Vol. 5. - №. 2. - P. 58-60.
260. The Comprehensive Dictionary of English-Persian Idioms / edited by Akbar S. Mirhassani, Ph.D. - Tarbiat Modarres University. - 432 p.
261. Tytler, A. F. Essay on the principles of Translation. Amsterdam. Studies in the theory and history of Linguistic studies. Book 1. / A. F. Tytler. – Amsterdam, 1978. – Vol. 13. – 457 p.
262. Weinreich, Urien. Languages in contact. Finding and problem/Urien Weinreich. – New York: Columbia University, 1953. – 148 p.
263. Whorf B. L. Language, thought and reality (selected writings of B. L. Whorf) / B. L. Whorf; ed. John B. Carroll. - New York: Wiley, 1956. – P. 213.

264. Абдуллозода, Р. Ибораҳои халқӣ / Р. Абдуллозода. - Душанбе: Дониш, 1971. – 204 с.
265. Асрорӣ, В. Зарбулмасал ва мақолаҳои тоҷикӣ / В. Асрорӣ. – Сталинобод, 1956. - 99 с.
266. Баракаева, Г. Б. Луғати англисӣ-тоҷикӣ / Г. Б. Баракаева. – Душанбе: Университети давлатии Тоҷикистон. – 1970. – 173 с.
267. Баракаева, Г. Б. Луғати мухтасари тоҷикӣ-англисӣ / Г. Б. Баракаева. – Душанбе: Университети давлатии Тоҷикистон, 1968. - Қисми 1.- 206 с.
268. Баракаева, Г. Б. Луғати мухтасари тоҷикӣ-англисӣ / Г. Б. Баракаева. – Душанбе: Университети давлатии Тоҷикистон, 1968. - Қисми 2. – 191 с.
269. Баракаева, Г. Б. Луғати мухтасари тоҷикӣ-англисӣ / Г. Б. Баракаева.– Душанбе: Университети давлатии Тоҷикистон, 1968.-Қисмҳои 1, 2.- 397 с.
270. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. - Душанбе: Дониш, 1986. - 372 с.
271. Ғиёс-ул-луғот: Иборат аз се ҷилд. – Душанбе: Адиб, 1987. - Ҷилди I. - Алиф-шин. - 480 с.
272. Зарбулмасал ва мақолҳои тоҷикӣ / тартибдиҳандагон А. Писарчик, С. Тоҷиддинов, М. Ҳамидҷонова. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1960. - 226 с.
273. Зикриёев, Ф. Аломатҳои асосии ҷумлаи содаи ҳикоягӣ / Ф. Зикриёев, М. Каримова // Раҳоварди қалам. - Хучанд, 1993. - 101 с.
274. Калонтаров, Я. И. Мудрость трёх народов – Панду ҳикмати се халқ – Уҷ халқнинг ҳикматлари: (сборник) / Я. И. Калонтаров; отв. ред. Б. Тилавов. - Душанбе: Адиб, 1989. - 432 с.
275. Камолитдинов, Б. Наҳви забони тоҷикӣ: китоби дарсӣ барои факултетҳои журналистика, филология ва забонҳои хориҷии мактабҳои олии Ҷумҳурии Тоҷикистон / Б. Камолитдинов. – Душанбе: Собириён, 2010. - 280 с.

276. Камолиддинов, Б. Тарҷумонӣ ва тарҷумаи бадеӣ (дастури ёрирасони таълим) / Б. Камолиддинов, Ф. Турсунов. – Душанбе: Матбуот, 2011. - 228 с.
277. Луғати тафсирии истилоҳоти Стандартҳои байналмилалӣ ҳисоботи молиявӣ (тоҷикӣ-русӣ-англисӣ). – Душанбе, 2001. – 176 с.
278. Мачидов, Х. Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик: дастури таълимӣ / Х. Мачидов; муҳаррирон В. Капранов, Х. Рауфов. - Душанбе, 1982. - 104 с.
279. Мачидов, Х. Мулоҳизае чанд роҷеъ ба баъзе масъалаҳои грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик / Х. Мачидов // Садои Шарк. - Душанбе, 2010. - №2 - С. 133-143.
280. Мамадназаров, А. Фарҳанги донишгоҳии англисӣ-тоҷикӣ / А. Мамадназаров. – Душанбе: Нодир, 2003. – 492 с.
281. Мамадназаров, А. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ / А. Мамадназаров. – Душанбе, 2007. – 1079 с.
282. Мухтор Шоқир. Замон ва тарҷумон / Мухтор Шоқир. - Душанбе: Адиб: 1989. - 208 с.
283. Муҳаммадхусайни Бурҳон. Бурҳони қотеъ / Муҳаммадхусайни Бурҳон. - Душанбе: Адиб, 1993. - Ҷ. I. - 416 с.
284. Муҳаммадхусайни Бурҳон. Бурҳони қотеъ / Муҳаммадхусайни Бурҳон. - Душанбе: Адиб, 2004. – Ҷ. II. - 424 с.
285. Ниёзмухаммадов, Б. Забони адабии ҳозираи тоҷик / Б. Ниёзмухаммадов. - Душанбе, Ирфон, 1973. - Қисми 1. - 450 с.
286. Носири Хусрав. Ҷомеъ-ул-ҳикматайн / Носири Хусрав // Куллият. - Душанбе: Ирфон, 1991. - С. 136-137.
287. Раҳимзода, М. З. Истилоҳоти соҳаи аграрӣ ва ҳифзи муҳити зист дар қонунгузорию Ҷумҳурии Тоҷикистон / М. З. Раҳимзода, А. С. Пӯлодов, Ҷ. И. Фарҳудинов, Ҷ. М. Ғуломҳайдаров. – Душанбе: Шаҳпар, 2014. – 228 с.

288. Раҳимзода, М. З. Истилоҳоти соҳаи молия, андозу гумрук ва фаъолияти бонкӣ дар қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон / М. З. Раҳимзода, С. Э. Баҳриддинзода, Ҷ. Қ. Бобоев [и др.]. – Душанбе: Империл-Групп, 2014. – 272 с.
289. Раҳимов, М. З. Истилоҳоти соҳаи меҳнат, ҳифзи иҷтимоӣ, фарҳанг, илм ва маориф дар қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон / М. З. Раҳимов, А. Қ. Каримов, И. Р. Саидов [и др.]. – Душанбе: Бухоро, 2014. – 156 с.
290. Сирочуддин Алихони Орзу. Чароғи ҳидоят / Сирочуддин Алихони Орзу. – Душанбе: Ирфон, 1992. – 288 с.
291. Тарҷума ва балоғати сухан. Андешаҳои мутахассисон доир ба тарҷумаи бадеӣ ва забони он. - Душанбе: Деваштич, 2005. - Ҷ. 2. - 192 с.
292. Тилавзод, Б. Зарбулмасал ва мақолҳо / Б. Тилавзод, Ф. Муродов. - Душанбе: Адиб, 2004. - 144 с.
293. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ / А. Мамадназаров. - Душанбе: Эр-граф, 2011. – 1016 с.
294. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX). Иборат аз ду ҷилд / дар зери таҳрири М. Ш. Шукуров, В. А. Капранов, Р. Ҳошим, Н. А. Маъсумӣ. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 1900 с.
295. Фозилов М. Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризҳои тоҷикию форсӣ / М. Фозилов. – Душанбе: Ирфон, 1977. - 583 с.
296. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик / М. Фозилов. – Душанбе: Ирфон, 1964. – Ҷ. I. - 802 с.
297. Халилов, А. Х. Ибораҳои изофӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик / А. Х. Халилов. - Душанбе, 1964. - 33 с.
298. Холов, П. Ибораҳои фразеологии изофӣ / П. Холов // Вопр. востоковедения. Труды СамГУ. – Самарканд, 1976. - С. 175-168.

299. Ҷамшедов, П. (Шарипов). Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ / П. Ҷамшедов, Толиби Розӣ (Шарипов). – Душанбе: Пайванд, 2005. – 1202 с.
300. Ҷамшедов, П. Фарҳанги тоҷикӣ ба англисӣ / П. Ҷамшедов. – Душанбе: Эҷод, 2008. - 978 с.
301. Шаҳобова, М. Б. Луғати мухтасари англисӣ-тоҷикӣ-форсӣ / М. Б. Шаҳобова. – Душанбе: Маориф, 1988. – 248 с.
302. Шаҳобова, М. Б. Луғати хурди англисӣ-тоҷикӣ / М. Б. Шаҳобова. – Душанбе: Дониш, 1972. – 2014 с.
303. Шербоев, С. Асосҳои илмию методии таълими синтаксиси ҷумлаҳои содаи забони тоҷикӣ дар синфҳои V ва VIII / С. Шербоев. - Душанбе: Деваштич, 2006. - 300 с.
304. Шокиров, Т. С. Луғати тоҷикӣ-русии истилоҳоти ҳуқуқ / Т. С. Шокиров. - Хучанд, 2011. - 368 с.

Электронный ресурс

305. Central Asia Cultures [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.centralasiacultures.com/tajikistan>. Дата обращения: 16 сентября 2015 г.
306. Lauren McNally and Paul Bucala. Afghanistan Report II. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/AFGH%20Report.pdf>
307. The lovely planet. Traditional dress of Tajikistan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thelovelyplanet.net/traditional-dress-of-tajikistan/> Дата обращения: 16 сентября 2015 г.
308. Информационно-коммуникационный центр АН РТ Termcom. tj. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://termcom.tj/?menu=dictionary&page=index2&am>
309. Фрейд, З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Freid/mass_psih.php

Список источников практических примеров

310. Айни, С. Воспоминания / С. Айни; перевод А. Розенфельд. – М., 1960. – С. 13.
311. Айни, С. Смерть ростовщика (Повесть) / С. Айни; пер. с тадж. О. Сухорева. – Душанбе: Адиб, 1987. – 224 с.
312. Голсуорси, Дж. Собр.соч. / Дж. Голсуорси. - М., Правда, 1967. - Т. 6. - С. 82.
313. Даниэль, Дефо. Робинзон Крузо / Даниэль Дефо. – Ленинград, 1986. – 136 с.
314. Драйзер, Т. Собр.соч. в 12-ти т. / Т. Драйзер. - М.: Гослитиздат, 1955. - Т. 1. - С. 20.
315. Мухаммадиев, Ф. Избранные произведения: В 2-х т. Повести. Рассказы. Очерки / Ф. Мухаммадиев; пер. с тадж. – М.: Худож. лит., 1988. – Т. 2. - 211 с.
316. Мухаммадиев, Ф. Над пропастью: Повесть / Ф. Мухаммадиев // Над пропастью: Таджикские повести. – М.: Худож. лит., 1987. - 122 с.
317. Мухаммадиев, Ф. Угловая палата: Роман. Повесть / Ф. Мухаммадиев; пер. с тадж. – М.: Сов. писатель, 1989. – 134 с.
318. Мухаммадиев, Ф. Японский шелк: Повести, рассказы, очерки / Ф. Мухаммадиев; пер. с тадж. – М.: Советский писатель, 1986. – 438 с.
319. Роберт, Льюис Стивенсон. Остров сокровищ / Роберт Льюис Стивенсон. - Киев: Полиграфкнига, 1992. - 103 с.
320. Aini, S. Bukhara / S. Aini // Reminiscences; translated into English by Holly Smith. – Moscow: Raduga, 1986. – 389 p.
321. Aini S. The death of money-lender / S. Aini. - Moscow: Raduga, 1986. - P. 321.
322. Arthur, Conan Doyle. Adventures of Sherlock Holmes / Arthur Conan Doyle. – USA: Quality Paperback Book Club, 1994. - 307 p.
323. Charlotte, Bronte. Jane Eyre / Charlotte Bronte; edited with an introduction by M. Smith. - Oxford University Press, 1975. - 496 p.

324. Daniel, Defoe. Robinson Crusoe / Daniel Defoe; introduction and Notes by Doreen Roberts. – Great Britain: Wordsworth Classics, 2000. - 242 p.
325. Ernest, Hemingway. The Old Man and the Sea / Ernest Hemingway. - New York: Scribner, 2003. - 127 p.
326. Fowles, J. The Ebony Tower / J. Fowles. - Progress Publishers, 1980. - 246 p.
327. Mark, Twain. The Prince and the Pauper / Mark Twain; with an introduction and Notes by Robert Tine. Barnes and Noble Classics. – New York, 2004. - 230 p.
328. Robert, Louis Stevenson. Treasure Island / Robert Louis Stevenson. - GB.: BPC Paperbacks Ltd, 1993. – 183 p.
329. Sharon, Shebar. Roosevelt and the New Deal / Shebar Sharon, D. Franklin; illustrations by Gary Lippincott. – New York: Barron’s Educational Series, Inc, 1987. - 168 p.
330. Айни, С. Ёддоштҳо. Дар сахро / С. Айни. - Душанбе: Адиб, 1990. – Қисми 1, 2. - 352 с.
331. Айни, С. Ёддоштҳо / С. Айни // Куллиёт. Ҷ. 6. – Душанбе: Нашрдавтоҷик, 1962. - Қисми 1, 2. - 352 с.
332. Айни, С. Марги судхӯр / С. Айни. – Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1961. - 350 с.
333. Артур, Конан Дойль. Ҳикояҳо дар бораи Шерлок Холмс / Артур Конан Дойль (тарҷ. аз русӣ). - Душанбе: Ирфон, 1981. - 448 с.
334. Марк, Твен. Шоҳзода ва гадо. (Барои бачагони миёнсол ва калонсол) / Марк, Твен. - Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1952. - 343 с.
335. Муҳаммадиев, Ф. Куллиёт: Иборат аз 5 ҷилд. Повестҳо / Ф. Муҳаммадиев. – Душанбе: Адиб, 1990. – Ҷ. 2. – 448 с.
336. Муҳаммадиев, Ф. Муҳоҷирон / Ф. Муҳаммадиев // Маҷмӯаи очерку ҳикояҳо. – Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1959. - 191 с.
337. Муҳаммадиев, Ф. Осори мунтахаб: Иборат аз 2 ҷилд. Повестҳо / Ф. Муҳаммадиев. – Душанбе: Адиб, 1990. – Ҷ. 2. – 448 с.

338. Роберт, Люис Стивенсон. Ҷазираи ҷавохирот / Роберт Люис Стивенсон. - Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1952. – 257 с.
339. Шарлотта, Бронте. Ҷейн Эйр. Роман. (тарҷ. аз русӣ Салими Зарафшонфар) / Шарлотта Бронте. – Душанбе: ТҶБ «Истиқбол», 2010. - 412 с.
340. Эрнст, Хемингуей. Мӯйсафед ва баҳр. Повест / Эрнст Хемингуей. – Душанбе: Нашрдавтоҷик, 1963. - 99 с.
341. Эрнст Ҳемингуий. Пирамард ва дарё / Эрнст Ҳемингуий. – Техрон: Ширкати саҳомии интишороти Хоразмӣ, хурдодмоҳи соли 1389 ҳичрии қамарӣ. - Чопи чаҳорум. – 222 с.

Примеры переводов английской безэквивалентной лексики на таджикский язык из двух вариантов переводов одного и того же художественного произведения

№ п/п	Предложение с БЭЛ в тексте оригинала “The Old Man and the Sea”	Предложение с БЭЛ в тексте раннего опосредованного перевода (вторая половина XX века)	Предложение с БЭЛ в тексте позднего прямого перевода (XXI век)
1.	He was an old man who fished alone in a skiff in the Gulf Stream and he had gone eighty-four days now without taking a fish [O.M.S., 6]	Пирамард дар Гольф-стрим яккаву танҳо моҳидорӣ мекард [М.Б., 12]	Пирамарде танҳо бо завраки худ дар Гулф Стрим моҳигирӣ мекард ва ҳоло ҳаштоду чор рӯз шуда, ки ҳеч моҳӣ нагирифта буд [П.Б., 7]
2.	But after forty days without a fish the boy’s parents had told him that the old man was now definitely and finally a salao , which is the worst form of unlucky, and the boy had gone at their order in another boat which caught three good fish the first week [O.M.S., 6]	Вале рӯзҳо паси ҳам гузашта мерафтанду моҳие ба дом намеафтод, ана аз ҳамин сабаб падару модараш ба писарак гуфтанд, ки пирамард бегумон Salao мебошад, яъне “одами бетолеътарин” аст ва фармуданд, ки ба баҳр бо ягон қайқи дигар барояд [М.Б., 12]	Аммо баъд аз чихил рӯзи бесайдӣ падару модари писарак ба ӯ гуфтанд, ки пирамард аниқу яқин “ салао ”, яъне бадтарин баргаштабахт аст ва писарак бо талқини онҳо ба завраки дигар рафт, ки воқеан дар ҳафтаи аввал се моҳии хуб гирифт [П.Б., 7]
3.	It made the boy sad to see the old man come in each day with his skiff empty and he always went down to help him carry either the coiled lines or the gaff and harpoon and the sail that was furled around the mast [O.M.S., 9].	...инро дида дили писарбача ба ҳоли ӯ месӯхт, ин буд, ки вай ҳар рӯз ба соҳил мерафт, то ин ки барои ба хонааш бурда додани... чангаки дастадароз, гарпун ва бодбони ба хода (дар ин ҷо сутуни бодбон ба назар дошта шудааст) печонидашуда ба мӯйсафед ёрӣ диҳад [М.Б., 12]	Писарак ҳар рӯз бо дасти ҳоли омадани пирамардро дида, ғамгин мешуд ва ба соҳил мефуromaд, ки ӯро барои овардани чанбари ресмон ё найзаю чангак ва бодбони печонида дар гирди амуд ёрӣ кунад [П.Б., 7]
4.	“ Santiago ”, the boy said to him as they climbed the bank from where the skiff was hauled up. “I could go with you again. We’ve made some money” [O.M.S., 6].	Сантьяго , - гуфт ба ӯ писарак вақте ки қайқро дар лаби баҳр баста монда, аз он ҷо ҳар дуяшон ба роҳи теппа рӯ ба боо мебаромаданд. – Аллақай мо камтар пул кор кардем [М.Б., 13]	Сантьяго , - гуфт писарак, вақте ки аз соҳил, аз ҷое ки завракро баста буданд, боло мебаромаданд, - ман метавонам, ки боз бо ту равам. Андаке пул кор кардам [П.Б., 7]
5.	They sat on the Terrace and many of the fishermen made fun of the old man and he was	Онҳо дар Айвон нишастанд. Бисёр моҳидорон ба ӯ нигоҳ	Онҳо ба қаҳвахонаи Террас рафтанд. Бисёре аз моҳигирон пирамардро

	not angry [O.M.S., 8]	карда, писханд мезаданд, лекин пирамард аз онҳо намеранчид [М.Б.,13]	масхара мекарданд, аммо ӯ озуда намешуд [П.Б.,9]
6.	Can I go out to get sardines for you for tomorrow? [O.M.S., 10].	Фардо ба ту сардина дошта биёрам? [М.Б., 14]	Махоҳӣ барои фардо сардина биёрамат [П.Б., 11].
7.	“No. Go and play baseball [O.M.S.,10].	Беҳтараш бейсбол бозӣ кун [М.Б., 14]	Не. Бирав, бейсбол бозӣ кун [П.Б.,11]
8.	I can still row and Rogelio will throw the net [O.M.S.,10]	– Ман ҳоло худам бел зада метавонам, тӯрро бошад, Рочелио мепартояд [М.Б.,14]	Ман ханӯз бел зада метавонам, Рочелио тӯр мепартояд [П.Б.,11].
9.	But I will see something that he cannot see such as a bird working and get him to come out after dolphin [O.M.S., 14].	Лекин ман чизеро дар чаҳор атроф мебинам, ки вай дида наметавонад. Ана он гоҳ ӯро розӣ кардан мумкин аст, ки барои сайди макрели тилло-ранг дуртар раванд. [М.Б., 16]	Аммо ман мегӯям чизеро дидам, ки чашмони ӯ намебинанд, мегӯям, ки як паранда дорад болои сайд чарх мезанад ва ба дур мебарамаш [П.Б., 15].
10.	“But you went turtle-ing for years off the Mosquito Coast and your eyes are goods” [O.M.S., 14].	Лекин худат чандин сол барои шикори сангпушт ба соҳили Москита рафтию чашмонат сипсихат [М.Б.,16]	Аммо ту, ки солҳои дароз дар соҳили Москито сангпушт шикор мекардӣ, чашмонат ханӯз хубанд [П.Б.,15]
11.	They walked up the road together to the old man’s shack and went in through its open door [O.M.S., 14].	Онҳо ба кулбаи пирамард аромаданд ва аз дари калон кушодагӣ ба он дохил шуданд [М.Б., 17]	– Онҳо ҳарду аз роҳ ба кулбаи пирамард баромаданду аз дари кушодаи он даромаданд [П.Б., 15].
12.	The shack was made of the tough bud-shields of the royal palm which are called guano and in it there was a bed... [O.M.S., 14]	Вай (кулба) аз баргҳои дарахти нахл сохта шуда буд, ки онро дар ин ҷо диано меноманд.[М.Б.,17].	Кулба аз баргҳои саҳти нахли шоҳӣ сохта шуда буд, ки гуано меноманд ва дар он як раҳти хоб... буд [П.Б., 15]
13.	On the brown walls of the flattened, overlapping leaves of the sturdy fibered guano there was a picture in color of the Sacred Heart of Jesus and another of the Virgin of Cobre . These were relics of his wife [O.M.S., 14]	Деворҳои тираранги кулба аз баргҳои ғоздори фишорхӯрда бардошта шуда, бо суратҳои рангаи Дили Худо ва Модархудо оро дода шуда буданд. Онҳо аз зани марҳумаш мерос мондаанд [М.Б., 17]	Дар деворҳои қаҳваранги баргҳои саҳти нахли шоҳӣ дар як қоб мусаввара рангаи ҳазрати Исо ва дар як қоб тасвир Маряи Муқаддас овехта шуда буд, ки мероси занаш буданд [П.Б.,15].
14.	How would you like to see me bring one in that dressed out over a thousand pounds ? [O.M.S., 16].	Канӣ, пагоҳ ман моҳии ҳазорфунтӣ медорам ё не [М.Б., 17]?	Дилат мехоҳад фардо як моҳии ҳазорфунта биёрам? [П.Б.1, 17]
15.	“ Perico gave it to me at the bodega,” he explained [O.M.S., 16].	Инро ба ман Перикои шаробфурӯш дод [М.Б.,18].	Перико инро дар назди қаҳвахона ба ман дод, - гуфт пирамард [П.Б.,17].
16.	The Yankees cannot lose	“ Янкӣ ”-ҳо бозиро бой	Янкҳо набояд бой диҳанд

	[O.M.S., 16].	намедиханд [М.Б., 18]	[П.Б., 17]
17.	But I fear the Indians of Cleveland [O.M.S., 16]	Мабодо онҳоро “Ҳиндуҳои” Кливленд шикаст надиханд, мегӯям [М.Б., 18].	Аммо ман аз Ҳиндуҳои Кливленд харос дорам [П.Б.1, 17]
18.	I fear both the Tigers of Detroit and the Indians of Cleveland [O.M.S., 16].	Ман на танҳо аз “Ҳиндуҳо”, балки аз “Бабрҳои” Детройт ҳам хавф дорам [М.Б., 18]	Ман ҳам аз Палангони Детройт метарсам ва ҳам аз Ҳиндуҳои Кливленд [П.Б., 17].
19.	Be careful or you will fear even the Reds of Cincinnati and the White Sox of Chicago [O.M.S., 16].	Ту, аҷаб нест, ки аз “Пустсурхони” Цинциннати ва “Сафедчулобони” Чикаго ҳам метарсидагистӣ [М.Б., 18]	Эҳтиёт бош, вагарна аз Сурхҳои Синсиннатӣ ва Ҷӯробсафедони Чикаго ҳам метарсӣ. [П.Б., 17].
20.	“Do you think we should buy a terminal of the lottery with an eighty-five? Tomorrow is the eighty-fifth day.” “We can do that,” the boy said. “But what about the eighty-seven of your great record ?” [O.M.S.,18]	Билети лотореягии рақами ҳаштоду панҷ доштагиро харем намешавад-мӣ-а? Охир пагоҳ рӯзи ҳаштоду панҷум-ку. – Чаро нахарем? – гуфт писарбача. – Охир дафъаи аввал ҳаштоду ҳафт рӯз буд-ку? [М.Б.,18].	Як билети лоторея бо рақами ҳаштоду панҷ харем чӣ мешавад? Фардо рӯзи ҳаштоду панҷум аст. – Фикри бад нест, - гуфт писарак. Аммо ҳаштоду ҳафти таъриҳӣ чӣ мешавад? [П.Б.,19].
21.	That’s two dollars and a half [O.M.S., 18].	Якташ ду доллару панҷох цент. [М.Б., 19].	Як билеташ дуним доллар [П.Б., 19].
22.	“Black beans and rice, fried bananas , and some stew” [O.M.S.,20].	Лубиёи сиёҳу биринҷ, банани биръён ва гӯшти гов [М.Б.,20].	Лубиёи сиёҳу биринҷ бо музи сурхкарда ва каме гӯштбирён [П.Б.,21].
23.	“Who gave this to you?”. – “ Martin . The owner.” [O.M.S.,20].	Ҳамаи инро ба ту кӣ дод? – Мартин , соҳиби ресторан [М.Б.,20].	Кӣ инҳоро ба ту дод?. – Мартин , соҳиби қаҳвахона [П.Б.,21].
24.	He sent two beers [O.M.S.,20].	Имрӯз боз пиво ҳам дод [М.Б.,20].	Ду обичав низ дод [П.Б.,21].
25.	I like beer in cans best. – I know. But this is in bottles, Hatuey beer , and I take back the bottles [O.M.S.,22].	Лекин ман бештар пивои консервиро нағз мебинам. – Медонам. Аммо имрӯз вай пивои шишагӣ дод. Шишаҳошро ба худш бурда медиҳам [М.Б.,20].	Ман оби чави куттигиро бештар дӯст медорам. – Медонам. Аммо инҳо шишагианд, оби чави Ҳатвӣ , шишаҳошро баъд бармегардонам [П.Б.,23]
26.	In the American League it is the Yankees as I said, the old man said happily [O.M.S.,22].	Чунон ки ман ба ту гуфта будам, аз чамбияти америкониҳо бозиро “Янки”-ҳо буридан, - хушхолона ба гап сар кард мӯйсафед [М.Б.,21].	Дар Лигаи Амрико , чӣ хеле ки ман гуфтам Янкиҳо пешсафанд, - хушхолона гуфт пирамард [П.Б.,23].
27.	“That means nothing. The great DiMaggio is himself again [O.M.S., 22].	Ин ҳеч гап не. Вале да Мачиои номӣ аз сари нав мисли пештара бозӣ мекунад [М.Б.,21].	Ин чандон муҳим нест. Димачиои бузург ханӯз тавоност [П.Б.,23].
28.	In the other league, between	Дар чамбияти дуйум	Дар дигар лигаҳо, байни

	Brooklyn and Philadelphia I must take Brooklyn [O.M.S., 22].	Бруклиниҳоу Филаделфиягиҳо бозиро бегумон Бруклиниҳо мебурданд [М.Б., 21].	Бруклин ва Филадельфия ман мухлиси Бруклин ҳастам. [П.Б.,23].
29.	But then I think of Dick Sisler and those great drives in the old park [O.M.S.,22].	Дар омади гап, дар ёдат ҳаст, Дик Сайзлер чӣ хел тўпрозада буд? Вақте ки дар парки кӯҳна бозӣ мекард, чӣ гуна зарбаҳо мезад? [М.Б.,21].	Ҳа, ростӣ ёдат ҳаст Дик Сизлер чӣ зарбаҳо мезад, вақте ки дар Парки Кухан бозӣ мекард [П.Б.,23].
30.	The great Sisler’s father was never poor and he, the father, was playing in the Big Leagues when he was my age [O.M.S., 24].	Падари Сайзлери номӣ ҳеч вақт камбағал набудааст, ва дар синну соли ман буданаш дар командаи зӯр бозӣ мекардааст [М.Б.,21].	Падари Сизлери номӣ ҳечгоҳ камбағал набудааст, вақте ки ӯ ҳамсинни ман будааст, падараш дар тимҳои калон бозӣ мекардааст [П.Б.,25].
31.	“Tell me about the great John J. McGraw ”. He said Jota for J [O.M.S., 24].	Аз Ҷон Мак-Гроуи номӣ гап зан [М.Б.,22].	Дар бораи Ҷон Ҷей Мак-Гроуи бузуру нақл кун. – Вай ба ҷои “Ҷей” “Ҷота” мегуфт [П.Б.,25].
32.	“He was a great manager ” the boy said [O.M.S., 24].	Вай тренери забардаст буд, - гуфт пасарбача [М.Б., 22]	Ӯ мураббии хубе будааст, - гуфт писарак [П.Б.,25].
33.	If Durocher had continued to come here each year your father would think him the greatest manager [O.M.S.,24].	Агар Дюроше ҳар сол ба ин ҷо меомад, падарат ўро бузургтарин тренери тамоми олам ҳисоб мекард [М.Б.,22].	Агар Дюроше ҳам ҳар сол ин ҷо меомад, падарат ўро бузургтарин мурабӣ медонист [П.Б.,25].
34.	“Who is the greatest manager, really, Luque or Mike Gonzalez ? [O.M.S., 24].	Ба фикри ту беҳтарин тренер кӣ? Люк ё ин ки Майк Гонсалес? [М.Б.,22].	Дар ҳақиқат кӣ мураббии беҳтарин аст, Луко ё Майк Гонсалес? [П.Б.,25].
35.	“ Que va ” the boy said. There are many good fisherman and some great ones [O.M.S., 24].	“ Que va! ” – гуфт писарбача. Дар дунё моҳидорони нағз кам не, бисёр нағзҳо ҳам ҳастанд [М.Б., 22]	“ Que Ma ” – гуфт писарак – Дар ҷаҳон моҳигирони хуб бисёранд, бузург ҳам ҳастанд, аммо ту дигарӣ [П.Б., 25].
36.	“You are my alarm clock ”, the boy said [O.M.S., 26]	Ту барои ман худи соати бедоркунак барин [М.Б.,23].	Ту барои ман занги сахарӣ , - гуфт писарак [П.Б.,27].
37.	...and he dreamed of the different harbours and roadsteads of the Canary Islands [O.M.S.,28].	...ӯ сар аз хоб набардошт, то ин ки...бандар ва халиҷҳои ҷазоирӣ Қанарро бинад [М.Б.,25].	...ва баъд хоби халиҷу бандарҳои гуногуни Қанориро дид [П.Б.,29].
38.	They had coffee from condensed milk cans at an early morning place that served fishermen [O.M.S.,30].	Онҳо дар ошхоначае, ки ба моҳидорон хизмат менамуду сахари солеҳон кушода мешуд, аз банкаҳои шири консервӣ қаҳва нӯшиданд [М.Б.,25].	Онҳо дар дўконе, ки ба моҳигирон хизмат мерасонд ва сахари барвақт ба кор оғоз мекард қаҳва нӯшиданд [П.Б.,31].

39.	“Very well, Manolin ,” the old man said. “I feel confident today.” [O.M.S.,30].	Бисъёр нағз хобидам, Манolini . Имрӯз ман ба омади кор дилам пур аст [М.Б.,25].	Хеле хуб, Манoлин , - ҷавоб дод пирамард. – Имрӯз худамро бардам ҳис мекунам [П.Б.,31].
40.	He saw the phosphorescence of the Gulf weed in the water as he rowed over the part of the ocean that the fisherman called the great well because there was a sudden deep of seven hundred fathoms where all sorts of fish congregated because of the swirl the current made against the steep walls of the floor of the ocean [O.M.S., 32].	Вақте, ки ӯ аз ин қисми океан, ки онро моҳидорон “чоҳи азим” меномиданд, гузашта мерафт, гиёҳҳои оби дурахшонро дид. Дар ин ҷо тағи океан якбора расо ҳафтсад сажени баҳрӣ паст фуромада меомад. Дар ин ҷо моҳиҳои гуногун ҷамъ мешаванд, чунки ҷараён ба сарнишебиҳои тағи океан бархӯрда гирдоб барпо мекунад [М.Б., 26]	Зеро дар он ҷо жарфои укёнус якбора бо ҳафтсад фадом мерасид ва аз сабаби ба обсабзҳо бархӯрда ба ҷониби нишебӣ баргаштани оби укёнус гирдоб пайдо мешуд ва ҳама гуна моҳиҳо он ҷо ҷамъ меомаданд. [П.Б., 33].
41.	Here there were concentrations of shrimp and bait fish and sometimes schools of squid in the deepest holes and these rose close to the surface at night where all the wandering fish fed on them [O.M.S., 32].	Дар ин ҷо селҳои калони креветҳо ва моҳичаҳо, дар ҷойҳои чуқуртарин бошад, баъзан ҳаштпоҳон бешуморе ғун мешаванд, шабона онҳо ба рӯи об мебароянд ва тӯмаи тамоми моҳиҳои дайду мегарданд [М.Б., 26]	Он ҷо харчанғо , моҳичаҳо ва гоҳо оилаи калмарҳо дар амиқтарин ҷойҳо ҷамъ меомаданд ва шабонгоҳ ба сатҳи укёнус мебаромаданд ва моҳиҳои роҳгузар онҳоро меҳӯрданд [П.Б., 33].
42.	He always thought of the sea as la mar which is what people call her in Spanish when they love her [O.M.S., 34].	Ӯ баҳрро дар дилаш ҳамеша la mar мегуфт, чунон ки одамон баҳрро дӯст медоштагӣ онро ба забони испонӣ ҳамин хел меномиданд [М.Б.,27].	Пирамард ҳамеша аз баҳр ба унвони “ la mar ” ёд мекард ва ин номест дар забони испонӣ, ки касоне, ки дӯсташ медоранд, ба баҳр медиҳанд [П.Б.,35].
43.	Some of the younger fishermen, those who used buoys as floats for their lines and had motorboats, bought when the shark livers had brought much money, spoke of her as el mar which is masculine [O.M.S., 34].	Моҳидорони ҷавонтар, онҳое, ки барои тӯру калмоқҳои худ ба ҷои қаравулак шиноварак ба кор мебаранд ва дар қайқҳои мотордори дар рӯзҳои қиматшудани ҷигари наҳанг харидашон моҳидорӣ мекунанд, баҳрро бо сифати мард, el mar меноманд [М.Б.,25].	Баъзе моҳигирони ҷавон, онҳое ки ресмонҳояшон тугмаи шиновар дорад ва заврақҳои муҳаррикдордоранд, ки замони равнақи бозори ҷигари наҳанг харидаанд, баҳрро “ el mar ” мегӯянд, яъне бо ҷинси мардона [П.Б.,35].
44.	Today I’ll work out where the schools of bonito and albacore are and maybe there will be a big one with them. [O.M.S., 34].	Имрӯз ман дар ҷойҳое бахтамо меозмоям, ки селҳои бонито ва албакоре шино мекунанд [М.Б., 27]	Имрӯз ба ҷое меравам, ки шояд селҳои бонито ё албакоре дошта бошад ва шояд моҳии калоне ҳам бо онҳо бошад [П.Б., 35].
45.	The boy had given him two fresh small tunas [O.M.S., 31].	Писарбача ба мӯйсафед ду то тунеси тару тоза дода буд [М.Б., 28].	Писарак ба ӯ ду самак дода буд [П.Б., 37].

46.	“ Dolphin ,” said the old man aloud. “Big dolphin .” [O.M.S., 40].	– Макрель , - бо овози баланд гуфт пирамард, - макрели калони тиллоранг [М.Б.,30].	Делфин , - гуфт пирамард, - делфини калон [П.Б.,41].
47.	As he looked down into it he saw the red sifting of the plankton in the dark water and the strange light the sun made now [O.M.S., 35].	Вақте, ки пирамард ба об назар афканд, дар қаъри торики баҳр тобиши сурхчаи планктон ва акси ачибу ғариби нурҳои офтобро дид [М.Б., 29].	Вақте, ки ӯ ба поён нигарист дар зери оби торик зарраҳои сурхи планктон ва равшании ғайриоддии нури офтобро дид [П.Б., 43].
48.	But the bird was almost out of sight now and nothing showed on the surface of the water but some patches of yellow, sun-bleached Sargasso weed and purple, formalized, iridescent gelatinous bladder of Portuguese man-of-war floating close beside the boat [O.M.S., 42].	Вале парранда акнун дур буд ва дар рӯи об чизе ба назар наменамуд, ба чуз обсабзи сорагассовои дар офтоб сӯтагӣ ва пуфакҳо – физалияҳои португалии бунафши рахшанда, ки наздикии қаиқ шино мекарданд [М.Б.,31].	– Паранда аз назар ғойб шуда буд ва дар сатҳи об чизе ба чуз аз обсабзҳои зарду офтобсӯхтаи саргассо ва хубобчаҳои желатинии арғувонию зебо ва тирукамонранг физалияи портуғолӣ, ки атрофи заврақ шино мекарданд, пайдо набуд [П.Б.,43].
49.	It floated cheerfully as a bubble with its long deadly purple filaments trailing a yard behind it in the water [O.M.S., 35].	Аз паси худ мӯйлабҳои бунафшранги марговарашро, ки дарозиаш як ярд буд, кашола карда мерафт [М.Б., 29]	Вай монанди хубобе шоду масрур шино мекарду аз пасаш риштаҳои суп-сурхаш қариб як метр дар рӯи об чӯяк мекашиданд [П.Б.1,43].
50.	“ Agua mala ,” the man said. “You whore”. From where he swung lightly against his oars he looked down into the water and saw the tiny fish ... [O.M.S.,42].	Aqua mala , - гуфт пирамард. – Эҳ, қанчиқ! Сабук-сабук болзанон вай ба чуқуртар нигарист ва дар он ҷо моҳичаҳои ниҳоят майдакери дид...[М.Б.,31].	Фазалия , - гуфт пирамард. Эй, ту фоҳишае-е! Пирамард оҳиста рӯи белҳо ҳам шуда, ба поён, ба даруни об нигоҳ кард ва моҳичаҳои хурдаке ба ранги риштаҳои фазалияро дид...[П.Б.,43].
51.	He was sorry for them all, even the great trunk backs that were as long as the skiff and weighed a ton [O.M.S.,44].	Мӯйсафедро ба онҳо раҳмаш меомад, ҳатто ба сангпуштҳои азими ғафспӯсти лут ном доштае ки қашон ба қадӣ қаиқ баробар буду вазнашон қариб як тонна [М.Б.,32].	Ба онҳо дилаш месӯхт, ҳатто ба сангпуштҳои калони пӯстдор, ки дарозиашон баробари заврақ ва вазнашон як тон буд [П.Б.,45].
52.	“ Albacore ,” he said aloud. “He’ll make a beautiful bait. He’ll weigh ten pounds ” [O.M.S., 46].	Альбакоре , - гуфт пирамард бо овози баланд. – Аз вай хӯрхӯраки оличаноб мебарояд. Вазнаш қариб даҳ фунт , аз ин кам не [М.Б.,34].	Албакоре , - бо овози баланд гуфт пирамард. – Хӯраи хуб мешавад. Чор кило вазн дорад [П.Б.,47].
53.	The myriad flecks of the plankton were annulled now by the high sun and it was only the great deep prisms in the blue water that the old	Шарораҳои беҳаду ҳисоби планктонро холо нури офтоби ба қиёматрасида хомӯш гардонида буд, ин аст, ки дар баҳри кабудӣ	Шарораҳои бешумори планктонро нури офтоб фуру мебард ва ин анвори шикастаи офтоб танҳо нуре буд, ки пирамард онро дар

	man saw now with his lines going straight down into the water that was a mile deep [O.M.S., 48].	сиёҳчатоб пирамард танҳо доғҳои рангоранги мункасираштаи шуои офтоб ва танобҳои рост ба чуқурии баҳр даромадаро.. меду бас [М.Б., 35].	қаъри оби нилгун, қад-қад ресмонҳои ба умқи як мил расидааш меду [П.Б., 49].
54.	One hundred fathoms down a marlin was eating the sardines that covered the point and the shank of the hook where the hand-forged hook projected from the head of the small tuna [O.M.S., 50].	Дар чуқурии сад сажени баҳрӣ марлин сардинаҳоеро мехӯрд, ки онҳо ба нӯк ва теғи қалмоқ, яъне дар тунетси начандон калоне баромада меистод, шадда карда шуда буданд [М.Б., 36].	Сад фадом поёнтар марлине сардинаҳои атрофи нешу ҳалқаи чангакро аз он ҷое, ки неши дастисози чангак аз сари самаки хурдак мебаромад, мехӯрд [П.Б., 51].
55.	Please eat them. How fresh they are and you down their six hundred feet in that cold water in the dark [O.M.S.,50].	Канӣ, илтимос мекунам, боз ҳам бихӯр. Сардинҳо ин қадар тару тозаанд, ки асло мон, ту бошӣ дар таги об хуеук мехурӣ, дар зери об, дар чуқури шашсад фут , барои ту хунуква торик аст [М.Б.,36].	Илтимос, бихӯр! Хеле тоза аст онҳо, ту худ дар умқи шашсад фут , даруни оби сарду торикӣ [П.Б.,51].
56.	“Now!” he said aloud and struck hard with both hands, gained a yard of line and then struck again and again ... [O.M.S., 54].	Вақташ шуд! – гуфт ӯ бо овози баланд ва бо ҳарду дасташ танобро саҳт кашида, аз об тахминан як ярд баровард [М.Б.,38].	Вақташ расид! – фарёд кард пирамард ва бо ҳарду даст ресмонро як ярд аз об берун кашид... [П.Б.,55].
57.	The fish just moved away slowly and the old man could not raise him an inch [O.M.S., 44].	Моҳӣ оҳиста-оҳиста дур мерафт ва мӯйсафед онро як дюйм ҳам ба худ наздик оварда наметавонист [М.Б., 38].	Моҳӣ оромона дур мерафт ва пирамард ақалан як дюйм ҳам онро наздик оварда натавонист [П.Б., 55].
58.	“I’m being towed by a fish and I’m the towing bitt [O.M.S., 45].	Моҳӣ маро кашола карда мебарад, худам ҳам ба битенги буксир монандам [М.Б., 38]	Моҳие маро мекашад ва ман ҳам аз пасаш кашола шуда меравам . [М.Б.1, 55].
59.	It makes no difference, he thought. I can always come in on the glow from Havana [O.M.S.,56].	Ҳеч гап не, - гуфт ӯ да дилаш, - ман қайро ба сӯи чароғҳои Гавана ронда, ҳама вақт баргашта метавонам [М.Б.,39].	“Ҳеч гап нест, - фикр кард ӯ, - аз рӯи рӯшноии Ҳавана метавонам баргардам [П.Б.,57].
60.	During the night two porpoises came around the boat and he could hear them rolling and blowing [O.M.S.,60].	Шабона ба қайқ дуто хуки обӣ наздик шуд ...[М.Б.,41].	Шабона ду хуки обӣ ба назди заврақ омаданд [П.Б.,61].
61.	He heard the stick break and the line begin to rush out over the gunwale of the skiff [O.M.S.,62].	Вайшикаста ратани навдаи танобро шунавид ва чулбур аз планшири қайқ ғеҷида фуромад [М.Б.,43].	Пирамард овози шикастани чӯбакро шунид ва ресмон аз болои лабаи заврақ лағжида рафт [П.Б.,63].

62.	It will have lost two hundred fathoms of good Catalan cordel and the hooks and leaders [O.M.S., 64].	Дуруст аст, ки аз ин дусад сажень таноби сахти каталонӣ талаф мешавад, ба ғайр аз қалмоку лангарчаҳоям [М.Б.,43]	Албатта, дусад фадом ресони хуби каталони́ро аз даст медиҳам, чангаку лангарҳояшро ҳам [П.Б.,65].
63.	But a cramp, he thought of it as a calambre , humiliates oneself especially when one is alone [O.M.S.,78].	Лекин кашидани раги даст бошад (вай инро фикран Calambre номид), дар вақтҳои танҳои махсусан ба иззати нафси кас мерасад [М.Б.,51].	Аммо ин рагкашӣ, вай рагкаширо бо лафзи испанӣ “каламбре” мегуфт, таҳқири одам аст, махсусан вақте ки танҳо бошӣ [П.Б.,79].
64.	“He is two feet longer than the skiff,” the old man said [O.M.S.,78].	Ин моҳӣ аз қайқи ман ду фут дарозтар будааст, - гуфт пирамард [М.Б.,51].	Вай ду фут аз заврақи ман дарозтар аст, - гуфт пирамард [П.Б.,79].
65.	He had seen many that weighed more than a thousand pounds and he had caught two of that size in his life, but never alone [O.M.S.,80].	Ӯ бисёр моҳихоеро дидааст, ки вазнашон бештар аз ҳазор фунт буданд, худаш низ вақте дуто чунин моҳиро дошта буд, вале ӯ ин корро ҳеч гоҳ танҳо намекард [М.Б.,52].	Ӯ бисёр моҳихоро дида буд, ки аз ҳазор фунт бештар вазн доштанд ва худ низ замоне дуто ҳамин хел моҳиро сайд карда буд, аммо он вақтҳо танҳо набуд [П.Б.,81].
66.	“I am not religious,” he said. “But I will say ten Our Fathers and ten Hail Marys that I should catch this fish, and I promise to make a pilgrimage to the Virgin of Cobre if I catch him. That is a promise” [O.M.S.,82].	Ман ба худо эътиқод надорам, гуфт пирамард. Лекин барои доштани ин моҳӣ даҳ маротиба дуои “Парвардигор” -ро ва ҳамон қадар дуои “Модархудо” -ро меҳонам. Агар онро ба даст орам ба зиёрати модархудои Кобрен меравам [М.Б.,53].	Ман ба Худо эътиқод надорам, гуфт ӯ. – Аммо даҳ маротиба “Падари мо” ва даҳ маротиба “Маряи Муқаддас” -ро меҳонам, то ки ин моҳиро ба даст орам; ва назр мекунам, ки агар ин моҳиро гирам, ба зиёрати Бокираи Кубро меравам. Қавл медиҳам [П.Б.,83].
67.	Hail Marys are easier to say than Our Fathers , he thought [O.M.S.,82].	Аз “Парвардигорро” дида “Модархудо” -ро такрор намудан осонтар аст, - гуфт ӯ дар дилаш [М.Б.,53].	Такрори “Маряи Муқаддас” аз “Падари Мо” дида осонтар аст, фикр кард ӯ [П.Б.,83].
68.	Hail Mary full of Grace the Lord is with thee. Blessed art thou among women and blessed is the fruit of thy womb, Jesus. Holy Mary, Mother of God , pray for us sinners now and at the hour of our death. Amen ”. Then he added, “Blessed Virgin , pray for the death of this fish. Wonderful though he is” [O.M.S.,82].	Ҳазрати Марьям , шод бош, Марьями неъматфазо , худо ёрат бод. Ту дар симои занон муборак ва муқаддасӣ , чанини батни ту муборак ва муқаддас аст, зеро ту барои наҷот додани рӯҳи мо таваллуд кардӣ. Омин . – Фурсате баъд ӯ илова намуд: - Марьями қудсӣ , илтиҷо кун, ки моҳӣ бимирад, агарчанде ки вай моҳии ниҳоят хушрангу зебост [М.Б.,53].	“Дуруд бар ту эй Маряи пурфайз! Худованд бо туст; ту дар миёни занон муборак ҳастӣ. Ту дар миёни занон муборак ҳастӣ ва муборак аст самарайи батни ту! Эй Маряи Муқаддас, Модари Худо , дуо кун барои мо гунаҳкорон, ҳам акнун, ҳам дар дами маргамон, Омин ”. Баъд илова кард: “Эй Маряи Муқаддас, дуо кун, ки моҳӣ бимирад. Агарчи вай хеле зебост” [П.Б.,83].

69.	He thought of the Big Leagues, to him they were the Gran Ligas , and he knew that the Yankees of New York were playing the Tigres of Detroit [O.M.S., 86].	Вай дар бораи чамбиятҳои машҳури бейсболбозон, ки барои Gran Ligas буданд, фикр мекард ва дар бораи он фикр мекард, ки бояд имрӯз “Янки”-ҳои Нью-Йорк бо “Палангҳои” Детройт бозӣ мекарданд [М.Б., 55].	Дар бораи Лигаи Олӣ, ба лафзи худаш Гран Лигас , фикр кард ва ҳамчунон аз он, ки имрӯз Янкиҳои Нью-Йорк ва Палангони Детройт мусобика доштанд [П.Б., 87].
70.	This is the second day now that I do not know the result of the juegos , he thought [O.M.S., 86].	Рӯзи дуум аст, ки ман аз ин натиҷаи Lueqos хабаре надорам, - гуфт ӯ дар дилаш [М.Б., 55]	Ду рӯз мешавд, ки ман аз натиҷаи бозиҳо беҳабарам, - фикр кард ӯ . [П.Б., 87].
71.	As the sun set he remembered, to give himself more confidence, the time in the tavern as Casablanca when he had played the hand game with great negro from Cienfuegos who was the strongest man on the dock [O.M.S.,88].	Пас аз он ки офтоб фуру рафт, пирамард барои худро зиндадил нигоҳ доштан, баъзе ҳодисаҳои аз сар гузаронидашро ба хотир овардан гирифт: Боре, дар майхонаи Касабланка вай бо зангии қавихайкали Сьенфугос , пурқувваттарин одами бандар зӯрозмоӣ кард [М.Б.,56].	Пас аз ғуруби офтоб, пирамард барои шердил кардани худ, замонеро ба ёд овард,ки дар майхонаи Касабланка бо зангии азимчуссае аз Сьенфугос , ки қавитарин мард дар бандар буд, сабқати дастхамонӣ карда буд [П.Б.,89].
72.	There was much betting and people went in and out of the room under the kerosene lights and he had looked at the arm and hand of the negro and at the negro’s face [O.M.S., 88].	Одамоне ки гирди онҳоро гирифта буданд, бо якдигар гарав мебастанд, ба хонае ки аз чароғи карасин хираравшан буд, даро-буро менамуданд, пирамард бошад чашм аз дасту оринҷ ва рӯи зангӣ намеканд [М.Б.,56].	Шартбандии зиёде шуда буд ва одамон, дар нури чароғҳои керосинӣ , ба ҳучра даро баро мекарданд, вале ӯ ба дасту бозу ва чеҳраи марди зангӣ нигоҳ мекард [П.Б.,89].
73.	The odds would change back and forth all night and they fed the negro rum and lighted cigarettes for him [O.M.S.,88].	Дар тамоми шаб гоҳ ин ҳариф бартарӣ медошт, гоҳ ҳарифи дигар; ба зангӣ ром менӯшониданд, сигареташиро дармегиронданд [М.Б.,57].	Тамоми шаб бартарӣ гоҳ аз он буду гоҳ аз ин; ба марди зангӣ ром нӯшониданд ва сигарашро оташ мезаданд [П.Б.,89].
74.	Then the negro, after the rum , would try for a tremendous effort and once he had the old man, who was not an old man then but was Santiago El Campeon , nearly three inches off balance. But the old man had raised his hand up to dead even again. [O.M.S., 90].	Зангӣ ромро нӯшида, то чон дошт зӯр зад ва ҳатто якбора дасти мӯйсафедро, ки он вақтҳо мӯйсафед набуд, балки Сантьяго El Campeon номида мешуд, қариб ба се дуйм қат ҳам карда тавонист [М.Б., 57]	Марди зангӣ, баъди нӯшидани ром , бо тамоми қувва кӯшиш ба харҷ дод ва як бор дасти пирамардро, ки он замон пирамард набуд, балки Сантьяго Эл Кампион ном дошт, қариб се инч ҳам кард [П.Б., 91].
75.	Many of the bettors had asked for a draw because they had to	Бисъёрии иштирок доштагон талаб	– Бисёре аз шарбастагон мусовӣ шудани рақорбатро

	go to work on the docks loading sacks of sugar or at the Havana Coal Company [O.M.S.,90].	мекарданд, ки дуранг ҳисоб карда шавад, зеро вақти ба кори бандар баромаданашон расида буд ва дар он чо онҳо барои ширкати англишти Гавана англишт, ё халтаҳои қанд бор мекарданд [М.Б.,57].	мехостанд, зеро онҳо бояд ба бандаргоҳ, барои бор кардани халтаҳои шакар ва ё ба ширкати англиштсанги Хавана мерафтанд [П.Б.,91].
76.	For a long time after that everyone had called him The Champion and there had been a return match in the spring [O.M.S.,90].	Баъд аз он ўро Чемпион меномиданд. Баҳорон ў ба зангӣ имконият дод, ки бори дигар зўрашро озмояд [М.Б.,57].	Баъд аз он ҳодиса, муддатҳо ўро “Чемпион” меномиданд ва баҳори ҳамон сол мусобикаи ҷавобӣ ташкил шуд [П.Б.,91].
77.	An airplane passed overhead on its course to Miami and he watched its shadow scaring up the schools of flying fish [O.M.S., 71].	Аз болои сари вай самолёте парида гузашт, ки ба сӯи Майами раҳсипор буд ва мӯйсафед дид, ки як селай калони моҳиҳои паррон аз сояи самолёт тарсида ба ҳаво париданд. [М.Б., 58]	Аз болои сари пирамард ҳавопаймое ба ҷониби Майами парвоз кард ва ў мушоҳида кард, ки чӣ тавр сояи он селай моҳиҳои паронро безобита кард, ва онҳо боло ҷаҳиданд [П.Б., 93].
78.	Its jaws were working convulsively in quick bites against the hook and it pounded the bottom of the skiff with its long flat body [O.M.S.,94].	Даҳони макрель дар ҳолате ки қалмоқро мегазид, беихтиёр саҳт пӯшида шуд, тани дарозу ҳамвораш, сар ва думаш тапар тупур ба таги қаиқ мезаданд , то он даме ки пирамард ба сари тилловор дурахшони он зарбае заду ва он як ларзидадигар хомӯш гашт [М.Б.,59].	Ҷоғҳои он ноҳудоғоҳ хўраи сари чангакро қабза карда, медоштанд ва бадани дарозу ҳамвор ва думи сарашро ба таги заврақ, то он даме ки пирамард ба тори сари заргунаш зарба зад ва он ларзиду ором шуд, мекӯфт [П.Б., 95].
79.	He did not know the name of Rigel but he saw it and knew soon they would all be out and he would have all his distant friends [O.M.S., 96].	Вай номи ситораи Ригелро намедонист, вале онро дида фаҳмид, ки ба зудӣ ситораҳои дигар низ падида меоянд ва он гоҳ ин дӯстони дурдасташ боз бо ў ҳамроҳ хоҳанд шуд [М.Б., 61].	Ў номи Ригл-ал-заборро намедонист, аммо онро диду, фаҳмид, ки баъд аз чанд лаҳза ситораҳои дигар низ намоён мешаванд ва пирамард боз бо рафиқони раҳдури худ хоҳад буд [П.Б., 97].
80.	Under the stars and with the night colder all the time he ate half of the dolphin fillets and one of the flying fish, gutted and with its head cut off [O.M.S.,104].	Ў нима як порчаи лаҳм ва якто моҳии паронро, ки даруни онро пешакӣ дар равшани ситорагон тоза карда буд, хўрд дар ҳолате ки то рафт салқинтар шуда истодани шабро хис менамуд [М.Б.,64].	Зери анвори ситораҳо пирамард нимаи яке аз пораҳои лаҳми делфин ва яке аз моҳиҳои паронро тоза кард, ср бурида, хўрд ва эҳсос кард, ки шаб хунуктар мешвад [П.Б.,105].
81.	I will never go in a boat again without salt or limes	Дигар ҳеҷ вақт бе намаку бе лимӯ ба баҳр	Дигар ҳеҷ гоҳ бидуни намак ва бе лимон ба баҳр

	[O.M.S.,104].	намебароям [П.Б.,64]. – диге бидуни намак ва обе лиму по бе дарё немизорам [П.Д.,170].	намебароям [П.Б.,105].
82.	He did not dream of the lions but instead of a vast school of porpoises that stretched for eight or ten miles ...[O.M.S., 104].	Ба хобаш шерҳо надаромаданд, вале ба ивази он селаи калони дарозиаш ҳашт ё даҳ милаи хукҳои обиро дид [М.Б.,65].	Шерҳо ба хобаш надаромаданд, аммо ба хобаш селаи калони хукҳои баҳриро, ки масофаи ҳашт ё даҳ мил тӯл кашида буданд, хоб дид [П.Б.,105].
83.	The line went out and out and out but it was lowing now and he was making the fish earn each inch of it [O.M.S.,108].	Таноб ҳамчунон ба об мерафту мерафту мерафт, лекин ҳоло рафти вай сустар гашта буд ва ӯ моҳиро водор менамуд, ки ҳар вачаби онро бо тамоми зӯраш кашида гирад [М.Б.,66].	Ресмон ҳамчунон мреафту мерафт, аммо акнун ҳаракаташ сусттар шуда буд, пирамард моҳиро маҷбур мекард, ки ҳар як сантиметри онро бо душворӣ кашида гирад [П.Б.,109].
84.	But he was that big and at the end of this circle he came to the surface only thirty yards away and the man saw his tail out of water [O.M.S.,118].	Аммо моҳӣ ҳамин хел калон буд ва дар охири даври сейӯм вай дар масофати сӣ ярд аз қаиқ ба рӯи об баромад ва мӯйсафед думи аз об баланд шудаи ӯро дид [М.Б.,72].	Аммо моҳӣ хеле азимчусса буд ва дар охири ҳамин даври сеюм вай ҳамагӣ сӣ ярд дуртар аз заврақ ба сатҳи об баромад ва пирамард думи ӯро дар рӯи об дид [П.Б.,119].
85.	They were each over three feet long and when they swam fast they lashed their whole bodies like eels [O.M.S.,118].	Қади ҳар як моҳии часпак бештар аз се фут буд ва дар асное ки онҳо бо суръати тез шино мекарданд, ба мисли мормоҳӣ печутоб мехӯрданд [М.Б.,72].	Ҳар кадом зиёда аз як метр дарозӣ доштанд ва ҳангоми тех шино кардан монанди мормоҳӣ тамоми баданашон печутоб мехӯрд [119].
86.	First it was dark as a shoal in the blue water that was more than a mile deep. Then it spread like a cloud [O.M.S.,124].	Аввал доғи рӯи баҳр хира буд, гӯё оби кабуди баҳр ба чуқурии расо як милия пур аз селаи моҳӣ гаштааст. Баъд доғи пош хӯрду ба абр монанд шуд [М.Б.,75].	Дар аввал доғи хун тира буд, гӯё дар умқи зиёда аз як мил даруни оби кабуди баҳр як селаи моҳӣ шино мекарданд. Пас он монанди абр пароканда шуд [П.Б.,125].
87.	I am a tired old man. But I have killed this fish which is my brother and now I must do slave work [O.M.S.,124].	Ман одами пир ва ман хеле монда шудам. Лекин бо вучуди он ки ин моҳиро, ки аз додарам ҳам азизтар аст, куштам ва акнун анҷом додани корҳои сиёҳ монду бас [М.Б.,75].	– Ман пирамарди хастае ҳастам. Вале ман ин моҳиро, ки бародари азизи ман аст, куштам ва акнун кори сиёхро бояд анҷом диҳам [П.Б.,125].

88.	It is not much more than noon, he thought. And the trade wind is rising [O.M.S., 126].	Ҳозир аз нисфи рӯз андаке гузашт, пассат бошад, саҳт шуда истодааст [М.Б., 76].	Боди мусоид ҳам мевазад [П.Б., 127].
89.	They were wider than a man's hand with his fingers spread and the fish's eye looked at detached as the mirror in a periscope or as a saint in a procession [O.M.S.,126].	Бари ин рахҳо аз як ваҷаб васеътар буд, чашмони моҳӣ бошад, ба мисли оинаи перископ ё симои қудсиҳои дар вақти шуриши салиббардорон сарду беҳис буданд [М.Б.,77].	Ин рахҳо аз як ваҷаби бози мард васеътар буданд ва чашмони моҳӣ монанди булӯри дурбини зериобӣ ва ё шамоили усқуфҳои пешопеши чаноза берангу беҳис менамуданд [П.Б.,127].
90.	He's over fifteen pounds the way he is, he thought. May be much more. If he dresses out two-thirds of that at thirty cents a pound? [O.M.S., 126]	“Вазни моҳӣ қариб ним тонна мебарояд, - гуфт ӯ дар дилаш. – Мумкин аз ним тонна ҳам зиёд бошад. Агар сеяки он гӯшти лаҳм барояду ҳар фунташро се сенти фурушад, чӣ қадар пул мегирад? [М.Б., 77].	Бояд бештар аз якуним ҳазор фут вазн дошта бошад. Шояд бештар. Агар аз се ду ҳиссаашро ба нархи ҳар фунт сӣ сентӣ фурушӣ, чӣ қадар пул мешуда бошад? [П.Б., 127]
91.	Then he stepped the mast and, with the stick that was his gaff and with his boom rigged, the patched sail drew, the boat began to move, and half lying in the stern he sailed south-west. [O.M.S., 128].	Сипас ӯ ходаро рост кард, ба ҷои гафелӣ таёкро баст, шкотро таранг кашид [М.Б., 77].	Баъд ӯ амудро рост карду равакҷӯбро баст ва таноби кунҷи бодбонро кашиду бодбони дарбеҳиро рост кард ва заврақ ба ҳаракат омад; пирамард ба қафои заврақ нимтақя карда, ба самти чанубу ғарбӣ шино кард [М.Б.1, 129].
92.	He did not need a compass to tell him where south-west was [O.M.S.,128].	Барои фаҳмидани он ки чанубу ғарбӣ дар кадом тараф аст, ба пирамард кутбнамо даркор набуд [М.Б.,78].	Барои муайян кардани самти чанубу ғарбӣ ба вайкутбнамо лозим набуд [П.Б.,129].
93.	The skiff was sailing well considering the handicaps and he steered with the tiller under his arm [O.M.S., 128].	Қаиқ бо вучуди муқобилияте, ки бартараф кардан лозим мешуд, нағз мерафт ва мӯйсафед румелро дар зери оринчаш дошта онро идора менамуд [М.Б., 78].	Заврақ бо вучуди вазнинӣ хуб шино мекард ва пирамард суконро зери бозуяш қарор дода онро идора мекард [М.Б.1, 129].
94.	Dentuso , he thought. Bad luck to your mother [O.M.S., 132].	Dentuso гуфт ба дилаш пирамард. – Вабо занад онаи туро [М.Б., 80].	Дентусо , - гуфт ба дилаш. Модарат ба азоят нишинад [П.Б., 133].
95.	He took about forty pounds , the old man said aloud [O.M.S., 134].	Вай қариб чил фунт гӯшти моҳиро бо худ гирифта рафт, гуфт мӯйсафед бо овози баланд [М.Б.,81].	Чил фунт гӯштро гирифта рафт [П.Б., 135].
96.	“ Galanos ,” he said aloud [O.M.S., 140].	“ Galanos ,” - гуфт ӯ бо овози баланд [М.Б., 85].	Галаносҳо . Ку биёед галаносҳо [П.Б., 141].

97.	It was an oar handle from a broken oar sawed off to about two and a half feet in length [O.M.S., 148].	Ин таёқ шикастапораи бел буд, ки тақрибан дуним фут дарозӣ дошт [М.Б., 89].	Он дастаи беле буд, аз як бели шикаста арра карда гирифта буд ва наздики як метр дарозӣ дошт [П.Б., 149].
98.	He was eighteen feet from nose to tail, the fisherman who was measuring him called [O.M.S., 162].	Дарозии моҳӣ аз бинӣ то думаш ҳаждаҳ фут , - ба овози баланд гуфт ба писарак моҳидоре ки устухони моҳиро чен мекард [М.Б., 96].	Ҳаждаҳ фут будааст, - фарёд кард моғире, ки онро андоза мекард [П.Б., 163].
99.	You can make the blade from a spring leaf from an old Ford [O.M.S., 164]?	Теғашро аз рессораи форди кӯҳна сохтан мумкин [М.Б., 98].	Пайконашро аз фанари як “ форд ”- и кӯҳна сохтан мумкин [П.Б., 165].
100.	We can grind it in Guanabacoa [O.M.S., 164].	Онро дар Гуанабакоа тез мекунем... [М.Б., 98].	Онро дар Гуанабакоа тез мекунам [П.Б., 165].
101.	Have faith in the Yankees my son [O.M.S., 16].	Натарс, писарам [М.Б., 18].	Ба Янкиҳо эътимод ҳаст, писарам [П.Б., 17].
102.	“Wake up old man ,” the boy said and put his hand on one of the ole man’s knees [O.M.S., 20].	Бихез, - гӯён ҷеғ зад ўро писарбача ва дасташро ба зоняш гузошт [М.Б., 19].	Хез бобо , - гуфта писарак дасташро ба яке аз зонувони пирамард гузошт [П.Б., 21].
103.	“How did you sleep old man ?” the boy asked [O.M.S., 30].	Нағз хобидӣ, мӯйсафед ? – пурсид писарбача [М.Б., 25].	Чӣ хел хоб кардӣ, бобо, - пурсид писарак [П.Б., 31].
104.	“But you have not slept yet, old man ,” he said aloud [O.M.S., 100].	Лекин ту, мӯйсафед , ҳанӯз нахобидай, - гуфт ў бо овози баланд [М.Б., 62].	Аммо ту ҳанӯз хоб накардӣ, пирамард , - гуфт ў бо овози баланд [П.Б., 101].
105.	You better be fearless and confident yourself, old man , he said [O.M.S., 108].	Ту, мӯйсафед , ваҳму тарсро аз дили худат дур кун ва ба қувваи худ бештар эътимод намо, - гуфт ў (М.Б., 67).	Пирамард , бехтар аст худат тарсро фаромӯш куну боэътимод бош, - гуфт ў [П.Б., 109].
106.	You are killing me, fish , the old man thought. But you have a right to. Never have I seen a greater, or more beautiful, or calmer or more noble thing than you, brother . Come on and kill me. I do not care who kills who [O.M.S., 120].	“Ту маро ҳалок мекунӣ, моҳӣ , - гуфт дар дилаш пирамард. Ба ин, ту албатта ҳақ дорӣ. Ман дар умрам як бор ҳам моҳии мисли ту бузург, хушранг, ором ва наҷибро надидам. Хайр, кушӣ куштан гир. Акнун ба ман фарке надорад, ки ту маро мекушӣ ё ман туро” [М.Б., 74]. –	“Охир ту маро мекушӣ, моҳӣ , - фикр акрд ў. – Албатта ба ин ҳақ ҳам дорӣ. Ҳеҷ гоҳ аз ту бузурғтару зеботар ва оромтару наҷибтар чизеро надидам, бародар . Биёву маро бикӯш. Ба ман фарке надорад, кӣ киро мекушад [П.Б., 121].
107.	The old man looked at him with his sun-burned , confident loving eyes [O.M.S., 10].	Мӯйсафед бо чашмони аз офтоби сӯзон суп-сурх шуда пур аз меҳру садоқат ба писарак нигарист [М.Б., 15].	Пирамард бо чашмони офтобхӯрда ва мутмаину бамеҳраш баӯ нигарист [П.Б., 11].

108.	But he was rough and harsh-spoken and difficult when he was drinking [O.M.S.,24].	Вай ҳам пештарҳо ба Айвон ба назди мо меомад, лекин ҳамин, ки маст шуд, ӯро ҳеч кас саришта карда наметавонист [М.Б.,22].	Аммо ӯ, вақте ки маст мешуд, дағалу бадмуомила буд, бо касе унс намегирифт [П.Б.,25].
109.	Just then he saw a man-of-war bird with his long black wings circling in the sky ahead of him [O.M.S., 38].	Дар ҳамин лаҳза вай фрегат ном паррандаеро дида монд, ки болҳои сипғсиёҳашро калон кушода пешопеши қайқ дар осмон чарх мезад [М.Б., 29].	Ҳамин замон ӯ паррандаеро дид, ки бо болҳои сиёҳи дароз рост дар болои сари ӯ давр мезад. [П.Б., 39].
110.	He made a quick drop, slanting down on his back-swept wings , and then circled again [O.M.S.,38].	Парранда болҳояшро ба пушташ кашида худро тирвор ба об партофт баъд боз ба давр задан даромад [М.Б.,29].	Вай болҳояшро ба қафо ҳам карда , якбора ба поён фуromaд ва боз дубора боло баромада чрх задан гирифт [П.Б.,39].
111.	It had a wire leader and a medium-sized hook... [O.M.S.,40].	Ӯ белҳоро аз об бардошт ва аз таги тахтаи фарши биннии қайқ танобро гирифт. Ба нӯғаш он қалмоқи на чандон калонеро бо сим бастагӣ буд...[М.Б.,30].	Ӯ белҳоро ба дарун кишида, аз пеши заврақ як ресмончаеро гирифт, ки дар нӯғаш чангаки андозааш миёнае дошт [П.Б.,41].
112.	He loved green turtles and hawk-bills with their elegance and speed and their great value and he had a friendly contempt for the huge, stupid loggerheads, yellow in their armour-plating , strange in their love-making, and happily eating the Portuguese men-of-war with their eyes shut [O.M.S.,44].	Ӯ сангпуштони сабзро барои зебову чолок буданашон, инчунин барои он, ки гаронбаҳо буданд, нағз медид, вале аз биссаҳои лаванду нодони зиреҳи зардпӯше ки дар ишқбозӣ нозуксанҷ буданд ва фазалияхоро чашм пӯшида мехӯрданд, начраташ меомад [М.Б., 32].	Пирамард сангпуштони сабзро ва сангпуштҳои уқобсарро дӯст медошт, ҳам барои зебоиву тезравияшон ва ҳам барои нархи баландашон. Ва бо эҳсоси таҳкири дӯстона ба сангпуштҳои харсари бузург ва аҳмақ менигарист [П.Б.,45].
113.	The male fish let the female fish feed first and the hooked fish, the female, made a wild panic-stricken , despairing fight that soon exhausted her, and all the time the male had stayed with her... [O.M.S.,60].	Нараш ҳамеша ба сари хӯрок аввал модамоҳиро мемонад ва модамоҳӣ ба қалмоқ даромада, аз ҳавли чон ба муборизаи сахт даромад , ки аз он вай зуд аз ҳол рафт...[М.Б.,41].	Марлини модина ба чангак афтоду аз ҳавли чон ба таҳлукаи ваҳшиёна ва бефоида сар кард ва ба зудӣ аз по афтид ва тамоми ин муддат марлини нарина бо ӯ буд [П.Б.,61].
114.	It is a strong full-blooded fish, he thought [O.M.S.,74].	Ин моҳии солим ва пурхун аст, - аз дилаш гузаронд ӯ. – Хайрият, ки ба дастам макрель нею тунец афтод [М.Б.,48].	“Моҳии қавӣ ва серхун аст, - фикр кард ӯ. – Хуб шуд, ки самак гирифтам, на делфин [П.Д.,75].

115.	Slowly and conscientiously he ate all of the wedge-shaped strips of fish [O.M.S.,74].	Мӯйсафед саросема нашуда тамоми порчаҳои гӯшти мохиро хӯрд [М.Б.,49].	Пирамард ҳама буридаҳои фонашакли гӯшти мохиро охиставу ботамкин хӯрд [П.Б.,75].
116.	Why is it that all the fast-moving fish of the dark current have purple backs and usually purple stripes or spots? [O.M.S.,92].	Барои чӣ пушти ҳамаи моҳихои тезгарде ки дар чуқурии торик шино мекунанд, бунафшранг аст ва ағлаб, рах ва холҳошон низ бунафш аст? [М.Б.,59].	Чаро ҳама моҳихое, ки босуръат вадар умқи торики баҳр шино мекунанд, харпуштаи бунафш ва ё рахҳову холҳои бунафш доранд? [П.Б.,93].
117.	When he thought that he knew that he was not being clear-headed and he thought he should chew some more of the dolphin [O.M.S.,110].	Ҳамин ки чунин фикрҳо ба сараш омаданд, вай дарҳол фаҳмид, ки сараш гич шуда истодааст . Боз як бурда гӯшти моҳӣ хӯрдан лозим буд [М.Б.,68].	Вақте ки фикрҳо ба сараш омаданд, ӯ дарҳол фаҳмид, ки мағзаш гич шудааст ва фикр кард, ки бояд каме дигар гӯшти делфин бихӯрад [П.Б.,111].
118.	It is better to be light-headed than to lose your strength from nausea [O.M.S.,110].	Майлаш, сарам гич шавад, шавад , аммо дилам бечо шуда аз ҳол наравам [М.Б.,68].	Сарам гич бошад бехтар аст , дилам беҳузур ва кувватам кам мешавад [П.Б.,111].
119.	Just then he felt a sudden banging and jerking on the line he held with his two hands. It was sharp and heart-feeling and heavy [O.M.S.,114].	Дар ҳамин лаҳза ӯ пай бурд, ки таноби бо ҳарду дасташ дошта истодагӣ зарбае хӯрд ва баъд кашида шуд. Сахт ва хеле бошидат кашида шуд [М.Б.,70].	Ҳамин лаҳза ӯ хис кард, ресмоне, ки бо ҳарду дасташ дошта меистод, якбора такон хӯрда кашида шуд. Ин як зарба ва кашиши хеле шадиде буд [П.Б.,115].
120.	The sea had risen considerably. But it was a fair-weather breeze and he had to have it to get home [O.M.S.,116].	Дар баҳр мавчи каон пайдо шуд. Вале обро боди мусоид, ҳамсафари ҳавои равшан ба чунбиш меовард, ки он барои ба манзил рафта расиданаш лозим буд [М.Б.,71].	Аммо обро боди мусоид, ки ҳамсафари ҳавои хуб ва барои ба хона баргаштани пирамард лозима буд, пеш меронд [П.Б.,117].
121.	They were not the ordinary pyramid-shaped teeth of most sharks [O.M.S., 132].	Дандонҳои вай ба дандонҳои муқаррарии аҳромшакли ағлаб наҳангҳо монанд набуданд...[М.Б.,80].	Онҳо ба дандонаҳои муқаррарии аҳромшакли наҳангҳои дигар шабоҳид надошт...[П.Б.,133].
122.	They were nearly as long as the finders of the old man and they had razor-sharp cutting edges on both sides [O.M.S.,132].	Дарозии дандонҳояш аз ангуштони пирамард кам набуданд ва аз дутарафчун дами поку бурро буданд [М.Б.,80].	Онҳо тақрибан ба дарозии ангуштони пирамард буданд ва дар ҳарду тарафшон кунҷҳои тези покумонанд доштанд [П.Б.,133].
123.	Then, on his back, with his tail lashing and his jaws clicking, the shark plowed over the water as a speed-boat does [O.M.S., 134].	Дар ҳолате ба пушташ мехобид, дум мезад ва чоғҳояшро шараққос мезанонд ва чун қайқи мотордори тезгард , обро кафк мекунонд [М.Б.,81].	Дар ҳоле, ки ба пушт меғалтид, думашро алвонҷ дода, орвораҳояшро ба ҳамдигар кӯфта, монанди заврақи мотордори тезгард обро кафк мекунонд [П.Б.,135].

124.	He could their wide, flattened, shovel-pointed heads now and their white tipped wide pectoral fins [O.M.S., 142].	Ў сарҳои пачақи фарохбинӣ ва қанотҳои зехсафеди сарисинагии онхрор дид [М.Б.,85].	Ў каллаҳои пачақу белмонанд ва болҳои нўгсафеди пушти онҳоро мезд [П.Б., 143].
125.	He did not even watch the big shark sinking slowly in the water, showing first life-size , then small, then tiny [O.M.S., 148].	Ў ҳатто нигоҳе ҳам накард, ки наҳанг чӣ гуна оҳиста ба таги об даромад, торафт хурдтар мегашт ва ниҳоят майдекак шуда монд [М.Б., 88].	Ў ҳатто нигоҳ накард, ки наҳанги дурушт чӣ гуна ба об ғарқ шуда меравад, аввал ба андозаи табиӣ буд , пас хурдтар ва ниҳоят хурдакак шуда рафт [П.Б., 149].
126.	“He’ll take it,” the old man said aloud.” God help him to take it” [O.M.S., 52].	Дармонд, - гуфт пирамард бо овози баланд. – Дармонд, илоҳӣ худо тану ҷонашро сихат ниғаҳ дорад [М.Б.,36].	Даҳон зад, - садо зад пирамард. – Худо саломат бидиҳад , даҳон зад [П.Б.,53].
127.	“He can’t have gone,” he said. “ Crist knows he can’t have gone [O.M.S., 52].	Вай намебоист биравад, - гуфт мўйсафед. – Худо шохид , вай намебоист биравад [М.Б.,37].	Набояд равад, - гуфт ӯ. – Худо шохид , ӯ набояд равад [П.Б.,53].
128.	Thank God he is traveling and not going down [O.M.S.,54].	Худоро шукр , ки вай пеш мераваду ба таги об намефурояд [М.Б.,39].	Шукри Худо , ки рост шино карда истодааст, ба поён фуру намеравад [П.Б.,55].
129.	“ God help him jump,” the old man said. “I have enough line to handle him” [O.M.S.,66].	Худоё , онромачбур кун, ки ба рӯи об барояд, - гуфт пирмамард. Барои ӯҳда кардани вай танобам кифоя аст [М.Б.,44].	Худоё , чунон кун, ки боло чаҳад! – гуфт пирамард. – Барои дастгир кардани он ресмонҳоям мирасад [П.Б.,67].
130.	“You’re feeling it now, fish,” he said. “And so, God knows , am I” [O.M.S.,70].	Аҳволат бад-мӣ, моҳӣ? – пурсид ӯ. – Худо шохид , ки аҳволи худам ҳам нағз не [М.Б.,46].	Ҳолат танг шуд, моҳӣ!? – гуфт ӯ. – Худо гувоҳ аст, ки ҳоли ман ҳам хуб нест [П.Б.,71].
131.	“ God help me to have the cramp go,” he said [O.M.S.,74].	Илоҳӣ дастам чон гирад, - гуфт ӯ [М.Б.,49].	Худоё , кунад ки ин рагкашӣ ба охи расад, - гуфт ӯ [П.Б.,75].
132.	But, thank God , they are not as intelligent as we who kill them [O.M.S.,80].	Лекин худоро шукр, ки моҳиҳо чун одамон, ки онҳоро мекушанд, чандон боақл нестанд [М.Б.,52].	Аммо, шукри Худо , ки моҳиҳо, бо вучуди он ки мухташаму қавӣ хастанд, мисли одамон, ки онҳоро мекушанд, боақл нестанд [П.Б.,81].
133.	Crist , I did not know he was so big [O.M.S.,84].	Худоё , охир ман намедонистам, ки вай чунин моҳии азиме будааст [М.Б.,54].	Худоё , ман намедонистам, ки вай ин қадар калон бошад [П.Б.,85].
134.	If you do not sleep you might become unclear in the head [O.M.S.,100].	Агар ту нахобӣ сарат гаранг хоҳад шуд [М.Б.,63].	Агар хоб накуни, сарат гаранг мешавад [П.Б.,101].
135.	But God knows he has had enough chances to learn [O.M.S., 110].	Вале Худо шохид аст, ки худаш ҳам ёд гирифта метавонист! [М.Б.,68].	Аммо Худо шохид , ки худаш ҳам метавонист ёд бигирад [П.Б., 111].
136.	“I could not fail myself and	Наход ки ман кӯтоҳӣ	Худо кунад, ман сустӣ

	die on a fish like this. Now that I have him coming so beautifully, God help me endure . I'll say a hundred Our Fathers and a hundred Hail Marys. But I cannot say them now" [O.M.S.,114].	мекунаму барои ким кадом як моҳӣ мемурам? – пурсид ӯ аз худ. – Боз ҳам дар вақте ки корма ин тавр нағз рафта истодааст. Худоё, мадад бикун, ки ман тоб оварда тавонам. Ман сад бор дуои “Парвардигор” ва сад бор дуои модархудоро мехонам. Фақат ҳозир не, ҳозир наметавонам [М.Б.,70].	кунаму аз дасти чунин як моҳе мурам, - гуфт ӯ. – Хусусан дар ҳоле, ки ин қадар хуб пешам меояд. Худоё тобу тавонам деҳ! Ман сад бор “Падари Мо” ва сад бор “Маряи Муқаддас”-ро мехонам. Аммо ҳоло ҳонда наметавонам [П.Б.,115].
137.	But this pain could drive him mad [O.M.S.,114].	Лекин моҳӣ аз дард девона шуда меравад [М.Б.,70].	Аммо моҳӣ метавонад аз дард девона шавад [П.Б.,115].
138.	And God knows that I have seen big ones [O.M.S., 136].	Ман, ба худо, ки дар ҳиёти худ наҳангҳои калонро кам надидаам [М.Б.,82].	Худо гувоҳ, ки ман тӯли умрам наҳангҳои калонро кам надидаам [П.Б.,137].
139.	It was too good to last , he thought [O.M.S.,136].	Корам бисёр омад мекард . Дигар ҳамин тавр давом карданиш мумкин набуд [М.Б.,82].	Корам аз ҳад зиёд омад мекард, - чунин идома ёфтаниш мумкин набуд [П.Б.,137].
140.	“ Damn my fish, ” the boy said and he started to cry again [O.M.S., 162].	Бало ба пасаш , моҳии маро, - гуфт писарбача ва аз нав гирья карда фиристод [М.Б., 96].	Хок бар сари моҳии ман , - гуфт ва боз гиряш омад [П.Б., 163].
141.	The hell with luck , the boy said [O.M.S., 164].	Марг ба ин бароргирихо , - гуфт писарбача [М.Б., 97].	Гӯр бар сари бахт , - гуфт писарак [П.Б., 165].

Примеры переводов английской безэквивалентной лексики на таджикский язык с привлечением материалов русских переводов английских художественных произведений

№	Предложение с БЭЛ в оригинале	Перевод на русский язык	Перевод на таджикский язык
1.	When a seaman put up at the "Admiral Benbow" (as now and then some did, making by the coast road for Bristol), he would look in at him through the curtained door before he entered the parlour; and he was always sure to be <i>as silent as a mouse</i> when any such was present [T.I., 8].	Если какой-нибудь моряк, пробираясь по прибрежной дороге в Бристоль, останавливался в "Адмерале Бенбоу", капитан сначала разглядывал его из-за дверной занавески и только после этого выходил в гостиную. В присутствии подобных людей он всегда <i>сидел тихо, как мышь</i> [О.С., 5].	Агар ягон дарёнавард аз роҳи назди соҳил ба Бристоль рафтани шуда, дар "Адмирал Бенбоу" меистод, капитан аввал аз акиби пардаи дар ба вай хуб нигоҳ мекарду фақат баъд аз он ба хонаи умумӣ мебаромад. Дар пеши ин тавр одамҳо <i>ӯ муш барин хомӯш</i> буд [Ҷ.Ҷ., 6].
2.	I been in places hot as pitch, and mates dropping round with <i>Yellow Jack</i> , and the blessed land a-heaving like the sea with earthquakes – what do the doctor know of lands like that?- and I lived on rum, I tell you [T.I., 18].	Я бывал в таких странах, где жарко, как в кипящей смоле, где люди так и падали от <i>Желтого Джека</i> , а землетрясения качали сушу, как морскую волну. Что знает ваш доктор об этих местах? И я жил только ромом, да! [О.С., 10]	Ман дар мамлакатҳои будам, ки ҳавои он ҷо мисли танӯри сӯзон аст. Одамон дар он ҷо аз <i>касалии вараҷа</i> таппа-таппа афтада мемуранд, заминчунбиҳо заминро мавчи баҳр барин мечунбонданд. Ман фақат ром нӯшида зинда мегаштам, хо [Ҷ.Ҷ., 20]!
3.	Is that seamanly behavior, now, I want to know? But I'm <i>a saving soul</i> . I never wasted good money of mine, nor lost it neither; and I'll trick 'em again [T.I., 19].	Разве так настоящие моряки поступают? Вот я, например: я <i>человек бережливый</i> , никогда не сорил деньгами и не желаю терять нажитого. Я опять их надую [О.С., 11].	Оё дарёнавардҳои ҳақиқӣ ин тавр рафтор мекунанд? Ана ман масалан: ман <i>одами сариштакор ҳастам</i> , ҳеҷ вақт пулро нобуд накардаам ва молу чизи чамъ кардаамро аз даст додан намехоҳам. Боз ман ин одамҳоро фиреб медиҳам [Ҷ.Ҷ., 22].

4.	I'm not afraid on 'em. I'll <i>shake out another reef</i> , matey, and daddle 'em again [T.I., 19]	<i>Я отчалою от этого рифа</i> и опять оставлю их всех в дураках [О.С., 11].	Ман боз хамаи ононро аҳмақ карда аз <i>ин бандар баромада меравам</i> [Ҷ.Ҷ., 22].
5.	He clambered up and down stairs, and went from the parlour to the bar and back again, and sometimes put his nose out of doors to smell the sea, holding on to the walls as he went for support and breathing <i>hard and fast</i> like a man on a steep mountain [T.I., 21]	Через силу всходил он на лестницу; шатаясь, ковылял из зала к нашей стойке. Иногда он высовывал нос за дверь – подышать морем, но хватался при этом за стену. Дышал он <i>тяжело и быстро</i> , как человек, взбирающийся на крутую гору [О.С., 12].	Ў базӯр ба болои зинапоя мебуромад ва калавида-калавида ба пеши рафчаи мо меомад. Гоҳ ӯ биниашро ба берун мебаровард, то ки бо ҳавои баҳр нафас кашад, аммо дар хамин вақт деворро даст гирифта меистод. Ў монанди одаме, ки ба болои кӯҳи баланд мебарояд, <i>вазнин ва зуд-зуд</i> нафас мекашид [Ҷ.Ҷ., 24].
6.	Mr. Dance stood there, as he said, " <i>like a fish out of water</i> ", and all he could do was to despatch a man to B- to warn the cutter [T.I., 32]	Мистер Данс, по его собственным словам, чувствовал себя, стоя на берегу, точно « <i>рыба, выброшенная из воды</i> ». Он сразу послал человека в Б..., чтобы выслали в море каттер [О.С., 19].	Мистер Денс, ба гуфти худаш, монанди " <i>моҳии аз об берун партофташуда</i> " дар соҳил меистод. Ў зуд як нафарро ба Б... фиристонд, ки аз он ҷо ба баҳр катер фиристонанд [Ҷ.Ҷ., 42].
7.	“Good evening, Dance”, says the doctor, with a nod. “And good evening to you, friend Jim. <i>What good wind brings you here?</i> ” [T.I., 34]	– Добрый вечер, Данс, – сказал доктор и кивнул головой. – Добрый вечер, друг Джим. <i>Какой попутный ветер занес вас сюда?</i> [О.С., 20].	- Шабатон ба хайр! Салом Денс, - гуфт духтур ва сар чунбонд. – Салом, азизам Чим. <i>Кадам шамол шуморо ба ин ҷо парронда овард</i> [Ҷ.Ҷ., 44]?
8.	So big pigeon pie was brought in and put on a side-table and I made a hearty supper, for I was <i>as hungry as a hawk</i> , while Mr. Dance was further complimented, and at last dismissed [T.I., 35].	Передо мной на одном из маленьких столиков поставили большую порцию голубино-го паштета. Я был <i>голоден как волк</i> , и поужинал с большим удовольствием. А тем временем Данс, выслушав немало но-вых похвал, удалился [О.С., 20].	Дар пеши ман дар болои столча як табақ яхнии аз гушти кабу́тар таёри кардашуда гузошанд. Ман <i>гурғ барин гурусна</i> будам ва хӯрокро бо иштиҳо хӯрд-дам. Дар хамин байн Денс боз як тӯда таърифҳо шунида ва баъд баромада рафт [Ҷ.Ҷ., 45].

9.	We'll have favorable winds, a quick passage, and not the least difficulty in finding the spot, and money to eat – <i>to roll in – to play duck and drake</i> with ever after [T.I., 38].	Попутный ветер быстро домчит нас до острова. Отыскать там сокровища не составит никакого труда. У нас будет столько монет, что нам хватит на еду, мы сможем <i>купаться в них, швырять их рикошетом в воду</i> [О.С., 23]...	Боди мувофиқ моро зуд ба ҷазира мерасонад. Дар он ҷо ҷазираро ёфтан ҳеч коре нест. Мо дорои он қадар пулу танга мешавем, ки метавонем он пулҳоро хӯрем, <i>дар даруни онҳо обозӣ кунем</i> , онҳоро <i>ҳавуч-ҳавуч ба об пошем</i> [Ҷ.Ҷ., 51].
10.	"Livesey", returned the squire, "you are always in the right of it. I'll be <i>as silent as the grave.</i> " [T.I., 39]	– Ливси, – ответил сквайр, – вы всегда правы. Я буду <i>нем как могила</i> [О.С., 23].	- Ливси, - гуфт арбоб дар ҷавоб, - ҳамеша гапи шумо ҳақ аст. Ман <i>мурда барин хомӯш</i> хоҳам буд [Ҷ.Ҷ., 51].
11.	We never had a night at the "Admiral Benbow" when I had half the work; and I was <i>dog tired</i> when, a little before dawn, the boatswain sounded his pipe, and the crew began to man the capstan-bars [T.I., 53].	Никогда раньше в «Адмирале Бенбоу» мне не приходилось работать так много. Я уже <i>устал, как собака</i> , когда перед самым рассветом боцман заиграл на дудке и команда принялась поднимать якорь [О.С., 32].	Дар “Адмирал Бенбоу” ҳеч вақт ба ман лозим нашуда буд, ки ин қадар бисёр кор кунам. Вақте ки пеш аз сафед шудани рӯз боцман карнай навохта ва команда лангарро боло мекашид, ман <i>сағ барин монда</i> шуда будам [Ҷ.Ҷ., 74].
12.	The squire <i>made no bones</i> about the matter; he despised the captain [T.I., 56]	Сквайр, <i>не стеснясь</i> , отзывался о капитане презрительно [О.С., 34].	Арбоб <i>ҳеч шарм накарда</i> , дар бораи капитан гапҳои таҳкиромез мезад [Ҷ.Ҷ., 78].
13.	«Here it is about <i>gentlemen of fortune</i> . They lives rough, and they risk swinging, but they eat and <i>drink like fighting-cocks</i> , and when a cruise is done, why, it's hundreds of pounds instead of hundreds of farthings in their pockets [T.I., 59]	– Так всегда с <i>джентльменами удачи</i> . Жизнь у них тяжелая, они рискуют попасть на виселицу, но едят и пьют, <i>как боевые петухи перед боем</i> . Они уходят в плавание с сотнями медных грошей, а возвращаются с сотнями фунтов [О.С., 37].	- Кори “ <i>ҷентелменҳои бахт</i> ” ҳамеша ҳамин. Зиндагонии онҳо вазнин аст, онҳо ҷони худро ба хатар андохта мегарданд, аммо <i>ба мисли хурӯсҳои ҷангӣ пеш аз ҷанг</i> , хӯрдаю нӯшида мебароянд. Онҳо ба якчанд пули сиёҳ ба сафар баромада, аммо садҳо фунт стерлинг даромад карда аз сафар бармегарданд [Ҷ.Ҷ., 83].
14.	I was <i>dead tired</i> , as you may fancy; and when I got	Я <i>смертельно устал</i> . Долго ворочался я, перед тем как	Ман <i>мурдавор лакот</i> шуда будам. Пеш аз он ки

	to sleep, which was not till after a great deal of tossing, <i>I slept like a log of firewood</i> [T.I., 101]	заснуть, но потом <i>спал как убитый</i> [О.С., 59].	хобам барад, муддате аз пахлу ба пахлу баргаштам ва баъд аз он <i>мурда барин сахт хобидам</i> [Ҷ.Ҷ., 142].
15.	"Clumsy fellows," said I; "they must still <i>be drunk as owls.</i> " [T.I., 124]	«Экие медведи! – сказал я себе. – <i>Напились</i> , должно быть, <i>до бесчувствия</i> » [О.С., 71].	"Ачаб хирсхоеанд! - гуфтам ман ба худ. - <i>То беҳуш шуданашон нӯшидаанд</i> магар" [Ҷ.Ҷ., 174].
16.	"Now, look you here, Jim Hawkins," he said, in a steady whisper that was no more than audible, "you are <i>within half a plank of death,</i> " and, what's a long sight worse, of torture [T.I., 150].	– Слушай, Джим Хокинс, – проговорил он еле слышным настойчивым шепотом, – ты <i>на волосок от смерти</i> и, что хуже всего, от пытки [О.С., 84].	- Гӯш кун, Ҷим Гокинс, дар байни ту ва хавфи марг ва аз ҳама бадтар азобу шиканча <i>фақат як мӯй фарқ аст</i> [Ҷ.Ҷ., 208].
17.	But, you mark, I stand by you <i>through thick and thin</i> [T.I., 150].	Ты видел, как я за тебя <i>заступался</i> [О.С., 84].	Ту диди, ки ман <i>тарафи туро гирифтам</i> [Ҷ.Ҷ., 208].
18.	We made a curious figure, had anyone been there to see us; all in soiled sailor clothes, and all but me <i>armed to the teeth</i> [T.I., 164].	Мы представляли довольно странное зрелище – все в измазанных матросских куртках, все, кроме меня, <i>вооруженные до самых зубов</i> [О.С., 91].	Гашти мо аз манзараи хело ачибе иборат буд, - ҳамаи мо камзӯлчаҳои нимтагии чиркини матросӣ пӯшида будем, ҳама ба ғайр аз ман, <i>сар то по мусаллаҳ</i> шуда буданд [Ҷ.Ҷ., 228].
19.	"Spy glass Shoulder," I take it means, that lower p'int there. It's <i>child play</i> to find the stuff now. I've half a mind to dine first [T.I., 169].	«Плечо Подзорной Трубы», я думаю, вот эта впадина. Теперь и <i>ребенок нашел бы сокровища</i> . По-моему, неплохо было бы раньше покушать [О.С., 94].	"Кифти Дурбини Якмила", ба фикри ман, ана ҳамин чуқурист. Акнун чои хазиначоро <i>қӯдак ҳам ёфта метавонад</i> . Ба фикри ман, беҳтар мебуд, ки мо аввал як хӯроки пешинӣ мехӯрдем [Ҷ.Ҷ., 235].
20.	I'm on your side now, <i>hand and glove</i> ; and I shouldn't wish for to see the party	Я теперь на вашей стороне и <i>душой и телом</i> и не хотел бы, чтобы ваш отряд	Ман ҳозир дар тарафи шумо ҳастам ва <i>бо қону дил</i> ҳаргиз намехоҳам, ки

	weakened, let alone yourself, seeing as I know what I owes you [T.I., 180].	лишился такого человека, как вы. Я очень многим вам обязаны [О.С., 101].	отряди мо аз шумо барин одам махрум шавад. Ман аз шумо бисёр некиҳо дидам [Ч.Ч., 251].
21.	I consulted neither father nor mother any more... and <i>in an ill hour</i> , God knows, on the 1st of September 1651, I went on board a ship bound for London [R.C., 9].	И вот, не спросившись ни у отца, ни у матери, – <i>в недобрый час!</i> – 1 сентября 1651 года я на девятнадцатом году жизни сел на корабль, отправлявшийся в Лондон [Р.К., 4].	Ба ин тарик, ман бе рухсати падару модар <i>дар як соати наҳси</i> 1 сентябри соли 1651, ки нуздаҳсола будам, ба киштии ба Лондон рафтаистода савор шудам [Р.К., 7].
22.	...they were not subjected to so many distempers and uneasinesses, either of body or mind, as those were who, by vicious living, luxury, and extravagances <i>on the one hand</i> , or by hard labour, want of necessaries, and mean or insufficient diet <i>on the other hand</i> , bring distemper upon themselves by the natural consequences of their way of living [R.C., 4-5].	...от недугов, телесных и душевных, они застрахованы больше, чем те, у кого болезни вызываются пороками, роскошью и всякого рода излишествами, <i>с одной стороны</i> , тяжелым трудом, нуждой, плохим и недостаточным питанием — <i>с другой</i> , являясь, таким образом, естественным последствием образа жизни [Р.К., 2].	-
23.	We plied them with small shot, half pikes, powder-chests, and such like, and <i>cleared our deck</i> of them twice [R.C., 27].	Мы встретили их ружейной стрельбой и дважды <i>очищали от них палубу</i> но всё же при нуждены были сдать, так как наш корабль уже не годился для дальнейшего плавания	Мо аз милтиқҳои худ ба онҳо оташ кушода, ду бор <i>сахни киштиро аз онҳо пок кардем</i> , лекин бо вучуди ин маҷбуран таслим шудем, зеро киштии мо дигар қобили шино набуд [Р.К., 15].
24.	He rose immediately, for he <i>swam like a cork</i> , and called to me, begged to be taken in, told me he would go all over the world with me	Он сейчас же вынырнул, потому что <i>плавал, как пробка</i> , и стал кричать мне, чтобы я взял его в шлюп ку, обещая, что поедет со мною	Вай дарҳол ғутида баромад, зеро <i>ӯ чӯбнамба барин бар рӯи об истода метавонист</i> ва ба ман фарёдкунуон гуфт, ки <i>ӯро ба қайқ гирам, ваъда мекард, ба кучое, ки ман</i>

	[R.C., 33-34].	хоть на край света [Р.К., 10].	рафтани бошам, бе мухолифат бо ман рафтан мегирад [Р.К., 17].
25.	This was game indeed to us, but this was no food; and I was very sorry to lose three charges of powder and shot upon a creature <i>that was good for nothing to us</i> [R.C., 42]	Было, конечно, приятно подстрелить на охоте льва, но мясо его не годилось в пищу, и я очень жалел, что мы истратили три заряда <i>на такую никчёмную дичь</i> [Р.К., 13].	Албатта, шикори шер кори фораме буд, лекин чун гӯшти шер хӯрда намешавад, ман аз <i>бехуда</i> сарф шудани се воя тире борутам афсӯс хӯрдам [Р.К., 21].
26.	It presently occurred to me that it was in vain to pretend to make a raft with the wind offshore; and that it was my business to be gone before the tide of flood began, otherwise I might not be able to reach the shore at all [R.C., 90]	-	-
27.	I must consider of building a little hut in an open place which I might surround with a wall, as I had done here, and so make myself secure from wild beasts or men; for I concluded, if I stayed where I was, I should certainly <i>one time or other</i> be buried alive [R.C., 129].	<i>...рано или поздно</i> гора непременно обвалится, и я буду заживо погребён; надо, значит, перенести палатку куда -нибудь на открытое место. А чтобы обезопасить себя от нападения дикарей и зверей, придётся снова строить высокую стену [Р.К., 39].	<i>...зеро дар чунин як ҳодисае</i> дар таги хоки теппа зиндабагӯр шуданам мумкин аст; бинобар ин бояд чодирамро ба чои васеътаре кӯчонда шинонам. Аммо барои бежавфу хавотир гардондани худ аз ҳучуми одамони ваҳшӣ ва даррандагон бояд ба гирди чодирам боз ҳисору хок-рези мустаҳкаме барпо намоям [Р.К., 63].
28.	I walked about, but was very weak, and withal very sad and heavy-hearted under a sense of my miserable condition, dreading, the return of my distemper the next day [R.C., 145].	-	-

29.	<p>...having fed it, I tied it as I did before, to lead it away; but it was so tame with being hungry, that I had no need to have tied it, for <i>it followed me like a dog</i> [R.C., 178]:</p>	<p>Когда козлёнок поел, я привязал к его ошейнику верёвку и хотел вести его, как раньше, но от голода он сделался таким ручным, что верёвка стала не нужна: <i>он побежал за мной сам, как собачонка</i> [Р.К., 46].</p>	<p>Баъди баргхоро хӯрдани ӯ канабро ба гарданбандаш баста ӯро ба хонаам бурданӣ шудам, вале ӯ азбаски гуруснагӣ кашида буд, бағоят фармонбардор шуда, бе канаб ҳам <i>сағбача барин аз қафоям метохт</i> [Р.К., 77].</p>
30.	<p>...when I had done praying I took up my Bible, and opening it to read, the first words that presented to me were, ‘Wait on the Lord, and be <i>of good cheer</i>, and He shall strengthen thy heart [R.C., 250-251]</p>	-	-
31.	<p>I began now to repose myself, <i>live after my old fashion</i>, and <i>take care</i> of my family affairs; and for a while I lived easy enough, only that I was more vigilant than I used to be, looked out oftener, and did not go abroad so much [R.C., 309];</p>	<p>Прежние мои страхи с этого времени как будто рассеялись, и <i>я зажил по-старому</i>, без всяких тревог, возделывая поля и <i>ухаживая</i> за своими животными, к которым я привязался ещё сильнее, чем прежде [Р.К., 84].</p>	<p>Хавфу ҳароси пештараам гӯё тамоман аз дилам дургашту бе ташвишу изтироб зистан гирифтам, ба кишту кор ва чорводориам машғул шудам, ки ҳоло дилбастагиам ба ҳайвонот хеле бештар шуда монд [Р.К., 129].</p>
32.	<p>He told me they were all of them very civil, honest men, and they were under the greatest distress imaginable, having neither weapons nor clothes, nor any food, but at the mercy and discretion of the savages; out of all hopes of ever returning to their own country; and that he was sure, if I would undertake their relief, <i>they would live and die by me</i> [R.C., 392].</p>	<p>– Товарищи мои испытывают такие тяжёлые бедствия и так хорошо сознают всю безвыходность своего положения, что я не допускаю и мысли, чтобы они могли дурно поступить с человеком, который поможет им спастись из неволи. и до возвращения домой будут <i>беспрекословно повиноваться</i> вам как своему командиру [Р.К., 113].</p>	<p>- Рафиқони ман чунон азобу фалокатеро аз саргузаронидаанд ва бечора-гию дармондагии худро чунон равшан дида истодаанд, ки гумон намекунам, ба валинеъ-мати накӯкори худ, яъне ба касе, ки барои начоти онҳо аз банди асорат ёрӣ медиҳад, қасди бад кунанд ва то баргаштан ба ватан дар ҳар ҷо ба шумо, ҳамчун ба фармондеҳи худ <i>итоат</i> мекунанд [Р.К., 172].</p>

33.	But besides these, and what was a thousand times more useful to me, he brought me six new clean shirts, six very good neckcloths, two pair of gloves, one pair of shoes, a hat, and one pair of stockings, with a very good suit of clothes of his own, which had been worn but very little: in a word, he clothed me <i>from head to foot</i> [R.C., 437].	Но, конечно, в тысячу раз нужнее была для меня одежда. И потому я чрезвычайно обрадовался, когда оказалось, что мой друг капитан привёз мне полдюжины новых, совершенно чистых рубах, шесть очень хороших шейных платков, две пары перчаток, шляпу, башмаки, чулки и отличный, совсем новый костюм со своего плеча, – словом, он одел меня <i>с головы до ног</i> [Р.К., 132].	Лекин аз ҳама инҳо дида, ба ман ҳазорон бор либос заруртар буд, ки инро ҳам дӯстам капитан таъмин кард: вай ба ман шаш дона куртаи нави тоза, шаш дона гарданпечи бисёр нағз, ду чуфт дастпӯшак, як кӯлоҳ, як чуфт кафш, чуроб ва як сарупо костюми тамоман нави худро оварда буд, - хулоса вай маро <i>сар то но</i> либоси нав пӯшонид [Р.К., 201].
34.	This gave us leisure to charge our pieces again; and that we might lose no time, we kept going [R.C., 477];	-	-
35.	I was but a bungling shipwright, yet as I knew the usefulness and even necessity of such a thing, I applied myself with so much pains to do it, that at last I <i>brought it to pass</i> though, considering the many dull contrivances I had for it that failed, I think it cost me almost as much labour as making the boat. [R.C., 365];	В деле постройки морских судов я был невежда и неуч, но я хорошо понимал всю пользу такого приспособления, как руль, и потому не пожалел труда на эту работу. <i>Но она далась мне нелегко:</i> на один этот руль у меня ушло почти столько же времени, сколько на постройку и оснастку всей лодки [Р.К., 104].	Дар сохтани киштиҳои баҳрӣ ман илму маҳорате надоштам, лекин аҳамияти рулро нағз медонистам; бинобар ин ман дар болои ин кор меҳнатро дареғ надоштам. <i>Лекин ин ба осонӣ муяссарам нашуд:</i> ба сохтану шинондани танҳо як рул ҳамон қадар вақтам рафт, ки ба сохтан ва таҷҳиз кардани тамоми қаиқ вақт сарф карда будам [Р.К., 157].
36.	After this, however, it cost us near a fortnight's time to get her along, as it were <i>inch by inch</i> , upon great rollers into the water; but when she was in, she would	После того потребовалось ещё около двух недель, чтобы сдвинуть наше судно в воду. Мы приспособили для этой цели деревянные катки, но лодка была так тяжела, а	Баъди тайёр шудани заврақи мо боз ду ҳафта ба кашола кардани он рафт, то мо онро ба соҳил оварда, ба об даровардем. Мо барои рондани вай ба

	have carried twenty men with great ease [R.C., 363-364].	рабочих рук было так мало, что и на катках она подвигалась вперёд страшно медленно, <i>дюйм за дюймом</i> [Р.К., 103].	соҳил, ғӯлаҳои кӯтоҳи гирде бурида ба тагаш хобондем, лекин заврақамон чунон вазнин ва ронандағони он чунон кам буданд, ки вай базӯр <i>як ваҷаб – як ваҷаб</i> пеш мерафт [Р.К., 155].
37.	But that did not altogether press me so much as the possibility that there might be yet some living creature on board, whose life I might not only save, but might, by saving that life, comfort my own <i>to the last degree</i> [R.C., 301];	Но не только это прельщало меня: больше всего меня волновала надежда, что, может быть, на корабле осталось какое-нибудь живое существо, которое я могу спасти от смерти. «И если я спасу его, – говорил я себе, – моя жизнь станет гораздо светлее и радостнее» [Р.К., 81].	Лекин на танҳо ин ҳаваси маро овард: бештар дар шавқи ин будам, ки шояд дар он ҷо вучуди зиндаеро ёфта начот диҳам. “Агар ман инсони зиндаеро ёбам, - гуфтам ман дар дили худ, - зиндағониам шодмонтар ва фараҳмантар мешавад” [Р.К., 125].